

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В. В. СОРОКИНА

Литературная критика
РУССКОГО БЕРЛИНА
20-х годов XX века

Издательство Московского университета
Москва, 2010

УДК 82.09
ББК 83
С 65

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук проф. А. П. АВРАМЕНКО
доктор филологических наук проф. Е. Б. СКОРОСПЕЛОВА
доктор культурологии проф. М. М. ЛОЕВСКАЯ

Сорокина В. В.

С 65 Литературная критика русского Берлина 20-х годов XX века. — М.:
Изд-во Моск. ун-та, 2010. — 328 с.

ISBN 978-5-211-05681-7

Книга посвящена одному из малоизученных периодов литературного процесса русского зарубежья XX в. — началу формирования критики эмиграции. На фоне богатой событиями культурной жизни русского Берлина 20-х гг. показана писательская и литературно-критическая деятельность практически всех крупных представителей русской литературы — А. Белого, М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина, А. Ремизова, М. Цветаевой, А. Толстого, Б. Пастернака и др. Основное внимание автора сосредоточено на публикациях в берлинских периодических изданиях — «Руле», «Днях», «Новостях литературы», «Русской книге», «Эпопее», «Беседе», «Накануне». В них помещали свои обзоры, рецензии, статьи исследователи русской и западноевропейской литературы, оказавшиеся в это время за пределами России, — Ю. Айхенвальд, М. Слоним, Г. Струве, В. Ходасевич, А. Бем, Ю. Офросимов, В. Набоков.

Книга рассчитана на специалистов по истории русского зарубежья, истории критики, студентов-филологов.

УДК 82.09
ББК 83

ISBN 978-5-211-05681-7

© В. В. Сорокина, 2010
© Филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. Берлин — первая литературная столица эмиграции	11
Глава II. Русская классическая литература в критике русского Берлина	53
Глава III. Проблемы и темы современного русского литературного процесса в освещении берлинской критики	109
Глава IV. Западноевропейская литература глазами берлинских критиков	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230
БИБЛИОГРАФИЯ	
I. Критика русского Берлина: Источники	233
II. Литературная критика	267
III. Русское литературное зарубежье	274
IV. Работы о русском Берлине 20-х гг. XX века	277
ПЕРСОНАЛИИ	286

Введение

Литературная критика русского Берлина 20-х гг. XX века — понятие достаточно условное, так как существование любого художественного процесса невозможно представить в рамках одного, пусть даже и огромного, города. Затруднительно, строго говоря, и выделять особенности того или иного явления в литературной критике в рамках очень ограниченного пространства и времени.

Однако, учитывая специфику развития литературной критики в зарубежье, неотъемлемой частью которой является и критика русского Берлина, можно предположить, что известная рассеянность русской диаспоры в Европе способствовала созданию многих духовно-культурных центров в Берлине, Праге, Париже, Белграде, Софии, Варшаве, Риге и других городах, литературно-художественный процесс, в каждом из которых, как стало очевидно, обладал неоспоримым своеобразием¹.

В связи с этим есть все основания полагать, что определение характера этого явления невозможно без учета, как минимум, трех равнозначных факторов, принявших участие в его создании. Это — его типология, время и место. С одной стороны, литературная критика русского Берлина представляет собой начальный этап формирования литературной критики русского зарубежья, типологически восходящей вообще к традициям русской литературной критики, которая в целом продолжала развиваться по инерции, набранной еще в предшествующие десятилетия, вырабатывая свои законы и приспособляясь к новой социокультурной ситуации. С другой стороны, эпоха 20-х годов как в Европе, так и в России имела общие черты, влиявшие в целом на характер литературной критики и в России, и в зарубежье,

¹ Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья: 1919–1939. Мюнхен, 2002.

и на Западе. Третьм фактором является уникальность культурной, экономической и политической ситуации в Берлине, благодаря чему в этом городе все так удачно сошлось.

Таким образом, сложившаяся в 20-е гг. прошлого века литературная критика русского Берлина соединяет в себе особенности историко-культурного и геополитического плана.

Литературно-критическое наследие русского зарубежья, по словам Г. П. Струве, «едва ли не самый ценный вклад зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы»¹. Причины для такого рода высказываний можно найти как в объективных, так и в субъективных факторах развития.

Во-первых, после революции и гражданской войны за пределами России оказалось несколько десятков критиков: В. Ходасевич, Г. Адамович, В. Вейдле, П. Бицилли, К. Мочульский, Д. Святополк-Мирский, М. Слоним, А. Бем, Ю. Айхенвальд, П. Пильский и др. Несколько критиков начали свою деятельность уже в эмиграции: Ю. Терапиано, Ю. Мандельштам, Л. Гомолицкий и др.

Во-вторых, неоценимый вклад в развитие литературно-критической мысли зарубежья внесли работы писателей: З. Гиппиус, Д. Мережковского, И. Бунина, Г. Иванова, В. Набокова, Г. Газданова, М. Алданова, М. Осоргина, М. Цветаевой, Б. Зайцева, а также философов: Ф. Степуна, С. Франка, Б. Вышеславцева, Н. Бердяева, И. Ильина, Л. Шестова.

Эти факторы коренным образом повлияли на характер зарубежной критики, которая, в отличие от преобладавшего в основном в метрополии социологического типа, за известными исключениями была эссеистической, философской и импрессионистической, соединявшей в себе элементы литературоведения с публицистикой и мемуаристикой.

Социологический взгляд на литературу ярко выражен был в начальный период ее существования, постепенно утрачивая свою роль и не претендуя на всеохватность. Исходя из того же, человеческого, фактора, повлиявшего на характер зарубежной критики, можно отметить, что получившая довольно основательное развитие в Советской России, формалистская критика не сыграла определяющую роль в развитии зарубежной. Несмотря на то что некоторые эмигрантские критики восприняли отдельные приемы В. Шкловского, Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, в целом как направление формализм в эмиграции успехом не пользовался. Р. Якобсон, проведя большую часть жизни за пределами России и оставаясь последовательным формалистом, в эмигрантской литературной жизни не участвовал и вообще эми-

¹ Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 371.

грантом себя не считал. А. Бем, П. Бицилли, используя порой формалистические находки, в целом эти устремления не одобряли. Структурализм в литературной критике зарубежья развился только после Второй мировой войны.

Равным образом почти не пользовались успехом и входившие тогда в моду попытки сочетать литературную критику с психоанализом (среди редких исключений модно указать на некоторый интерес к этому А. Бема).

Третья причина исключительности литературно-критического наследия русской эмиграции кроется в социокультурной ее уникальности. Благодаря ей критика русского зарубежья обрела свои черты, отличные от параллельно развивавшегося литературно-критического процесса в Советской России. Каждый из критиков полагал себя вершащим судьбу русской культуры вдали от дома, от естественно звучащей родной речи. Поэтому и задачи, стоящие перед литературной критикой вытекали из общих задач эмиграции: сохранение русского культурного наследия, объяснение причин духовного кризиса нации и поиск путей выхода из него. Именно с этой социокультурной причиной связаны тематические и идеологические особенности эмигрантской критики.

В целом для нее были характерны эсхатологические настроения. Этим же объясняется и большое количество попыток разобраться, что случилось с миром, человеком и обществом в последние десятилетия и почему это произошло. Эмигрантское общество также, как и до-революционное, продолжало оставаться литературоцентрическим, причем литература в нем воспринималась как цель, а не как средство в революционном преобразовании общества в Советской России.

В условиях эмиграции выступление со страниц газет и журналов было уникальной возможностью для критика заявить себя на родном языке, внести свой вклад в развитие трагической русской темы, а порой и единственно возможным способом материального существования.

Печатная литературно-критическая продукция отличалась определенным многообразием. Наиболее популярными были жанры литературного портрета, эссе, юбилейной статьи, полемических заметок. Порой на страницах периодики разгорались дискуссии по поводу самого факта существования эмигрантской и советской литератур, или споры о проблемах их взаимодействия, о природе поэтического творчества, об отношении к классическому наследию и категориям преемственности в русской культуре, о молодом и старшем поколениях писателей-эмигрантов.

И еще один, четвертый, фактор, повлиявший на исключительные особенности тематического и идеологического выбора — критика русской эмиграции отличалась беспрепятственной свободой выбора анализируемых текстов, непринужденностью вкусов, независимостью аргументации при рассмотрении литературных произведений. Ведь до этого существование русской критической мысли всегда было связано с теми или иными цензурными ограничениями. Впервые в русской истории представители интеллигенции не были ограничены никакими «запретительными» рамками.

Исходя из вышеуказанных особенностей и приоритетов русской зарубежной литературной критики, можно выделить несколько ключевых проблем, вызывавших ее постоянный интерес: изучение русского классического наследия (прежде всего творчества А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова) и его места в духовном становлении личности; параллельно ставилась еще одна задача: ознакомление Запада с русской культурой, признание за ней общеевропейского и мирового уровня и связи с западноевропейской литературной традицией; наблюдение за процессами в современной литературе вне ее политической ориентации, выявление истинных художественных ценностей из общего потока тенденциозной продукции.

В своем развитии критика русского зарубежья получила довольно сильный импульс от предыдущей эпохи русской критики и унаследовала многие ее черты. Уже в эпоху конца XIX — начала XX в. сформировалась «массовая» журнальная и газетная критика, появились новые жанры: беллетризованный репортаж, статьи-лекции. За этим последовало появление литературно-критических концепций, обращенных к широкому культурологическому контексту, и как следствие — противопоставление критике социологической изучения «философии» автора, пафоса его творчества.

Участие в литературной жизни русских религиозных философов началось еще до эмиграции. Благодаря этому их философские рассуждения начали наполняться аллюзиями и реминисценциями из русской классической и современной литературы, что значительно повлияло на углубление философского взгляда на литературу в критике эмиграции.

Возрастание потребности выражения литературных оценок на рубеже веков привело к появлению литературных клубов и литературных кафе, которые способствовали зарождению вольной критической мысли. Можно говорить и о том, что литературная критика зарубежья является также наследницей русской критики XIX в. с ее обращением

к конкретному читателю и желанием оказывать на него воздействие, формировать общественно-политическую позицию, с необходимостью учитывать и специфику европейской литературной жизни, которая повлияла на повышение интереса критики к психологии и биографии писателей. Очевидно, что в Берлине уже проявились эти черты критики, получившие развитие в Париже.

В 20-е гг. критика развивалась параллельно в Берлине и в России, более того — она имела общий предмет изучения, что дает возможность увидеть в ее истории сходные черты. Как и в России, критика 20-х гг. была довольно резко прервана и стала ощущаться как прошлое в 30-е гг., так и берлинская критика очень скоро была заслонена парижской. Интерес к русской критике 20-х гг. возобновился только с эпохой оттепели и под влиянием западной и эмигрантской мысли. Существует немало серьезных исследований о литературной критике русского зарубежья как в России, так и за рубежом, но «берлинский» ее период не получил еще должного внимания.

В культурной инфраструктуре 20-х гг. литературной критике принадлежала огромная роль: она не только структурировала и «обслуживала» исключительный по своей динамичности литературный процесс, но и имела дело с различными эстетическими концепциями и программами, требовавшими внятного объяснения и обоснования. Она была непосредственно вовлечена в политическую борьбу, а порой и ее стимулировала, чего не было раньше и что передалось только зарубежной критике 30-х гг. Проблематика критики этой эпохи менее всего являлась академической. Споры о судьбе Серебряного века, об авангарде, о формализме, о пролетарской культуре, о «традиции» проходили довольно эмоционально и в Берлине, и в России: с одной стороны, критиков беспокоил вопрос о том, одна или две русские литературы; с другой — разбирались между пролетарскими писателями и «попутчиками».

Особенности социокультурной жизни Берлина 20-х годов наложили свой отпечаток на выбор проблем и тем, а также на способ их подачи и освещения литературной критикой. Одной из специфических особенностей рассматриваемой литературной общности, отличающей ее от общностей подобного рода, является уникальный характер. Вряд ли можно привести другие примеры, сравнимые по динамике развития, масштабу и широте спектра жанрово-стилистических возможностей. Развитию в немалой степени способствовал и такой примечательный фактор, как частичное отсутствие в начальный период существования «русского» Берлина политической и идеологической

окраски отношений между русскими писателями за границей и теми, кто оставался на родине. Известно, что между метрополией и «русским» Берлином сохранялась высокая интенсивность связей — фактор, способствовавший интеграционным процессам¹.

Далеко не всех русских в Берлине того времени можно назвать политическими эмигрантами. В первой половине 20-х гг. берлинская диаспора — в отличие от других центров русского рассеяния в Париже, Праге, Харбине — могла поддерживать двусторонние контакты с родиной. В начале десятилетия это общение было свободным или почти свободным.

В данной работе анализируются произведения литературно-критического жанра, опубликованные в Берлине 20-х гг. Это не означает, что речь идет о тех авторах, которые в это время проживали в столице Германии. Отношения между писателями и критиками внутри русского зарубежья и с Россией были настолько тесными, что один и тот же автор имел возможность пользоваться услугами издательств и периодических изданий в Берлине, Варшаве, Белграде, Праге, Москве, Петрограде, Париже, даже в Америке.

Например, Ю. Айхенвальд, проживавший в эмиграции с 1922 г. по 1928 г., не покидал пределов Германии и был одним из крупнейших критиков берлинских газет и журналов, публиковал свои полемические и критические материалы также в белградском «Новом времени», нью-йоркском «Новом русском слове», рижском «Сегодня» и других изданиях в Праге, Варшаве, Париже.

Но есть примеры и обратного. После трагической гибели Ю. Айхенвальда А. Бем — центральная фигура литературно-критической жизни Праги — принял на себя руководство постоянной рубрикой в ежедневной берлинской газете «Руль». Именно в этом издании он начал в 1931 г. публикацию серии очерков «Письма о литературе», продолженную в 1932–1939 гг. в Варшаве.

Типична также ситуация, в которой оказался И. Эренбург, не считавшийся эмигрантом и имевший российский паспорт. В начале 20-х гг. он проживал то в Москве, то в Берлине, то в Брюсселе, то в Париже, где и печатался как в литературно-художественных, так и в литературно-критических журналах, сотрудничал в критических отделах эмигрантских и российских газет.

Не только авторы меняли географию своих публикаций. В русском зарубежном мире кочевали даже целые издания. Показательна судьба

¹ См.: *Dodenhoeft B.* «Lasst mich nach Russland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a. M., 1993.

«Русской мысли», литературно-политического и научного журнала, который за время своего существования в 1921–1927 гг. сменил несколько мест: Софию, Прагу, Берлин, Париж, при этом в берлинский период было опубликовано лишь четыре номера за 1922 г.

В Берлине литературно-критические материалы выходили в свет в издательствах «Слово» (Ю. Айхенвальд «Силуэты русских писателей. 1923, 1926»), «Петрополис» (Е. Аничков «История французской литературы», 1922; «Новая русская поэзия», 1923), «Обелиск» (И. Лапшин «Эстетика Достоевского», 1923), «Мысль» (И. Василевский «Литературные силуэты», 1922), издательство З. И. Гржебина (А. Белый «На перевале», 1922), «Скифы» (А. Белый «Сирин ученого варварства, 1922»), «Научная мысль» (Н. Котляревский «Пушкин», 1925). Этот список практически исчерпывающий, так как появление монографических работ в этот период существования русской критики было большой редкостью. Позднее, в Париже, были изданы книги тех авторов, которые начинали свою литературно-критическую деятельность в берлинских альманахах, журналах и газетах.

Фактор места для литературной критики русского Берлина оказался исключительным. Если предмет критики и время ее существования позволяют связывать это явление с русской литературно-критической традицией в целом и с литературной критикой русского зарубежья в частности, так же как и с литературной критикой в Советской России, то влияние места, наоборот, позволяет увидеть неповторимое, уникальное, ни на что в своей совокупности не похожее. Поэтому анализ этой критики логично начать с определения места.

ГЛАВА I

Берлин — первая литературная столица эмиграции

Двадцатые годы XX в. в истории отношений России и Германии, насчитывающей не один век, можно с полным правом назвать наиболее яркими. В то десятилетие по различным причинам Берлину — городу, с которым Россия еще недавно вела долгую и кровопролитную войну, суждено было сыграть важнейшую роль в укреплении русского национального самосознания, сохранении культурных ценностей и возрождении после революции и гражданской войны традиций начала XX в.

В книге Г. Струве «Литература в изгнании» отмечается, что «если Париж с самого начала стал политическим центром русского зарубежья, его неофициальной столицей, то его второй и как бы литературной столицей с конца 1920 по начало 1924 г. был Берлин»¹. Особенность жизни русского литературного Берлина в этот период критик считал не повторявшееся уже после общение между писателями эмигрантскими и советскими.

Тысячи и тысячи русских — представители «первой волны» эмиграции — военные, предприниматели, литераторы, художники и просто люди без определенных занятий, оказавшиеся за границей, — формировали в Берлине некую особую общность, своего рода «остров» русской цивилизации в центре Европы. Среди уехавших немалую часть составляли бережно хранившие любовь к России и своему многострадальному народу представители подлинной русской культуры и лучших традиций литературы Серебряного века, которые продолжали развиваться и в изгнании. Недаром Берлин называли «литературной столицей русской эмиграции». Здесь жили, работали, публиковали свои произведения такие известные авторы, как А. Толстой, М. Горький, Б. Пастернак, А. Белый, В. Ходасевич, В. Набоков, В. Шкловский,

¹ Струве Г. Литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 32.

А. Ремизов, Г. Иванов и многие другие. в числе литераторов, посещавших Берлин, были В. Маяковский, С. Есенин, М. Цветаева.

В истории русской эмиграции именно Берлин, а не другой город, где существовала русская послереволюционная диаспора, объединяющую роль сыграл не случайно: зерна русской культуры упали на хорошо подготовленную почву давних и традиционно прочных российско-германских связей. В Берлине и его пригородах находилась примерно треть русского населения Германии, в этом городе сложился мощный культурный центр, вокруг которого объединились русские, жившие в Лейпциге, Дрездене, Гамбурге и рассеянные по всей Германии. Эмигранты обосновались в Берлине довольно прочно, там издавались русские газеты, журналы, открылись русские магазины, банки, учебные заведения, возникли общественные организации, профессиональные союзы. Связь с родиной не прерывалась: так, существовали даже объединения русских врачей, которые открыли курсы для тех, кто собирался поехать в Советскую Россию, чтобы помогать бороться там с голодом и эпидемиями. Сразу же после получения тревожных сообщений многие русские общественные и благотворительные организации развернули активную работу в поддержку голодающему населению России. Образовался общественный комитет, который на своем первом собрании постановил наладить контакт с комитетом помощи в Москве. Позднее это решение поддержал и Красный Крест.

В воспоминаниях сына Л. Андреева Вадима о жизни в Берлине есть такие слова: «Два города — немецкий и русский, — как вода и масло, налитые в один сосуд, не смешивались друг с другом»¹. Того же мнения придерживается и Л. Лунц в книге «Путешествие на больничной койке»: «Русские ни слова не знают по-немецки, кроме «битте», читают русские газеты, к тому же ненависть ко всему немецкому»². Также можно привести звучащие в подобном ключе строки из воспоминаний А. Белого, Б. Пастернака, В. Шкловского и многих других русских, которые волей судьбы оказались в Берлине.

Примечательно, что и немцы часто писали о том периоде примерно в том же духе, проводя резкую границу между собой и прибывающими русскими, что нашло отражение в воспоминаниях современников «с противоположной стороны»: «Два мира без мостов, два строго ограниченных государства. Русские остаются русскими, даже на Неппском проспекте в Берлине, мы, немцы, живем по нашим правилам...

¹ Андреев В. Возвращение в жизнь // Звезда. 1969. № 5. С. 121.

² Russen in Berlin. 1918–1933. Eine Kulturelle Begegnung / Hrsg. von F. Mierau. Berlin, 1988. S. 159.

Мимо скольких Базаровых, Карамазовых, Обломовых и Онегиных мы прошли? Сколько Анн Карениных мы проглядели? Мосты от немцев в русский мир должны быть проложены»¹.

Вместе с тем, по прошествии времени, когда острота личных переживаний уже не может заслонить уникальность культурной ситуации, сложившейся в ту пору в германской столице, появляются и другие суждения: «Культурная жизнь Берлина обогащалась фильмами Эйзенштейна, литературой Маяковского, Эренбурга или Андерсена Нексе, репортажами Киша и Вайскопфа, картинами Шагала и Малевича. Все они находили понимание публики и критики. В художественных галереях, студиях, в редакциях и издательствах, театрах кино или кафе они встречались друг с другом, спорили, изобретали, экспериментировали, и независимо от национальной принадлежности ставили в своих произведениях кардинальные вопросы эпохи. Они формировали новое общество, оставившее заметный след в истории человечества. Таким образом, непосредственные контакты разных культур оказали существенное воздействие на создание новых художественных приемов целой эпохи»².

Думается, особая культурно-историческая общность, сложившаяся в Берлине, оказала влияние не только на развитие художественного мастерства того или иного писателя, художника, будь то русский или представитель западноевропейской культуры, в этот период шел активный процесс взаимного обогащения общекультурного менталитета разных народов и обмена творческими приемами, создавался новый оригинальный тип общеевропейского художественного мышления. Так, во многом благодаря русскому Берлину Западная Европа познакомилась с такими влиятельными течениями в мировом искусстве XX столетия, как русский авангард, модернизм, а также русский формализм в литературоведении, под влиянием которого сложились многие западные теории и школы изучения литературы. Среди последних следует упомянуть структурализм, «новую критику» и современную герменевтику.

В немалой степени этому процессу способствовал и такой примечательный фактор, как частичное отсутствие в начальный период существования феномена русского Берлина политической и идеологической окраски сложившейся ситуации (в наибольшей степени данное явление относится к области литературы и искусства).

¹ Russen in Berlin. 1918–1933. Eine Kulturelle Begegnung / Hrsg. von F. Mierau. Berlin, 1988. S. 176.

² Berliner Begegnungen. Ausländische Künstler in Berlin 1918–1939. 1987. S. 16.

Далеко не все жившие в 1921–1923 гг. в Берлине русские являлись политическими эмигрантами. Для одних Берлин являлся своего рода первым перевалочным пунктом после пересечения границы Советской России, остановкой в пути, пристанищем, где можно было в спокойной обстановке какое-то время подумать о дальнейшей судьбе, определить жизненные планы; для других — местом работы, командировок, издательской и книготорговой деятельности. В 1921–1923 гг. русская диаспора в Берлине — в отличие от других центров эмиграции — могла поддерживать постоянную двустороннюю связь с родиной, и это общение в большинстве случаев можно назвать свободным или почти свободным. Что касается литературы, то в те годы никто не отрицал, да и не мог отрицать существования единой русской литературы — за рубежом и на родине.

Несмотря на определенные трудности с получением виз и заграничных паспортов в Советской России, едва ли можно назвать крупного писателя, художника, артиста или деятеля искусства, не побывавшего в 20-е годы в Берлине или не выезжавшего в этот город в связи с творческой работой. Многие посещали Германию по самым разным, подчас откровенно надуманным поводам. Г. Иванов, например, предполагая не возвращаться, «сжечь мосты», отправился в Берлин, «где, — по его словам, — никто не мог меня вдруг арестовать, сослать, расстрелять»¹, оформив командировку по линии политпросвета для... «составления репертуара государственных театров». Л. Рейснер и И. Эренбург представляли интересы советских организаций, приехав для работы в качестве корреспондентов советских изданий или журналистов. Уже с 1918 г. стали практиковаться поездки в Германию большевистской верхушки для поправки здоровья и отдыха. Посетил Берлин даже председатель Совета народных комиссаров Рыков для лечения у немецких врачей от неумеренного пристрастия к алкоголю. Еще раньше проездом в Швейцарию инкогнито там побывал Дзержинский, который рассказал советскому послу Йоффе подробности расстрела царской семьи, а в марте 1922 г. в Германии вместе с женой отдыхал Бухарин. Примечательна характеристика, которую дала Нина Берберова русской берлинской жизни того периода:

«Прошлое и настоящее переплетаются, расплавляются друг в друге, переливаются одно в другое. Губернаторша и генерал, клянущие революцию, и поэт Минский, младший современник Надсона, приветствующий ее; едва унесшие ноги от революции „старые эмигран-

¹ Иванов Г. Мемуары и рассказы. М., 1992. С. 237.

ты“, то есть социалисты царского времени, вернувшиеся к себе в Европу после того, как часок побыли на родине; и пионер велосипеда и фотографии Вас. Ив. Немирович-Данченко, весь в бакенах, в пенсне на черной ленте... и Нина Петровская, героиня романа Брюсова „Огненный Ангел“, брюсовская Рената, в большой черной шляпе, какие носили в 1912 году, старая, хромая, несчастная, и писательница Лаппо-Данилевская (говорят, знаменитая была, вроде Вербицкой), пляшет в русском кабаке казачка с платочком, вокруг в присядку пошедшего Серапионова брата Никитина — впрочем, они не знакомы.

Рядом с этим живет день настоящий: приходят к нам Виктор Шкловский, Марк Слоним, немного позже приезжают из России (для „правления здоровья“) Пастернак, Вл. Лидин, пушкинист Модест Гофман, Н. Оцуп, В. Ирецкий. И не совсем понятно: к прошлому или настоящему принадлежат мелькающие то у нас, то в Литературном клубе (на Ноллендорф Плац), то в русском ресторане на Гентинерштрассе, фигуры С. К. Маковского, Сергея Кречетова, художника Масютина, Амфитеатрова-Кадашева (сына), проф. Яценки, Ляцкого, Семена Юшкевича, С. Рафаловича, и целый рой издателей, издающих все, что угодно, от воспоминаний генерала Деникина и стихов Игоря Северянина до кулинарных книг»¹.

В 20-е гг. издание русскими книг за границей еще не рассматривалось советскими властями с политической точки зрения — все это в будущем. То время можно с полным правом охарактеризовать как не имеющий в мировой истории аналогов момент уникального, но вместе с тем скоротечного баланса политических, экономических и культурных условий, позволявших за пределами раздираемой непрекращающейся классовой борьбой, нищетой, голодом и неурядицами России сохранять, развивать и распространять по всему миру подлинные ценности русской культуры и русской литературы, оказавшие заметное влияние на все западноевропейское искусство XX в. и навсегда вошедшие в его историю.

Показательно, что в опубликованном А. Вейманом в Москве и Ленинграде библиографическом справочнике «Восемь лет русской художественной литературы (1917–1925)»² российские и берлинские издания еще фигурируют в одном ряду. Более того, характер многочисленных книг, «толстых» литературных журналов и альманахов,

¹ *Берберова Н.* Курсив мой: автобиография. Мюнхен: Vilhelm Fink Verlag, 1972. С. 174, 175.

² *Вейман А.* Восемь лет русской художественной литературы (1917–1925). М.; Л., 1926.

выходивших в начале 20-х гг. в Берлине, не дает оснований полагать, что там существовала некая особая литература, не связанная генетически с классической отечественной литературой. Таким образом, феномен культурной среды русского Берлина, с присущими ей чертами, характерными для интеллектуальной жизни дореволюционной России, явился одним из главных условий для сохранения за рубежом национального богатства русской культуры и литературы.

Для того чтобы ответить на вопрос, почему все это так произошло, почему именно Берлин, а не, скажем, Копенгаген, где после революции также оказалось много русских и существовало русское книгоиздательство, сыграл подобную ключевую роль, необходимо рассмотреть ретроспективную картину российско-германских взаимоотношений.

Взаимный интерес обоих народов к культурным, научным и экономическим достижениям существовал на протяжении столетий. Однако после 1900 г. контакты стали наиболее интенсивными. В 1900–1905 гг. Германия сделалась центром русской либеральной эмиграции, искавшей в немецком социалистическом движении идейную и материальную поддержку. В 1914 г. политические факторы, приведшие к военной конфронтации, взяли верх над интересами культурного сотрудничества немцев и русских, и по причинам политического характера культурный взаимообмен почти полностью прекратился, но уже в 1916 г., во время первой мировой войны, начался процесс восстановления контактов. Так, было образовано общество русских граждан Берлина (подсекция ИМКА), которое в Шарлоттенбурге начало работать с русскими военнопленными. Позднее, в 1919 г. в Женеве Лига Наций назначила верховного комиссара по делам беженцев (Фритьоф Нансен), в задачи которого входила организация приема и устройства многочисленных русских, прибывающих из России. Основными источниками финансирования этой деятельности в Берлине являлись ИМКА, правительство Германии и Красный Крест.

Статистические исследования указывают, что в довоенный период русскоязычное население Германии почти целиком было временным и насчитывало от 18 до 20 тысяч человек. Исключение составляло население трех деревень в Восточной Пруссии — потомков старообрядцев, сохранивших русский образ жизни и язык, — а также потомков русских песенников, подаренных Николаем I прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, живших в местечке под названием Александровка. Последние, однако, утратили родной язык, но продолжали придерживаться православного обряда со службами по-немецки.

Если говорить о русском населении Германии начала 20-х гг., то его количество, естественно, не было постоянным и составляло примерно один миллион с четвертью (всего за рубежом в начале 20-х гг. находилось примерно от трех до четырех миллионов русских). В Берлине также проживало значительное количество русских, являвшихся подданными других государств — Литвы, Латвии, Турции, Финляндии, Албании, Греции и ряда других стран. Большинство русских, которые были достигнуты в Германии мировой и гражданской войной и не уехали после, обосновалось здесь почти постоянно.

Относительная простота получения германских въездных виз, территориальная близость, политика «заигрывания» германского правительства с большевиками и большевиков с германским правительством (еще при Ленине был взят курс на поддержку возрождающегося германского милитаризма: так, в обход версальского соглашения в Советской России были открыты командные курсы для немецких офицеров), низкая цена подверженной инфляции немецкой марки по отношению к доллару и франку — основным платежным средствам русской эмиграции, — а также традиционно прочные культурные отношения явились объективными причинами того, что к концу 1919 г. в Берлине проживало около 7 тысяч русских, и ежемесячное увеличение доходило до тысячи человек. В конце 1923 г. этот процесс пошел на убыль, и к 1930 г. русских в Германии оставалось примерно 100 тысяч. Позднее начался длившийся долгие десятилетия период полной изоляции русского зарубежья от Советской России.

Следует отметить, что по мере все более широкой практики «закручивания гаек» в Советской России картина русской эмиграции в Берлине начала терять присущие ей вначале «идиллические» неполитические черты. Выезду интеллигенции из России и задаче искусственно расчленить по классовому признаку единую культуру и литературу русского народа способствовали активные репрессивные меры советских властей. Еще в декабре 1918 г. большинство изданий, альтернативных большевистским, было просто закрыто, а в июне 1922 г. по инициативе Ленина политбюро партии большевиков рассмотрело вопрос об антисоветских группировках среди интеллигенции. Постановление, над которым работали такие видные советские деятели, как Курский, Уншлихт и Каменев, отличалось крайней суровостью: был строго ограничен прием в высшие учебные заведения студентов непролетарского происхождения, предписывалось также провести проверку «на благонадежность» всех непартийных печатных органов. Любые собрания или коллективные акции, согласно новым правилам, проводились только с ведома и разрешения органов ВЧК-ГПУ.

В 1921–1923 гг. русских в Берлине было так много, что известное русское издательство Гржебина даже выпустило русский путеводитель по городу¹. Жизнь русской колонии сосредоточивалась в западной части города, в районе Гедехнискирхе. Здесь у русских было 6 банков, 3 ежедневные газеты, 20 книжных лавок и, по крайней мере, 17 крупных издательств («Москва», «Геликон», «Слово», «Скифы», «Мысль», «Врач», «Литература», Ладыжникова, Дьяковой, Бергера, Гликмана и другие). По некоторым данным, показывающим размах издательского дела в Берлине, с 1918 по 1928 г. там существовало 188 специализирующихся в разных областях эмигрантских издательств². Ни подобного количества, ни подобного разнообразия никогда не было ни в одном из центров русской диаспоры.

Издавалось большое количество учебных пособий, поскольку русские общеобразовательные заведения в Германии испытывали в них острую нужду. Еще в 1919 г. в Германии были открыты две гимназии для русских учащихся: русской академической группой и пастором Мазингом в Берлине, а также прогимназия Красного Креста в лагере Штейн. Занятия там проводились во второй половине дня в помещении местной немецкой школы. В берлинской гимназии в 1921 г. количество учащихся доходило до 140, преподавателей — до 20. При гимназии работал детский сад и начальная школа, которые поддерживались муниципальным советом. Таким образом, возникшая между Шарлоттенбургом и Зоологическим садом «русская эмигрантская республика» представляла собой практически автономную структуру.

В воспоминаниях русского художника С. Сегала жизнь того времени в Берлине описывается следующим образом: «В глаза бросаются витрины, плакаты, рекламы: «Мы говорим по-русски», книжный магазин «Родина», ресторан «Медведь», кафе «Москва», русские парикмахерские, газетные киоски, газеты, журналы. Мирное завоевание! Немцы об этом не беспокоились, они к этому уже привыкли»³.

В ноябре 1921 г. в Берлине проходил международный съезд помощи голодающим, результатом работы которого явилось создание общества друзей новой России во главе с известным искусствоведом и писателем Эдуардом Фуксом. В 1923 г. по инициативе «общества старых большевиков» в Москве возникла организация «Красная помощь»,

¹ Каталог издательства З. И. Гржебина. Пб.: Берлин, 1921. 96 с.

² Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 101.

³ Сегал С. Русская жизнь в Берлине // Русский иллюстрированный мир. 1923. № 1. С. 3–4.

поддержанная IV конгрессом Коминтерна. Ее деятельность распространялась и на тех русских беженцев, которые в ожидании советского паспорта испытывали крайнюю нужду. Активную помощь русским оказывала также влиятельная в ту пору немецкая социал-демократия. Социал-демократические издания «Нойе-Рундшау» и «Фишер-Ферлаг» распространяли в Германии посвященные России материалы.

Характерным настроением многих русских, оказавшихся в Берлине, при всей их политической, сословной и имущественной разнице было то, что подавляющее большинство из них рассматривало свое положение как временное. Многие верили в наступление перемен в России и близкий крах «коммунистического рая», другие связывали свою судьбу с переездом в другие страны. Постоянным оставалось стремление развивать национальную культуру, науку, систему образования. Эта идея объединяла всех русских за границей в 1921–1923 гг.

Одним из ярких воплощений идеи объединения явился организованный в феврале 1923 г. Русский научный институт. Его открытию в немалой степени способствовало благожелательное отношение немецких официальных кругов, научной общественности Германии, Лиги Наций, многочисленных русских академических, общественных и студенческих организаций, а также высылка советскими властями в сентябре 1922 г. большой группы профессоров и ученых. Открывая институт, русская эмиграция осознавала моральное обязательство перед трехтысячной массой русских студентов в Германии.

Возможность поступить в европейские высшие учебные заведения ничем не ограничивалась, а в недавно образованной Чехословацкой демократической республике русским эмигрантам даже было предоставлено право бесплатно получить образование. Поэтому при создании «эмигрантского» института в Берлине его основатели решили обратить главное внимание на изучение русской духовной и материальной культуры, а также на распространение знаний по истории России.

Прусское Министерство народного просвещения предоставило Русскому институту возможность пользоваться свободными помещениями в здании Бауакадемии и частью помещений Немецкого общества по изучению Восточной Европы. Был разработан устав, правила приема студентов, программы обучения на трех основных отделениях — духовной культуры, правовом и экономическом — ряд спецкурсов. На отделении духовной культуры в основе учебного плана лежало изучение русской истории (В. А. Мякотин, А. А. Кизеветтер), читались лекции и проводились семинарские занятия по русской литературе (Ю. И. Айхенвальд), истории русской философской мыс-

ли (Н. А. Бердяев). Читался курс «Россия и Запад» (Л. П. Карсавин) и несколько курсов систематического характера: введение в философию (С. Л. Франк), учение о правосознании и философии религии (И. А. Ильин)¹. В. А. Мякотин продолжил в Берлине начатую в России научно-исследовательскую работу о влиянии идей декабристов на формирование общественных воззрений А. С. Пушкина. По широте академических программ, численности профессорско-преподавательского состава отделение духовной культуры было самым большим в институте: в первый год работы на него поступило 262 слушателя. Несмотря на платный характер обучения, средств у Русского института постоянно не хватало, поэтому Лига Наций взяла на себя расходы по оборудованию общежития студентов и предоставила средства для частичной выплаты гонораров лекторам.

Важную роль в объединении русских и в сохранении традиций национальной культуры за границей сыграл основанный в ноябре 1921 г. «Дом искусств», насчитывавший в период наиболее активной работы 58 постоянных и 83 ассоциированных члена (члена-соревнователя). В Уставе его записано, что «Дом искусств» — неполитическая организация, ставящая целью объединение и защиту прав и интересов деятелей русской литературы и искусства, организацию постоянных вечеров, выставок, концертов, лекций². В действительные члены принимало общее собрание той или иной секции (литературной, изобразительных искусств и музыкальной).

С появлением Дома искусств в Берлине была перехвачена инициатива у образованного И. В. Гессеном в сентябре 1921 г. Союза журналистов и литераторов. Наиболее полно деятельность Дома искусства освещалась в разделах «Литературная неделя» (газета «Голос России»), «Литература и искусство» (газета «Дни»), «Критика и библиография» (газета «Руль»). Из хроники этих газет становится ясно, что наиболее частыми были выступления А. Белого и А. Толстого. В ноябре 1922 г. открылся «Писательский клуб», у истоков которого стоял Ю. И. Айхенвальд, профессор истории русской литературы в Русском научном институте.

В «Доме искусств» и «Писательском клубе» широко обсуждались художественные тенденции и направления развития нового русского искусства на родине и за рубежом³. Среди основателей их были Андрей Белый, Алексей Ремизов, Алексей Толстой, художник Иван Пуни,

¹ Русский научный институт в Берлине: 1-й семестр. 1923, Берлин.

² Бюллетени Дома Искусств. Берлин: Изд-во Геликон. 1922. № 1–2. 17 февр. С. 22.

³ Дни. 1922. 16 февр.

его жена Ксения Богуславская, а также Александр Яценко, издатель библиографического журнала «Русская книга», Каплун-Сумский, директор издательства «Эпоха». Первым президентом «Писательского клуба» избрали Николая Минского.

За образец основатели взяли петроградский Дом, идею которого воплотил в жизнь М. Горький. Собственное здание основатели клуба получили не сразу. Сначала члены клуба встречались в кафе «Ландграф» на Курфюрстендамм, здесь проводились чтения, музыкальные вечера и другие общественные мероприятия, собирались и на Клейшттрассе. Именно там А. Белый сделал большой доклад «Культура сегодняшней России», там же в марте 1922 г. прошел вечер Томаса Манна, на котором он читал доклад «Гете и Толстой» и рассказ «Железнодорожное счастье». В феврале 1922 г. был организован вечер по случаю приезда в Берлин Б. Пильняка и А. Кусикова, на который пришли самые неожиданные люди: «... влево от Гессена, блестящего плешью и очками, мистер Красин в ловко сшитом — по-уайльдовски — сером костюме; за взлохмаченной бородой «хозяина русской земли» — Виктора Чернова — двойника священника Петрова, поместился Дан в клинообразной ассирийской бороде. Тут же 52 молодых девушки и 52 молодых человека, пишущих рассказы. Из дальнего угла — горят глаза Белого, Ремизова, поодаль еще гр. Толстой, Соколов-Микитов, у стойки проф. Яценко — «Новая русская книга», свисающие кудри Пуни, за кудрями — трубка Эренбурга, чадающая как паровоз»¹.

После нескольких переездов «Писательский клуб» обосновался в кафе «Леон» на Ноллендорфплатц, где и происходили все премьеры: А. Белый читал поэму «Первая встреча», отрывки из романа «Преступление Котика Летаева» и эссе «Трагедия сознания»; А. Ремизов — сказки и «Письма Розанову»; А. Толстой представлял «Аэлиту»; В. Шкловский — «ZOO, или Письма не о любви», делал доклады «Литература и кино», «Новая русская проза»; И. Эренбург — «Дудки», «Трест Д. Е.» и «Жизнь и смерть Николая Курбова». Были организованы авторские вечера В. Маяковского, С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаевой, Б. Пильняка и А. Кусикова. Карл Эйнштейн рассказывал о кубизме, Сергей Рафаилович — о футуризме, Сергей Шаршун — о дадаизме. И. Эренбург и Э. Лисицкий представляли конструктивистский журнал «Вещь», А. Таиров делился проблемами «Камерного театра». В гостях у «Писательского клуба» не раз бывал высланный из России Бердяев, где он читал доклад «Любовь у Достоевского». Здесь проходили поминки по Короленко, Блоку, праздновалось тридцатилетие писатель-

¹ Встречи с прошлым. Вып. 7. С. 179–184.

ской деятельности М. Горького, проводился вечер памяти В. Д. Набокова.

«Роскошной ракетой взвилась русская литературная жизнь и погасла, как подобает всякому искусственному эффекту, только сгустив после себя еще сильнее сумерки эмигрантского бытия — часто до ярости враждовавшие, разрозненные внешне, внутренне-отдельные писательские группы, взятые вместе казались островами одного цветущего архипелага, которому было имя Берлин, русский Берлин, — „государство в государстве“ — на удивление немцам, вставшим в тупик перед этим цветением за рубежом»¹ — так образно охарактеризовала литературную жизнь в Берлине Н. Петровская.

Оба клуба активно функционировали до октября 1923 г., когда большинство деятелей русской культуры оставило Берлин. Новым местом встреч приезжавших из СССР стало «Общество друзей новой России», позднее — «Союз пролетарско-революционных писателей Германии», но их идеологическая направленность уже мало соответствовала духу свободного культурного обмена, который ознаменовал первые годы массового русского «завоевания» Берлина.

Культурная жизнь русского Берлина начала 20-х гг. включала в себя вечера в литературных кафе, лекции в многочисленных литературных кружках. Например, «Литературный кружок имени профессора Ю. И. Айхенвальда», первоначально, до смерти критика, бывшего его главным руководителем, был известен под именем Кружка Татариновой. Собирался Кружок на частной квартире г-жи Татариновой или в одном из берлинских кафе обычно по субботам. Ю. Айхенвальд, как правило, читал доклады о русской литературе, выступали писатели В. Набоков (Сирин), В. Пиотровский. Существовал также и «Русский литературно-художественный кружок»², носивший характер клуба, где устраивались литературно-музыкальные вечера, «чай». В правлении этого кружка к 1926 г. состояли П. И. Звездич (председатель), М. А. Анатра, А. М. Кулишер, В. Я. Назимов, И. М. Троицкий, один из самых активных участников «Литературной критики» газеты «Дни».

В Берлине даже был создан «Союз русских писателей и журналистов в Германии», возглавляемый в разное время И. В. Гессеном, А. А. Яблоновским, Ю. И. Айхенвальдом, С. П. Мельгуновым, В. Е. Татариновым. Союзом устраивались большие балы с отчислением дохода в пользу нуждающихся членов, а также литературные вечера, на

¹ *Петровская Н.* Литературный Берлин («Итоги») // Накануне. 1924. 29 февр. № 50. С. 2.

² *Т. В.* Литературно-Художественном кружке // Руть. 1925. 19 июня.

которых выступали В. И. Немирвич-Данченко, П. А. Сорокин, Е. Д. Кускова, Л. М. Неманов, С. П. Мельгунов, В. Ф. Булгаков. Проводились мероприятия в честь И. А. Бунина (при личном участии писателя), в память А. П. Чехова. В 1926 г. Союз издавал литературные сборники «Бал прессы» под редакцией С. Горного и В. Татарина¹. Уже на самом закате существования русского Берлина в феврале 1928 г. появился союз «Кружок поэтов», который регулярно дважды в месяц проводил собрания, посвященные чтению авторами своих произведений и их обсуждению. Общая тенденция Союза выразилась в его программном заявлении: «Отказ от эстетизма (неравнозначный с отходом от романтизма) и стремление к предельной искренности, сочетающиеся с бережным отношением к форме»². Метафизическая устремленность объединения отразилась в шуточном избрании Океана, «символа бесконечности и мощи», в почетные члены Союза. За время своего существования ему удалось издать три сборника стихотворений: «Новоселье» (1931), «Роща» (1932) и «Невод» (1933).

В Берлине были сосредоточены и крупные артистические силы из России, существовало три постоянных русских театра с серьезным репертуаром: «Русский романтический балет», «Синяя птица» и «Русский театр Ванька-встанька». Руководителем «Романтического балета» был артист Мариинского театра Б. Г. Романов, его балет выступал в Берлине до 1928 г., пользуясь большим успехом не только у эмигрантов, но и у немцев. Б. Г. Романов ставил «Жизель», «Петрушку», «Шута», прима-балериной его труппы была Е. А. Смирнова. В «Синей птице», которой руководил Яков Южный, выступал популярный куплетист Виктор Хенкин. Душой третьей русской берлинской труппы — «Русского театра» был известный поэт Н. Я. Огневцев, автор вышедших в Берлине стихотворных сборников «Мои песенки» и «Блистательный Санкт-Петербург».

Первые русские спектакли в Берлине были сыграны еще в 1919 г., когда Л. Б. Потоцкая и В. М. Шумской, поставили «Три сестры», «Змейку», «Науку любви». Тогда же открылось «Общество русского театра», а весной 1920 г. возник закрытый литературно-художественный кружок «Художественные пятницы», вокруг которого сгруппировалось большинство крупных деятелей искусства. Позднее объединение «Мир и труд» организовало «русские вторники», была поставлена интермедия Сервантеса «Саламанская пещера». Театр-миниатюр «Ша-

¹ Бал русской прессы // Руль. 1922. 21 февр.

² Каннак Е. Берлинский «Кружок поэтов» (1928–1933) // Русский альманах. Изд. 3. Шаховская, Р. Герра, Е. Терновский. Париж, 1981. С. 365.

лаш» располагался в помещении одного из ресторанов. В состав его труппы входил Г. Ратов, вместе со своим хором быстро завоевавший симпатии публики. Позднее на месте «Шалаша» по инициативе и при деятельном участии Г. Ратова открылся «Дом артиста» и театр-кабарэ, первые спектакли которого прошли с большим успехом, особой популярностью пользовался «Хор братьев Зайцевых».

В 1920 г. в Берлине создается «Союз русских сценических деятелей в Германии», при котором работала биржа труда, в 1921–1923 гг. «Союз» издает 17 номеров журнала «Театр и жизнь».

Большим художественным событием в Берлине были и российские театральные сезоны. в течение зимы 1922–1923 гг. в Берлине гастролировали Художественный театр в его лучшем составе со Станиславским, Качаловым, Книппер, Москвиным, Вишневским; театр Таирова с Коонен и Церетели привез пять постановок («Федра», «Саломея», «Принцесса Брамбила», оперетта «Сестры-близнецы» и мелодрама «Мориц Саксонский»); студия Вахтангова с Михаилом Чеховым; Александринский, поставивший пьесу «Профессор Сторицын». Качалов и Германова на литературных утренниках читали стихи Блока и Рабиндраната Тагора; Массалитинов организовал театральную студию, в «Клубе писателей» А. Я. Таиров прочел лекцию «О задачах Камерного театра».

В постановках спектаклей на берлинской сцене участвовали композиторы Н. К. Метнер, А. К. Глазунов, А. Т. Гречанинов; дирижеры Э. А. Купер, Ю. Н. Померанцев; пианисты — А. К. Боровский, А. И. Зилоти. Выступала известная камерная певица Полина Доберт, баритон Большого театра Г. В. Бакланов, знаменитый тенор Д. А. Смирнов, приезжал Ф. И. Шаляпин. Благодаря таким певцам, как Зинаида Юрьевская, которая поступила в немецкую оперу, и Дмитрию Смирнову, на берлинской сцене появились постановки «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Царской невесты».

В Берлине оказалась и большая группа русских художников. В 1922 г. издательство «Русское слово» организовало выставку работ Н. С. Гончаровой, Н. Ф. Ларионова, Н. К. Рериха, С. А. Сорина, А. Н. Бенуа, Н. В. Добужинского, К. А. Коровина, К. А. Сомова. Кроме того проходили выставки Ивана Пуни, Георгия Лукомского, Эль Лисицкого, Павла Челищева, Василия Кандинского. Выставлялись в Берлине и полотна Марка Шагала, Марианы Веревкиной, Алексея Явлинского.

В марте 1922 г. в Москве постановлением ВЦИК был создан комитет по устройству зарубежных выставок во главе с А. В. Луначарским. Начались переговоры с Пруссией об организации в Берлине крупномасштабной выставки советского искусства, которые вел Л. М. Лисиц-

кий, стремившийся к установлению тесных контактов с деятелями западноевропейской культуры. Вместе с И.Эренбургом он приступил к выпуску международного обозрения современного искусства «Вещь» на русском и немецком языках. В первом номере его говорилось: «... блокада России кончается. Появление „Вещи“ — один из признаков начинающегося обмена опытами, достижениями, вещами между молодыми мастерами России и Запада»¹.

При содействии руководителей общества «Помощь художникам» Отто Нагеля и К.Кольвиц фирма «Ван-Димен» предоставила выставочные помещения на льготных условиях и, таким образом, демонстрация произведений, созданных в Советской России, стала главным событием берлинского осеннего выставочного сезона, информация о котором распространилась по всей Германии, в немецкой прессе появились одобрительные отзывы².

В выставочных залах галереи «Ван-Димен» было размещено, судя по данным каталога, свыше тысячи работ, созданных в 1917–1922 гг. Берлинская выставка представляла зарубежному зрителю различные виды искусства: более двухсот произведений живописи, свыше пятисот графических листов, скульптуру, а также эскизы театральных декораций, костюмов, архитектурные проекты, плакаты. Был и отдел декоративно-прикладного искусства — там выставлялись изделия из фарфора, камня, вышивки, мелкая пластика.

Хотя некоторые критики и высказывали мнение о том, что искусство «левых» еще не являет собой объективную картину нового русского искусства, и видели в нем лишь «искусство художественных проблем, напряженную мозговую работу, опыты и манифесты»³, количество посетителей перевалило за пятьсот человек в день, так что первоначально открытая на один месяц, выставка по предложению немецкой стороны была продлена до конца года.

Основным результатом выставки была не только «ответная» выставка немецкого искусства в Москве, состоявшаяся в 1924 г., но и то значительное влияние, которое новое искусство России оказало на творчество зарубежных художников и во многом повлияло на общее развитие мировых художественных направлений⁴.

¹ Вещь. 1922. № 1. С. 2.

² Erste Russische Kunstausstellung. Die Texte von D. Sternberg. Berlin, 1922. S. 3–9.

³ Тугендхольд Я. А. Вопросы художественного дня // Известия. 1922. 24 дек. № 292. С. 3.

⁴ См.: Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 162–175.

Как уже отмечалось, одной из причин массового «исхода» интеллигенции и деятелей культуры в Берлин заключалась, помимо прочего, в таком факторе, как традиционно развитая в Германии книжная промышленность с совершенной полиграфической базой, которая сложилась еще в XIX в. и не пострадала во время первой мировой войны. Лучшие книги европейских авторов часто впервые выходили в Лейпциге и Берлине, и русские писатели, среди которых можно упомянуть И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, стремились издать свои произведения в Германии. До мировой войны в Берлине существовало издательство И. П. Ладыжникова, печатавшее небольшими тиражами книги русских писателей, и это помогало русским писателям защитить свое авторское право за границей, так как Россия не подписала соответствующей Бернской конвенции.

В 20-е гг. русские издательства в Берлине часто возникали как «дилетантские фирмы» без необходимого опыта коммерческой деятельности, без денежных средств, так что было достаточно малейшей заминки с реализацией тиража, чтобы потерпеть крах. Первое время книжный рынок оправдывал надежды новоявленных предпринимателей, и большие тиражи расходились в сравнительно короткие сроки, но впоследствии выяснилось, что отсутствует стабильный контингент потребителей печатной продукции на русском языке. И тем не менее, целому ряду издательств удалось не только удержаться на книжном рынке Германии и России, но и внести значительный вклад в развитие русской культуры. Так, издательство «Слово» под руководством И. В. Гессена выпустило полные собрания сочинений Лермонтова (перепечатка академического издания 1910–1913 гг.), Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Тютчева, полное издание «Былого и дум» Герцена, «Архив русской революции»; «Скифы» — сборники современной советской поэзии, «Мысль» выпускало русскую и западноевропейскую классику. Примечательно, что в 20-е гг. в области публикации произведений русской классики советские издательства, по качеству полиграфического исполнения не могли составить конкуренции зарубежным.

В апреле 1922 г. прошло учредительное собрание Союза книгоиздателей, на котором присутствовали представители 25 издательств и книжных магазинов¹, что несмотря на неудачу идеи об организации книжного синдиката, свидетельствует о стойкой тенденции к объединению и о стремлении выработать единую политику на книжном рынке не только Берлина, но всей Европы и даже Америки.

¹ Вестник русского книжного рынка. Берлин, 1923. №3. С. 2.

Центром организационной работы сделался русский книжный магазин «Москва», открывшийся еще в 1919 г. Целью своей деятельности магазин считал сосредоточение в одном месте всей русскоязычной литературы, выходящей за границы. В течение 1920 г., помимо существовавшего ранее издательства П. И. Ладыжникова, постепенно приступили к выпуску книг и несколько новых издательств. В местах сосредоточения русских беженцев открылись книжные магазины. Почти все книги, изданные на русском языке, сосредоточивались в «Москве» и уже отсюда расходились по другим книжным магазинам. На широкую ногу был поставлен книгообмен. В июне 1920 г. при магазине открылась библиотека, а в сентябре — филиал магазина в западной части Берлина. С января 1921 г. магазин начал издавать критико-библиографический журнал «Русская книга», в апреле открылся филиал магазина в Нью-Йорке, была отправлена крупная партия книг во Владивосток. Изданные в Германии сравнительно недорогие книги во второй половине 1921 г. появились в Польше, Латвии, Литве, Финляндии, Бессарабии и России. Благодаря НЭПу владельцы магазина могли поставить перед собой задачу способствовать приобщению России к заграничному книжному рынку: планировалось даже открытие склада и магазина в Москве¹. По опубликованному издательством «Москва» каталогу книжного магазина можно проследить судьбу практически всех существовавших в то время в Берлине русских издательств.

Издательство «Геликон», возникшее в 1916 г. в Москве, а затем возникшее в Берлине, занималось выпуском пособий по прикладным видам искусства. В 1922 г. в сотрудничестве с А. Белым издательство выпустило популярный в среде эмигрантской интеллигенции литературный ежемесячник «Эпопея». Русское издательство «Слово» сумело привлечь к сотрудничеству немецкую фирму «Ульштейн» — одно из наиболее известных издательств в Германии. В правление «Слова» вошел бывший редактор «Речи» И. В. Гессен, благодаря ему значительно повысился уровень печатной продукции издательства. Первоначально предполагалось купить собственную типографию в Данциге, но потом был организован русский отдел в типографии «Ульштейн» на Кохштрассе в Берлине.

Другое известное издательство «Знание», организованное немецкой ежедневной газетой «Тагеблат» печатало научно-популярные книги. «Русское универсальное издательство» занималось выпуском популярной серии «Всеобщая библиотека» — в нее входили публика-

¹ Вестник русского книжного рынка. 1923. № 2. С. 2.

ции о новом в науке, искусстве («Памятники мировой литературы»); в общей сложности вышло 45 номеров серии. В целях расширения представлений русскоязычного читателя за границей о мировой культуре издательством С. Эфрона была предпринята публикация собрания легенд, мифов и сказаний разных народов. Издательство «Ольга Дьякова» с ноября 1920 г. занялось выпуском иллюстрированных детских книг, а также публикацией современной русской литературы в привлекательных цветных обложках. Издательства «Огоньки» и «Русское творчество» поставили себе целью содействовать развитию и распространению русской беллетристики и поэзии. В первую серию книг «Огоньки», во главе которых стоял А. Г. Левинсон, наметили включить произведения А. Толстого, И. Эренбурга, М. Цветаевой, А. Ремизова, А. Дроздова, И. Соколова-Микитова и многих других.

В 1920 г. З. Гржебину удалось организовать в Германии свое издательство и получить огромные льготы. В первый же год им было напечатано около пятидесяти книг, среди которых главное место занимали произведения Горького, который активно поддержал идею З. И. Гржебина о создании собственного российского книгоиздательства за границей, где лучше полиграфическая база, эта идея была принята и даже субсидирована советским правительством. Благодаря этому в Берлине начали выходить книги с указанием места издания «Берлин-Петроград» и «Берлин-Москва» и направляться в первую очередь на российский рынок. Общую редакцию продукции этого издательства осуществлял А. М. Горький, А. Бенуа, академик С. Ф. Ольденбург и профессор А. П. Пинкевич. В отделе русской литературы сотрудничали А. Блок, М. Горький, В. А. Десницкий, Е. И. Замятин, Н. О. Петнер, К. И. Чуковский.

Издательством был выработан план дешевого, но в то же время тщательно текстологически выверенного и отвечающего самым высоким требованиям издания произведений русских классиков. Было завершено четырехтомное собрание сочинений Лермонтова и десяти томное — Гоголя. На очереди стояли собрания сочинений Пушкина, Толстого, Тютчева, Тургенева, Чехова, Достоевского.

Хуже обстояли дела с публикацией современной русской литературы: вышли только тома Бальмонта, Бунина, Сологуба. Издательство З. И. Гржебина занималось также выпуском книг для детей и современной западноевропейской литературы — Р. Роллана и Б. Келлермана.

По договору с Госиздатом издательству запрещалось брать заказы без санкций Москвы, где находились редакционный отдел и расчетная контора, но Гржебин, стремясь расширить свое дело, нарушал усло-

вия и выпускал книги помимо заказанных, в частности, Л. Мартова, В. Чернова, что вызывало неудовольствие московского руководства. Это и привело к расторжению договора, что, по сути, стало началом конца издательской деятельности Гржебина. Если в октябре 1922 г. он очень радовался темпам роста своего дела, то в январе 1923 г. он уже писал Горькому о своем отчаянном положении: «Русское издательство без России как человек на воде: сколько бы он ни плыл и как бы далеко не уплывал, а вернуться на землю должен. Я не вижу возможности работать настоящим образом вне России»¹.

При советском представительстве в Берлине московским совнархозом был основан «Научно-технический отдел» под председательством профессора Н. М. Федоровского и с участием профессора Ю. В. Ломоносова. Одной из задач этого отдела явилась организация русского научно-технического издательства «Скифы». Предполагалось печатать книги по сельскому хозяйству, технике, однако впоследствии интересы издателей сосредоточились на выпуске литературно-художественных книг, что не в последнюю очередь оправдывалось читательским спросом.

Едва ли не каждое издательство, существовавшее в то время в Берлине, помимо финансирования своих организаторов черпало средства из публикаций периодики. Выходило несколько ежедневных русских газет: «Голос России», «Дни», «Руль», сменовеховская газета «Накануне». Кроме эмигрантских периодических изданий в Берлине печаталась ежедневная газета «Новый мир», издаваемая советским полпредством.

Самая крупная ежедневная газета «Руль» (тираж до 20000 экз.), основанная И. В. Гессеном, А. И. Каминкой и В. Д. Набоковым, на протяжении своей одиннадцатилетней деятельности постоянно имела не только полосу литературы и литературной хроники, но и литературно-критический отдел, редактируемый Ю. Айхенвальдом до 1928 г. Именно благодаря ему начала формироваться и приобретать авторитет литературная критика русского Берлина. Он же был и самым частым автором еженедельных, выходящих обычно по средам или воскресеньям, «Литературных заметок» газеты, выступая на первых порах (до 10 июня 1925 г.) под псевдонимами «Б. Каменецкий» и «Б. К.».

По протекции Гессена свою журналистскую деятельность начал в «Руле» В. Набоков, правда, сначала сочиняя кроссворды и задания

¹ Архив А. М. Горького, КГ-П, 22-1-42. Цит. по: Голубева О. Д. Горький и издательство З. И. Гржебина // Голубева О. Д. Горький — издатель. М., 1968. С. 120.

для шахматных партий, но в дальнейшем под чутким руководством своего старшего наставника Ю. Айхенвальда стал рецензировать выходящие в Берлине книги, в основном современных писателей, составляя тем самым уникальный дуэт со своим учителем. Именно в этот период сформировался вкус В. Набокова к анализу художественного произведения, что со временем сделало его одним из мастеров филологического изучения русской и западноевропейской классики.

Публикации, исходя из интересов читателей газеты, носили, по большей части, научно-популярный характер. Нередко публиковались очерки жизни известных писателей, приуроченные, как правило, к юбилейным датам. Литературно-критический отдел «Руля» поражает не столько глубиной и основательностью публикуемого материала, сколько широтой охвата литературных явлений. Трудно представить писателя как русской, так и западноевропейской литературы, чье имя не упоминалось в той или иной связи: от Данте и Шекспира до Т. Манна и Р. М. Ремарка, от Радищева и Карамзина до Л. Леонова и Г. Гребенщикова.

Именно в «Литературных заметках» «Руля» получил развитие особый художественно-критический метод Ю. Айхенвальда, сформулированный им еще до революции в «Силуэтах русских писателей» как «принципиальный импрессионизм», в основе которого отказ от научности литературоведческого анализа, утверждение невозможности науки о литературе: «Искусство недоказуемо; оно лежит по ту сторону всякой аргументации»¹. Критик подходил к творчеству писателя не увлекаясь и не ослепляясь ни его именем, ни славой, ни даже собственным своим преклонением перед его творчеством. По его мнению, каждый вправе путем анализа или интуиции выявлять идеи художественных произведений, не считаясь с тем, имел их в виду сам автор или нет. Издание дополненной редакции «Силуэтов...» в 1923 г. в Берлине вызвало высокую оценку критики. Она отмечала, что Айхенвальд, «цена каждое усилие духа и веруя в то, что «мир не аспидная доска и ничто с него не стирается», беспристрастно отмечает с сочувствием то, что сочувственно отметить велит ему его художественная совесть»², что «он ищет душу слова, а слово для него — символ, зародыш художественного образа»³. Его называют «классиком рус-

¹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. I. С. 27.

² Август Ф. На страже сокровищ (Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Изд. «Слово», Б.) // Дни. 1923. 10 июня.

³ Гольденвейзер А. А. Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Руль. 1923. 25 нояб.

ской критики»¹. В его «этюдах» и «заметках» нет эстетического метода анализа, поэтому он скорее не критик-эстет, а критик-публицист. Задачу критики он видел в том, чтобы «уловить и отчетливо воспроизвести перед читателем то, что составляет душу произведения. Критик – психологический комментатор духовной личности поэта. Критик сам должен стать поэтом, конгениальным разбираемому им писателю и потому способным угадать и воспроизвести в отчетливой характеристике те духовные пружины, которыми приводится в движение творческое вдохновение разбираемого поэта»². Отсюда все его впечатления от произведения непредсказуемы, отсюда и одинаковая доступность для анализа и мрачных, темных изломов души Достоевского и светлой простоты Гончарова. Вдохновение его многообразно, как и его источники.

Критик Н. Н. Русов отмечает у Ю. Айхенвальда «твердое философское мировоззрение», которое сформировалось у него в процессе работы над переводом книг Шопенгауэра. Оно особенно обнаружилось в «Этюдах о западных писателях», где автор рассуждая о Шекспире, выводит даже некую поэтическую формулу: «Человеческий путь идет от Калибана к Ариэлю через искупительную жертву Гамлета, к тому великому и окончательному синтезу, где категория Бодлера встретится и сольется с категорией Шиллера»³. Из шопенгауэровских представлений об этике заимствовал Айхенвальд и понятие «сострадание»: по его мысли, художник при непосредственном и отстраненном отражении идеи мира должен миру сопереживать — в этом случае происходит преодоление субъективной воли, что и приводит к действительному единению индивидуума с миром.

Отказываясь от полемического метода оценки современной литературы, Ю. Айхенвальд тем не менее подвергал острой критике услужничество, тенденциозность, подчинение таланта политической конъюнктуре, например, его замечания о книгах В. Вересаева «В тупике», Н. Никитина «Сейчас на Западе», И. Ясинского «Роман моей жизни», А. Толстого «Восемнадцатый год», но особенно «убедительно разоблачал ничтожество двух кумиров русской литературы – Горького и Брюсова – когда их слава стояла в зените»⁴.

¹ Н. Юлий Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923. Т. 2 // Дни. 1924. 3 февр.

² Кизеветтер А. Ю. И. Айхенвальд // Руль. 1929. 9 янв.

³ Русов Н. Н. Критика это — я (силуэт Ю. Айхенвальда) // Накануне. Лит. прилож. № 19. 1922. 24 сент. С. 6.

⁴ Франк С. Памяти Ю. И. Айхенвальда // Руль. 1929. 17 дек.

Описывая творчество Горького, Андреева и Брюсова, Айхенвальд характеризует литературную современность как время «зрелого сознания» литературы, отошедшей от интуитивного познания мира, и тем самым подчеркивает вторичность современной литературы, ее зависимость от «воли», как у Брюсова. Поэтому поэзия Брюсова становится иллюстрацией «волевого» сознания литературы обыкновенным человеком. В этом смысле Брюсов для него становится антиподом Пушкина.

В то же время он обращал внимание пусть на художественно слабые, но искренне написанные книги Ю. Лебединского «Комиссары», Д. Четверикова «Бунт инженера Каринского», Ф. Гладкова «Цемент», М. Слонимского «Лавровы». С особым интересом и симпатией знакомил Ю. Айхенвальд читателей с произведениями «Серапионовых братьев». Особенно высоко он ценил «Рассказы Назара Ильича Синябрюхова» М. Зощенко, стихи Н. Тихонова, «Вне закона» Л. Лунца, прозу Вс. Иванова, «Сентиментальное путешествие» В. Шкловского, близкого «Серапионовым братьям». Эстетический вкус критика улавливал задатки таланта у Г. Алексева, С. Заяцкого, В. Катаева, К. Тренева, В. Шишкова.

Главную цель эмиграции он видел в сохранении и дальнейшем развитии русских культурных традиций. Поэтому стремился к изучению классического наследия и популяризации среди читателей «Руля» творчества продолжателей русской традиции — Бунина, Шмелева, Зайцева, Куприна. Он ставил целью своих «Литературных заметок» сократить дистанцию между классиками и современниками, выделял среди эмигрантской молодежи М. Алданова, Г. Газданова, Н. Берберову, В. Набокова. Взгляд его никогда не был беспристрастным, особенно если речь шла о литературном процессе на родине. Так, несколько раз обращаясь к поэзии В. Маяковского, он не находил в ней ничего, кроме грубой пропаганды большевизма. Его неистово раздражало произведение, если оно не представляло никаких свидетельств в пользу его идеи тайной оппозиционности как обязательного условия подлинного искусства, поэтому больше всего доставалось Ю. Лебединскому, убежденному приверженцу революции, а творчество М. Булгакова вызывало порой самые лестные оценки.

Предметом особого внимания Айхенвальда был его собственный литературный стиль, складывающийся из особой организации текста своих очерков, которая постоянно менялась в зависимости от идейного и эмоционального содержания. Он менял интонационную окраску при помощи инверсий, чередованием предложений разной сложности

синтаксиса, использованием метафорической лексики, повторов, риторических вопросов. Во всем его языке ощущается необыкновенная эрудиция и способность в полемическом задоре переходить от крайних выражений до нейтральных интонаций, от желчного сарказма до утонченной иронии, на понимание которой автор не всегда и рассчитывает.

Трагическая смерть Ю. Айхенвальда в 1928 г. вызвала в зарубежье множество откликов, в которых признавалось исключительное дарование критика. Некрологи были напечатаны не только во всех газетах русского Берлина, но и в парижских «Возрождении», «Последних новостях», «Современных записках», в рижской «Сегодня». И. Матусевич в статье «Затаенная пламенность» отмечает: «Ничто стороннее никогда не влияло на его тщательный анализ, беспощадно отметавший все, что не отвечало его требованию в отношении чистоты и подлинности священных для него Художественного Слова и Образа»¹. «Его скорее интересовало русское творчество как самостоятельная художественная стихия, как проявление индивидуальной духовной культуры»², — отмечается в газете «Сегодня». П. Пильский, который в критике русского зарубежья был одним из последовательных приверженцев критического метода Айхенвальда, обращает внимание на то, что литература для него была «небесной девственницей и к ней он подходил с молитвенным преклонением, страшась эту святую оскорбить. Ценил в писателях сияющую внутреннюю тишь, созерцательность, мечтательность, грусть. Ему чужды расчетливые сердца — Брюсов, Андреев, Горький. Он был независим, являл тип критика-индивидуалиста, ценил в писателе яркую индивидуальность»³.

Литературно-критическая деятельность Ю. Айхенвальда в редакции «Руля» сыграла объединяющую роль, обеспечив связь с дореволюционным прошлым, поддержание сложившейся системы литературных авторитетов и ценностей. Несомненно, что его деятельность определяла общий настрой берлинской литературной критики. Именно работы Ю. Айхенвальда сформировали характерную тематику публикаций, которая определялась работами, посвященными теоретическим вопросам, задачам критики в условиях эмиграции, оценкам литературных направлений и методов.

¹ Матусевич И. Затаенная пламенность: Памяти Ю. Айхенвальда // Современные записки. 1929. Кн. XXXIX. С. 477.

² Ганфман М. Ю. Айхенвальд // Сегодня. 1928. 18 дек.

³ Пильский П. Критик-индивидуалист. Памяти Ю. Айхенвальда // Сегодня. 1928. 18 дек.

Довольно сильным был отдел театроведения, где главную роль играл Ю. Офросимов, именно ему принадлежат многочисленные рецензии на театральные постановки, как в России так и на Западе¹.

Газета «Дни», выходящая в Берлине с октября 1922 г. по июнь 1925 г. под редакцией А. Милашевского и позднее М. М. Тер-Погасяна, а затем переехавшая в Париж, где просуществовала до июня 1928 г., сменившись одноименным еженедельником, также имела раздел «Литературная критика». В ней основные материалы представлялись А. Даманской, печатавшейся под псевдонимом «А. Мерич» и под инициалами «А. Д.», и Е. А. Зноско-Боровским, специализирующимися в основном на анализе французской литературы, но и оказывающих внимание и отечественной. Так, в 1924 г. пушкинисты выпустили к 125-летию со дня рождения Пушкина юбилейный номер², а ко дню смерти Пушкина вышла статья Б. Зайцева «Пушкин в нашей душе»³.

В отличие от «Руля», литературно-критические материалы давались здесь на более профессиональном уровне, с претензией на углубленный интерес аудитории к новинкам литературы и на пропаганду классического наследия прошлого, понимаемого в контексте единой литературной традиции. Редакция газеты привлекала к сотрудничеству и иностранных авторов, что давало возможность читателю познакомиться и с современными западными трактоvkами литературного процесса. В рамках отдела «Литературной критики» еженедельно представлялись «Новости» какой-нибудь западной литературы, или новинки из России. Здесь же публиковались обширные репортажи о праздновании юбилеев А. Франса, Г. Гауптмана, Р. Роллана.

Газета «Голос России», выходящая с 1919 г., постепенно от общеполитических вопросов стала переносить свое внимание к литературе и культуре, жизни и работе писателей, к выходящим новым книгам, как в эмиграции, так и в самой России. Газета «налаживала мосты» между Советской Россией и эмиграцией, поэтому материалы печатались разные. Уже в 1919 г. появились сразу два обзора с характерными названиями: «Русская драма на берлинской сцене»⁴ и «Театр в большевистской России»⁵. В начале 1921 г. после того как газету возглавил

¹ См. подробнее: Карпенко С. «Руль»: зеркало кадетского Берлина // Новый журнал. 1998. № 212. С. 251–267.

² Дни. 1924. 8 июня.

³ Дни. 1925. 8 февр.

⁴ Старожил. Русская драма на берлинской сцене // Голос России. 1919. 2, 21 дек.

⁵ Голос России. 1919. 16, 17 апр.

журналист и писатель В. П. Крымов, публикации литературных материалов стали регулярными. Особый интерес представляет публикация издателем своих собственных воспоминаний о встречах с известными писателями: Г. Уэллсом¹, Э. Синклером².

Традиции Крымова в освещении литературной жизни и литературных связей писателей России и русского зарубежья были в определенной мере продолжены последующими редакторами: ему на смену пришли С. Л. Литовцев и Л. М. Неманов, ранее выпускавшие петербургскую газету «Речь», но публикаций литературно-критического характера значительно поубавилось, хотя и была введена постоянная рубрика «Литературная неделя», но просуществовала она недолго. Менее чем через год газета прекратила свое существование, успев, однако, посвятить целую страницу годовщине смерти А. Блока³.

Но, несомненно, центральное место среди русских литературно-критических периодических изданий Берлина, занимает «Русская книга», позднее — «Новая русская книга», выходившая в 1921–1923 гг. под редакцией А. С. Яценко. Без упоминания этих журналов не обойтись при изучении литературы, а тем более критики русской эмиграции 20-х гг., ибо важно не только показать, как оценивалось то или иное произведение, но и учесть все эстетические, нравственные и даже идеологические и личностные факторы этой оценки.

Журнал взял на себя функцию объединения рассеянных по разным уголкам земного шара русских литераторов, ученых, историков, философов. Структура издания позволяла привлечь к нему внимание широких кругов русскоязычных читателей и специалистов в разных областях литературно-художественной и философской мысли. Характер издания, ставшего важным источником информации о литературной жизни 20-х гг. и судьбах современных писателей, определил большой исследовательский интерес к нему⁴.

Убеждение в том, что русская культура не умерла в Советской России, об интенсивности и плодотворности творческих исканий стало господствующим в журнале со второй половины 1921 г., что подчер-

¹ Голос России. 1921. 12 июня.

² Голос России. 1921. 13, 14, 20, 23 марта.

³ Голос России. 1922. 6 авг.

⁴ Михеева Г. Журнал А. С. Яценко «Русская Книга» («Новая Русская Книга») // Книга: Исследования и материалы. М., 1992.; Николаев Д. Д. Журнал «Русская книга» (1921 год): идеологическая платформа и литературная критика // Литературное зарубежье: национальная литература — две или одна? М., 2002. Вып. 2. С. 63–137.

квивалось в статьях И. Эренбурга, А. Белого, А. Ремизова, С. Сумского, Г. Лукомского. В общем разделе регулярно представлялась информация о состоянии современной русской и зарубежной литературы, печатались статьи А. Белого о культуре в современной России, материалы А. С. Яценко об авторских правах русских писателей за границей. Примечательно, что издатель сам характеризовал свой журнал как аполитичный: «Для нас нет, в области книги, разделения на Советскую Россию и Эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах, и мы будем стремиться к тому, чтобы наш журнал получил доступ в Россию. Для того чтобы наилучшим образом достигнуть этой цели, мы будем оставаться вне всякой политической борьбы и вне каких бы то ни было политических партий»¹.

Центральное место в каждом номере занимали рецензии на книги С. Черного, И. Северянина, И. Куприна, А. Ремизова, А. Белого, М. Горького, А. Толстого, Б. Зайцева, В. Маяковского, С. Есенина, Б. Пастернака и других. В отделе хроники отмечались важные события литературной жизни России и зарубежья, собирались справочно-библиографические данные о русских писателях, давались обзоры русской периодики за пределами Советской России. Книжная летопись обобщала информацию о русских книгах по всем странам. Специальный раздел россики давал возможность ознакомиться с изданиями на иностранных языках о России.

В регулярных обзорах литературы А. Яценко постоянно настаивал на том, что географическое и политическое деление России не привело к разделению литературы. «То, что было сделано в области русской литературы за эти годы в Берлине и отчасти в других местах составляет значительный вклад в русскую культуру и никогда не будет вычеркнуто из ее истории. В характере издаваемых книг надо отметить постепенный переход от переиздания старых к выпуску новых»².

К концу 1922 г. в русском Берлине обостряются общественно-политические противоречия, происходит поляризация литературных лагерей, сделавшая невозможным существование единого информационно-справочного издания. А. С. Яценко пытался продолжить начатое дело в Литве, но вскоре вернулся в Берлин и полностью отошел от литературной деятельности.

Продолжил и расширил работу, начатую А. С. Яценко, критико-библиографический журнал «Новости литературы», выходящий с августа

¹ Новая русская книга. 1922. № 1. С. 3.

² Яценко А. Литература за пять истекших лет // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 2.

по октябрь 1922 г. в издательстве «Грани» под редакцией М. С. Слонима. Помимо необходимого для подобного рода журналов библиографического отдела и справочного материала в «Новостях литературы» публиковались статьи о западноевропейской литературе, пушкиноведении, о литературной жизни в Москве. Желая заинтересовать своих читателей, редакция помещала на страницах журнала литературоведческие обзоры и полемические статьи. В разделе «Иностранная литература» давались обзоры эстонской, украинской, латышской литературы. В разделе «Rossica» печатались обзоры русских книг, вышедших в Англии с января по май 1922 г., чешской литературы о России. Раздел «Новые книги» представлял книги, вышедшие как в России, так и за ее пределами. Несмотря на относительно короткое время существования, в нем успели опубликовать литературно-критические статьи М. Слоним, Е. Аничков, В. Шкловский, А. Амфитеатров, А. Бем.

Журнал «Русский эмигрант» выходил в Берлине всего полгода в 1920–1921 гг. под редакцией Б. С. Оречкина (И. Грязнова). Основные материалы его были посвящены деятельности «Русской колонии» в Берлине по оказанию материальной помощи эмигрантам, а также по удовлетворению их культурно-просветительских запросов. Из литературно-критического наследия журнала особенно выделяется статья А. Яценко, приуроченная к 10-летию со дня смерти Л. Н. Толстого, в которой рассматривается связь русской революции с идеями великого мыслителя, который увидел в русском народе «склонность к пассивному сопротивлению злу»¹. Интересный материал собрал А. Яценко в материале «Печать в изгнании»². Со свойственной профессионалу скрупулезностью приводится перечень всей периодики русского зарубежья, существовавшей на тот момент.

Скоротечна судьба и другого литературно-критического издания Берлина — временника литературы и политики «Знамя». Он вышел в 1921 г. только в количестве двух номеров в издательстве «Скифы» под редакцией А. Шрейдера и представлял взгляды левых социалистов-революционеров. По своей структуре журнал состоял из двух частей — литературной и политической. В первой части помимо художественных произведений, в основном стихотворений А. Блока, С. Есенина, Н. Клюева, А. Белого печатались рецензии на современную литературу и литературно-критические статьи о литературе прошлого века, в частности, о А. Герцене и Л. Н. Толстом. Несколько очерков посвящено искусству, художественному творчеству. Серьезное вни-

¹ Яценко А. Толстой и русская революция // Русский эмигрант. 1921. № 5. С. 5.

² Яценко А. Печать в изгнании // Русский эмигрант. 1920. № 2.

мание уделяется в журнале публицистике, представленной очерками Иванова-Разумника и А. Белого о пролетарской культуре и пролетарской цивилизации, а также о свободе культуры и культуре свободы.

В заглавии журнала «Веретеньш» угадывается быстротечность, мимолетность его существования, оно указывает на связь с альманахом «Веретено», объединявшем представителей эмигрантской элиты в Содружество писателей и художников. Вышел только один номер альманаха, после чего Содружество раскололось в связи с вступлением в него А. Н. Толстого, но и журнал просуществовал недолго: вышло всего три номера за 1922 г. Позиция журнала отражала уверенность его создателей в единстве и неделимости русской литературы, как они считали, вопреки «временному и стирающемуся рубежу». Особую ценность журналу придают его замечательные шаржи на известных деятелей культуры, сделанные А. Андреевым, Г. Лукомским, И. Мозалевским, С. Сегалем, а также опубликованная в третьем номере анкета «Завтрашний день русской литературы». Своими рассуждениями поделились А. Белый, Вл. Лидин, А. Яковлев, И. Сургучав, Ю. Слезкин, А. Соболев, А. Куприн, Б. Лазаревский, П. Потемкин, Д. Стонов, Тэффи, Л. Урванцев. Одна из главных идей журнала — сохранить «золотую цепь преемственности» в литературе и искусстве, утверждать связь традиций и поколений. В журнале печатались рецензии на произведения текущей литературы, иногда выдержанные в иронической манере, анонимные или подписанные псевдонимами, так как значительная часть их приходила из России, где имелось отделение журнала, возглавляемое Ю. Слезкиным.

Судьбы литературно-политического и научного журнала «Русская мысль» и «Голос минувшего на чужой стороне» («На чужой стороне», «Голос минувшего») во много очень схожа и очень показательна для начального периода формирования эмигрантской периодической печати. Появившись в Москве в 1880 г. под редакцией П. Б. Струве, журнал «Русская мысль» прекратил свое существование в 1918 г., чтобы возродиться уже в Софии в 1921 г. Через год он уже переместился в Прагу, но и там долго не приживался и какое-то время издание выходило то в Праге, то в Берлине, пока окончательно в 1923 г. не переехало в Париж, где просуществовало до 1927 г. Ведущей идеей эмигрантского существования журнала стала возрождение России, что ясно давала понять редакция в своем «Обращении к старым и новым читателям». Уделялось внимание художественной литературе, литературной критике, библиографии, при этом на характер публикуемых работ в какой-то степени оказывало влияние место издания журнала.

В софийский период журнал знакомил читателей с болгарской литературой, фольклором, мифологией, отмечалась традиция русской литературы в славянских культурах в прошлом и очевидный сдвиг приоритетов в сторону Запада в настоящее время, а в пражско-берлинский период внимание журнала заметно сместилось на литературу русского зарубежья. Он стал подобно другим изданиям трибуной литераторов в изгнании. В рубрике «Критика и библиография» печатались литературные обозрения Петроника (псевдоним П. Н. Савицкого) о советской поэзии, Ю. Никольского о поэмах А. Белого, Л. Львова о поэзии и прозе Ф. Сологуба, Г. Струве о русской поэзии.

«Голос минувшего на чужой стороне», как и предшествовавшие ему сборники «На чужой стороне», являются непосредственным продолжением исторического журнала «На чужой стороне», выходившего в Москве в 1913–1923 гг. под редакцией С. П. Мельгунова и В. И. Семевского. После высылки значительного числа сотрудников журнала из России в Берлине, а потом и в Праге стали выходить «историко-литературные сборники «На чужой стороне» под редакцией Мельгунова с участием В. А. Мякотина и Е. А. Ляцкого, так как в Москве еще какое-то время издавался журнал «Голос минувшего». После окончательного переезда журнала в Париж в 1926 г., чтобы сохранить преемственность изданию было присвоено наименование «Голос минувшего на чужой стороне» с подзаголовком «журнал истории и истории литературы» под редакцией С. П. Мельгунова, В. А. Мякотина и Т. И. Полнера. Журнал сохранил свою прежнюю структуру, в нем печатались статьи по вопросам русской и западноевропейской истории, культуры, искусства, литературы; публиковались обширные архивные материалы — воспоминания, дневники, письма, документы. Он содержал богатый критико-библиографический отдел «Среди книг», где рецензировались издания историко-культурной тематики, выходившие как за рубежом в русской эмигрантской и иностранной печати, так и в Советской России.

Многие статьи о русских классиках были приурочены к юбилейным датам. В. А. Розенберг писал о Салтыкове-Щедрине, Кизеветтер об Островском, М. Гофман о Жуковском, смерти Пушкина, психологии творчества у Тургенева, много внимания уделялось западноевропейским классикам — П. Мериме, Унамуно, при этом публикации о современной литературе крайне редки, что объяснялось её «сумеречностью» и кризисностью.

В литературно-художественном ежемесячнике «Сполохи», редактором которого сначала был А. Дроздов, а позднее редактор-издатель

Е. А. Гутнов, печатались произведения К. Бальмонта, В. Ходасевича, Г. Струве, Б. Пильняка, Н. Гумилева, М. Арцыбашева, Ю. Слезкина, А. Ремизова, М. Булгакова и графические работы И. Пуни, Е. Нарбута, И. И. Мозалевского. Своей прямой задачей редакция журнала считала служение русской культуре и русской литературе «из неласкового и невольного далека»¹. Это служение также проявлялось в рецензировании, выходящих как в Берлине, так и в России, книг; в публикации материалов о деятельности В. Короленко в последние годы жизни; в представлении читающей публике литературных потретов своих современников. Один из них, о Ю. Слезкине, был прислан из Москвы начинающим литератором М. Булгаковым, знавшим писателя еще по работе во Владикавказе и очень страстно рекомендовавшим его читателю. Некоторые произведения из напечатанных в журнале были переизданы отдельным изданием в виде карманных книжечек «Библиотеки «Сполохов», всего их вышло 26. В этой серии была опубликована работа Г. Алексева «Деревня в русской поэзии». После ухода А. Дроздова издательская программа меняется в сторону сокращения материалов отдела художественной литературы и увеличения публикаций по самым широким вопросам современной культуры, что сделало журнал научно-популярным.

Решение А. Белого издавать собственный журнал «Эпопея» явилось значительным событием в культурной жизни русского Берлина. В первом номере были опубликованы стихи А. Белого, «Временник» А. Ремизова и «Мятедь» Б. Пильняка. Далее в четырех номерах А. Белый печатал свои воспоминания об А. Блоке. А. Белому удалось привлечь к сотрудничеству в журнале М. Цветаеву («Световой ливень», стихотворения), В. Ходасевича («Об Анненском»), В. Шкловского («К теории комического»).

Но в четвертом номере «Эпопеи» было опубликовано письмо А. Белого А. Г. Вишняку, издателю журнала, с просьбой освободить его от редактирования «Эпопеи» в связи с новыми творческими замыслами и переутомлением. По всему было видно, что к концу 1922 г. планы писателя изменились: свое будущее он уже связывает только с Россией. К середине 1923 г. «Эпопею» постигла общая судьба русских печатных изданий в Берлине.

Два издания — «Беседа» и «Накануне» — более, чем другие, выходявшие в те годы в Берлине, отражали состояние русской художественной мысли и духовной жизни, начала 20-х гг.

Журнал литературы и науки «Беседа», издаваемый при «ближайшем участии» профессора Б. Ф. Адлера, А. Белого, профессора Ф. А. Брауна,

¹ Дроздов А. Домашние страницы // Сполохи. 1921. № 1. С. 27.

М. Горького и В. Ф. Ходасевича, задумывался и создавался его основателями для советского и зарубежного книжного рынка.

М. Горький — «буревестник революции», разочаровавшийся в ее результатах, уехал из Советской России после конфликта с Зиновьевым и закрытия «Новой жизни» — газеты, издававшейся в 1917–1918 гг. (которая резко критиковала Ленина и большевистские методы руководства). За границей — в более благоприятных условиях, — он активно продолжал заниматься издательской и литературной деятельностью. Поселившись в 1922–1923 гг. в курортном местечке Сааров (недалеко от Берлина), М. Горький много сил отдавал организационным и редакторским проблемам, связанным с «Беседой». в сотрудничестве с Кальпун-Сумским и Гржебиным ему удалось объединить вокруг «Беседы» В. Шкловского, Эльзу Триоле, А. Белого, К. Васильеву, В. Ходасевича и Н. Берберову. Но журнал долго не просуществовал: из-за начавшегося в 1922 г. политического размежевания русской эмиграции издание М. Горького утратило постоянную читательскую аудиторию. «Беседа», как и газету «Накануне», не считали эмигрантским изданием, так как первоначально он ориентировался на распространение большей части тиража в Советской России. Однако даже несмотря на авторитет М. Горького на родине, эта задача оказалась неосуществимой.

Журнал все же внес свой вклад в русскую литературу середины 20-х гг. Начиная с мая 1923 г. в нем публиковались произведения В. Ходасевича («Зимние стихи»), М. Горького («Отшельник», «Рассказ о безответной любви», «Заметки о Льве Толстом», «Из дневника», «Смешное» и другие), Л. Лунца (трагедия «Вне закона»), К. Чуковского (Стихи). В первом номере В. Шкловский начал публикацию отрывков из известной книги «ZOO, или Письма не о любви» («Письмо о русском Берлине»), в которой писал: «Русские ходят в Берлине вокруг Гедехнис Кирхе, как мухи летают вокруг люстры. И как на люстре висит бумажный шарик для мух, так на этой кирхе прикреплен над крестом странный колючий орех»¹. В том же номере помещено стихотворение тогда начинающей поэтессы Н. Берберовой «Берлин», передающее тревожное ощущение человека в чужом ему городе:

Унылая ночная мгла.
 Два освещенные угла
 Друг другу сквозь туман сырой
 Бросают свет по мостовой.
 Летает одинокий снег.
 Стоит продрогший человек

¹ Беседа. 1923. № 1. С. 143.

Под фонарем, на том углу,
И прижимается к стеклу¹.

Пройдет некоторое время, и пути «русских берлинцев» В. Шкловского и Н. Берберовой разойдутся: к 1923 г. Берлин уже перестал быть «оазисом» спокойной жизни для эмигрантов. Н. Берберова и В. Ходасевич последуют за М. Горьким в Сорренто, В. Шкловский — как «бывший эсер» — напишет покаянное письмо во ВЦИК и, не найдя места за границей, вернется на родину, где его, по выражению Н. Берберовой, «заморозят» на тридцать лет и «разморозят» только в начале пятидесятых. Он переживет друзей и соратников и как один из основателей формальной школы в литературоведении будет более известен на Западе, чем в России. Н. Берберова вновь побывает на родине только в 1989 году...

Ставя целью объединить не только художественную культуру Востока и Запада, но и науку, редакторы «Беседы» публиковали статьи ученых — приват-доцента Лейпцигского университета Г. Лейзеганга «Антропософия», профессора Ф. А. Брауна «Первобытное население Европы», профессора Г. Штейндорфа «Гробница фараона Тутанхамона», Ф. Элленса «Моральное и умственное состояние современной Бельгии» и целый ряд других научных работ.

М. Горький особенно внимательно следил за тем, чтобы читатель получил представление о состоянии современной мировой литературы, в связи с чем просил крупных западноевропейских писателей регулярно присылать специально для «Беседы» свои статьи. Так, в журнале появились публикации Р. Роллана, Дж. Голсуорси, Б. Кларка, В. Петерса, Л. Пиранделло.

История литературного приложения к газете «Накануне», в издании которого, вероятно, не последнюю роль играли советские субсидии, и позднее названного «Литературной неделей», достаточно известна и хорошо изучена². Неоднозначный характер издания определил и состав сотрудников: с одной стороны, постоянные сотрудники из среды берлинской эмиграции — критик Э. Голлербах и руководитель издательства «Скифы» Е. Лундберг, с другой — постоянные авторы из России или других стран, где была русская эмиграция. Редакция «Накануне» никогда не разделяла русскую литературу на две литера-

¹ Беседа. 1923. № 1. С. 136.

² Scandura C. Das Russische Berlin 1921–1924. Die Verläge. In: Zeitschrift für Slavistic. № 5. 1987. S. 754–762; Urban T. «Berlin – die Stiefmutter der russischen Städte», Die russische Schriftstellerkolonie in Berlin. // Berlin in Geschichte und Gegenwart. Jahrbuch des Landesarchivs. Berlin, 1997. S. 55–73.

туры, в журнале также не было пристрастий к тем или иным литературным группам.

Из литературных течений Серебряного века в журнале довольно полно были представлены акмеисты — А. Ахматова, М. Зенкевич и поэты, близкие к акмеизму — М. Волошин и М. Кузмин. Из новых течений — имажинисты: были опубликованы три стихотворения С. Есенина, несколько — А. Мариенгофа, В. Иванова, А. Кусикова. Наиболее интересным в еженедельнике считался раздел молодой советской прозы. В литературном приложении к «Накануне» публиковалась проза Б. Пильняка, некоторых «Серрапионовых братьев» (В. Иванова, К. Федина, М. Слонимского, Н. Никитина), В. Катаева, а также М. Булгакова, для которого «Накануне» был в то время чуть ли не единственным журналом, заказывавшим ему рассказы и повести. М. Булгаков также сотрудничал в газете «Накануне», где публиковал свои фельетоны. О зарубежной литературе, преимущественно немецкой и английской, писала статьи З. Венгерова.

Выходили в Берлине и русские альманахи: «Веретено», «Грани», «Серрапионовы братья», «Завтра». В альманахе «Веретено», по сути ставшим сборником, так как вышел только один номер, существовал раздел «Критические статьи», где были опубликованы работы С. Маковского об И. Анненском, Г. Голлербаха о петербургской поэзии. «Грани» увидели свет только в двух номерах, тем не менее именно в них была опубликована большая и серьезная статья М. Слонима об итальянской литературе, которая позволяет увидеть в авторе будущего крупного литературоведа. Альманах «Завтра» (1923), так же как и «Серрапионовы братья: Заграничный альманах» (1922), оказался на деле просто сборником, так как вышел только один номер. Под редакцией Е. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского в нем была опубликована замечательная статья В. Вейдле, в которой автор отстаивает задетую в незадолго до этого вышедших статьях Эйхенбаума и Тынянова память Блока, а в «Серрапионовых братьях» обращает на себя внимание публикация И. Груздева «Лицо и маска», посвященная проблеме соотношения автора и литературного героя в творчестве Достоевского, Ремизова и Замятина.

Уникальность берлинской жизни начала 20-х гг. тесно переплетала пути людей и судьбы писателей. Для многих Берлин оказался не только остановкой в пути или местом первой зарубежной публикации — с ним связывалось больше, он влиял глубже.

Одной из наиболее характерных фигур жизни русской берлинской эмиграции первой половины 20-х гг. был А. Белый — о том пери-

оде его биографии было написано множество исследований и воспоминаний¹. Писатель сделался своеобразным символом «русского» Берлина, о нем ходили всевозможные фантастические домыслы, его личная жизнь и эксцентричное поведение широко обсуждались, но как и многие жившие в Берлине русские, А. Белый не считал себя эмигрантом.

До революции, примерно с 1912 г., А. Белый неоднократно посещал Германию, публиковал там свои произведения. Отъезд в Берлин в 1921 г. был продиктован не политическими мотивами, а семейными (желанием воссоединиться с женой — А. Тургенева) и деловыми (издание книг, редактирование журнала) обстоятельствами. Два года, проведенные в Германии, оказались для А. Белого драматическими и кризисными, но в то же время исключительно плодотворными в творческом плане. В 1922 г. в различных берлинских издательствах он выпустил «рекордное» количество своих произведений: повесть «Возраст» — в издательстве «Огоньки», «Сирин ученого варварства» («Скифы»), поэму «Первое свидание» («Слово»), поэму о звуке «Глоссалоллия» («Эпоха»), там же вышли две части «Серебряного голубя», стихи о России, «Путевые заметки» и многие другие произведения.

А. Белый являлся председателем берлинского отделения совета «Вольфилов» (Вольная философская ассоциация) и членом совета «Дома искусств». По своей литературной и общественной позиции А. Белый занимал какое-то время промежуточное положение между убежденными антибольшевиками, «сменовеховцами» и просоветскими кругами. В этом его настроения совпадали с общей атмосферой берлинской жизни, характеризовавшейся возможностью какое-то время не определяться в политическом отношении. Однако под воздействием причин объективного плана — ухудшающейся экономической ситуации в Германии, укрепления «сменовеховского» движения, а также во многом под влиянием К. Н. Васильевой (будущей жены писателя) А. Белый постепенно отходит от редакторской и организационной деятельности и в октябре 1923 г. принимает решение вернуться в Россию.

А. Белый так писал на страницах журнала «Беседа» о своем душевном состоянии того времени: «...здесь, в Берлине, я чувствую часто чужим себя, непонятым, ненужным; и молодежи — не знаю, настроение русской публики кажется мне «курфюрстендамным» каким-то,

¹ Бугаева К. Н. Воспоминания о Белом. Berkeley. 104 p.; Beyer Th. R. Andrey Belyj: The Berlin Years 1921–1923 // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1990. Bd. 1. H. 1. S. 90–142.

а лекции кажутся отнимающими драгоценное „кафеландграфное“, „прагердильное“ время»¹.

Для А. Ремизова Берлин тогда стал всего лишь остановкой в будущем пути на Запад длиною в целую жизнь. Он покидал Россию неохотно, оставляя на родине дочь и еще не обретя своего настоящего читателя. В книге «Взвихренная Русь», изданной в 1927 г. в Париже, А. Ремизов подробно описывает вынужденный отъезд из России вместе с многочисленной группой интеллигентов, среди которых были и близкие друзья писателя (Л. Шестов, Н. Бердяев, Л. Франк, Ф. Степун, Б. Зайцев, М. Осоргин): «Как ехали из России, взяли мы с собой земли — так в персточку в костяной коробочке — русская земля! Был я всем и стал ничем, как и всякий тут русский без России»². С подобным настроением тогда уезжало за границу подавляющее большинство русских людей.

За два года, прожитых в берлинском Вильмерсдорфе, А. Ремизов опубликовал 23 книги, но тем не менее постоянно жаловался на то, что его мало печатают. Писатели, впоследствии разошедшиеся из-за противоположных политических взглядов или художественных установок, в 1921–1923 гг. поддерживали дружеские отношения, постоянно встречались, ходили друг к другу в гости, делились новостями. В берлинский период А. Ремизов был очень дружен с А. Белым — тоже бывшим жителем Москвы и его дальним родственником. Для А. Ремизова А. Белый казался не просто поэтом и прозаиком, живописнейшей фигурой эпохи, но и «гениальным, единственным». А. Ремизов многое не принимал в творчестве А. Белого, но при всем этом А. Белый для него в Петрограде 1919–1921 гг. и особенно в Берлине в 1922 г. был наиболее совершенным выражением сложного, катастрофически двусмысленного времени духовного перелома, творцом языка и образа жизни, наиболее соответствующего трагическому духу «русского литературного большого гнезда» в те годы.

В Берлине А. Ремизов не нашел своего читателя: изданные там его произведения обрели широкую известность позднее. Берлин, где А. Ремизов оставался до 1923 г., сыграл в его творческой судьбе ту же роль, что и в судьбах многих русских писателей: объединяющего начала, благодаря которому сохранились и дошли до потомков образцы уникальной русской культуры.

¹ А. Белый. О «России» в России и о «России» в Берлине // Беседа. 1923. № 1. С. 213.

² А. Ремизов. Россия в письменах. Парижский клад // Беседа. 1923. № 3. С. 84.

Значительна роль русского литературного Берлина и в творческой биографии Б. Пастернака. На 20-е гг. приходится решающий этап в его творческом становлении. Именно с начала 1921 г. можно говорить о подлинной «печатной» биографии поэта в полной мере, так как до Берлина публикации его произведений в России не были регулярными¹.

Решение Б. Пастернака о поездке в Берлин можно рассматривать на фоне его демонстративной «несовременности» и аполитичности. Годом раньше в Германию перебрались родители и сестра поэта. «Я еду в Германию на полгода или на год, если удастся. Еду работать. То же неуменье жить не дает мне возможности поделить время между работой и не-работой, как того требует Москва. Оттого и еду. Я знаю, что внешне — порчу себе, т.к. несомненно, меня в мое отсутствие так же быстро покатают вниз, как вкатили, меня не спрашиваясь, наверх, — на высоту вполне условную, еще пока не заслуженную и мало-понятную²». В Берлине Б. Пастернак надеялся опубликовать «Темы и вариации», купленные позднее А. Г. Вишняком — издателем «Геликона» — с правом продажи книг в России, и встретиться с М. Цветаевой, но к великому своему сожалению, не застал ее. Зато встретился и восстановил прерванные ранее отношения с В. Маяковским, который приехал в середине октября. На вечере в кафе «Леон» на Ноллендорфплац 20 октября 1922 г. оба поэта выступили с чтением своих стихов. Б. Пастернак также часто посещал кафе Ландграф, где подолгу беседовал с А. Белым, В. Ходасевичем, Б. Зайцевым, И. Эренбургом и В. Шкловским. Как пишет сын поэта Е. Б. Пастернак³, именно в Берлине Б. Пастернак осознал трагический парадокс признания и одновременного непонимания его стихов. Сложилось мнение, что можно любить пастернаковскую поэзию, но для этого нет необходимости ее понимать. В результате у Б. Пастернака возникло чувство, что надо начинать сызнова. Примерно к этому времени (ноябрь 1922 г.) начался отход его от прежних знакомств в эмигрантской среде, вызванный стремлением уединиться для работы и нежеланием принимать участие в эмигрантских внутренних конфликтах. Б. Пастернак не вошел и в берлинский Союз русских писателей и журналистов, не принимал участия ни в одном берлинском периодическом издании.

¹ Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. Мюнхен [б. г.] С. 12.

² Пастернак и Брюсов. К истории отношений // Россия. 1977. № 3. С. 247–248.

³ Пастернак Е. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989. С. 376.

Переломный характер поездки 1922–1923 гг. проявился как в «незаметности» поведения поэта в Берлине, так и в некотором изменении творческого облика Б. Пастернака после его возвращения на родину, что проявилось, помимо прочего, в обращении к революционной тематике. Переживания писателя, связанные с пребыванием в Берлине и необходимостью «определиться», в какой-то мере нашли отражение в романе «Доктор Живаго».

М. Цветаева провела в Берлине, где она должна была встретиться с приехавшим из Праги С. Эфроном, всего два с половиной месяца, которые, однако, оставили заметный след в культурной жизни «русского Берлина». На четвертый день после прибытия в Берлин (в мае 1922 года) она читала стихи в «Доме искусств», через две недели приняла участие в полемике на страницах газеты «Голос России». М. Цветаева резко выступила против А. Толстого, напечатавшего в сменовеховской газете «Накануне» письмо из России К. Чуковского, который обвинил некоторых петроградских писателей в том, что они «поругивают советскую власть». Издательство «Эпоха» купило у М. Цветаевой «Царь-девицу», а издательство «Геликон» — сборник «Ремесло». Уже после отъезда в Прагу в «Эпохее» появился «Световой ливень», вызвавший резкий отклик В. Набокова.

Приезд С. Есенина в Берлин был связан с турне по Европе и Америке его жены А. Дункан. Но у поэта были и чисто литературные соображения. В просьбе о выдаче мандата Наркомпроса, обращенной к А. Луначарскому, он писал, что трехмесячная поездка нужна ему для издания книг — своих и «примыкающей ко мне группы поэтов»¹. По прибытии в Берлин Есенин поначалу действительно занимался литературными делами: напечатал в «Накануне» свои стихи, опубликовал несколько сборников стихотворений, даже пытался организовать перевод своих стихов и А. Мариенгофа. Однако быстро убедился в отсутствии в Германии интереса к имажинистам, и его обширные планы свелись к скромным результатам. В общей сложности он выпустил «Пугачава», «Собрание стихов и поэм» и «Стихи скандалиста».

В мае 1922 г. в клубе Дома искусств состоялось первое выступление Есенина, вызвавшее переполох. Поэт потребовал от публики пения «Интернационала», в противном случае он не соглашался читать стихи. В ответ раздались крики и свист. Событие это довольно красочно описывалось в берлинской прессе и последующей мемуарной литера-

¹ Вопросы литературы. 1966. №10. С. 250.

туре эмиграции¹. После такого начала Есенину удалось встретиться в Берлине только с Горьким и А. Толстым.

Дольше других оставался в Берлине В. Набоков — до 1937 г. Не принимая немецкие порядки и презирая «аборигенов», писатель, тем не менее, вынужден был довольно долго жить в этом чуждом для него городе. В своих произведениях он сумел воссоздать удивительную атмосферу существования русского человека в индустриальном западном городе. За десятилетие с небольшим В. Набоков (известный в 1920–1930-е гг. под псевдонимом Сирина) написал и опубликовал в Берлине романы и повести: «Машенька» (1926), «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (отд. изд. — 1930), многочисленные рассказы, печатавшиеся в различных газетах и журналах, часть которых вошла в книгу «Возвращение Чорба. Рассказы и стихи» (1930), а также ряд пьес, многие из которых были поставлены не только в Берлине, но и в Париже, Праге, Варшаве, Белграде, Нью-Йорке.

Настоящая известность пришла к В. Набокову-романисту. Ранние его стихи и рассказы, разбросанные по разным газетам и журналам Берлина и Парижа, — их некоторая часть составила книги избранных стихов «Гроздь» и «Черный путь» (Берлин, 1923), — а также рассказы того же периода творчества, опубликованные главным образом в берлинской газете «Руль», были сдержанно встречены критикой и успеха не имели. Его старший наставник в литературно-критической деятельности Ю. Айхенвальд очень сетовал, что в стихах Набокова много подражания Бунину: «По стопам певца «Листопада» сознательно хочет идти наш начинающий автор. Во многом он остается верен своему обету, но знает уклоны и в другую сторону, от чистоты и ясной силы — в сторону изысканности. Нельзя быть уверенным, что все это, хоть и своеобразно красивое, — в духе Бунина»². Рецензента привлекают «вспышки мысли» и «печать культурности», за которыми угадывается склонность к прозе — «В общем стихи Сирина не столько дают уже, сколько обещают».

«Машенька», воспринимавшаяся как символ России, впервые обратила на себя внимание в Берлине, что объясняется неординарностью решения уже известной темы — русский человек за границей. Русских читателей эта повесть, несомненно, потрясла глубиной проникновения автора во внутренний мир героев, обычно остающийся в подтексте, а также способностью передать настроение трагической

¹ Накануне. 1922. 14 мая; *Гуль Р.* Сергей Есенин за рубежом // *Новый журнал.* 1978. № 132. С. 157–168.

² *Каменецкий Б. В.* Сирина. «Гроздь» и «Горный путь» // *Руль.* 1923. 28 янв.

эпохи. Проза В.Набокова того времени импрессионистична, герои и события обозначены в общих чертах, однако подобная форма использования жизненного материала — присущая лучшим образцам литературы XX века — дает свободу памяти и воображению читателя. Ведь каждый русский, остановившийся в этом городе в начале 20-х гг., стремился представить свое бытие более безмятежным, чем оно было в действительности.

В произведениях, тематически связанных с Берлином («Машенька», «Король, дама, валет»), В.Набокову удалось удивительным образом передать жуткое ощущение обреченности, привкус несвободы, еще не осознаваемые приехавшими в 1922 г. в Берлин русскими, но уже начавшими понимать это к 1925 г. В этом смысле в самых первых «берлинских» романах В.Набокова еще можно уловить оттенок «социальности», позднее ушедший из творчества писателя. В Берлине В.Набоков активно работал и как драматург. На берлинской сцене ставились его пьесы «Скитальцы», «Человек из СССР» и другие.

Вскоре характеристика Сирина (В.Набокова) как «самого законченного, самого значительного и своеобразного писателя из молодых, определившихся в зарубежье, как «значительнейшее явление поколения „детей эмиграции“» сделалась общим местом в эмигрантской критике 30-х гг.¹ В берлинский период к писателю пришло признание и за пределами круга русскоязычных читателей: примечательно, что В.Набокова более других россиян переводят на иностранные языки. Почти сразу после первой публикации на русском языке выходят по-немецки «Машенька» и «Король, дама, валет», но все это относится уже к 30-м гг., когда В.Набоков остался в Берлине по существу в творческом одиночестве, ожидая разрешения на постоянное жительство в другой стране.

Приезд в начале 1922 г. Б. Пильняка в Берлин вместе с поэтом-имажинистом А. Кусиковым, который (в отличие от Б. Пильняка) в Россию не вернулся, сыграл роль своеобразного стимула для распространения «сменовеховских» идей среди литераторов-эмигрантов. Позднее Б.Пильняк возвратился на родину и в начале 1937 г. был расстрелян как японский шпион.

К концу 1923 года Берлин постепенно утрачивает значение одного из центров русской культуры наряду с Москвой и Петроградом.

¹ Postnikov S. Russische Emigranten Literatur. Osteuropa. 1933/34. №9; Arseniew N. von. Die Russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. Mainz, 1929; Salkind E. Die Junge Russische Literatur in der Emigration. Osteuropa. 1930/31. №6.

Однако до того времени — и это можно утверждать с уверенностью — он был в большей степени способен объединить и реально объединил представителей противоположных литературных и общественных полюсов, чем обе советские столицы. В «островных» условиях оторванности от бед и бурь своего времени противоречия враждующих литературных групп казались незначимыми и второстепенными.

Возможность русского «завоевания» Берлина была во многом обусловлена объективным характером общеевропейской ценности русской литературы и культуры в целом. Яркими примерами подобной значимости могут послужить такие направления искусства, как конструктивизм в архитектуре и супрематизм в живописи, а также такая новаторская литературная форма, как роман-репортаж И. Эренбурга, увидевший свет в Берлине. В издательстве «Геликон» вышел в свет роман Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», экземпляры которого были посланы в Россию.

В результате введения в Советской России НЭПа в марте 1921 г. — после X съезда РКП(б) — среди выехавшей из страны интеллигенции начался процесс идейной дифференциации, выражением которого явился выход в Праге сборника «Смена вех». Часть эмиграции, не принимая коммунизм, увидела в НЭПе признаки постепенной эволюции советского строя к капитализму, что явилось причиной возникновения «примиренческих» настроений. Размежеванию в какой-то мере способствовал и переезд А. Толстого из Парижа в Берлин — поближе к России, — а также его встреча в апреле 1922 г. с Б. Пильняком — активным агитатором за возвращение. В работе А. Толстого по редактированию литературного приложения к «сменовеховской» газете «Накануне», издававшейся «эмигрантами-возвращенцами», выявилось его положительное отношение к отъезду на родину. В апреле 1922 г. Н. В. Чайковский, в прошлом глава «Северного правительства», являвшийся в то время председателем «Исполнительного бюро Комитета помощи белоэмигрантским писателям и ученым», назвал сотрудничество А. Толстого в «Накануне» открытым переходом на сторону самозванной власти в России. в ответ было опубликовано «Открытое письмо Н. В. Чайковскому»¹, перепечатанное «Известиями», в котором А. Толстой заявил о вреде для писателя участия в политической борьбе и том, что совесть зовет его «ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, но вколотить в истрепанный бурями русский корабль». Подобное выступление фак-

¹ Накануне. 1922. 14. апр.

тически явилось политическим актом. После этого заявления, прямо говорящего о разрыве с «непримиримой» эмиграцией, А. Толстой был исключен из Союза русских писателей и журналистов.

С «возвращенческими» настроениями, со стремлением «вписаться» в «официальную» советскую литературу и, может быть, с некоторыми признаками идейной подчиненности связана и тональность произведений писателя, созданных перед окончательным переездом в Советскую Россию. Так, «Аэлита» — первый роман А. Толстого, опубликованный после одобрения М. Горьким в Советской России (1922), — затрагивает социально-политическую тематику, а его главный герой Гусев участвовал в революции. Статья «О новой литературе» прямо говорит о «новой личности» и «новом сознании»¹. Ирония по отношению к эмиграции в какой-то мере ощущается в рассказе «Рукопись, найденная под кроватью». В июле 1923 г. А. Толстой, забрав семью и некоторых членов редакции «Накануне» (Ю. В. Ключникова, А. В. Бобрищева-Пушкина), переехал в Россию.

К концу 1923 г., когда резко ухудшились экономические условия берлинской жизни, а прежнее непрочное объединяющее начало русских эмигрантов распалось. Затянувшаяся «остановка в пути» закончилась: одни двинулись дальше на Запад в другие центры русской эмиграции — Париж и Прагу, — многие вернулись назад — на Восток. Тем не менее книгоиздательская деятельность русских в Германии продолжалась, хотя и не в таких масштабах, и в последующие годы. Так, в 1932 г. в берлинском издательстве «Петрополис» вышел русский перевод Т. Лещенко нашумевшего романа известного английского писателя Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей». Читатели в Советском Союзе смогли познакомиться с этой книгой только с наступлением эпохи гласности. Подобных примеров можно привести множество. Само же издательство «Петрополис» существовало до 1938 г.

Несмотря на относительно недолгий период существования «русского Берлина», он — в силу интенсивности культурной жизни и насыщенности событиями — оказал определенное влияние не только на немецкую, но и на всю западную культуру. Этот период отмечен своеобразным духовным взаимопроникновением творческого сознания русских и немецких художников, скульпторов, философов, писателей: Карла Айнштейна и В. Кандинского, Т. Манна, Н. Мережковского, А. Ремизова; Ивана Фалуди и С. Есенина; Вальтера Бенджамина и Аси Лацис; Б. Брехта и С. Третьякова.

¹ Толстой А. О новой литературе // Накануне. Лит. прилож. 1922. 1 июня.

ГЛАВА I

Подводя итог, следует отметить, что со времен первой русской революции 1905 г. в Берлине образовалась устойчивая русская эмигрантская среда, и на этой благодатной почве в 20-е гг. сформировалась новая общность, главной чертой которой был не дух политического «эмигрантства», а атмосфера взаимного культурного влияния, творческого взаимообогащения. Причем оба народа — немцы и русские — всегда демонстрировали очень высокий уровень культурного развития — поэтому нет никаких причин говорить о доминирующем влиянии одной культуры на другую.

Эта же среда придала и неповторимое обаяние литературной критике, открывшей собой дорогу русскому зарубежному литературоведению.

ГЛАВА II

Русская классическая литература в критике русского Берлина

Изучение русской литературы прошлого в условиях оторванности от русской культурной и языковой среды, литературных источников и архивных документов наложило определенную специфику на то, что публиковалось в Берлине 20-х гг.

Вследствие понятного упадка источниковедческой и текстологической работы ощущается заметное смещение интересов и сужение литературоведческой проблематики. Альтернативой русской литературоведческой школы стала в зарубежье литературная критика классической литературы, ориентированная только на печатное слово. Основная ставка теперь делается не на развитие классической традиции «высокого» пушкиноведения, достоевсковедения, толстоведения и тем более не на дискредитированную механическую анатомизацию жизни и творчества того или иного писателя, а на новый синтетический подход, занятый «толкованием эстетическим и философским» (Ходасевич), изучением писательского наследия на фоне России и в контексте русской истории.

Мерилом актуальности, ценности такого восприятия классики считается теперь ее общедоступность и занимательность. На повестку дня стал вопрос о доколе неслыханном испытании ее как явления пророческого для России, как символе русскости. Вместе с тем восприятие русской классики носило и некий упрощенно-догматический характер: «в духе момента» понимаются некоторые аспекты биографии и творчества писателей, к примеру, вопросы о религиозности, политических воззрениях, патриотизме. Имеет место также и предпочтение, оказываемое определенным темам и сюжетам, отказ от «неудобных» фактов и суждений литературно-критической мысли предшественников, например Белинского, Добролюбова, Чернышевского, и исследователей русской литературы в Советской России — Воронского, Луначарского, Тынянова.

Однако неоспоримы успехи эмиграции на поприще философского и философско-религиозного осмысления миссии русских писателей. Именно в Берлине были опубликованы многие критические работы, давшие ускорение интеграции классики в европейскую культурную среду, положившие в дальнейшем начало профессиональной западно-европейской русистике.

Нельзя не заметить, что основное внимание берлинской критики сосредоточивалось преимущественно вокруг имен Толстого, Пушкина и Достоевского, однако и публикации и о других писателях также представлены. При этом поражает не глубина освоения материала, а широта интересов. Из писателей XIX в. представлены работы о Грибоедове, Карамзине, Баратынском, Аксаковых, Гоголе, Гаршине, Жуковском, Лескове, Чернышевском, Салтыкове-Щедрине, Успенском, Некрасове, Пушкине, Тургеневе, П. Д. Боборыкине, А. К. Толстом, Никитине, Герцене, Чехове. Список внушительный, но не исчерпывающий. Обращает на себе внимание отсутствие публикаций о Лермонтове, Гончарове и других на фоне интереса к творчеству и личности писателей второго порядка.

Вместе с тем нужно отметить, что интерес к перечисленным писателям неоднороден. Большинство из них вызвало лишь юбилейные публикации по поводу рождения или смерти (П. Д. Боборыкин, В. М. Гаршин, А. И. Герцен, Ап. Григорьев, И. С. Никитин, А. К. Толстой, Г. Успенский)¹; другие стали предметом интереса в связи с публикацией их собраний сочинений или находками новых неизданных произведений, чаще писем или мемуаров (Тургенев, Лесков, Чехов, Грибоедов, Тютчев, Салтыков-Щедрин).

Эти статьи и заметки чаще всего либо носят мемуарный характер, либо не выходят за рамки самого общего наброска, приуроченного к юбилейным датам. Нередко новизна публикации определяется но-

¹ См. статьи: В. С. П. Д. Боборыкин // *Голос России*. 1919. 19 июля; *Быков П.* Писатель-мученик (Из воспоминаний о Вс. Гаршине) // *Руль*. 1930. 6 авг.; *Энгельгардт Б.* Из неизданной повести В. М. Гаршина // *Руль*. 1922. 23 авг.; *Русов Н. Н.* Аполлон Григорьев (По поводу столетия со дня рождения) 1822–1922 // *Накануне*. Лит. прилож. 1922. №25. С. 9–10; *Ляковский А.* Культурная работа А. И. Герцена в Вятке (По неизданным материалам) // *На чужой стороне*. 1924. №8. С. 213–219; *Русов Н. Н.* Герцен и Лавров // *Накануне*. Лит. прилож. 1922. №26. С. 10–11; Семейная драма А. И. Герцена // *Руль*. 1921 3 апр.; *Яценко А.* Возвращение Герцена // *Голос России*. 1920. 3 июля; *Каменецкий Б.* Поэт погоста // *Руль*. 1924. 5 нояб. [100-летие Никитина]; *Кондратьев А.* О смерти Алексея Толстого // *Руль*. 1925. 29 сент.; *Елпатьевский С.* Глеб Иванович Успенский // *Руль*. 1927. 27 апр.

выми данными о жизни писателя, почерпнутыми из оказавшихся на Западе архивов, либо интересом к малоизвестным сторонам его жизни (болезнь, привязанности, вкусы и др.), но есть и книги обобщающего характера, правда, написанные еще до революции и лишь переизданные в Берлине¹.

Освещение литературной жизни XIX в. в критике русского Берлина выходит за рамки публикаций о жизни и творчестве писателей. Вниманием не обходятся и наиболее выдающиеся критики и философы, так или иначе принимавшие участие в литературном процессе. Сорокалетию литературной деятельности А. Л. Волынского посвящена публикация Э. Голлербаха в «Литературном приложении» к газете «Накануне»², двадцатилетие со дня смерти Н. К. Михайловского отмечено в статьях В. Архангельского и К. Брешковской в «Днях»³. Памяти В. С. Соловьева, одного из самых влиятельных философов рубежа веков, посвящено несколько материалов в «Руле» и «Днях»⁴. Имя его не раз упоминается в работах о Тютчеве и Чехове.

В русле общей тенденции определения традиций и истоков русской литературы обращают на себя внимание немногочисленные работы о доклассическом периоде русской литературы. Среди них довольно любопытно скрупулезное исследование специалиста по источниковедению русского права Г. М. Бараца «О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских»⁵. В ней автор, вступая в полемику с А. А. Шахматовым, использует «стилометрический» способ точного определения принадлежности каждой статьи третьей редакции «Повести», чтобы установить подлинных составителей начальной летописи. В статье кн. Д. Святополк-Мирского «О Московской литературе и протопопе Аввакуме» автор сокрушается, что живая связь наша с эпохой «Московскою», нарушенная резко и

¹ *Котляревский Н.* Холмы Родины. Берлин, 1923; *Иванов-Разумник Р.* Русская литература от семидесятых годов до нашего времени. Берлин, 1923.

² *Голлербах Э. А. Л. Волынский* (К 40-летию литературной деятельности) // *Накануне*. Лит. прилож. 1922. № 8. С. 8–9.

³ *Архангельский В. Н. К. Михайловский* // *Дни*. 1924. 10 апр.; *Брешковская К.* Большой человек // *Дни*. 1924. 10 февр.

⁴ *Айхенвальд Ю.* Русский мыслитель // *Руль*. 1925. 21 окт.; *Каменецкий Б.* Литературные заметки // *Руль*. 1925. 28 янв.; *Каменецкий Б.* Страна воспоминаний // *Руль*. 1924. 17 дек.; *Каменецкий Б.* Страна воспоминаний // *Руль*. 1924. 17 дек.; *Салтыков А.* Памяти праведника // *Руль*. 1925. 3 июля.

⁵ *Барац Г. М.* О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. Берлин, 1924. 262 С.

основательно на рубеже XVIII–XIX вв., была восстановлена лишь декадентами. Однако литература в этот процесс не попала, так как «в допетровской Руси не было литературы как особой, необходимой, автономной отрасли национальной культуры, со своей непрерывно развивающейся традицией, как особого русла, поглощающего в себе определенное количество культурных сил нации. Вся художественная энергия наших предков уходила в Храмосодительство и в Иконопись»¹. И так как светская литература в чистом виде не существовала, то, полагает автор, «у Аввакума как писателя не было предшественников». Далее исследователь приходит к выводу, что сформированный Аввакумом в процессе написания «Жития...» русский, московский, язык стал им сознательно использоваться в полемической литературе не из-за плохого знания славянского, а как сознательный литературный прием. Кн. Д. Святополк-Мирский сожалеет, что из-за особых условий русской культуры пример Аввакума пропал для современников и ближайшего потомства: «Книжный язык, да еще не московский, а новый, киевский остался победителем и от него пошла традиция Ломоносова, Карамзина, Пушкина. „Натуральная школа“ вводила „народный“ язык в литературу, но не тот, что Аввакум. Их метод был пассивный — они фотографировали живую речь, оставляя ей те же функции, что и в жизни»². Задачу современного литературоведения автор видит в «открытии дороги Аввакуму», в признании в нем классика, «образцового писателя».

Тема соотношения литературы доклассической с литературой XIX в. возникает и в связи с творчеством Радищева, Державина и Карамзина. В критике представлены две противоположные точки зрения на эту связь. С одной стороны, Ю. Айхенвальд отказывается видеть в Радищеве литературный пример для будущих писателей. Он для него лишь предтеча «кающихся дворян». И хотя «есть что-то трогательное в его образе, и даже сквозь риторику слышится в его книге биение прекрасного сердца, но книга эта давно устарела, — и не только внешне. Между тем иные этого не заметили — именно те, которые остались консерваторами, подчиняясь инерции своего революционизма»³. В Карамзине критик видел только общественного деятеля не оказавшего никакого влияния на литературную традицию. «Он не был так значителен и силен, чтобы высоко подняться над обычаями и практикой своего времени, но в его собственной натуре были черты приветливости

¹ Евразийский временник. 1925. Кн. 4. С. 341.

² Евразийский временник. 1925. Кн. 4. С. 348.

³ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 23 марта.

и мира, святой благожелательности и бескорыстия. Шел от него ток религиозного смирения и чистоты. У него — столько приметы индивидуальности, сколько общие особенности сентиментализма. В его произведениях выражения ощущений отделились от самих ощущений, слезы — от скорби, улыбка — от удовольствия. У него чувства — сами по себе, а он сам по себе. Он не углубляется ни в какую эмоцию, не испытывает как следует ни одного чувства, и нет у него проникновения в трагизм. Чтобы не уходить от Гоголя, вспомним, как приторен Карамзин, этот Манилов нашей беллетристики. Как писатель он отличается неодолимой преснотой. Не соль — его легкая насмешливость, лукавство, умеренные шутки, рассыпанные по его страницам, и не радует его игривость. Был великолепен его стиль, тонкое было у него чувство речи, и благодаря ему, он щедро обогатил наш богатый язык. Наш лучший европеец начала XIX в., предтеча Герцена, в Европе депутат России, с исключительным уважением к западной чужбине, но верный и любимый сын своей восточной родины»¹.

А с другой, М. Л. Гофман полагает, что хотя Карамзин «несозвучен нашему времени» и «не находит себе живого отклика», он все же «был одним из предтеч и наставников в поэзии Пушкина. „История“ отняла у нас поэта. Карамзин не только восстает против холодности и рассудочности классицизма, но и раздвигает рамки поэзии. От условного деления литературных произведений по видам Карамзин переходит к свободным лирическим стихотворениям, уже в XVIII в. предвзята пушкинскую эпоху»². Эта же мысль, только в более широком — общеславянском — контексте звучит в книге В. А. Францева «Державин у славян»: «Русская литература — кормилица болгарских, прикарпатских, сербских и черногорских народов»³. Это говорится о переводах на многие славянские языки од Державина «Фелица» и «Бог», а также о созданных славянскими писателями — черногорцем П. Негошем («Черногорец к всемогущему Богу») и прикарпатцем А. Духновичем («Мысль о Боге») — оригинальных произведений, вдохновленных этими творениями.

И все же главным вниманием берлинской критики была русская литература XIX в. Существенным вкладом этого периода русской зарубежной критики являются, как уже отмечалось, монографии и статьи, касающиеся творчества Пушкина, Достоевского, Толстого. В них намечены все основные направления изучения этих писателей в сле-

¹ Айхенвальд Ю. Столетие Карамзина // Руль. 1926. 9 июня.

² Гофман М. Л. Поэзия Карамзина (К 100-летию юбилею) // Руль. 1927. 23 марта.

³ Кондаков С. В. А. Францев. Державин у славян // Руль. 1924. 25 мая.

дующие периоды — споры о сущности русского самосознания, исторические пути России, религиозно-философское пророчество судьбы родины, степень ответственности культуры, вопросы преемственности русской традиции и ее связи с западноевропейской. Вместе с тем было бы явно не верным выделять только центральные фигуры русской литературы: интерес к ним понятен и вполне объясним. Но не менее важно для понимания специфики литературно-критической мысли в Берлине обращение к ближайшему окружению этих имен. Имя Пушкина окружено его ближайшими современниками: Грибоедовым, Кюхельбекером, Баратынским, Жуковским, Тютчевым.

В оценке Грибоедова критика прежде всего обращается к его личности, которая представляется как крайне противоречивая и загадочная: интерес его к Востоку занимал ум, но оставлял «пустыню в сердце. Этот разлад внутренней жизни и внешних впечатлений проходил сквозь всю жизнь»¹, и к образу Чацкого, в котором видятся черты автора: «В Чацком для нас воплощался идеал благородного протеста»². По мнению, А. Кизеветтера, который считал Грибоедова человеком блестящего образования и обширного ума, «душевная броня отделяла его от большинства людей»³, но именно это и сближало писателя с его героем: «Чацкие — несомненная реальная принадлежность общественного круга той поры. Под формами проходящего исторического быта поэт чудодейственно схватил некую вневременную, вечную принадлежность общежития... Фамусов и его гости — это то же самое, что и у Ибсена в „Столпах общества“. Это — люди, по внешности стоящие на страже основ общежития, а на самом деле лицемерно возводящие на степень добродетели и заслуг отъявленнейшие пороки своего века и своей среды... Борьба Чацких с такими «столпами общества» наполняет собой содержание всей мировой человеческой комедии. и вот почему Грибоедов создал в своей комедии нечто большее, нежели простую бытовую картину своей эпохи... Итак, „Горе от ума“ не только художественное создание, но и исторический документ»⁴.

Эта мысль получила более глубокое развитие в этюде Ю. Айхенвальда «Грибоедов» из «Силуэтов русских писателей», где он проводит па-

¹ Минорский В. «Цена крови» Грибоедова. Неизданный документ // Русская мысль. 1923. №3–5. С. 333–345.

² Яблоновский С. Без Чацкого // Руль. 1929. 13 февр.

³ Кизеветтер А. Грибоедов и его комедия // Руль. 1929. 13 февр.

⁴ Кизеветтер А. Литературные отражения эпохи Александра I. «Горе от ума» // Кизеветтер А. Исторические силуэты. Люди и события. Берлин: Параболла, 1931. С. 160–161.

раллели с героями произведений Шекспира и Сервантеса: «В трибуне московских салонов живут черты Гамлета, который противопоставляет свою неумолкающую критику, свою неугомонную и пытливую думу пошлой непосредственности окружающего мира. Чацкий тоже, как и тоскующий датский принц, должен был сбросить со своих разочарованных глаз пелену мечтаний и увидел жизнь во всей ее изменности и лжи. И Гамлета только потому не осливали безумным, как его русского преемника, что он сам успел и сумел надеть на себя личину сумасшествия... Правда, в противоположность шекспировскому герою, Чацкий в своем размышлении, в своем осуждении не достигает философской высоты, но нам известны его положительные требования от жизни, его слово звучит как дело, он борется, и в этой борьбе он напоминает того, кто Гамлету противоположен: в этой борьбе его постигает грустная и смешная участь Дон Кихота»¹.

В аресте Кюхельбекера берлинская критика видит возможную судьбу Пушкина, случись ему быть в декабре 1825 г. в Петербурге². А Жуковский интересуется ее по большей части как знаменитость в ее взаимоотношениях с царями³ и в личной жизни⁴. Вместе с тем, именно в Берлине Айхенвальдом был специально для нового издания книги написан этюд о Жуковском, в котором поэт рисуется как «тишайший» «представитель всяких признаний и покорности». Это свойство творческой личности вообще приветствуется критиком, но только в том случае, если эта тишина и покорность явились следствием какого-либо внутреннего напряженного процесса, чего не случилось с Жуковским. «Психологически и эстетически это можно было бы вполне приветствовать лишь тогда, если бы его мирозерцание прошло через горнило каких-нибудь сомнений и критики, если бы хоть один луч протеста и гордыни когда-либо прорезал его слишком невозмутимую первоначальную тишину. Но нет: благонравие и благоволение Жуковского спокойно, без ритма, без колебаний, и кажется, что его душевное море никогда не знало прилива и отлива, — в таком случае, море ли оно?..»⁵

¹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923. Цит. по кн.: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 1. С. 48.

² Ростиславов М. Арест В. К. Кюхельбекера // Руль. 1924. 26 дек.

³ Гофман М. Л. Жуковский и Александр II // Руль. 1924. 6 дек.

⁴ Гофман М. Л. Жуковский в семье Протасовых и Воейковых // На чужой стороне. 1925. №9. С. 219–252; Заметки о Жуковском (к 75-летию смерти) // Руль. 1927. 4 мая.

⁵ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923. Цит. по кн.: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 2. С. 219.

Тем не менее «созерцательная фигура» Жуковского, по мнению Ю. Айхенвальда, достойна уважения, так как «он из этой созерцательности немедля выходил», когда нужно было выручать товарищей по ремеслу от Пушкина до Шевченко: «где русский писатель в беде, там около него, помогая и поддерживая, стоит Жуковский»¹.

Тютчев и Баратынский связываются с Пушкиным в идейно-художественном плане. Большинство критиков русского зарубежья воспринимает Баратынского как поэта-философа, иного, чем Пушкин, направления и потому недооцененного. М. Л. Гофман отмечает: «Точки соприкосновения с Пушкиным и со временем находим мы в поэмах Баратынского, несмотря и на своеобразие их, и на сознательное выраженное намерение поэта идти своим путем, отличным от пути творца «Кавказского пленника». Для нас ценно его «не общее выражение», его уход из своего времени, его особенные поэтические слова, его особенные музыкальные звуки и то стремление за грань чувственного, которое ему не могло сообщить никакое поэтическое время. Из стремления Боратынского за грань чувственного возникает та особенность приемов его творчества, которая позволяет его называть первым поэтом символистом, предтечей «поэзии таинственных скорбей»².

Ю. Айхенвальд видит в нем «поэта мысли»: «он часто одевает свою сконцентрированную идею в какое-нибудь одно соответствующее слово, в какой-нибудь один эпитет, который зато наполнен содержанием до краев, точно художественный, большею частью — старинного стиля сосуд»³.

В берлинский период существования русской эмиграции уже была сформулирована основная общеэмигрантская идея о великой духовной миссии русской культуры. В этой связи начинает вырисовываться объединяющая идея общепризнанного и доступного гения. На эту роль безусловно был выдвинут Пушкин, культ которого начал формироваться в Берлине в связи с празднованием 125-летнего юбилея поэта в 1924 г. и окончательно был создан в Париже к 1937 г. — сотой годовщине его гибели.

¹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923. Цит. по кн.: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 2. С. 221.

² Гофман М. Л. Е. А. Боратынский (1800 – 19 февр. ст. ст. 1925) // Руль. 1925. 3 марта. В 1923 г. в Берлине издательство Гржебина выпустило сочинения Баратынского, научный аппарат к которому был также подготовлен М. Л. Гофманом.

³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923. Цит. по кн.: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 1. С. 107.

В русском национальном самосознании гений Пушкина был уже давно неоспорим, поэтому утверждению культа поэта в эмиграции было естественным для унесших Россию в своем сердце. Но изгнание поставило этих людей в новые отношения, прежде всего связанные с пребыванием в Европе, с будничным общением с ее культурой и трудностями проникновения в тщательно отгораживаемый мир западной жизни. Эти обстоятельства выдвинули перед эмиграцией новую задачу приобщения Запада к постижению гениальности Пушкина. Она была сформулирована А. Бемом, который полагал, что миссия эмиграции по отношению к русскому гению может быть выполнена, когда «мы сможем сказать, что Пушкин не только наш национальный гений, но и русский гений всечеловечества. Рано или поздно это будет признано, словесно признается и сейчас, но далеко еще не вошло в сознание в той мере, как стало, например, с Сервантесом, Данте, Шекспиром и Гёте»¹. Поводом для высказывания послужило то обстоятельство, что к концу 20-х гг. в эмигрантской критике, точнее в парижский ее период, «именно среди тех, кто должен бы нести весть Пушкина в Европе, раздаются голоса не только сомнения в Пушкине, но и произносятся прямая хула на него». Речь здесь идет прежде всего о парижских публикациях Г. Адамовича 1927–1931 гг. Вдаваться в суть этого спора дело совсем другой работы, главное — это то, что А. Бем опубликовал свою статью «Кульм Пушкина и колеблющие треножник» в 1931 г. в берлинском «Руле», доживавшем свои последние дни, когда берлинский период критики практически завершился, но для которого было незбылемо положение Пушкина как «действительно высочайшей вершины нашего национального гения».

Начало этому процессу было задано в 1923 г., когда в Берлине вышли сразу две книги, посвященные поэту — факт для эмиграции, а тем более для «берлинского» ее периода беспрецедентный. Ю. Айхенвальд, существенно переработав дореволюционную версию, публикует первый том «Силуэтов русских писателей (Пушкинский период)», и берлинская критика отзывается на это событие сразу тремя рецензиями в «Руле» и «Днях»². В это же время выходят «Очерки по поэтике Пушкина»³, включившие работы теоретического плана П. Г. Богатырева, Б. В. Томашевского и В. Б. Шкловского — авторов, проживавших в России и не имеющих определенной политической ориентации. В начале 1925 г. публикуется также серьезное исследование Н. Котля-

¹ Бем А. Л. Кульм Пушкина и колеблющие треножник // Руль. 1931. 18 июня.

² Руль. 1923. 29 апр., 25 нояб.; Дни. 1924. 3 февр.

³ Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. 220 с.

ревского «Пушкин как историческая личность»¹. Она встречена была довольно сурово в критике: «Нельзя найти в ней ни Пушкина вообще, ни как историческую личность. Есть кое-что и от той и от другой, но нет ничего целого, нет однородности. Не решено главное: изобразить Пушкина как лицо историческое, т. е. вывести его из русской истории и в русскую историю ввести»². И тем не менее эти книги определили высокий уровень публикаций, последовавший затем в периодике. Появились рецензии и целые циклы статей известных пушкинистов — М. Гофмана, Б. Бродского, Е. Ляцкого, Э. Голлербаха; знаменитых поэтов и писателей В. Ходасевича, К. Бальмонта, К. Зайцева, М. Алданова.

Начавшая таким образом складываться зарубежная пушкинистика имела свои характерные, берлинские, черты. Во-первых, очевидна еще тесная связь с пушкиноведением в России. В берлинской периодике постоянно публикуются отклики на издания пушкинских произведений или рецензии на литературоведческие новинки, а также архивные находки. В статье Е. Ляцкого «Пушкиноведение в России» обращается внимание на то, что в отличие от работ пушкинистов недавнего прошлого — А. С. Полякова, Сакулина, Н. К. Пиксанова — в работах которых представлены образцы научного подхода к классике, «Брюсов занимается склеиванием текстов Пушкина». Автор статьи искренне желает, чтобы «росло и крепло сочинительство Брюсова в направлении Пушкина, а не Пушкина в направлении Брюсова»³ и чтобы он не стремился комментариями своими придать Пушкину присущий ему политический радикализм.

В недостаточной строгости методов изложения, в торопливости работы и попытке «из биографии выводить творчество» упрекает М. Л. Гофман Л. Гроссмана, выпустившего в издательстве «Современные проблемы» свои статьи о Пушкине⁴. Столь же критически оцениваются им и публикации Щеголева о жизни Пушкина, в которых делается попытка также произвольно увязывать жизнь поэта с его творчеством, отчего, по мнению автора, Щеголевым делается ничем не обоснованный вывод о том, что М. Волконская была «утаенной любовью» Пушкина: «Творчество Пушкина постоянно питалось жизнью,

¹ *Котляревский Н.* Пушкин как историческая личность. Берлин, 1925. 260 с.

² *Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1925. 22 апр.

³ *Ляцкий Е.* Пушкиноведение в России // Новости литературы. 1922. № 1. С. 10–12.

⁴ *Гофман М. Л.* Пушкин Л. Гроссмана // Руль. 1929. 24 апр.

но не фотографировало жизнь, и факты поэтического видения не совпадали в его творчестве с фактами реальной жизни»¹.

Больше радости в зарубежье вызывало открытие новых архивных материалов, так как источниковедение и текстология практически находились в то время в упадке. С восторгом было встречено в Берлине известие о находке в архивах Москвы тридцати писем Е. М. Хитрово от Пушкина², а также посланий к И. В. Киреевскому от 1832 г. по поводу сотрудничества в журнале «Европеец», чтобы противодействовать монополии «Северной пчелы» Булгарина и Греча, и возмущения Пушкина по поводу его закрытия. Материалы Онегинского собрания, в то время еще находившегося в Париже, также попали в сферу внимания критики, которой даже удалось опубликовать в «Руле» текст сонета «Мадонна» в новой редакции из альбома И. В. Малиновского, познакомить читателя с «полушутливым тоном» письма к Дельвигу, найденному в Ленинграде³, а также с запиской лицейского периода «Егозы Пушкина»⁴.

Осуществились даже попытки соединить усилия пушкинистов России и Зарубежья, что нашло отражение в уже упоминавшихся «Очерках по поэтике Пушкина». В статье Б. Томашевского «Пятистопный ямб Пушкина» прослеживается мысль о реформаторской роли поэта в русском стихосложении: «Влияние Пушкинского ритма не изжить доньше, что лишний раз доказывает, что Пушкин и его стихотворная техника не только исторический документ и что совершенно независимо от того влияния, которое он на развитие русского стихосложения XIX в., он угадал в русском стихе его собственные нормы, подчиняющие себе и творцов новых ритмов»⁵. П. Богатырев, анализируя структуру и мотивы стихотворения Пушкина «Гусар», приходит к выводу о многочисленных источниках его и довольно широкой связи с другими произведениями как народной, так и литературной традиции.

Среди публикаций о творчестве Пушкина в берлинский период на удивление мало работ о «Евгении Онегине». Поэтому статья В. Шкловского о романе, где главной задачей исследователя называется «торожение внимания, восстановление «установки на форму», типичной для художественного произведения»⁶, существенно восполняет этот

¹ Гофман М. «Утаенная любовь» Пушкина // Руль. 1928. 10, 13 июня.

² Бродский Б. А. С. Пушкин и Е. М. Хитрово // Руль. 1925. 18 нояб.

³ Бродский Б. Новое о Пушкине // Руль. 1926. 10 февр.

⁴ Айхенвальд Ю. Предки // Сполохи. 1923. № 21.

⁵ Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 114.

⁶ Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 205.

недостаток, а также связывает произведение русского классика с англичанином — Л. Стерном.

Другой стороной берлинского периода в изучении Пушкина в зарубежье является стремление связаться с Западом, в частности, Германией, известной своим классическим литературоведением. Две статьи А. Матанкина и В. Ирецкого, опубликованные в день 125-летней годовщины со дня рождения поэта в газетах «Руль» и «Дни», представляют полярные взгляды на знакомство немецкого читателя с русским гением.

В довольно обстоятельной статье А. Матанкина «Пушкин в Германии»¹ делается подробный анализ восприятия творчества Пушкина, начиная с 1820 г., когда на немецкий язык была переведена поэма «Руслан и Людмила». Отмечается большой вклад К. Вольфсона в утверждение славы Пушкина за границей. Именно он первым из европейских критиков поставил Пушкина рядом с Шекспиром, а Й. Йордан возвысил Пушкина над Байроном. Современный критик А. Лютер считает Пушкина, «как Гёте, олимпийской» натурой.

У В. Ирецкого, наоборот, «взгляд на немецкую литературу о Пушкине вызывает досаду». «Ни время, протекшее со смерти Пушкина, ни обилие лиц в Германии, владеющих русским языком не могли очистить биографию Пушкина от неточностей, ошибок, непозволительно грубых и смешных»².

Зыбкое состояние между Россией и Западом в начале 20-х гг. создало условия в русском Берлине для выработки своего собственного отношения к творчеству и личности Пушкина, которое в дальнейшем ляжет в основу всей зарубежной пушкинистики. Интерес к Пушкину, таким образом, развивался в двух направлениях. Ничто не мешало критикам обратиться к написанию сокровенной биографии поэта, к розыскам в области его личной жизни, что сильно снижало образ, воздвигнутый официальным советским пушкиноведением. Но ничто также и не мешало превращению Пушкина в идеолога русского зарубежья, учителя, пророка и воспитателя. В Берлине были сделаны первые шаги сразу в двух этих направлениях.

Интерес к личной жизни Пушкина, его взглядам и взаимоотношениям с друзьями, местами, где он останавливался, конечно, связан с положением критика в эмиграции, вынужденного обращаться к довольно широкой аудитории. Отсюда и темы публикаций: средства к существованию в Михайловском³, дневник П. В. Нащекина и степень

¹ Матанкин А. Пушкин в Германии // Руль. 1924. 8 июня.

² Ирецкий В. Немцы о Пушкине // Дни. 1924. 8 июня.

³ Недзельский Е. Бесплодная осень // Дни. 1924. 8 июня.

участия Пушкина в его создании¹, фантазии о его детях², возлюбленных³, друзьях⁴, реликвии и легенды о пребывании поэта в Кишиневе⁵ и одна из самых острых тем отношения к декабристам. И если в России старались отождествить пушкинское понимание свободы с революцией, а его самого объявить предшественником русской радикальной интеллигенции, то в зарубежье придавали первостепенное значение кризису пушкинских радикальных воззрений, писали о разочаровании Пушкина в декабризме.

А. Изюмов в статье «Пушкин и декабристы»⁶ выдвигает мысль о том, что замыслы декабристов не могли иметь успеха у Пушкина, так как родились под влиянием «чужеземного идеологизма» и в них не учитывалась «разница духовных нужд народов и требований государственных. В последние годы своей жизни, полагает автор, Пушкин пережил настоящую трагедию усталости и разочарования, приведшую его даже к религиозным настроениям». Полемизируя с публикациями, отметившими 100-летие восстания декабристов М. Л. Гофман в статье с тем же названием «Пушкин и декабристы»⁷ не приемлет отрицания декабризма: «Отрицать декабризм — значит отрицать едва ли не всю русскую литературу — быть может, наше единственное оправдание перед Западом — значит отрицать Пушкина». И хотя пушкинист не оспаривает того факта, что нет документов, подтверждающих причастность Пушкина к движению, тем не менее он настаивает, что довольно и многочисленных намеков на то, что он сам был декабристом. «Так широк русский декабризм, что он объединяет и непримиримого революционера Рылеева и свободолюбивого Пушкина. Крах декабризма произошел явно, но крах метода, только метода, а не идеи, и Пушкин с убеждением писал: „Не пропадет ваш скорбный труд...”»

Формирование из Пушкина идеолога русского зарубежья, превращение его гения в символ было связано с пришедшей из культуры Серебряного века мыслью о том, что поэт постепенно отдалается и меркнет в восприятии новых поколений. Желанием вернуть Пушки-

¹ Гофман М. Записки П. В. Нашекина // Руль. 1924. 16, 18 нояб.

² Гофман М. Фантазии о Пушкине // Руль. 1925. 7 февр.

³ Бродский Б. Вокруг Пушкина // Наша жизнь. 1926. № 1. С. 1–2.

⁴ Гофман М. Л. И. А. Пущин // Руль. 1925. 27 мая; Ходасевич В. Приезд Пущина в поэзии Пушкина // Дни. 1924. 8 июня.

⁵ Бельчанин Н. После Пушкина // Дни. 1924. 15 июня.

⁶ Изюмов А. Пушкин и декабристы // Дни. 1924. 8 июня.

⁷ Гофман М. Л. Пушкин и декабристы // Руль. 1926. 14 февр.

ну прежнюю власть над душами людей продиктовано создание В. Ходасевичем книги «Поэтическое хозяйство Пушкина», в своем наиболее полном и оригинальном виде вышедшей в берлинском журнале «Беседа» в 1923–1925 гг. Изначальная задача книги, усложнившаяся в процессе работы, определена автором в предисловии — анализ пушкинских самоповторений, или «автореминисценций»: «Каждая группа таких реминисценций выявляет какую-нибудь сторону в личности и творчестве Пушкина, освещает частность, мало известную или незамеченную вовсе»¹. Несмотря «на самые неблагоприятные условия» — Ходасевич был отрезан от пушкиноведческой литературы — автор решил предложить вниманию читателя ряд заметок, содержащих «по преимуществу наблюдения и не стремящихся к обобщениям и выводам»². Положив в основу анализа метод «медленного чтения», В. Ходасевич противопоставил свое исследование сразу двум направлениям в литературоведении — академической науке в лице Б. В. Томашевского, который усмотрел в «медленном чтении», в углублении текста нечто противоположное объективному научному анализу, и импрессионистической критике Ю. Айхенвальда, полностью полагающейся на эмоциональное состояние читателя, а не на анализ поэтических средств.

Отказываясь от мнения Б. Томашевского о том, что «медленное чтение» разрушает «эстетический темп» художественной речи и порождает «паразитические ассоциации»³, В. Ходасевич занялся не столько «мудростью» Пушкина, сколько самой его личностью, открывающейся через «медленное чтение», развивая идею об «автобиографизме» пушкинских созданий. Вследствие отказа автора от обобщений и выводов многие главы этой книги лишь демонстрируют связь между текстами, каталогизирует материал, представляют пушкинское «поэтическое хозяйство», его художественный инструментарий, зачастую без комментариев.

Принцип «автобиографического» прочтения поэзии Пушкина позволяет В. Ходасевичу расширить сферу интересов до эпистолярного наследия: «Его автореминисценции не ограничиваются областью стихов. Они часты и в письмах, причем особенный интерес имеют те, в которых эти две области, поэтическая и эпистолярная, переплетаются друг с другом. Он цитирует свои стихи в письмах»⁴. Книга о «по-

¹ Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина // Беседа. 1923. № 2. С. 164.

² Там же. С. 165.

³ Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 99.

⁴ Беседа. 1923. № 2. С. 215.

этическом хозяйстве» Пушкина — это опыт выявления пушкинских художественных приемов, а в эстетике В. Ходасевича понятие приема занимает одно из центральных мест, поэтому изучение приема — оптимальный путь познания и эстетического объекта, и стоящего за ним внутреннего мира художника.

Совершенно по-другому пути идут К. Бальмонт, Б. Зайцев, Г. Ландау в едином желании укрепить культ Пушкина, отказываясь от проникновения в творческую мастерскую поэта. К. Бальмонт раскрывает книги Пушкина, как молитву: «Когда я захочу чисто-звуковой поэзии, той наивности внутренних переплесков стиха, без которых не мыслю для себя поэтического творчества, я раскрою Пушкина для строгого взгляда вовнутрь себя, для очистительной беседы с самим собой, и он споет мне о рокошущей громадности горных рек»¹. Для Г. Ландау он воспитатель и строитель, как Петр I. «Наследие прошлого — тот капитал и орудие, которым будет построено будущее. В этом наследии, богатом, разнообразном и противоречивом, Пушкин, свергнутый как властитель культуры, остается частичной, все еще великой силой, утешающим образом, гранильщиком духа... Спасут Россию те, кто пойдет за знаменем Пушкина»². Б. Зайцев считает, что «художнику нашей минуты, в изгнании лишенному России, а в России — без свободы, света, воздуха, без среды, сочувствия, задавленному грохотом событий, подлости, торгашеств, торжеством сытого хама, там и здесь — в бедности и безотзывности, особенно ударят слова царственные: «...живи один. Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум»; если Пушкин жив, не умерла Россия — и не один же зверский лик у нее»³.

Та же интонация звучит и у других литераторов того времени. Главную партию, конечно, играет Ю. Айхенвальд, который применяя свой метод эмоционального впечатления, отказывается от филологического изучения Пушкина и призывает только его ощущать: «Безнадежна попытка доказать Пушкина. Несравненная осязаемость его произведений открывает к ним доступ для всех, а эти звуки, эта благодатная необходимость и незаменимость его сладких слов невольно рождает культ Пушкина... Смысл Пушкина именно в том и состоит, что для России его поэзия является каким-то идеальным центром, к которому сходились все радиусы от русской окружности, который одновременно стягивал к себе все дороги нашего прошлого и от себя же начинал все нормальные пути нашей будущей культуры. Пушкинская мера ве-

¹ Бальмонт К. О звуках сладких и молитвах // Дни. 1924. 8 июня.

² Ландау Г. Пушкин как воспитатель // Руль. 1924. 8 июня.

³ Зайцев Б. Пушкин в нашей душе // Дни. 1925. 8 февр.

щей — это в отношении к русской культуре, — такая близость к европеизму, которая не заглушает национального цветения, не искажает русских ростков»¹.

Поддерживая Ю. Айхенвальда в создании культа Пушкина, Э. Голлербах указывает: «Чему надо учиться человеку наших дней — это великая правда и крепость пушкинского жизнеощущения, его радостное приятие мира, жажда жизни, воля к жизни, утверждение ее смысла и ценности вне всякой зависимости от категорий «Политики», «морали», «эстетики». Не совсем соглашаясь с Ю. Айхенвальдом в определении творческого метода поэта как эстетического универсализма, Э. Голлербах определяет его как «антиномизм, который составляет существовавшее свойство религиозного, метафизического сознания в его первоисточнике, глубине»². Оправданность такого определения пушкинского метода доказывается на примере «Евгения Онегина» и «Моцарта и Сальери», где через все произведение проходят противоположные и взаимодополняющие типы Онегина и Ленского, Моцарта и Сальери: «где есть противоположности, там есть и духовное содержание».

К середине 20-х гг. в берлинской литературной критике был сформирован образ Пушкина, в котором соединились свойства обычного человека с его горестями и радостями, идеолога и пророка: «жизнь и творчество его стали для нас символом всей нашей жизни как народа, символом нашего национального духа. Гений писателя отождествился с гением России... Ни один наш писатель не совмещает в себе в такой отчетливой полноте все самые типичные черты ума и характера нашей народности. Он был по-нашему, по-русски религиозен. Религиозность нашего народа была всегда интимной областью его психики, мало доступной чужому глазу»³.

Таким образом, пушкиноведение, начиная с «берлинского» периода постепенно из строго академического превращалось в общедоступное, изложенное простым и чистым языком; наука как таковая, конечно же, не отвергалась, но и не приветствовалась ее кабинетная схоластика.

Также как и в Пушкине, критики видели в Тютчеве поэта идеи, также как и в Баратынском — идеи темной, беспорядочной, раскрывающей скорее «ночную» жизнь человеческой души, чем «дневную». Образ Тютчева, сложившийся на рубеже веков под влиянием философов-

¹ Айхенвальд Ю. (Б. Каменецкий) Россия без Пушкина // Руль. 1924. 8 июня.

² Голлербах Э. Пушкин и наши дни // Спохохи. 1923. №15–16. С. 16.

³ Котляревский Н. Пушкин как историческая личность. С. 245–246.

ских воззрений В. С. Соловьева, практически без изменений отразился в берлинской критике начала 20-х гг., тогда как следующее поколение воспринимало его не так однозначно с символистических позиций.

Ю. Айхенвальд так обобщает этот взгляд на поэта: «Ключ к поэзии Тютчева дал Вл. С. Соловьев, и говорить о ней после знаменитого русского философа можно, только исходя из его основной идеи. Соловьев сказал, что никто глубже Тютчева не захватывал таинственной основы, «темного корня» бытия; он был поэт хаоса... Тютчев слышал и видел в природе и в душе не одну только божественную организацию, стройный космос, — он чуял в них какое-то хаотическое волнение, мятеж, вечный Беспорядок»¹. Трагическое разрушение жизненного порядка критик видит прежде всего в отношении поэта к любви: «Разрушающая человеческая любовь — главное проявление нашей внутренней ночи, нашего духовного хаоса, и в этом ее убийственном свойстве мы воспринимаем отзвук того, что мир хотя и создан любовью, но правится не ею одной»².

Уникальность Тютчева представляется критику в том, что, познав «ночное, хаотичное, мрачное», он представляет занимательный контраст Достоевскому, которому тоже виделась жизнь в «ночном» освещении: «Но Достоевский из своей крошечной ночи вышел темный, Тютчева ночь оставила светлым. Вся жизнь его прошла под «кротким, благостным влиянием» Жуковского, — казалось бы, столь неподходящего для настроений хаоса; и кроткой была его поэзия, хотя и сопрякоснувшаяся демоническому началу жизни»³.

Запоздалая слава Тютчева связана не только с влиянием Пушкина, хотя и этот фактор существен. Тютчевская поэзия касалась более сложных сторон человеческого бытия, поэтому для признания должны были пройти годы. Но и в начале XX в. он воспринимается не только как светлый поэт ночной поры, но и как поэт-гражданин, имеющий свои взгляды на судьбу России. Ю. Айхенвальд не видит здесь противоречия: «Некоторая двойственность в оценке России, ее довольных и недовольных, может быть, находится в связи с тем, что колебание вообще характерно для Тютчева, выбиравшего между ночью и днем»⁴.

¹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923. Цит. по кн.: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 1. С. 116.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 123.

На полярность положения Тютчева в русской литературе середины XIX в. указывает Л. Львов в статье, посвященной его памяти. Путь Тютчева поэта и гражданина представляется критику «проходящим между Пушкиным и Достоевским, между светом и темнотой», и это нашло отражение в его публицистике, где поэт продолжил тему гибели Запада на фоне торжества России, начатую в лирике. «В напряженной патриотической тревоге Тютчев прожил всю вторую половину своей жизни. Он был вдохновенным глашатаем великой всемирно-исторической миссии России, благородным представителем патриотического консерватизма, мрачным вещателем надвигающейся катастрофы»¹.

Неразгаданность личности Тютчева была предметом интереса не только современников поэта, она также мало понятна и по прошествии лет. Поэтому впервые опубликованные восемь из восемнадцати найденных трудами ученых Пушкинского Дома писем его к Е. К. Богдановой и к С. П. Фролову до сих пор могут «поражать как таинственная загадка»². В этих письмах стареющий полупарализованный поэт настойчиво стучится в сердце «уже не молодой женщины, не отвечающей ему взаимностью».

Таинственность и непознанность его поэзии заставляет критику постоянно реагировать на любые отклики о Тютчеве, будь то материалы для биографии или поэтические тексты. Из публикаций Л. Львова в «Руле» можно узнать и о первых стихотворных опытах поэта и неизвестные подробности ухода Тютчева из жизни³.

В работе «Космическое чувство в поэзии Тютчева» С. Франк в соответствии с центральной мыслью своего философского мирозерцания о «живом знании», по сути, обобщает все сказанное в берлинской критике о поэте, выдвигая идею о «двух типах поэтических натур». К «чисто-лирическим поэтам» он относит Пушкина, а Тютчев у него принадлежит к типу поэтов, допускающих многообразные «переходные ступени», «художественная энергия их разряжается в глубинах бытия, определяемых содержаниями, которые являются как бы объективным отражением субъективного стиля художника»⁴. Далее философ настаивает на том, что Тютчев принадлежит к числу немногих поэтов, «соединяющих величайшую яркость и обрисованность объективно-эпического момента поэзии, ее идейного содержания, с ис-

¹ Львов Л. Памяти Тютчева // Русская мысль. 1923. № 6–8.

² Кизеветтер А. Ф. И. Тютчев в своих письмах // Руль. 1927. 12 февр.

³ Львов Л. Новое о Тютчеве // Руль. 1923. 9 окт.

⁴ Франк С. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С. Л. Живое знание. Берлин, 1923. С. 209–210.

ключительной силой и богатством лирико-музыкального ее элемента», в чем даже превосходит самого Пушкина. Поэт приравнивается к мыслителю: «Его художественное творчество есть непосредственное проникновение в глубины объективного бытия, интуитивное озарение содержания самого объекта»¹. Тютчевская поэзия рассматривается автором статьи как «философское мировоззрение»: «Предметное чувство Тютчева направлено всегда на природу как целое, и каждое отдельное проявление жизни есть для него символ великого космического целого»². В этом видится С. Франку своеобразное космически-религиозное чувство, которое так коротко и до очевидности ярко обрисовано в лирике Тютчева и в котором воплощена глубочайшая и парадоксальная связь морально-метафизических идей, — «связь пантеистического утверждения и оправдания жизни с смиренной отрешенностью от жизни и возвышением над ней»³.

Не мог избежать соблазна сравнения Тютчева с Пушкиным и Е. Лундберг. Его внимание привлекли два произведения, написанные в одном 1830 г. — тютчевское стихотворение «Mal'agia» и пушкинская маленькая трагедия «Пир во время чумы». По мнению исследователя, Пушкин «поднял тему о трех живых корнях единого дерева, о любви, о музыке, смерти», а у Тютчева «как в описательной, так и в отвлеченной части «Mal'agia» нет ни одного слова ни о любви, ни о музыке». «Тютчеву мир был дан, дана была смерть, дано было музыкальное начало в мире явлений «невозмутимый строй» и «созвучье полное в природе» даны. Разлад где-то может разрешиться, но не Тютчев будет разрешать его делом или словом своим»⁴. Объединяет поэтов К. Бальмонт: «Пока лишь от Пушкина. Тютчева и Фета тянутся лучи во все стороны, звонкие лучи, греющие, жгучие, созидающие; с каждой из этих трех рек связаны серебряные звучные притоки»⁵.

Место, занимаемое Гоголем в критике русского Берлина, не соизмеримо не только со значением писателя, но и с тем интересом, который вызывали жизнь и творчество писателя в более поздний период эмиграции в Париже, Праге, США⁶. Оправдание, если оно уместно, может

¹ Там же. С. 213.

² Там же. С. 217.

³ Там же. С. 245.

⁴ Лундберг Е. От вечного к преходящему Берлин. 1923. С. 162–163.

⁵ Бальмонт К. Имени Тютчева // Дни. 1924. 27 апр.

⁶ Воропаев В. Гоголь в литературе Русского зарубежья. Библиография // Гоголевские студии. Нежин, 1999. Вып. 4.

быть только одно — единственным поводом публично вспомнить писателя в Берлине было 75-летие его смерти в 1927 г., хотя справедливости ради нужно заметить, что в работах о Достоевском и Толстом нередко появляется его имя в связи с темой изображения этими писателями процесса преодоления их героями самих себя, становлением личности.

И действительно, берлинских публикаций о Гоголе практически нет, за исключением, может быть, статьи М. Гофмана «Последние дни Гоголя (новые материалы)»¹, где приводятся неизвестные ранее письма Е. П. Ростопчина и А. И. Кошелева к Жуковскому с подробным описанием кончины писателя; двух «Литературных заметок» Ю. Айхенвальда об отношениях Жуковского и Гоголя и о значении Гоголя-художника, посвященных 75-летию кончины писателя², а также неизданного письма Гоголя из Рима к К. С. Аксакову³.

Однако именно в Берлине появились первые оценки значения творчества Гоголя для русской культуры. Известная книга В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе» начинается с довольно пространной характеристики вклада Гоголя в развитие русской литературы. В. Розанов славит послегоголевскую литературу за борьбу с Гоголем: «Вся наша литература в своем целом явилась отрицанием Гоголя»⁴. Проддерживает заявление В. Розанова и Ю. Айхенвальд. По его мнению, Гоголь создал человеческую кунсткамеру, от которой его самого воротило: «его мучило направление и стиль его таланта, ему хотелось создать нечто положительное и прекрасное, но это ему фатально не удавалось, он „человек, который смеется“ — в этом его внутренняя драма и это ускорило его смерть»⁵.

Интерес русского Берлина к творчеству и личности Достоевского определялся теми тенденциями, которые обуславливали роль и место писателя в зарубежье как пророка, в произведениях которого читались предсказания уже свершившейся катастрофы русского народа, но и предвидение неминуемого религиозного и культурного его возрождения. Поэтому именно религиозно-нравственные и философские работы составляют самую значительную часть литературы о писателе. Кроме этой стороны таланта Достоевского обращает на себя внимание

¹ Рувль. 1925. 25 янв.

² Рувль. 1927. 30 марта.

³ Рувль. 1927. 12 марта.

⁴ Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе. Берлин, 1924. С. 20.

⁵ Рувль. 1927. 2 марта.

берлинской критики его способность к проведению психологического анализа, степень художественности его произведений и пророческое служение, проявляющееся в публицистичности его творчества. «Он оценивал текущее с точки зрения высшего — религии. Начало гибели западных народов Достоевский видит в упадке христианства. Россия — это еще целостный не разложившийся социальный организм. Широкой отзывчивости русского народа свойственна необыкновенная высота религиозного сознания. Обличая, Достоевский и поучает»¹, — так оценивает Е. Спекторский вклад писателя в судьбу России. Для П. Струве непреходящая ценность для современника в публицистичности всего его творчества: «Как публицист Достоевский склонялся к так называемому „органическому“ воззрению, а потом и к народничеству. Как религиозный провидец, как христианский пророк ощущал действительное в истории божественного, религиозно-героического начала. Публицистика в точном смысле Достоевского случайна, есть порождение времени, интересное для историка и психолога. Пророчества Достоевского сияют вечным светом религиозного проникновения»².

Пришедшееся на 1921 г. празднование столетнего юбилея Достоевского стало причиной резкого размежевания взглядов на писателя в России и зарубежье. В отечественной печати развернулась кампания против празднования этой даты, точнее за то, чтобы использовать юбилей для разоблачения «реакционной сущности» Достоевского. Одновременно прекратилось издание произведений писателя, изучение его в школе, написание монографий о нем³, поэтому в Берлине с особым энтузиазмом принялись восполнять этот пробел. Начали выходить первые публикации на эту тему.

Среди юбилейных материалов обращают на себя внимание статьи общего характера, определяющие место Достоевского в системе духовных ценностей русского народа. Д. Мережковский печатает свою статью «Федор Михайлович Достоевский», где отмечает, что с «русскими говорить сейчас о Достоевском, о славе России, когда самой России нет, — тяжело, стыдно, страшно... Свершились пророчества, — вот в чем слава пророка. Слава Достоевского — гибель России... Да если бы все мы, русская интеллигенция, русское сознание и совесть,

¹ Спекторский Е. Достоевский как публицист // Русская мысль. 1923–1924. Кн. IX–XII. С. 252.

² Струве П. Публицист и пророк // Русская мысль. 1923–1924. Кн. IX–XII. С. 265.

³ История с В. Переверзевым, написавшим книгу «Ф. М. Достоевский» (М., 1925), известна.

в последнем счете все-таки решавшие судьбы России, не отделались с такой легкостью от Достоевского, как от „безумного“ пророка и „жесточкого таланта“, — то Россия не погибла бы... Для Европы Он был, а для России, России подлинной, России Достоевского, — Христос был, есть и будет. Когда выйдут „бесы“ из бесноватого, то снова сядет он у ног Иисусовых. Достоевский и это предрек»¹. М. Алданов также обращает внимание на пророческий талант писателя, но видит в нем и явление своей эпохи: «Этот человек, не имевший никакого представления о политике, был в своей области подлинный русский пророк. Октябрьская революция без него непонятна; но без «проекции» на нынешние события непонятен до конца и он, «черный бриллиант русской литературы». Философская идея очищения страданием, одна из самых искусственных и злополучных мыслей Достоевского, своевременно пришла ему на помощь, дала возможность как-то отвязаться от проблемы Раскольникова. И мощь, и страсть, и вдохновение, и гениальность озарены в нем светом безграничной скорби, жгущей на медленном огне душу этого человека»².

В статье М. Шварца «Достоевский как мыслитель» акцент делается на приоритет Достоевского во многих сферах философского знания: «Задолго до Ницше Достоевский додумывает до последнего логического конца основные проблемы современного его натуралистически и атеистически окрашенного позитивизма в своих философских романах»³. Е. Аничков, касаясь вопроса об отсутствии положительно-го учения у Достоевского, с глубоким отчаянием отмечает, что в творчестве писателя «трагически разработана самая основная задача всей нашей истории послепетровского времени... в сопряженности с трагедией как высшим, в формальном смысле достижением искусства»⁴.

В газетах «Руль» и «Дни» публикуются рецензии на зарубежные (главным образом, немецкие и французские) переводы и монографии о Достоевском, свидетельствующие о возросшем интересе на Западе к творчеству стоявшего у истоков экзистенциализма писателя. По поводу вышедшей в Германии книги К. Нётцеля «Жизнь Достоевского» Ю. Айхенвальд замечает, что сильная сторона книги исследователя в том, что «он с необычайной тщательностью прослеживает и внешнюю и внутреннюю жизнь героя (Достоевского) и на этом фоне по-

¹ Мережковский Д. С. Федор Михайлович Достоевский // Руль. 1921. 11 нояб.

² Алданов М. Черный бриллиант: о Достоевском. 1821–1921 // Жар-птица. 1921. № 4/5. С. 34–35.

³ Голос России. 1921. 12 нояб.

⁴ Сполохи. 1921. № 2. С. 24.

казывает нам его творения как органически необходимые события его судьбы»¹, а М. Гофман, приветствуя выход французских переводов «Игрока» и «Зимних заметок о летних впечатлениях», досаждает на ошибки в переводе имен героев². М. Первухин отмечает интерес итальянского читателя к переводам произведений писателя³.

Связанный с этим интерес к личной жизни Достоевского имел достаточный резонанс в берлинских изданиях: появились публикации воспоминаний и писем из европейских архивов, проливающих свет главным образом на малоизвестные страницы биографии писателя, порой сопровождающиеся мистическим толкованием⁴. А. Бем, касаясь проблемы «тайны личности Достоевского», задается вопросом, «нет ли органического порока в самой жизни Достоевского, который навсегда замыкает путь к его личности через изучение его биографии»⁵. Сопоставление скудных фактов жизни писателя с его произведениями навело исследователя на мысль о возможности познания тайны личности Достоевского не посредством объяснения творчества познанием жизни, а воссоздание жизни путем раскрытия его творчества. «Произведения писателя — драматизация его скрытого желания, опасений, влечений, которыми они восполняют и преображают действительность, никогда не дающую полного удовлетворения»⁶. Особую роль в этом познании А. Бем отводит снам в творчестве Достоевского. Эта тема углубляется замечанием Ю. Айхенвальда о роли А. П. Суловой в жизни писателя: «Из книг Достоевского вышла и в книги Достоевского вошла эта необычайная женщина», а присоединение к этому союзу В. Розанова называет «сумрачным и странным человеческим созвездием»⁷.

Однако несмотря на довольно частое обращение берлинской периодики к Достоевскому, несомненным приоритетом пользуются монографические работы, и в этом Берлину принадлежит абсолютно уни-

¹ Айхенвальд Ю. (Б. Каменцкий) Литературные заметки // Руль. 1925. 1 апр.

² Гофман М. Л. По поводу Достоевского // Руль. 1929. 1 мая.

³ Первухин М. Достоевский в Италии // Русская книга. 1921. № 3. С. 26.

⁴ Е. К. Сын Достоевского (Страничка воспоминаний) // Руль. 1926. 18 авг.; Айхенвальд Ю. Письма Достоевского // Руль. 1926. 29 сент.; П. Ш. Ф. М. Достоевский в характеристике его дочери // Руль. 1920. 25 дек.

⁵ Бем А. Л. Тайна личности Достоевского // Православие и культура. Сб. религиозно-философских статей / Под ред. проф. В. Зеньковского. Берлин: Русская книга, 1923. С. 183.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Айхенвальд Ю. Героиня Достоевского // Руль. 1928. 22 авг.

кальная роль в зарубежном русском дostoевсковедении. За три года с 1922 по 1924 здесь издается пять книг о Достоевском. Такой концентрации литературно-критической и философско-эстетической мысли не может похвастаться ни один писатель и ни одна столица русского зарубежья.

В основе этого феномена, несомненно, лежат причины внелитературного порядка — возрастание интереса к Достоевскому в связи с параллельным процессом на Западе, в значительной мере инспирированным деятельностью А. Жида, романами П. Гюисманса и П. Бурже, а также общей направленностью западной культуры на экзистенциальное понимание сути человеческого бытия, у истоков которого виделся именно русский писатель. Нельзя не учитывать и возможности германской полиграфии.

Вместе с тем следует отметить, что в Берлине издавались произведения, по большей части или уже издававшиеся в России до революции (например, книги Л. Шестова «Достоевский и Ницше» была напечатана сначала в Петербурге в 1903 г., В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе»), или в основе своей имевшие материалы, собранные до и в первые годы революции (книги А. Штейберга «Система свободы Достоевского»¹, 1923 г., И. Лапшина «Эстетика Достоевского», 1923 г., Б. Вышеславцева «Русская стихия у Достоевского», 1923 г.).

Именно благодаря Л. Шестову столкновение философских взглядов Достоевского было включено в общий поток западной философии от Кьеркегора, осознавшего трагизм человеческого существования, через Гегеля с его верой в разум и исторический процесс к Ницше, проповеднику индивидуалистического культа сильной личности. Ему же принадлежит первенство включения Достоевского в контекст мировой литературы: «У Достоевского есть Раскольников, у Шекспира — Макбет. Сюжет тождествен, и оба писатели христиане. Для Достоевского факт смерти двух женщин совершенно безразличен. Смысл преступления в том, какое зло он сделал для своей души. У Шекспира другое — Макбет действительно только и размышляет о личной ответственности. Шекспир изображает ужасную сцену избиения семьи Макдуффа, а у Достоевского преступление его заинтересовало со стороны своего значения для души преступника. Для Шекспира преступление становится преступлением только в силу того зла, которое он причинил людям — Дункану, Макдуффу, его детям, всей Шотлан-

¹ В основу книги положены два доклада, прочитанные на заседании Вольной Философской Академии в Петрограде 16 и 23 октября 1921 г. под названием «Достоевский как философ».

дии. В коротеньком «Макбете» полнее и ярче обрисованы настроения и терзания героя, чем в длинном «Преступлении и наказании». У Шекспира по мере развития трагедии Макбет не только не уступает, не склоняет повинной головы пред добродетельным автором, но наоборот, все более и более ожесточается с того момента, когда понял или вообразил себе, что внутренний судия ни за что не простит ему «одного удара». Шекспир заинтересовался непокорившимся и действительно ужасным злодеем, Достоевский — покоровившимся и безобиднейшим убийцей. Шекспир искал оправдать человека, Достоевский — обвинить»¹.

В книге В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе», которая была переиздана в новой редакции, в наиболее развернутом виде автором была представлена своя концепция истории русской литературы XIX в., которая заключалась в опровержении предложенного Н. Чернышевским взгляда на ведущее направление русской литературы середины века как на «гоголевское», критическое, по Розанову. Русская литература второй половины века как раз не развивает Гоголя, а лишь отрицает его. При этом автор эстетически необыкновенно высоко ставит Достоевского, не только в русской, но и в мировой литературе и развивает идею религиозно-философской направленности творчества Достоевского, у которого «религиозный вопрос возникает в каждом произведении»². По мнению философа, «в литературе нашей никогда не появлялось писателя, идеалы которого были бы так совершенно отделены от текущей действительности»³. Сопоставляя «Легенду о Великом Инквизиторе» с более ранними «Записками из подполья», В. Розанов представляет направление эволюции философской мысли писателя от рационального устройства судьбы человека, основанном на тонком и детальном изучении законов физической природы и общественных отношений до «устройства религиозного, исходящего из глубочайшего проникновения в психологический строй человека»⁴. Розанов признавал в Достоевском великого мыслителя. По его мнению, если бы идеи писателя были не только мыслями, вложенными в художественные произведения вне всякой связи с ними, а воплотились бы в целые поэтические создания с тем же искусством, с которым Шиллер, Гёте и Байрон умели воплощать свои идеи, но в русской литературе появилось что-то более высокое, чем

¹ Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. С. 47–48.

² Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе. Берлин, 1923. С. 65.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 135.

имеет германский народ в «Доне Карлосе» и «Фаусте», или англичане в «Манфреде». В этом он видел не исключительное свойство Достоевского, а особенность именно русской национальной традиции, в которой имеются совершенные по форме произведения — «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» — но они лишены содержания, которое имело бы мировое значение. Такое глубокое проникновение в суть гения Достоевского, по мнению автора статьи «Розанов и Достоевский» Н. Русова, стало возможным, потому что «Розанов и Достоевский, несомненно, вершины одной горной цепи (сюда же относятся Леонтьев и Лесков)»¹.

В отличие от В. Розанова А. Штейнберг в принципе отказывается от узко религиозной трактовки творчества Достоевского. Для него Достоевский — национальный философ, посвятивший себя ответу на вопрос о единстве русского сознания и о истинном соотношении разных возможностей его творческого проявления». «Система свободы Достоевского развертывает в небывало грандиозной форме систему проблем, связанных с вопросом о смысле исторического существования»².

Философское сознание Достоевского таким образом породило художественное творчество, в котором все герои «суть порождения идей, сочетавшихся еще в прошлом поколении, когда такие сочетания могли быть плодотворны, но плод этого сочетания есть совершенная „обособившаяся“ идея, которая уже настолько созрела, что уделом ее неизбежно является одиночество»³.

Русский характер философских идей героев Достоевского подчеркивается особой динамикой жизни, в центре сознания которой всегда «теперешний текущий момент». Именно в этом, по мнению А. Штейнберга, подлинная стихия Достоевского. «В современном русском человеке ищет он и предчувствует возможность нового воскресения доброднейшего до края гибели человечества»⁴.

Стихийности русских характеров у Достоевского посвящена книга Б. П. Вышеславцева «Русская стихия у Достоевского», в которой современная российская действительность соотносится с пророческим представлением Достоевского о хаосе стихийных сил, в котором заметен прежде всего разгул зла, безумия, болезни душевной. Русский

¹ Русов Н. Н. Розанов и Достоевский // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 9. С. 10.

² Штейнберг А. Система свободы Достоевского. Берлин, 1923. С. 29.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 76.

философ сравнивает русский и западный тип духовной организованности, приходя к выводу о оформленности, конечности, «закованности в пределы» души Запада, в то время как Достоевский показал душу России неформенной: «она полна страшных неопределенностей, она безобразна, и потому порою безобразна»¹. В пример приводится образ Ставрогина. И далее: «Русская стихия всюду трепещет в произведениях Достоевского, он говорит почти только о ней одной, но большую часть в образах и воплощениях как художник; редко он определяет ее прямо и непосредственно как философ»².

Стремлением вывести творчество Достоевского из сферы религиозно-философского анализа отмечен также труд И. Лапшина «Эстетика Достоевского». Развивая мысль Вышеславцева о неоспоримом художественном приоритете писателя, исследователь обращает внимание на невозможность существования философской идеи вне художественной формы, что и делает работы Достоевского прежде всего художественными произведениями искусства. «Главным признаком художественности произведения является, считает, И. Лапшин, согласие, по возможности полное, идеи с той формой, в которой она воплощена»³. Эстетические чувства человека морально преобразуют у Достоевского личность «не в розницу, а оптом». Мир искусства, как огромная динамо-машина, сообщает нам все более и более с течением времени аккумулируемый запас впечатлений, которые постепенно преобразуют наш духовный мир»⁴. Поэтому, полагает И. Лапшин, «самая поразительная форма воздействия художника на общество, на которую указывает Достоевский, это — предвосхищение»⁵.

На значение бессознательной психической деятельности у Достоевского указывал Е. Лундберг: «Редкий писатель в процессе чтения приобретает такую власть над читателем, как Достоевский. Источник его власти — великое напряжение. Напряжение не от того, что Достоевский знает, что хочет сказать, а от того, что и сам Достоевский не знает еще точно, ни того, что он сам хочет сказать, ни того, что он в данную минуту думает, во что верит. В Достоевском необычно сильно чувство огромности полей, лежащих за гранью этого сознания. Волны подсознательного нарастают со всех сторон на грани сознания, грани эти не

1 *Вышеславцев Б. П.* Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923. С. 8.

2 Там же. С. 15

3 *Лапшин И.* Эстетика Достоевского. С. 43.

4 Там же. С. 46.

5 Там же. С. 61.

стираются, не мутнеют, — но ломаются и вновь строятся страстными и властными усилиями дневного сознания и воли»¹.

Не столько религиозного философа, сколько мыслителя и психолога видит в Достоевском и Н. Котляревский: «Художник действительно так гениально глубоко и широко ставил вопросы, так искренне и чистосердечно обсуждал все доводы и за и против того решения, на котором он останавливался, что читатель, присутствуя при таком единоборстве мыслителя и психолога с самим собой, старался усвоить эту его способность и отходит на долгий или короткий срок от взглядов, в которых, казалось, прочно укрепился»².

В общем понимании творчества Достоевского работы, опубликованные в Берлине в самом начале 20-х годов, наметили ход развития достоевсковедения за рубежом. Следуя за Л. Шестовым и В. Розановым, будут развиваться «пророческие» концепции творчества Достоевского, а интерес к художественной форме И. Лапшина и А. Штейнберга будет развиваться в Пражской «семинарии по изучению Достоевского», просуществовавшем с 1925 по 1939 год под руководством А. Бема, и в самой обширной в русском зарубежье работе о Достоевском К. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество» (Париж, 1947).

Семейство Аксаковых интересовало критику русского Берлина своей почвенностью, объединяющей их с именами Н. Лескова и Л. Толстого и рассматриваемой в контексте общенационального развития. Больше других внимания уделено младшему брату — И. С. Аксакову, но и отец — С. Т. Аксаков — не был обойден вниманием. Издательство Ладыжникова в Берлине выпустило в 1923 г. собрание сочинений С. Т. Аксакова, а в 1922 г. венское издательство «Русь» напечатало его «Семейную хронику», которая, судя по рецензии, «будет читаться, пожалуй, еще с большим интересом, чем раньше. Книга издана скромно, но опрятно и тщательно, снабжена портретом и известными статьями А. С. Хомякова и М. Н. Лонгинова»³. Ю. Айхенвальд считал это произведение главным делом писателя: «„Семейная хроника“ и примыкающие к ней сочинения Аксакова представляют собой один из самых уютных уголков русской литературы... в прозе и обыденности бесцветных дней, в однообразии быта, в механизме самодовлеющего хозяйства он увидел и показал внутреннюю красоту, мерное дыха-

¹ Лундберг Е. От вечного к преходящему. Берлин, 1923. С. 47–48.

² Котляревский Н. Холмы родины. С. 212.

³ Рувль. 1922. 30 апр.

ние человеческой души»¹. В 1924 г. в журнале «Беседа» опубликована «Английская оценка С. Аксакова»², в которой английские критики ставят в пример своим писателям-соотечественникам «психологическую прозорливость» С. Т. Аксакова.

П. Струве оценивает Аксакова-отца как первоклассного писателя, несравненно изображавшего быт, «созерцавшим и бравшим его таким, каким он был в самом буквальном смысле слова... Редко кому бывает уделено художественное дарование именно в этих пределах, редко кому дано быть художником, ни малейшим образом не напрягая своей фантазии, ничего не выдумывая». О сыне, которого он знал лично, П. Струве пишет, что это «первый по специфической духовной одаренности и значительности русский публицист... Иван Аксаков был не художником, созерцателем быта, как его отец, не философом, созерцателем национальной истории, как его брат, а неутомимым деятелем и неукротимым борцом, за национальные идеалы, который с юности своей бросился в самую гущу жизни. Эта тяга к практической работе сделала его последовательно чиновником, литератором-публицистом и общественным деятелем в самом многообъемлющем смысле слова»³. Ученый обратил внимание на создание И. С. Аксаковым особого стиля, своей собственной смысловой красоты, «лада». «В публицистике Ивана Аксакова был свой лад и строй. Эта духовная музыка была гармонически проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, т. е. идеей нации, в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность... Внутренний строй и лад аксаковской публицистики нашел себе чудесное выражение в его языке. Иван Аксаков — классик русской речи... Никто ни до ни после него не говорил таким сильным и ярким языком русским людям о праве, свободе, государстве, народе и народности. В этом чеканном языке красота русской поэтической речи, суровая четкость языка государственно-го управления и торжественная важность и неизъяснимая сладость церковного слова образовали какой-то новый сплав для выражения одушевленной пламенным патриотизмом гражданской мысли. Неслучайно, что этот первоклассный публицист дал и неувядаемые образцы гражданской лирики, проникнутой каким-то скорбным пафосом».

¹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923. Цит. по кн.: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 1. С. 198.

² Беседа. 1924. №4. С. 326–328.

³ Струве П. Аксаковы и Аксаков // Рувль. 1923. 1 дек.

Обращается внимание и еще на один жанр литературы, эпистолярный, в котором имя И. С. Аксакова должно быть поставлено в первом ряду русской письменности. Аксаков оставил замечательные по содержанию и форме письма, в которых отразилось все богатство души, все многообразие его запросов и интересов. «Письма эти — поучительный исторический документ своего времени и первоклассное произведение национальной литературы, иногда возвышающееся до несравненной поэтической красоты»¹. Журнал «На чужой стороне» впервые в целом виде опубликовал письма И. С. Аксакова к В. Ф. Пуцыковичу, основной темой которых стало выступление Аксакова против Берлинского конгресса на заседании Московского Славянского благотворительного общества 22 июня 1878 г.²

О К. С. Аксакове в очередных «Литературных Заметках» вспоминает Ю. Айхенвальд в связи с 200-летием смерти Петра Первого; К. С. Аксаков был идейным противником и «Петра, который, вместе со всем своим направлением, явился своеобразным предтечей большевизма»³. Заметки Ю. Айхенвальда по большей части носят политический характер, он видит во взглядах славянофила Аксакова причину проникновения в Россию «азиатского социализма». «Если бы мы в большей степени были европейцами, были петербуржцами, не пропала бы и наша Москва. Надо было Москву охранять Петербургом, Россию — Европой». Критик упрекает К. Аксакова в том, что он лишь принципиально и теоретически исповедовал соединимость своего и чужого, а в собственной же личности не достиг такого синтеза. В заключение своих рассуждений Ю. Айхенвальд приходит к выводу, что «вообще при всех невинных излишествах своего бытового национализма, был К. Аксаков истинно либерален».

Отношение к Н. Лескову в Берлине определялось тем, что он был из тех классиков, которые в начале 1920-х гг. не воспринимались таковыми, творчество было знакомо его современникам больше всего своей публицистичностью, злободневностью, чем классическим универсализмом Пушкина и Достоевского. Многие знали его лично, что значительно сокращало дистанцию его восприятия.

Литератор А. М. Хирьяков, знавший Лескова в 1880-х гг., опубликовал в «Руле» свои воспоминания⁴, приуроченные к 30-летию смерти

¹ Памяти И. С. Аксакова // Руль. 1923. 2 дек.

² *Якобсон С. О.* Письма Ив. Серг. Аксакова к В. Ф. Пуцыковичу // На чужой стороне. 1924. № 5. С. 129–157

³ *Айхенвальд Ю.* (Б. Каменецкий) Литературные заметки // Руль. 1925. 4 февр.

⁴ *Хирьяков А. Н.* С. Лесков // Руль. 1925. 8 марта.

прозаика. Примечательны детали облика Лескова, его манера читать свои произведения: «чрезвычайно просто, как будто не читал, а передавал свои впечатления о совершившихся обыкновенных событиях». Простота общения, мягкость «ласковых карих глаз», по мнению мемуариста, разительно контрастировала с роскошью его кабинета, что сбивало с толку, заставляло размышлять над неоднозначностью этой личности.

П. В. Быков¹, знакомый и библиограф Лескова, оставил после себя также воспоминания о встречах с писателем. В своих записках он тоже отмечает противоречивые черты натуры писателя: «Великолепный чтец, не хуже Писемского. Добросовестность в писании доходила у него до крайности... Признательность — также отличительная черта его характера». В то же время он был мнителен и суеверен, отмечает мемуарист, «на него часто находили экстазы, при порыве отчаяния, рассеяния или умиления».

К 100-летию писателя в 1931 г. А. М. Хирьяков все же попытался выразить свое понимание этих несоответствий в статье «Неприятие мира»², что в какой-то мере объяснило его противоречивый образ. Идея неприятия мира явилась результатом осознания Лесковым невозможности согласования современного уклада жизни с теми высшими идеалами, которыми должен руководствоваться разумный человек в своей жизни. «Это неприятие мира с наибольшей силой выражено в хронике «Захудалый род». Его герой Червёв говорит: Я мог бы уважать ту власть, которая вела бы дело к тому, чтобы себя упразднить и поставить вместо себя власть Божию». Слова эти, замечает автор, были сказаны задолго до толстовского «Царство Божие внутри вас...», но оба они, и Толстой, и Лесков, «сходились на том взгляде, что идеал недостижим, но что к нему необходимо постоянно стремиться, не застывая в неподвижности. И у Толстого, и у Лескова было в душе всегда «святое недовольство» собой и миром».

Тема художественного мастерства Лескова легла в основу статьи Ю. Айхенвальда «Памяти Лескова»³. Для критика Лесков прежде всего этнограф, не погружающийся в глубину материала, передающий жизнь, лежащую на поверхности через вполне убедительные шаржи. «Ныне, когда шаржи Лескова вполне затмила и превзошла та трагическая карикатура, в какую превратилась действительная русская

¹ Быков П. В. Н. С. Лесков (Из записок умершего на днях библиографа) // Руль. 1930. 12 нояб., 14 нояб.

² Хирьяков А. Неприятие мира // Руль. 1931. 18 февр.

³ Айхенвальд Ю. (Б. Каменецкий). Памяти Лескова // Руль. 1925. 4 марта.

жизнь, убеждаешься в том, что он совсем не сгущал красок и что он очень хорошо предусмотрел героев нашего времени... Он высокий мастер анекдота, прирожденный мемуарист, живое воспоминание. Понятно, что в России та художественная литература, которая своим национализмом выступает как здоровая реакция казенному интернационализму, во многом унаследовала традиции Лескова и они воскресают у Е. Замятина, у Л. Леонова, как раньше у А. Ремизова. Но преувеличивать Лескова не надо: к глубинным русским писателям он рассказчик, затейник, искусник не принадлежит, и слишком держала его в своей власти внешняя фактичность жизни».

С довольно резким суждением Ю. Айхенвальда полемизирует С. Завадский¹, который считает анекдоты Лескова «живой иллюстрацией к далеко не шуточному тексту, внятому для всех, кто может читать не одни слова. Так, в анекдотическом «Колыванском муже» поставлен во весь рост и намеренно остро вопрос об исходе столкновения русской рыхлости и немецкой настойчивости, а в «Полунощниках» анекдотами выявлена вся отвратительная опасность союза прижизненной канонизации «православным язычеством» с «басомпьерами», т.е. проходимцами, наживающимися вокруг святости. Знание его русских диалектов поразительно: достаточно сравнить беспомощно нежизненную малорусскую речь у М. Горького с воспроизводящими самый дух малорусского языка диалогами у Лескова. Лесковское пристрастие к «сказу» — чтобы услышать рассказ из чужих уст, в одеянии чужой речи. Солнце Лескова еще не достигло зенита». Художественная наглядность «его сказа направлена была не на недостатки русского народа, а преимущественно на образы праведников». П. Сувчинский называет Лескова «самым мудрым русским писателем». По его мнению, Лесков — не бытописатель вроде Островского, Салтыкова-Щедрина, Писемского, потому что быт у него всегда в проявлении воли, в событии, в подвиге: «В творчестве Лескова нет свысока придиричьего и болезненно-предвзятого изображения действительности Щедрина, нет описательной риторики и бутафорского героизма Тургенева — в нем открывается глубокая русская воля к подвигу, к простому тайному служению, воля к созиданию яркой и действительной формы жизни — все то, что было забыто и зарушено пылью и сором чужих надстроек по верхнему слою глубокой русской земли»². Традиция Лескова развита была, как считает автор, в творчестве Ремизова и Мая-

¹ Завадский С. О Н. С. Лескове // Руль. 1931. 18 февр.

² Сувчинский П. П. «Знамение былого» (О Лескове) // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922. Кн. 2. С. 140.

ковского, у которых литературный стиль вновь обрел свои народные законы сложения.

Слова Ю. Айхенвальда, приуроченные к 100-летию М. Е. Салтыкова-Щедрина, о том, что «до сих пор большее в нем заслоняется меньшим»¹, как нельзя точно характеризует отношение к писателю в зарубежье. В Берлине ему уделяли мало внимания: две статьи А. Л. Ляскового, и то посвященные только его общественному поприщу. В одной Салтыков-Щедрин представлен в вятской ссылке как «писец без жалования»², но благодаря этой работе писателю удалось познакомиться с Петрашевским. В другой освещается работа Салтыкова-Щедрина в должности чиновника особых поручений и советника губернского правления, а также три эпизода из службы в Вятке: участие в усмирении крестьянских волнений, расследования по раскольничьим делам и организация сельскохозяйственной выставки.

И только в очерке из «Силуэтов русских писателей» Ю. Айхенвальд обращается непосредственно к творческому наследию классика, в котором он видит прежде всего «прирожденного сатирика, бесцеремонного и циничного», но в изображении действительности Салтыков-Щедрин в отличие от Лескова не представляет жизни в виде карикатуры: «Его увеличительное стекло преувеличивает в меру своего назначения»³. Социальное поприще, о котором подробно рассказано в материалах А. Ляскового, служило ему великолепным материалом для творчества. «Очень далекий от индивидуалистического мирозерцания, до мозга костей проникнутый общественностью, Салтыков именно в ее почве искал корни для тех явлений, которые живописал»⁴.

В новых социальных условиях Салтыков-Щедрин, по мнению критика, стал «продолжателем Гоголя», особенно в «злоупотреблении смехом», как и Гоголь Салтыков-Щедрин испытывает нравственную боль от своего смеха как эмигрант, ощущающий тоску по родине: «Сатирик — что эмигрант: находясь за пределами своих осмеяний и описаний, он в то же время родственно с ним связан. Он не нравственный чужеземец, из уст которого слышать насмешку над родным было бы нестерпимо»⁵. В то же время «тягостное дело сатиры» не погубило

¹ Айхенвальд Ю. Столетие Салтыкова // Руль. 1926. 27 янв.

² Лясковский А. Салтыков в ссылке // Дни. 1923. 28 янв.

³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. I. С. 267.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Там же. С. 269.

в нем «других сторон духа и художества. Он — сатирик-лирик. Прекрасны его отступления, в которых после насмешки, так симпатично звучит серьезный и задушевный тон»¹.

И хотя современники чаще видели в нем публициста, чем художника, Ю. Айхенвальд призывает критику пересмотреть место Салтыкова-Щедрина и по-другому оценить его наследие: «Идеалист и мыслитель, некто больший, чем специалист сатиры, Щедрин жил не только на плоскости: выдающийся психолог, он принадлежит к плеяде наших высоких художников»². Созвучно этому высказывание и суждение Н. Котляревского, полагающего, что «природа одарила его исключительной способностью ставить тончайшие диагнозы самых сложных общественных болезней. Его товарищи — те были физиологи: их внимание было сосредоточено прежде всего на общем ходе развития общественного организма. Он был патологом по призванию, и собрание его сочинений — это целый курс патологии русского общественного тела, с полным списком ходячих и редких, единичных и повальных, приобретенных и наследственных болезней, подробной исторической картиной их образования и развития»³.

Сходна и литературно-критическая судьба Н. Г. Чернышевского, в котором ряд исследователей не видел выдающихся беллетристических и художественных способностей. Ему не нашлось даже места в знаменитых «Силуэтах русских писателей» Ю. Айхенвальда, который при этом не обошел литераторов и менее значительных — Щербину, Плещеева, Левитова, Слепцова. К тому же больших поводов в пору расцвета русского Берлина для публикаций о Чернышевском не было. О былом «властителе душ» вспомнили только к столетнему юбилею, пришедшемуся на 1928 г., когда издание литературно-критических материалов в Берлине явно имело все признаки упадка. Поэтому Чернышевский представлен довольно скромно и однобоко — публикации полностью исключают тему творчества, сосредотачиваясь на его общественной и личной жизни.

До юбилейных материалов 1928 г. в Берлине можно найти только упоминания о Чернышевском. В одном случае — информация об опубликованных в российской «Звезде» трех неизданных ранее рассказов⁴. Другим является рецензия на книгу двоюродной племянницы писателя

¹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 1. С. 269.

² Там же. С. 274.

³ Котляревский Н. Холмы родины. С. 107.

⁴ Неизданный Чернышевский // Дни. 1924. 16 нояб.

В. А. Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского»¹. В отзыве отмечается, что Чернышевский женился по горячей любви и сохранил к жене Ольге Сократовне и к детям «глубокое, нежное чувство», но тем не менее отстаивал право свое и жены на свободу в личных отношениях.

По поводу столетнего юбилея в берлинском «Руле» появилось почти одновременно три публикации, каждая из которых касалось отдельных эпизодов и знакомств писателя. В статье М. Н. Сажина «Гражданская казнь Чернышевского»² автор, очевидец событий повествует об увиденном в мае 1862 г., когда арестованный революционер проявлял несгибаемую волю, а толпа «совершенно ничем не реагировала». Воспоминаниями об астраханской ссылке делится личный секретарь М. М. Фёдоров³. В них особенно ценны суждения Чернышевского о русских писателях. Выше всех Чернышевский ценил Некрасова, любил Пушкина, Салтыкова-Щедрина и прежде всего за их образование, которого так не хватало, по его мнению, литераторам, зато «недолюбливал Л. Толстого за последние произведения и Успенского, отзываясь о нем с насмешкой».

Единственной публикацией хоть как-то проливающей свет на творческую мастерскую писателя, является статья С. Кара-Мурзы о прототипах романа «Что делать?»⁴. Правда, автора интересует не столько художественная интерпретация образов реальных людей, сколько судьбы П. И. Бокова, М. А. Обручевой, И. М. Сеченова, Н. Ф. Бахметева, история взаимоотношений которых легла в основу сюжета романа.

Если в Берлине, может быть, только по причине единственной даты Гоголя — 75-летия смерти в 1927 г. — столь не заслужено мало внимания уделено писателю, то не менее удивителен устойчивый интерес к Некрасову, на долю которого пришлось два юбилея — 100-летие со дня рождения в 1921 г. и 50-летие смерти в 1928 г.

Юбилейные даты Некрасова вызвали интерес к постановкам водевилей Некрасова⁵ и ряд мемуарных публикаций, в которых образ поэта предстает в довольно трагическом свете. Это дневниковые записи А. С. Суворина о его последнем свидании с Некрасовым в Петербурге 1875 г.⁶ и воспоминания некоего крепостного крестьянина

¹ *Книгочет*. Любовь в жизни Чернышевского // Руль. 1925. 22 марта.

² *Сажин М. Н.* Гражданская казнь Чернышевского // Руль. 1928. 1 дек.

³ *Федоров М. Н. Г.* Чернышевский в Астрахани // Руль. 1928. 1 дек.

⁴ *Кара-Мурза С.* Герои и героини романа «Что делать?» // Руль. 1928. 28 июля.

⁵ *Водевиль Н. А.* Некрасова // Руль. 1929. 20 апр.

⁶ *Суворин А. С.* О Некрасове // Руль. 1922. 15 сент.

Осипа, записанные его внуком, о посещении их дома Некрасовым: «не внушала Осипу уважения и внешность Некрасова, недостаток осанки, хриплый голос»¹. Младшая сводная сестра поэта Е. А. Рюмлиг-Некрасова в статье «Три последних увлечения Н. А. Некрасова»² отзывается очень нелюбезно о спутницах поэта, основываясь исключительно на своих детских впечатлениях. В газете «Руль» была перепечатана статья К. Чуковского из советской «Красной газеты» об истории создания поэмы «Русские женщины»³.

Не прошла незамеченной в Берлине и публикация Д. Бедным в России найденной в одном из ивано-вознесенских архивов рукописи поэмы Некрасова «Дедушка», в которой описывается возвращение на родину из ссылки старика-декабриста, видимо, Муравьева-Апостола: «Последние 214 строк изображают Дедушку неким революционером-агитатором»⁴. Берлинские критики Ю. Офросимов и А. Каменский подозревают Д. Бедного в самодеятельности и протестуют против таких приписок и изменения названия на «Светочи»: «А что русские школьники будут разучивать псевдо-большевистские цитаты из окопаченного через 60 лет после смерти поэта-гражданина, на это Д. Бедному в высшей степени наплевать»⁵.

Берлинская критика воспринимала Некрасова не просто как поэта-гражданина, патриота, что соответствовало общему настроению русского зарубежья. В Некрасове видели предтечу новых тенденций европейской поэзии. На вечере памяти Некрасова в Берлинском союзе журналистов и писателей В. Татаринов увидел яркую параллель между Некрасовым, поэтом города, урбанистом, предтечей Верхарна и Брюсова, и Некрасовым, певцом деревни и родной Волги, носителем Кольцовского начала. Ю. Айхенвальд отметил, что Некрасов сам стал жертвой города, коснувшись его пошлости и низменности. «В то время как писатели (Тургенев, Фет) не признавали его поэтический дар, модернисты В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Белый, Ф. Сологуб высоко оценивали... поэта, который мучительно прошел сквозь строй города и из городских диссонансов и гримас извлек своеобразную музыку и жуткую красоту зла»⁶. Критик отмечает, что в осно-

¹ Мамчиц Л. Наш Осип // Руль. 1926. 20 авг.

² Рюмлиг-Некрасова Е. А. Три последних увлечения Н. А. Некрасова // Спо-лохи. 1921. № 2. С. 31–33.

³ Чуковский К. Некрасов и декабристы // Руль. 1925. 21 нояб.

⁴ Офросимов Ю. «Дедушка» и «Светочи»? // Руль. 1929. 8 мая.

⁵ Каменский А. Демьян Бедный и бедный Некрасов // Руль. 1930. 4 июня.

⁶ Айхенвальд Ю. Памяти Некрасова // Руль. 1928. 11 янв.

ве поэтического вдохновения Некрасова лежит тройственный образ Матери — «стихийная Мать-Природа, Матерь Божья, а также и страдающая человеческая мать, являющиеся вдохновительницами Некрасова, и перед этими образцами умолкает столь характерная для его творчества «музыка злобы, господствующая в его произведениях иного характера»¹.

В перепечатанной из петроградской «Летописи дома литераторов» анкете «Некрасов и мы»² также делается акцент на значении творчества Некрасова для модернистов: «Именно модернисты по достоинству оценили гений Некрасова и вознесли его на ту высоту, на которой он находится теперь. Они первые прервали ту нить, которая связывала его судьбу с революцией. Они первые внедрили в сознание, что его поэзия — поэзия». На вопрос анкеты, любите ли Вы Некрасова, подавляющее большинство опрошенных — Ахматова, Блок, Белый, Гиппиус, Городецкий, Горький, Гумилев, В. Иванов, М. Кузмин — ответили отрицательно, и только Мережковский написал: «люблю сквозь боль, сквозь стыд, сквозь ненависть за идеализацию народа, через него я понял религиозную сущность русской общественности». В стихотворной технике поэта только Н. Гумилев увидел «замечательно глубокое дыхание, власть над избранным образом, замечательную фонетику, продолжающую Державина через голову Пушкина».

Однако мнение о Некрасове как о предтече модернистской традиции оспаривается в книге Н. Котляревского «Холмы родины», который полагает, что «его муза бездетна. История его царствования на Парнасе осталась до сего дня почти неразработанной и только его личная жизнь привлекала к себе внимание. В истории русской литературы место, занимаемое Некрасовым, совершенно исключительное. Поэзия его — пример редчайший, а может быть, и единственный. Предшественников он не имел, не имел и наследников. Школы не проходил и школы не создал... Дружбы, связной, даже знакомства его песня на Западе не имела»³. Уникальность гения поэта исследователь видел в том, что он нашел «поэзию в самой обыденной прозе жизни, обходя совсем ее комическую сторону и не повышая ее мрачной стороны до патетически трагического... Самоучкой в широком смысле этого слова вступил Некрасов в круг наших поэтов; и имел он намерение поднять целину и, действительно, ее поднял»⁴.

¹ Памяти Некрасова // Руль. 1928. 25 янв.

² Чуковский К. Некрасов и мы (анкета) // Руль. 1922. 7 янв.

³ Котляревский Н. Холмы родины. С. 24.

⁴ Там же. С. 24.

Предчувствуя множество возражений по поводу категоричности отрыва Некрасова от какой бы то ни было традиции, Н. Котляревский аргументированно развивает свои идеи: «Семья старших поэтов с Жуковским и Пушкиным во главе всегда обходила все трущобы, болота и пески, обходила даже просто скучные места и всегда стремилась держаться на высотах. Поэты следующего поколения: Лермонтов, Огарев, Полонский, Майков, Фет, А. Толстой были сравнительно со стариками еще большими аристократами завсегдатаями высшего парнасского круга в выборе тем. Некрасов был первым, который нарушил все традиции этого избранного общества... Его муза восторга любви не знала, вдохновительницы всех поэтов мира. На Некрасова-поэта любовь благодати своей не простерла. Женщина, муза и мать сливаются в один образ. Одна была у Некрасова любовь, заслонявшая все другие, любовь к русскому простонародью. Говоря о нем, поэт попутно любил и Бога, и природу, и человека»¹.

При анализе специфики художественного мастерства Некрасова, Н. Котляревский пришел к выводу, что забвение лиры поэта лежит в самом характере его творчества: «По мере того как дореволюционная гражданская песня, умирая, меняла свой характер, а песня о народе становилась достоянием самого народа, поэзия Некрасова стала отходить в прошлое, но она не застыла в форме исторического показания или документа. Ближайшим по времени к Некрасову эпигонем гражданской песни был Минский. В нем наша гражданская поэзия имела не борца, а истолкователя его исторического и философского смысла. Мотив песни о народе заглох после песни Сурикова и Дрожжина — очень однообразные и с узким кругозором»².

Видимо, вслед за довольно прохладной характеристикой И. Тургенева в «Силуэтах русских писателей» Ю. Айхенвальда, который считал его творчество «общим местом», в Берлине проявляли большой интерес к его личности, окружению. Публикуются его произведения, уступая тиражами только Толстому. В «Издательстве И. П. Ладыжникова» в серии «Русские классики» в 1919–1920 гг. вышло Полное собрание сочинений писателя в девяти томах, а издательство «Слово» в 1921–1923 гг. выпустило десятитомное собрание его сочинений. Публиковались также и сохранившиеся за границей письма Тургенева. И все же для эмиграции он оставался самым европейским русским писателем, поэтому большой полемики у критиков его творчество не вызвало. Большой интерес вызывали окололитературные темы.

¹ Котляревский Н. Холмы родины. С. 35.

² Там же. С. 45.

Репортаж с родины писателя Спасского-Лутовинова свидетельствует о крайней степени запущенности сгоревшей усадьбы. «Ничто, даже самая простая мемориальная доска не говорит о том, что Спасское — родина большого русского художника», автор статьи выражает только удовлетворение тем, что незадолго до пожара наследникам удалось передать все, включая библиотеку Белинского в Орловский музей¹. Сложным отношениям Тургенева с Толстым посвящены публикации И. Зильберштейн и Ю. Айхенвальда. Зильберштейн комментирует материалы, опубликованные в «Огоньке» и связанные с событиями 1861 г. в имении Фета Степановке², а Ю. Айхенвальд, ссылаясь на недавно опубликованные письма Тургенева к Анненкову, находит писателя больше озабоченным отношениями с Толстым, чем это ранее представлялось³. Портрет Тургенева дополняет рассказ дочери Т. Шторма о пребывании ее отца в гостях у писателя в Баден-Бадене: «Тургенев — один из наиболее красивых людей, которых я когда-либо видел, собственно говоря, несколько чужой нам, но в высшей степени любезный»⁴.

Публикации писем Тургенева к А. Ф. Онегину, Ральстону, Жуковскому М. Гофманом представляют пристрастия и антипатии писателя в искусстве и литературе. Исследователь отмечает, что герои Тургенева довольно часто высказывают свои суждения о живописи, «своеобразные и странные», и этому теперь можно найти объяснения. Как выясняется, писатель «ненавидел «блевотины» Брюлова и восторгался картинами Харламова и П. В. Жуковского»⁵, а из французской литературы особенно недолюбливал В. Гюго: «Вся проза Гюго — беллиберда трегубая»⁶. В оценке Тургенева зарубежная критика больше ориентировалась на своих французских коллег, так он имели возможность публиковать материалы из архива Виардо. Больших успехов в этом деле достиг А. Мазон, которому удалось разыскать черновики знаменитых стихотворений в прозе⁷ и опубликовать один из вариантов романа «Новь», «что дает возможность присутствовать в творческой лаборатории писателя». М. Гофман отмечает, что из этого варианта романа видно, что «творческий замысел писателя начинается

¹ Румянцева З. На родине автора «Записок охотника» // Руль. 1928. 23 окт.

² Зильберштейн И. «Дуэль» Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым // Руль. 1926. 7 марта.

³ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 23 нояб.

⁴ Л-н. Тургенев и Теодор Шторм. // Руль. 1922. 16 янв.

⁵ Гофман М. Л. Тургенев о художнике // Руль. 1925. 30 авг.

⁶ Гофман М. Л. Новые письма И. С. Тургенева // Руль. 1925. 10 июля.

⁷ Стихотворения в прозе // Руль. 1930. 11 янв.

не с фавулы, а с явлений, которые он наблюдал в жизни, воплощенных в живых лицах — портретах друзей и знакомых; не общественно-психологические явления воплощает он в известном лице, а в известном лице видит он воплощение заинтересовавшего его общественно-политического явления. Если Тургенев мыслил своего героя не иначе, как в образе конкретного лица, то еще более необходима ему была натура для создания внешнего облика своего героя, его лица»¹.

С большим воодушевлением воспринята Ю. Айхенвальдом публикация монографии А. Моруа о жизни и творчестве писателя, и, наверное, потому что в этой книге он находил подтверждения своим довольно резким высказываниям о Тургеневе, который воспринимался все-таки как представитель французской культуры, добровольно проживающий вне России, что противоречило общей идеологической установки эмиграции. «Сила Тургенева в его слабости: ему недоставало силы воли, силы чувства, и из этого недостатка он делал достоинство. Он черпал отсюда психологический материал для своих образов, он слабоволие облакал в красивые формы романтического вымысла. Недаром одна из его тем — встреча сильной девушки с мужчиной, который любит вроде, но в решительный момент отказывается. Этот тип он осуждает, но и питает нежность. И таковы прикосновения таланта: от них в переработке искусства свою красоту приобретает и тургеневское изображение мужской нерешительности»². Более подробно неприятие тургеневского таланта мотивируется в очерке из «Силуэтов русских писателей»: «Базарова-теоретика, Базарова-нигилиста Тургенев не осилил и эту грань его написал фальшиво и недоказательно; такую принципиальность немудрено снести первому же веянию женских чар. Кроме того, Базаров — совсем не типичное русское явление, и это не нигилист, а скептик»³. «Юмор вообще лежит за пределами его дарования, хотя сам Тургенев этого ни за что не признает и все тянется в сторону гоголевскую; он бывает остроумен, но лишь в редких случаях; обычный же результат его юмористических попыток и обобщений — недоумение»⁴. Высказываний подобного рода у Ю. Айхенвальда предостаточно, хотя и он признается, что «Тургенев — это музыка, это — хорошее слово русской литературы, это — очарованное имя, которое что-то нежное и родное говорит всякому сердцу»⁵.

¹ Гофман М. Л. Новое о «Нови» Тургенева // Руль. 1925. 13 окт.

² Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 11 июля.

³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 1. С. 255.

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Там же. С. 260

Но существует другой взгляд на писателя. А. Гольденвейзер категорически не согласен с мнением автора «Силуэтов...» о Тургеневе и считает, что критику в данном случае изменил его эмоциональный метод и отзыв получился «наименее убедительным и последовательным», так как не объясняет, «отчего же, по его собственным словам, все-таки «не лживо то дуновение красоты, которое несетя, несетя на нас от клавиатур тургеневской поэзии»¹. К сорокалетию со дня его смерти В. Фишер дал такую оценку этого явления: «В таинственном он бессознательно искал спасения от сознания призрачности своего „я“. Творчество Тургенева может быть рассматриваемо как изображение различных форм проявления и действия психической субстанции, независимо от ее субъектов. Ибо люди у него — не кузнецы своего счастья, а обреченные: менее всего жизнь зависит от их сознательной воли. Ощущение ничтожества и бессилия человеческой личности особенно донимало его перед лицом дикой природы. Та же природа у него целительница, источник духовной мощи. Во многом еще романтик, он не разделяет романтического стремления к природе, бегства от человечества. Он отдыхает душой, когда рисует чисто бытовые картины. Он поклонник культуры и цивилизации. Насыщенность психологической энергией, накопленной жившими и накапливаемой живущими людьми, — вот тайна быта, дающая ему уют и поддерживающая в нем человека. Психологическая энергия стремится к скоплению или к индивидуализации. Высшее проявление индивидуальной жизни — половая любовь человека. Страсть нарушает гармонию между человеком и бытом»². Попыткой дать очерк мирозерцания Тургенева отмечена глава о писателе в «Холмах родины» Н. Котляревского. Тайна его личности и таланта, вызывающая противоречивые отклики становится понятной, если посмотреть на него как на человека «сороковых годов», предлагает исследователь: «Все недоразумения, которые происходили между ним и подрастающим поколением, объясняются именно цельностью. Законченностью и неподвижностью его идейного и душевного склада. Тургенев прожил жизнь в одиночестве — жизнь шумную по внешнему облику и тихую по внутренним переживаниям. Страстей он не знал и ни в каких делах, требующих страсти, он участия не принимал... Гармония во взглядах. Тяготение к душевному равновесию при всех колебаниях настроения — было отличительной

¹ Гольденвейзер А. А. Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Руль. 1923. 25 нояб.

² Фишер В. К сорокалетию со дня смерти Тургенева (22 августа 1883 – 1923) // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 312–321.

чертой психической организации Тургенева, и в этом смысле он имел право говорить о Пушкине как о своем учителе»¹.

Оценка Н. А. Островского по своей сути имеет два направления. Одно, связанное с будущим, с эпохой нового театрального действия, свидетелями которой критики 1920-х гг. уже были. Это направление связывает разговор об Островском с Чеховым, Л. Андреевым, М. Горьким. Другое — вырастает из настоящего, из злободневности и публицистичности его творчества, и тогда имя Островского становится в один ряд с Лесковым, Салтыковым-Щедриным, Чернышевским. Эта сторона таланта драматурга послужила поводом для известного спора между западниками и славянофилами, в суть которого вник А. Кизеветтер в статье «Споры об Островском»². Критик видит в Островском «Колумба нового времени», открывшего для поэзии купеческое замоскворечье, как Горький босяков». При этом с позиций нового времени он отказывается видеть в пьесах «драматизированную публицистику». Со своими драмами Островский прямо попал в русло славянофильско-западнических пререканий. «Славянофилы и западники одинаково могли подбирать из Островского частичные материалы для обоснования своих схем». Такое отношение к пьесам сводит, по мнению автора, весь первый, московский, период творчества Островского к «этнографии замоскворецкого самодурства». Он отмечает, что «духовный взор Островского направлен не только на внешние покровы жизненного процесса, он направлен также и внутрь человеческого духа, к одной из тех коренных проблем этого духа, которые никогда не перестанут волновать человечество. Он вводит в свой твердый и отчетливый психологический рисунок все чары истинной поэзии». Вывод статьи однозначен — «новейшие споры об Островском, также как и стародавние споры о нем, не могут ни в чем умалить его литературной славы».

В другой статье А. Кизеветтера «Тернистый путь драматурга (Островский)» на основе анализа переписки Островского с гимназическим другом Бурдиным обнажаются «шипы и тернии успешного служения любимому делу». Критик полагает, что драматическая форма была неотъемлемым элементом художественного мировосприятия Островского. И поэтому, «созидавая камень за камнем здание серьезного драматического репертуара, блещущего первоклассными худо-

¹ *Котляревский Н.* Холмы родины. С. 55–58.

² *Кизеветтер А.* Споры об Островском // На чужой стороне. 1923. № 1. С. 175–192.

жественными красотами, питая своими пьесами театры всей России в течение без малого сорока лет, славный драматург, в сущности, всю жизнь провел в мучительных треволнениях и заботах, вынужденный шаг за шагом отстаивать свои права на постановку на сцене своих произведений»¹. Ю. Офросимов, приветствуя постановку в Берлине пьесы Островского «Не все коту масленица» группой артистической молодежи под руководством Н. О. Массалитинова и С. А. Мартьяновой, отмечает, что в этом драматурге «единственный наш репертуар; таким он был и остался при исключительном богатстве своего языка, ставшего теперь поистине театральным, при густоте своих типов, достигающих теперь значения и силы вневременных образов или общечеловеческих масок»².

Дореволюционная оценка Чехова как довольно среднего писателя, настроенного скептически по отношению к человеческой личности, выразителя упаднических настроений своего времени претерпела значительные изменения в эмиграции, которая уже начиная с двадцатилетия смерти писателя в 1924 г. стала оценивать его исходя из того места, которое ему отводилось в европейской литературно-критической мысли. Поэтому одной из первых публикаций о Чехове в Берлине стал обзор А. Матанкина³, посвященный восприятию писателя в Германии. Автор отмечает, что в сборниках иностранной беллетристики Чехову уделяется почетное место, что, на его взгляд, объясняется художественным дарованием и доступностью европейскому пониманию, а постановки чеховских пьес на берлинских сценах сопутствует фантастический успех, что представляется автору загадочным. В работе приводятся мнения немецких критиков, признающих Чехова «русским Мопассаном по совершенству техники»: «Чехов — новеллист, родственник Мопассану; им обоим присуще реалистическое изображение мелочного и смешного и из маленьких смешных причин возникающих комедий и трагедий жизни». Далее он приводит мнение, что Чехов — художник эскизов, что он так же, как Мопассан, зорко наблюдал игру жизни, так же верно схватывал различные круги, но Мопассан как француз больше ценит материал, более эротичен, более гоняется за индивидуальным, особенным, своеобразным. Чехов как русский больше интересуется классом, тем единичным и менее —

¹ *Кизеветтер А.* Тернистый путь драматурга (Островский) // На чужой стороне. 1924. № 8. С. 261.

² *Офросимов Ю. В.* Группа // Наша жизнь. 1926. № 1. С. 11.

³ *Матанкин А.* Чехов в Германии // Руль. 1924. 15 июля.

исключительным, чем повседневным. Его эскизы проникли ко всем культурным народам, а его пьесам не находится «равных в западно-европейском драматическом искусстве».

Однако Ю. Айхенвальд также в юбилейной публикации¹ не разделяет западного увлечения Чеховым, полагая, что для русского читателя «не чеховская теперь пора»: «Того внимательного слухом и сердцем читателя, о котором он мечтал, не представляет наша суровая действительность, и того удовлетворения гражданскому чувству не дает она, которое он считал таким необходимым для писателя. Нужно оглянуться в прошлое, чтобы увидеть Чехова, в настоящем его нет. Есть какое-то непобедимое чеховское начало в нашей психике, и оно не поддается разрушению истории». Продолжая сопоставительный ряд, Ю. Айхенвальд называет писателя «Левитаном русской литературы», так как он «мастер психологического пейзажа». «Накануне русского землетрясения ему пришлось жить и творить. Может быть, это находится в связи с тем, что и вся его литературная роль была сыграна, так пленительно сыграна в известный промежуток между двумя периодами нашего культурного развития. С одной стороны, он примыкает к традициям русского реализма и является одним из последних могикиан; с другой, он собою начинает русский модернизм. Естественник в искусстве и натуралист в идеализме, он уважает факт, всегда следует за нитью правды. Элегически одухотворяет Чехов материальность, но ей себя не навязывает. Чехов — лирик-реалист».

Следующий всплеск внимания к писателю приходится на 1929 г., когда в эмиграции отмечалось двадцатипятилетие его смерти, которое, по понятным причинам, в Берлине прошло значительно скромнее, чем в Париже. Однако материалы памятного вечера, опубликованные в «Руле»², свидетельствуют об усилении славы Чехова. На вечере вступил И. В. Гессен с заявлением, что писатель вошел в русскую культуру и литературу классиком, а Е. Л. Полевицкий назвал его последним русским большим писателем. Тогда же были опубликованы малоизвестные фотографии Чехова с Толстым³ и посмертная статья Ю. Айхенвальда о мимолетных встречах с Чеховым у могилы Соловьевых⁴.

¹ Айхенвальд Ю. (Б. Каменецкий) Памяти Чехова (к двадцатилетию смерти) // Руль. 1924. 15 июля.

² Горный С. Вечер Чехова // Руль. 1929. 18 сент.

³ Горный С. Вечер Чехова // Руль. 1929. 18 сент.; Горный С. К 25-летию смерти А. П. Чехова // Руль. 1929. 14 июля.

⁴ Айхенвальд Ю. Чехов и Соловьев // Руль. 1929. 6 марта.

в статье «А. П. Чехов с 6-ю иллюстрациями»¹ критически оценивается сборник, изданный в Ленинграде «А. П. Чехов: Литературный быт и творчество по мемуарным материалам». Автор считает, что читателю был предложен далеко не полный, сознательно усеченный материал. Частично этот пробел восполняет публикация неизданных писем Чехова в Литературном приложении к «Накануне»² (к И. Л. Щеглову) и в «Руле»³ (к Д. В. Григоровичу). Письмам Чехова посвящен и очерк Ю. Айхенвальда, в котором говорится, что «наша заинтересованность его письмами еще более объясняется тем, что они — творчество, что они тоже представляют собой ценный *литературный* памятник, *художественную* красоту. В нашей эпистолярной словесности займут они одно из первых мест. Литературные без литературности, непринужденные, без чванства богатые перлами остроумия, и юмора, и примечательных мыслей, полные оригинальных критических суждений, звучащие почти неуловимой тонкой мелодией единственного чеховского настроения, письма Чехова похожи на его рассказы: от них трудно оторваться»⁴.

Попытка найти опору современникам в творчестве Чехова осуществил С. Яблоновский в статье «О Чехонте и о Чехове»⁵, где выделяет образы неудачников как основу общих идей писателя. Он задается вопросом, как выкарабкаться из этой антиномии необходимости жить и нежелания строить свою жизнь на поражении других, как делают Лопахины. По мнению автора, русский народ стоит перед выбором: «но вряд ли в лопахинстве найдет себе выход русский народ, как бы ни было разумно лопахинство». В отличие от Салтыкова-Щедрина, который понимает, что наступит страшный день, когда «дурачку» придется выбирать «между практичностью и дурачеством», Чехов надеется, что и тогда «Дурак» предпочтет остаться дураком. Лопахинствовать, лопать других не станет. Здесь особенно сказалась глубочайшая национальность Чехова».

Толстой замыкает собой круг интересов берлинской критики, проходящий через основные вехи русской литературы XIX в.: Пушкин — Достоевский — Толстой. Из всех писателей этой эпохи он оказался наиболее востребованным, потому что именно с его наследием

¹ Ю. А. А. П. Чехов с 6-ю иллюстрациями // Руль. 1928. 17 окт.

² И. В. Новые письма Чехова // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 8. С. 9–10.

³ Неизданное письмо Чехова Д. В. Григоровичу // Руль. 1928. 1 янв.

⁴ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 2. С. 46.

⁵ Яблоновский С. О Чехонте и о Чехове // Руль. 1929. 14 июля.

были связаны принципиальные споры о сущности русского самосознания, об историческом пути России и о степени ответственности культуры.

Берлинские публикации о Л. Толстом поражают разнообразием форм и интенсивностью появления. Общий объем их, несомненно, превышает и литературу и о Пушкине, и о Достоевском, но значительно уступает по глубине литературно-критического интереса. Толстой рассматривается с нескольких сторон — как личность, как общественный деятель, как художественный талант и как мыслитель. Основным поводом для появления материалов в периодике были три даты — десятая и пятнадцатая годовщины смерти в 1920 и 1925 гг. и столетие со дня рождения в 1928 г. Это определило и характер публикаций.

Большое место в берлинской периодике занимают репортажи с юбилеев, хроники праздничных мероприятий и выставок и речи общественных и культурных деятелей диаспоры. П. Милюков в памятной речи, посвященной десятой годовщине кончины писателя утверждает: «бесполезно прибегать к гипотезе, что было два Толстых: художник до 1886 года и пророк после. Нельзя согласиться и с противниками Толстого, что его отрицание есть только лицемерная поза. Все теории и учения Толстого пророка, религиозного и социального реформатора можно найти в его ранних художественных произведениях. С другой стороны — до конца жизни Толстой оставался великим художником»¹. Эта мысль далее развивается в выступлении В. Д. Набокова: «В Толстом первой эпохи, как и в Толстом второй эпохи, неразрывно связаны художник и мыслитель, иногда они совершенно сливаются, иногда формально отдаляются друг от друга... Основная проблема у Толстого — искание смысла жизни и оправдание смерти. Толстой показал с неподражаемым мастерством, как проблема жизни и смерти может столкнуться с классовыми противоречиями и разрушиться примирением этих противоречий в деятельном подвиге любви и самопожертвования»².

В выступлении И. Гессена отмечалось, что «уже в ранних произведениях Толстого можно найти вполне отчетливые выражения всех тех мыслей, которые затем составили основу его социального учения: некоторые герои его романов наделены несомненно автобиографическими чертами, и тем не менее между теми и другими произведения-

¹ Милюков П. Толстой и русский народ (Речь в память Л. Н. Толстого на собрании в Лондоне 30 ноября 1920 г.) // Руль. 1920. 8 дек.

² Набоков В. Д. Лев Николаевич Толстой (к десятой годовщине) // Руль. 1920. 21 нояб.

ми лежит непроходимая пропасть»¹. По мнению Ю. Айхенвальда: «Он протестовал против культуры, против разума, против мысли, но сам не оставался у себя дома, т.е. в дивной хранине своего интуитивно-го художества, и свою непосредственность отягощал резонерством, сократовской рефлексией, поэта стеснял в себе мыслителем — обращался к тому разуму, в который не верил... Творец едва ли не самых убедительных в мире литературных произведений... не мог удовлетвориться одной этой святой простотой бездумности, одними инстинктами искусства, и должен был как теоретик и философ работать для той самой книжной и машинной культуры, которую он презирал и против которой диктовал свои изречения»².

В юбилейном материале Н. Е. Осипова «Лев Толстой»³ отмечается драматическое единство личностных особенностей писателя и его художественного мастерства, которое выражалось, с одной стороны, в душевном разладе, внутреннем конфликте, постоянном осознании этого разлада и постоянном стремлении к свободе ото всего, а с другой — в величайшем мастерстве психологического анализа, в исключительной способности изображения человеческих масс.

Для Н. Котляревского также очевидна двойственность дарования Л. Толстого: «Индивидуальность художника либо поглощена тем материалом, который он находит вне себя, и личность его теряется в общем художественном синтезе окружающего его мира, либо индивидуальность сама окрашивает все наблюдаемые им явления, и личность его выдвинута на первый план. Толстой объединяет эти два типа художника. Он был творцом людей, не имевших с ним ничего общего; он умел воскрешать — не реставрировать — целые полосы жизни, свидетелем которых он не был; он был великий мастер создавать самую обыденную обстановку, — труднейшее, что есть в искусстве»⁴.

А. Яценко видит уникальность Толстого в том, что он «заглянул в самые недра народной души и прозрел в ней ее сокровенную суть. Он построил целую законченную моральную философию. Толстовский дух недейственности, непротивленства и анархичности был великим грехом русского народа, как и вообще Востока. Утро русского «эксперимента» оказалось против Толстого, и суд истории вынес свой вердикт против методов непротивленства»⁵.

¹ Гессен И. Памяти Л. Н. Толстого // Руль. 1920. 21 нояб.

² Айхенвальд Ю. Через 15 лет // Руль. 1925. 25 сент.

³ Осипов Н. Е. Лев Толстой // Руль. 1928. 9 окт.

⁴ Котляревский Н. Холмы родины. С. 187.

⁵ Яценко А. Толстой и русская революция // Русский эмигрант. 1920. № 5. С. 4–6.

Двойственность творчества Толстого замечает и Ю. Айхенвальд: «В самом деле, две волны, два течения переливаются во всем творчестве Толстого: он изобличает; сатирик и обвинитель человечества, он много горькой правды бросил ему в лицо, так много и порою мелочно выговаривал ему, находил в нем столько недостатков, вплоть до курения табаку, и делал он это не только в качестве моралиста, но и художественно, как писатель; но над этой строгостью учительствующего психолога возвышается другая стихия его духа — благоволение, любовь»¹.

Для современных писателей Толстой оставался непревзойденным авторитетом и учителем. А. Белый называет его «учителем сознания», «предтечей грядущей любви». «В «Дневнике» Толстого встречаются нас истины мудрости, многое из того, что им сказано над индивидуальным сознанием, называемом в терминах философии Индии «Манас», которое есть «Я». Толстой — выразитель доступной всем мудрости, он откровение грядущей культуры. Восставши, пошел Л. Толстой всей Россией в огромные шири вселенского света; уход Л. Толстого сперва из уже обветшалой культуры, потом из дому, сквозь смерть в жизни бессмертия есть величайший доступнейший символ»².

Молодому литератору А. Дроздову Толстой «дорог, но как память, близок старым воспоминаниям. Он гений, когда-то учитель, когда-то солдце, слепившее глаза. Прозрение, посетившее его на сложной, одинокой постели под крышей станции «Астапово» не записаны и лишь станционная подушка слышала ход его последних дум»³.

Все эти высказывания объединены общей проблемой соотносительности художественного и мыслительного опыта писателя, создававшего художественные произведения, наполненные философскими идеями, и работы теоретико-религиозного плана, особенно в последние годы жизни.

Другой характерной чертой популяризации Толстого в периодике была публикация воспоминаний и дневников лично знакомых с писателем. Сюда относятся воспоминания Н. Шубакова о праздновании 80-летия Толстого в Ясной Поляне, где автор был делегатом от студенчества петербургского университета⁴, беседы с Масариком⁵ о зна-

¹ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 1. С. 226.

² Белый А. Учитель сознания (Лев Толстой) // Знамя. 1921. № 1. С. 22–23.

³ Дроздов А. Крылья и земля. О Толстом — учителе // Русский эмигрант. 1920. № 5. С. 3–4.

⁴ Шубаков Н. У Л. Н. Толстого в 1908 г. (Воспоминания) // Руль. 1928. 9 сент.

⁵ Масарик и Толстой // Руль. 1928. 16 сент.

комстве с ним и внуком Толстого¹; публикация В. Булгаковым части Дневника С. А. Толстой о сватовстве писателя² и своих собственных воспоминаний о встречах с писателем³, дневники А. Гольденвейзера⁴, а также тюремные записи С. П. Мельгунова о своем неблагоприятном впечатлении от посещения Толстого летом 1905 г.⁵ С. Н. Эверлинг, ссылаясь на личный опыт, пишет, что Толстой имел глубокие познания в философии, особенно находился под впечатлением новых книг Канта и Шопенгауэра⁶. А. Хирьяков, делясь опытом встреч с писателем, приходит к следующему выводу: «Если бы не было художественного творчества Толстого, перед нами был бы все-таки выдающийся общественный деятель, горячий борец за народное благо и, независимо от его теоретических взглядов, пламенный патриот. Но так как с этими качествами соединяется мировой художественный гений, то перед нами вырастает разносторонний и огромный человек, равного которому не знает мировая история»⁷.

А. Дроздов опубликовал даже беллетризированный эскиз жизни писателя в Ясной Поляне⁸, а В. Сирин (В. Набоков) посвятил столетней годовщине Толстого стихотворение, в котором, в частности, сравнивая писателя с Пушкиным, отмечает:

К Толстому лучезарная легенда
Еще не прикоснулась. Жизнь его
Нас не волнует. Имена людей,
С ним связанных, звучат еще не зрело:
Им время даст таинственную знатность⁹.

¹ Жуков Е. Беседа с внуком Толстого // Руль. 1928. 13 сент.

² Булгаков Вл. Из дневника С. А. Толстой. Музей Л. Н. Толстого в Москве. // Руль. 1928. 9 сент. См. также рец.: Айхенвальд Ю. Толстой и Толстая // Руль. 1928. 12 сент.; Айхенвальд Ю. Еще о Толстом // Руль. 1926. 12 мая.

³ Булгаков В. Новое о Толстом // Дни. 1924. 15 мая; Булгаков В. Толстой о Толстом (новые материалы) // Дни. 1924. 16 нояб.; Булгаков В. Трагедия Льва Толстого (дневник) // На чужой стороне. 1924. № 4. С. 5–49.

⁴ Гер А. А. 1910 г. в Ясной Поляне // Руль. 1924. 17 апр.; Гер А. А. Вблизи Толстого // Руль. 1924. 5 апр.; Гольденвейзер А. А. Последние годы Толстого // Руль. 1926. 13 окт.

⁵ Мельгунов С. У Л. Н. Толстого // Дни. 1923. 22 дек.

⁶ Эверлинг С. Н. Из бесед с Л. Н. Толстым (апрель 1901 г.) // Сполохи. 1923. № 15/16. С. 3–4.

⁷ Хирьяков А. Толстой в жизни // Руль. 1928. 9 сент.

⁸ Дроздов А. Лев Толстой в Ясной Поляне // Руль. 1928. 11 сент.

⁹ Набоков В. (В. Сирин) Толстой // Руль. 1928. 16 сент.

Много места на страницах берлинских изданий занимают рецензии и обзоры на публикации произведений Толстого и о нем¹. Обращают на себя внимание рецензии А. Гольденвейзера² и обзоры Ю. Айхенвальда вышедших в России и эмиграции книг о Толстом. Прочитав вышедшую в Париже книгу с тринадцатью произведениями Толстого и предисловием Т. И. Полнера, автор натолкнулся на мысль, что «преемником старого Толстого является модернист М. Пруст, когда в рассказе „История вчерашнего дня“ встречается попытка описать „задушевную сторону жизни одного дня“, а в комедии „Нигилист“, как и повсюду в своем творчестве, не доводит своей насмешки до такого предела, где смешное убивается, где, как у Гоголя, происходит над человеком какая-то казнь смешною смертью. Драматическая разработка сказания о царе Аггее и сцены „Петр Мытарь“ написаны в тех прекрасных и благостных тонах примитива и с тем внутренним учительством, какие вообще характеризуют Толстого 80–90-х гг. — там, где свой морализм он умел претворить в свое художество»³. Эта же мысль Ю. Айхенвальда развивается в рецензии на книгу писателя «Путевые заметки» и письма дочери Татьяны: «Толстой хочет подавить в себе художника, но в художество и живопись облекает он самую мораль свою, самые призывы к духовности и завещает „больше заниматься тем художественным произведением, которое составляет жизнь каждого из нас, прикладывая все внимание и усилие на то, чтобы не было в ней никаких ошибок ни колорита, ни перспективы, ни, главное, отсутствия содержания“»⁴.

Резкой критике подверглась книга В. Г. Черткова о последних днях и кончине писателя. «Книга Черткова носит характер вызова. Чертков — злой гений Толстого. Нарисовав очень резкий, далекий от элементарной объективности, образ жены Толстого, Чертков посвящает в заключение главу о своем отношении к Софье Андреевне. Моральное ханжество, которым пропитан весь текст чертковской книги, производит отталкивающее впечатление»⁵.

В рецензии Ю. Офросимова на театральные постановки «Живого трупа» и «Власти тьмы» на берлинских сценах отмечается, что в них

¹ Алданов М. О Толстом // На чужой стороне. 1924. № 3. С. 246–253.

² Гольденвейзер А. А. «Война и мир» и «Анна Каренина» // Руль. 1928. 25 февр.

³ Айхенвальд Ю. Неизданный Толстой // Руль. 1926. 3 марта. См. также рец.: Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 17 окт.

⁴ Айхенвальд Ю. Еще о Толстом // Руль. 1928. 26 сент.

⁵ Мельгунов С. Уход Толстого в освещении В. Г. Черткова // На чужой стороне. 1923. № 1. С. 147–174.

«театрально стилизован русский быт и эпоха без бросающихся в глаза ошибок, добавлены в «Живой труп» ненужные сцены в ущерб фрагментарности. Присочинил режиссер и новые места: сочно, но излишне»¹.

Периодика русского Берлина охотно публиковала отзывы западно-европейских писателей и критиков о творчестве Толстого, в частности, Г. Гауптман отмечает, что «он слишком универсален как художник-творец и как человек для того, чтобы дойти туда, где стояли христиане первых веков. Не слабость, а сила его удержала Толстого от того упрощения его жизни, которое было для него последовательным. Его произведения — слишком великие дары гения, чтобы стать образцами для других»². Газета «Голос России» перепечатала из немецкого журнала «Wieland» переписку Толстого с Б. Шоу, который называет русского писателя «памятником всегда ясной и всегда возвышенной мысли»³. С. Цвейг, проводя сопоставительный анализ творческой личности Казановы, Стендаля и Толстого, подчеркивает «земной посюсторонний характер его творческой интуиции»⁴. Выступление Т. Манна на встрече с русскими эмигрантами в Берлине полна была восторженных откликов о Толстом, основная мысль которых сводится к тому, что труды русского писателя имеют прежде всего мировое общественное значение⁵.

Известный французский театровед А. Пакэ увидел в драмах Толстого всего лишь «окольную дорогу к натуралистической эпохе, и все же вместе с тем и главную дорогу к решению основных вопросов драматического искусства, у которого есть что-то общее с религиозным культом. В театре он дал место обыденной русской жизни, откасался от европейской бутафорщины, отбросил балетные проблемы, и там, где в интересах новой натуралистической драмы необходимо было разрешить артистическую проблему, так он по-новому разрешает ее. Поразительно то, что Толстой, человек Востока, почти азиат, но мы не замечаем больше этого, он говорит на нашем языке, высказывает наши мысли, и мы волей-неволей соглашаемся с ним и ждем осуществления того, что он нам предсказал»⁶.

¹ *Офросимов Ю.* Толстой на берлинских сценах // Руль. 1928. 3 окт.

² *Гауптман Г.* Лев Николаевич Толстой (к десятой годовщине) // Руль. 1920. 21 нояб.

³ Переписка Л. Толстого с Бернадом Шоу // Голос России. 1920. 23 янв.; 1920. 24 янв.

⁴ *Гольденвейзер А. А.* Стефан Цвейг о Л. Н. Толстом // Руль. 1928. 10 авг.

⁵ *Гриф.* Томас Манн о русских писателях // Руль. 1926. 4 авг.

⁶ *Паке Альфонс.* Толстой и театр // Голос России. 1921. 17 февр.

Если в общественно-публицистических работах русского Берлина о Толстом основным предметом был спор о сущности русского самосознания, об историческом пути России, степени ответственности за это культуры, то в работах, посвященных творчеству Толстого на первый план выходят вопросы, связанные с мировоззрением писателя, его литературные связи, особенности толстовского гения.

М. Алданов отмечал, что «в предвидениях «Войны и мира», как почти в каждой странице наследия Толстого, ясно виден его несравненный ум, с одинаковой легкостью вникающий в сложные вопросы науки, дебри отвлеченной метафизики, в глубины сердца человека, в мельчайшие подробности социальных отношений»¹. Предвидя провокационную возможность отождествления идей автора, выраженных в художественном творчестве, и мыслей писателя вне художественного творчества, М. Алданов предостерегает исследователей от ложного шага: «Одна из наиболее трудных, даже неразрешимых задач литературной критики заключается в установлении той грани, до которой простирается моральная ответственность художника за мысли и деяния своих героев»².

Неоценимую помощь исследователю может оказать изучение иронии как средства выражения авторской позиции. В работе приводится пример Толстого и Достоевского. Наделение своих произведений иронией заслуживает от «негодующего красноречия людей, которые больше всего на свете любят предъяслять моральные истины»³. Ведь именно ирония, выдающая авторское презрение, «вырыла глубокую пропасть» между Ф. Карамазовым и Ф. Достоевским, но «безбоязненный Толстой не отделяет себя от Позднышева, не иронизирует над ревнивым мужем».

На эту разницу поэтических приемов Толстого и Достоевского обращал внимание и Е. Лундберг. «Она (ирония) свойственна Достоевскому в высшей мере, часто явная, еще чаще скрытая, она роет почву, как подпольные воды, и тем напряженнее, чем патетичнее речи, и тем злее, чем ближе вечное истинное и возвышенное. Ирония Достоевского отступает, когда над людьми разливается видимый покой, но чем больше совестью, раздумием и словом своим дорожит человек, тем цепче держит его в своих когтях ирония Достоевского»⁴.

Подробнейшим образом проанализировав все крупные произведения Толстого, М. Алданов приходит к выводу о загадочности

¹ Алданов М. Загадка Толстого. Берлин, 1923. С. 11.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 42.

⁴ Лундберг Е. От вечного к преходящему. С. 53.

толстовского гения, ведь для него «толстовство — крайняя степень рационализма»¹, однако как художник он противоречит собственным предельно ясным построениям: «Ни один другой мыслитель не был так глубоко, как Толстой, убежден, что в огромном здании жизни под мысль отведена лишь одна небольшая комната. И вместе с тем никто другой в современной философии не приложил столько усилий, чтобы подчинить жизнь логике... Все творчество Толстого, не только догматическое, но и художественное, заключает в себе скрытый вызов науке»².

Одной из центральных тем творчества Толстого Алданов называет любовь, которая является неотъемлемой частью всей философской концепции жизни писателя. «В «Крейцеровой сонате» проблема захватывает не только ревность, не только физическую любовь. Знак вопроса поставлен и над тем «духовным» общением, которое навязано двум людям на всю жизнь, от которого им нельзя и некуда уйти. Проблема истинной свободы, проблема Тютчевского «Silentium» занимает в «Крейцеровой сонате» полускрытое, но огромное место. Как фокусник парижского сабагет поступает с человеческим телом, так Толстой поступил с человеческой любовью. В цветущем, прекрасном теле и в безобразном, разлагающемся трупе, — в идиллии Левина и Кити и в мрачной трагедии Позднышева, мы узнаем одни и те же черты»³.

Но не только великий художник видится исследователю, Толстой для Алданова также и «колоссальное явление в истории русской политики. Вместе с Герценом он был первый свободный гений России; среди великих людей русской литературы ему нечего замалчивать и нечего скрывать»⁴.

Учение Толстого о непротивлении злу насилем, изложенное им в целом ряде публицистических статей и художественной прозе позднего периода, получило в конце XIX — начале XX века не только широкое распространение, но и вызвало острую полемику. Первым, как известно, начал ее Достоевский в статье об «Анне Карениной», продолжил В. Розанов, видя в мысли писателя больше противоречия, чем здравого рационализма. Участвовали в этом споре еще и Н. Федоров, А. Чехов, Н. Лесков.

Однако первым, кто перевел полемику на глубокий философский уровень был И. Ильин. Задача, которую он поставил в начале своей

¹ Алданов М. Загадка Толстого. С. 76.

² Там же. С. 76–77.

³ Там же. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 107.

книги «О сопротивлении злу силою», заключалась в разрушении целого пласта ложных идей с тем, чтобы перевернуть страницу в истории русской интеллигенции. Толстой, по словам И. Ильина, извратил и ложно истолковал учение Христа, поставив сентиментальную жалостливость и размягчение души вместо действенной христианской любви, требующей активной борьбы со злом. И. Ильин признает правоту Толстого, когда тот доказывает необходимость нравственного преодоления зла, необходимость различать «человека» и «зло в нем».

Из учения Толстого И. Ильин делает вывод, что его мораль усматривает в идее добра компонент любви и ненавидит компонент духа, поэтому она возводит в ранг бездуховную любовь, которая оказывается на самом деле не чем иным, как «безвольной, сентиментальной жалостью и совлекает вслед за собой истинные жизненные ценности на уровень элементарной инстинктивной душевности»¹.

Книга И. Ильина произвела огромное впечатление на современников и вызвала восторженные отклики в среде русского зарубежья у П. Струве, митрополита Антония (Храповицкого), архиепископа Анастасия Иерусалимского, Н. Лосского, В. Зеньковского. Негативно было отношение к книге И. Ильина у З. Гиппиус, Н. Бердяева, архиепископа Анастасия (Грибановского)².

Литературные связи Толстого тема довольно обширная. Нашла она свое отражение и в критике русского Берлина. Среди имен, окружающих Толстого чаще всего упоминается Достоевским, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Тютчев. «Л. Толстой впитал в себя Гоголя и Тютчева, был очень далек Пушкину и враждовал с Достоевским»³, — отмечает Е. Лундберг. Вражда с Достоевским постоянно провоцирует критиков сравнивать их мастерство. Так было у М. Алданова, когда он говорил об иронии у этих писателей, так же обстоит дело и в других работах.

«Толстой вообще роднит страшное с обычным, в будни претворяет стихию Достоевского. Он фантазмагории придает правдоподобие»,⁴ — замечает Ю. Айхенвальд.

Е. Лундберг обратил внимание на то, насколько герои Толстого непрерывно мотивируют для себя и перед судьбою свои поступки, настолько герои Достоевского, при всей обостренности сознания их

¹ Цит. по: *Ильин И.* Собр. соч в 10 т. М., 1996. Т. 5. С. 398.

² См.: *Полторацкий Н.* Иван Александрович Ильин. Жизнь. Труды. Мирозрение. Тераfly, 1989. С. 132–140.

³ *Лундберг Е.* От вечного к преходящему. С. 50.

⁴ *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. Т. 1. С. 227.

и самого творца, в определенные критические минуты бесповоротно отказываются от даров сознания: «Толстой полнее Достоевского воспринимал процесс жизни. Как дни текут, как события зарождаются — об этом никогда не забывал Толстой. У Толстого жизнь — раскиданный по лугу костер. Судьба Достоевского в руках ветхозаветного божества, не дает эманаций, неделима, и лишь страсть человеческая пытается поднять перед нею голову»¹.

Следуя путем сопоставления творческого дара двух русских гениев Л. Шестов склонен видеть в них общее: «Достоевский, как и Толстой, готов поставить щеку ближнему, — но добродетели своей, своего права на добродетель — не только не уступит, но отнимет у ближнего. Чем больше он может проявить жестокости, чем сильнее может наказать он свою жертву, тем полнее его творчество»². А для Айхенвальда ближе сравнение Толстого с Тургеневым и Пушкиным: «Аудитории своей, которой является весь мир, он не бросает, в противоположность, например, Тургеневу, никаких афоризмов, никаких воланов литературного кокетства или фамильярности»³, «его роднит с Пушкиным великий дух простоты, оправдание жизни, оправдание человека, но существенно то, что ни у кого он, собственно, не учился и у него, поэта, нет никакой *ars poetica*»⁴.

Таким образом, в литературной критике русского Берлина в вопросах отношения к классическому наследию сложилась четкая картина представлений и иерархий. В поисках духовных ориентиров литературные критики прежде всего обращались к ценностному миру русской классики, одной из важнейших становилась задача обоснования нового взгляда на русскую культуру — взгляда из далёка. Одним из таких ориентиров становится четко выстроенная духовная ось русской литературы: Пушкин — Достоевский — Толстой, вокруг которой постепенно начинают выстраиваться все остальные понятия и представления.

В Берлине была установлена прочная связь с пушкиноведением в России, без которой существование науки о Пушкине за рубежом просто не имело смысла и обречено было на скромную роль вторичной интерпретации исследований, сделанных в России. Важным достижением в области пушкиноведения стало и то, что благодаря известным обстоятельствам существования, оно вышло из рамок академической

¹ Лундберг Е. От вечного к преходящему. С. 51–52.

² Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. С. 44.

³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 1. С. 218.

⁴ Там же. С. 220.

ГЛАВА II

науки и оказалось доступным широкому читателю за границей, для которого Пушкин стал символом России.

Здесь же в Берлине было положено начало системному осмыслению Достоевского как философского писателя, появились пророческие концепции его творчества в дополнение к уже существовавшим эстетическим и поэтическим.

Значительны достижения берлинских критиков в приобщении русской литературы к европейской традиции. В работах о творчестве Тургенева, Чехова и Толстого последовательно проводится мысль о единстве многих явлений в их творчестве, о вкладе этих писателей в европейскую и мировую литературу.

ГЛАВА III

Проблемы и темы современного русского литературного процесса в освещении берлинской критики

При обращении к литературе XX в. отчетливо вырисовывается интерес критики к полемике о границах между классикой и современностью, о судьбе современной литературы в метрополии и эмиграции, к поэзии, как наиболее развитой части современной литературы. При анализе прозы акцент делается на принципиальное художественное и идейное отличие писателей «старых», чье творчество и слава сложились в дореволюционной России, и «молодых», вступивших в литературу в 20-е годы.

Берлинская литературная критика отличается ярким жанровым разнообразием. Немногочисленные монографические работы, замысел и написание которых можно отнести к дореволюционному периоду, отражают картину берлинской литературной жизни не полно. Однако и среди них есть значительные работы Р. Иванова-Разумника и Н. Котляревского¹.

Основным способом выражения мнений и взглядов о современном состоянии литературы становятся газетные и журнальные публикации: справочно-библиографические сведения, рецензии, речи, репортажи с юбилеев, юбилейная статья, некрологи, публицистические эссе, воспоминания, отзывы одного писателя о другом. Особое место в периодической печати Берлина занимает информация о литературной жизни в России и за границей. Сюда входят известия о работе Союза Писателей, возобновлении деятельности того или иного издательства, открытии книжных магазинов и библиотек².

¹ *Иванов-Разумник Р.* Русская литература от семидесятых годов до нашего времени. Берлин, 1923; *Котляревский Н.* Холмы Родины. Берлин, 1923.

² *Н-в П. И.* Литературная жизнь в Москве // *Новости литературы.* 1922. Кн. 1. С. 19–20; *Петровская Н.* Литературный Берлин («Итоги») // *Накануне.* Литературная неделя. 1924. 29 февр. № 50 (567). С. 2–3; *Шкловский В.* Литераторы и литература в Петербурге // *Голос России.* 1922. 31 мая.

Вопрос, что является современным для критики 20-х годов, связан с темой традиции и преемственности в литературе. Одни критики видели современную литературу уже в произведениях писателей Серебряного века. Для Ю. Офросимова «современен» Л. Андреев, «подошедший вплотную к грядущему театру» и противопоставляемый Островскому и Чехову как «прошлому» русского театра¹. В. Ходасевич и С. Маковский видят современного поэта в И. Анненском, так как, начав писать в духе ранних символистов, он впоследствии одним из первых русских поэтов воплотил в лирике тенденции акмеистов с вещественностью их художественного мира, конкретностью деталей, строгой классичностью форм и будничностью тона², став таким образом первым учителем Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака. Иные параметры современности указываются в работах И. Эренбурга «Новая проза»³ и Н. Ашукина «Современность в литературе»⁴. И. Эренбург указывает на сформировавшийся в современном европейском искусстве новый метод письма, который с наибольшей полнотой проявился в творчестве группы писателей «Серапионовы братья», Е. Замятина, а в поэзии — у Маяковского, Пастернака и Асеева. Этот метод, по мнению критика, имеет характерные черты: точность плана, ясность, сложность, ощущение материала, комбинации различных материалов, верную «настроенность» по отношению к современности. Н. Ашукин дополняет этот перечень еще динамичностью, фабульностью, отсутствием психологического анализа. А. Кусиков и Г. Алексеев еще плотнее сжимают рамки современности. Для одного прошлое не только Пушкин и Гоголь, но и Чехов и Бунин⁵, а для другого настоящее начинается с имажинизма: «После «блестящего символизма», который достойно завершился северянинщиной, после уродливого кривлянья и потуг бессильного футуризма — пришли мы»⁶. Таким образом, очевидно, что границы современного литературного процесса представляются критике русского Берлина 20-х годов достаточно размытыми, и в зависимости от целей литературно-критического

¹ Офросимов Ю. В. Грядущий театр // Жизнь. 1920. № 3. С. 23–26.

² Маковский С. Иннокентий Анненский // Веретено. 1922. Кн. I. С. 233–247; Ходасевич Вл. Об Анненском // Эпопея. 1922. № 3. С. 34–56.

³ Эренбург И. Новая проза // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 1–3.

⁴ Ашукин Н. Современность в литературе // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 4–6.

⁵ Алексеев Г. Серапионовы братья // Веретеньш. 1922. № 2. С. 9.

⁶ Кусиков А. Б. Папа и мама имажинизма // Вещь. 1922. № 1/2. С. 10.

анализа в каждом конкретном случае эти рамки могут смещаться в пределах десятилетия и больше.

Полемика о сути и предназначении литературной критики в берлинской периодике восходит к дореволюционному «спору о Белинском», начатому Ю. Айхенвальдом¹. Исходя из своего метода «принципиального импрессионизма», критик подрывает доверие к своим профессиональным предшественникам — Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву, — утверждает принцип «незаинтересованности» искусства. Историко-культурный метод, по Айхенвальду, не достигает своей цели, потому что понятие о писателе как продукте или выразителе эпохи говорит о связях со временем, а не о внутреннем человеке-творце². Вместе с тем, порывая с этой традицией, он не бросает камень в своих предшественников, а в «прекрасных и глупых словах стремится объяснить публицистическую односторонность старой русской критики³.

В условиях политической и идеологической неопределенности отказ от критического наследия русской классики воспринимался не однозначно: одни исследователи полагали, что утверждение новых эстетических принципов в литературной критике невозможно без продолжения традиции; другие именно в этом видели оценочную слабость такого подхода.

Апологетом первой точки зрения выступал Е. Аничков, утверждавший в берлинских «Новостях литературы» что «никакой другой нет и не было русской эстетики, кроме той, которая восходит к Чернышевскому; от Чернышевского до Вяч. Иванова через Л. Толстого и Вл. Соловьева развивается, усложняясь, но оставаясь в основе своей все той же по духу, одна русская эстетика, и в этом вещь, принесенная Западу русским художеством, в этом его значительность и сила чарующая»⁴.

В одном из первых «Писем о литературе», опубликованных в берлинском «Руле», А. Бем, наоборот, заявляет о своей приверженности традиции Айхенвальда. Опасаясь развития критической мысли по пути Белинского и Добролюбова, исследователь настаивает на необходимости «оградить независимость критической мысли»⁵. Иссле-

¹ Айхенвальд Ю. Спор о Белинском. Ответ критикам. М., 1914.

² Айхенвальд Ю. Проблема писателя // Руль. 1928. 6 июня.

³ Гольденвейзер А. Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Руль. 1925. 23 нояб.

⁴ Аничков Е. Акмея русского художества // Новости литературы. 1922. № 1. С. 10.

⁵ Бем А. О критике и критиках // Руль. 1931. 6 мая.

дователь включает в сферу своих интересов развитие литературной критики как в метрополии, так и в зарубежье. Делая обзор вышедших в России публикаций В. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений», Б. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха» и В. Шкловского «Развертывание сюжета. Дон Кихот», критик вынужден признать, что «интересы к вопросам теории литературы в России как-то временно заглохли, и только сравнительно недавно наметился в этом отношении перелом». Но этот перелом А. Бем связывает скорее с новейшими течениями западноевропейской научной литературы, чем с оживлением интереса к русской школе теории искусства. По его мнению, общественно ангажированная критика в России еще не сформировалась, но зато оживился интерес к теоретическим вопросам, правда, к его великому сожалению, строятся эти исследования вне продолжения традиций Веселовского и Потебни: «Он (интерес) развивается односторонне, сосредотачиваясь на разработке вопросов формы, при этом рассматривают поэзию статически, как нечто данное. Вопросы психологии творчества и генезиса поэтической формы остаются в стороне, а именно к этому пришли Веселовский и Потебня»¹.

Особенно настороженно относится А. Бем к получившему развитие в эмиграции процессу перехода критики из рук критиков в руки писателей, чаще всего поэтов. «В сущности, после смерти Ю. Айхенвальда, который и в эмиграции... остался верен лучшим традициям русской «настоящей» критики, не осталось почти ни одного критика по призванию»². Выделяя среди прочих литературно-критическое творчество В. Ходасевича, отмеченное «большой художественной зоркостью», «остротой и меткостью наблюдений», автор «Письма» замечает, что «его талантливые критические статьи носят на себе слишком яркую печать его художественной индивидуальности, слишком явно выдают его «писательские вкусы». Отсюда особая «субъективность» его оценок, отсюда и неожиданные срывы в его критических статьях»³.

Еще серьезнее претензии А. Бема к Г. Адамовичу, поэту, на котором «скверно отзываясь то, что к его услугам оказался еженедельный литературный „подвал“ самой распространенной газеты в эмиграции»⁴. Вследствие своих рассуждений критик приходит к выводу, что основным злом эмигрантской критики является монопольное право еже-

¹ Бем А. Работы по теории литературы в России // Новости литературы. 1922. № 1. С. 15

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. (Имеется в виду парижская газета «Последние новости».)

дневной газеты на суд над русской литературой. «При монопольном положении ежедневной прессы именно замалчивание является одним из наиболее сильных оружий в борьбе против всего, что выходит за пределы общепризнанного»¹. В условиях эмиграции, полагает А. Бем, возрастает «роль критики, которая обязана восстанавливать правильное соотношение литературных явлений»².

В полемике вокруг задач литературной критики внимание сторон обращалось не только на то, как оценивать то или иное литературное произведение, но и почему оно так оценивается, с учетом каких идеологических, нравственных, эстетических и даже чисто личностных противоречий и точек соприкосновения. В этой связи в печати обострился интерес к личности критика, несущего главную ответственность за те оценки, которые в конечном счете будут даны тому или иному литературному явлению. Н. Ашукин полагает, «чтобы понять и верно оценить то или иное произведение литературы, нужно стать на точку зрения автора разбираемого произведения. Только в этом случае критик будет застрахован от построения произвольных схем, быть может, интересных самими по себе, но по природе чуждых разбираемому автору. Критик в суждениях своих, если они — не произвольные схемы, погружается в ту музыкальную стихию творчества, из которой возникло произведение автора; и только в этом случае ему удастся приблизиться к истинному истолкованию произведения»³.

В книге Е. Лундберга «От вечного к преходящему» ставится вопрос: «Что такое критик?». По мнению автора, в новых условиях рассеянного существования литературы возрастает объединяющая и направляющая роль критика: «О критике в литературных документах остаются только укоры за неправильно произведенные оценки, да созданная критиком и литературным летописцем история, и тем не менее редкая область труда хранит печать стольких усилий и достижений мысли, сколько их хранят труды больших критиков»⁴.

Бегло проанализировав еще довольно молодую историю критики, Е. Лундберг пришел к выводу, что в истории литературы больших критиков намного меньше, чем больших писателей. Чаще всего современный критик представляет собой, на его взгляд, просто «регистратора», «ремесленника, зависящего от рынка», нередок случай «критика-книголюба», служащего больше своей страсти, чем науке.

¹ Бем А. О критике и критиках // Руль. 1931. 1 мая.

² Бем А. О критике и критиках // Руль. 1931. 16 июля.

³ Ашукин Н. Александр Блок // Сполохи. 1922. № 6. С. 28

⁴ Лундберг Е. От вечного к преходящему. Берлин, 1923. С. 14.

Критик очень часто неудавшийся философ без законченной философской системы, каковыми были Карлейль и Эмерсон, а в России Белинский и К. Леонтьев. У такого рода критиков литературные характеристики, находимые у Пушкина, Гоголя, Гейне, Гете, стоят на границе отвлеченного философствования в сжатом или зачаточном состоянии¹.

Иногда критик — это философ, лишенный выразительного дара, и если «критик-философ» лишен зрения, не допущен до подлинной действительности, «критик-художник», напротив, чрезвычайно зорок, не ограничен, впечатлителен. Поделив таким образом существующую критику, автор упрекнул ее в том, что «большая часть заблуждений старой критики создана в угоду читателю. Ради простоты понимания творческий процесс разбивался на моменты. Из романа извлекалась фабула, выделялось содержание, развешивались, как мокрое белье на веревках, идеи. Ради морального здоровья читателя создавались критерии дозволенного и недозволенного»².

У Е. Лундберга большие опасения вызывает современное состояние критики, которая многое унаследовала из прошлого в своем стремлении завоевать расположение публики. Особым нападкам подверглась «просветительская» деятельность Ю. Айхенвальда, не столько потому что критик очень плодovit и претендует на исключительную роль судьи всему происходящему в литературной жизни России и Запада, а потому что, работая «на потребу» читательских требований, Ю. Айхенвальд являет собой «очень смягченный образчик «читательского» стиля, читательской всеобъемности, мечтательности, расплывчатости, сугубой тонкости и широты»³.

Пренебрежение общественными задачами, лозунг «подлинно для меня в любом авторе не то, что им написано, но то, что мною по написанному прочтено», по мнению Е. Лундберга, недопустимы в современных условиях существования литературы. «Импрессионизм русской критики — в большинстве случаев лишь маска, лишь уступка требованиям дня, ничего не изменяющая по существу... Сегодняшняя критика сошла во имя импрессионизма со своего судейского места и, вставая, разроняла все знаки бывшего величия. Новых же регалий у нее нет, да и быть не может, ибо и в падении своем она продолжает тайно или явно служить старому господину»⁴.

Полемика вокруг цели и задач литературной критики в новых геополитических условиях разворачивалась в берлинских изданиях на-

¹ Лундберг Е. От вечного к преходящему. Берлин, 1923. С. 15.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 45.

ряду с обсуждением главного вопроса: судьба современной литературы, пути и направления ее развития, отношение к различным традициям русской и западной литературы, деление на два потока.

Все эти проблемы были поставлены в статье М. Слонима «Литература наших дней», где автор полагает, что современная русская литература «в тройном кольце кризиса», который связан, во-первых, с «всеобщим оскудением европейского искусства» вследствие «утомления блестящим XIX веком». Этот общеевропейский процесс представляется наиболее угрожающим именно русской литературе, «ибо она обладала той молодостью, запасом сил и своеобразием, которых не доставало европейскому искусству»¹.

Второй круг кризиса связан с исканиями национального масштаба. М. Слоним видит отход от «большой традиции» Пушкина и Толстого, что в итоге обернулось большими потерями: «с одной стороны, беллетристика Эртеля, Терпигорева, Мамина-Сибиряка и других, несмотря на некоторые удачные достижения, уткнулась в тупик натурализма с типичными для него «моментальными снимками» Боборыкина. С другой, после Чехова, внесшего в литературу импрессионистическую направленность и нашедшего в лице Бунина и Зайцева лучших своих продолжателей, после Горького с его явно романтическим уклоном — началась борьба за обновление и изменение реалистической традиции»².

К началу первой мировой войны русская литература, по мнению исследователя, стояла перед реакцией против символизма, перед молодыми ростками нео-реализма, перед возвращением «к быту». «На смену словесной расточительности декадентства и неясным полунамекам-знакам символизма шла сжатая выразительность полновесной и архитектурно построенной фразы»³.

Третий круг кризиса, состоящий из различных звеньев — психологического, материального, идейного, — породила революция. «Идейный разброд, манерность выдумщиков, эстетическое озорство лжеискателей и насильственное революционирование — тяжело отражаются на русской литературе»⁴.

М. Слониму представляется совершенно очевидным, что русская литература после первой мировой войны подверглась тяжелому «физическому разгрому», автор не испытывает иллюзий по поводу худо-

¹ Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

жественных возможностей эмиграции. Для него уже в начале 20-х гг., так же, как и позднее — в 40-е и 60-е гг. XX в., было очевидно, что «в эмиграции трудно творить: недаром, за редкими исключениями, ничего не создали вдали от России „старые богатыри“, признанные мастера слова, недаром и новых крупных писателей не выдвинуло изгнание. В нем родилось лишь два-три молодых писателя, но второстепенного значения»¹. Катастрофическое воздействие первой мировой войны на литературу отмечает также и Е. Лундберг: «Литература русская с 1914 г. не живет нормальной жизнью. Новых и юных писателей не видно в современной литературе, а вчерашним трудно стало писать, в критической литературе мы надолго обречены на частности, на добрую черную работу»².

Другой проблемой, считает М. Слоним, стало то, что литературный процесс в эти годы подвергнулся искусственному отбору — печаталось, распространялось не то, что было ценно художественно, а то, что казалось целесообразным политически. При этом, несмотря на неблагоприятный прогноз развития литературы в 20-е годы, автор статьи убежден, что новая литература завтрашнего дня органически вырастет из литературы дня вчерашнего и будет с ней преемственно связана. Он называет имена Замятина и Ремизова, Пильняка и Яковлева, Вс. Никитина и Зоценко — почти всех представителей «Серапионовых братьев», ищущих сближения литературной речи с народной, сочности и яркости красок, — и связывает с ними новое направление развития литературы, хотя и замечает, что художественная проза будет значительно уступать стихам, так как «именно в области поэзии сильна работа над словом, завещанная декадентами и символистами»³. Его мнение поддержано суждением И. Эренбурга: «Живая русская литература — в России; там, мучительно, судорожно, быту наперекор, она продолжает шириться и расти»⁴.

Значительно меньше оптимизма испытывает Г. Алексеев⁵, обращаясь к разговору о судьбе русской литературы. По его мнению, события недавних революций и войн сбросили «с закачавшегося борта» писателей-«стариков», оказавшихся бесплодными, а «молодым» эта ситуация «распоясала души, сняла все путы со слов и сразу открыла

¹ Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 1.

² Лундберг Е. В своем углу (о текущей литературе) // Знамя. 1921. № 2. С. 35–38.

³ Там же.

⁴ Эренбург И. Над схваткой // Русская книга. 1921. № 7/8.

⁵ Алексеев Г. С рубежа // Веретёныш. 1922. № 1. С. 1.

тысячи путей». В России оказались «Маяковские и Шершеневичи, сотворившие молитву заборной надписи, Есенины и Орешины — талантливое, но озорное мужичье, заменяющее литературу зычным свистом», а за границу прибыли «вывихнутые Эренбурги, клеветущие на Россию». «Вся эта гниль, что отвалилась от России в революции и, упав в низок, во второй сорт западной Европы, продолжает здесь естественно разлагаться, смердить гнилозубым ртом в русскую литературу». Таким «молодым» Г. Алексеев противопоставляет других писателей, ушедших в изгнание сознательно, чтобы там не плевать на родину, не клеветать на нее, а «копить духовный опыт, зорко вглядываясь в бегущую мимо чужую жизнь. «Наш путь труден, как послух. Вот почему ни свиста, ни скандала, обязательного для новой школы, вы от нас, господа эмигранты, наполняющие «Дома Искусств» в надежде, что авось хлесткое слово какого-нибудь хулигана хлестнет по ожиревшей щеке, ни вы, господа так называемы «поэты русского сегодня», не получите».

Вопросы, поднятые М. Слонимом в статье «Литература наших дней», получили развитие в проведенном журналом «Веретёныш» анкетировании русских писателей. Уверенность издателей журнала в единстве и неделимости русской литературы нашла подтверждение в выборе анкетированных. Под заглавием «Завтрашний день русской литературы» в третьем номере журнала были опубликованы размышления А. Белого, А. Куприна, Б. Лазаревского, Вл. Лидина, П. Потемкина, Ю. Слезкина, А. Соболя, Дм. Стоянова, И. Сургучева, Тэффи, Л. Урванцова, А. Яковлева¹.

В споре о приоритетном развитии литературы мнения разделились на довольно радикальные и вполне нейтральные. Защитники «российского» пути развития литературы считают, что «русская литература в России, и не может быть литературы русской без России» (Вл. Лидин); «в эмиграции новой литературной эпохи нет, свет придет с востока» (Тэффи). Противоположная точка зрения представлена следующими высказываниями: «Будущее — в языке. Язык в России. А где Россия? — За границей, ибо страна интернационала не Россия» (П. Потемкин); «Вся русская литература в эмиграции. В России бешено развивается дилетантизм. От Достоевского возьмут глубокий анализ души» (А. Урванцов); «Я думаю, что завтрашний день литературы здесь, в эмиграции. В России молодежь много кричит о себе. Это плохой признак» (И. Сургучев).

¹ Веретёныш. 1922. № 3. С. 2–5.

Менее радикальные суждения поддерживают идею единого потока русской литературы: «Там, где не будет насилия и цензуры и где не будут думать, что цель оправдывает средства, будет завтрашний день литературы» (Б. Лазаревский); «Писатели российские творят и в советской России и у вас в эмиграции» (Дм. Стоянов).

Помимо животрепещущего вопроса о различии и единстве русской литературы писатели также затрагивали и общелитературные проблемы формы, языка, преемственности: «Мы идем к предощущению совершенно новых форм, в которых существенные перегородки между различными родами поэзии (лирика, эпос, повесть) будут сняты» (А. Белый); «Канун небывалого расцвета. Пушкин, Толстой, Достоевский — только предтечи, а завтра придет Он Великий, во истину великий Писатель Земли Русской с огненным словом и даст не только России, но и всему миру — величайшее столетие, в нем русская литература будет доминировать над литературой всех стран и народов» (А. Яковлев); «Русский писатель, идущий от революции, впитавший в себя ее — прост, ясен и гармоничен, его корни идут отнюдь не от А. Белого — наиболее яркого выразителя растерянности, смертности дореволюционной (кривая от Достоевского), а от строгого Пушкина — поэта, выросшего тоже из большого потрясения 12-го года» (Ю. Слезкин).

Две статьи — Ф. Иванова «Литература в эмиграции»¹ и И. Бунина «Литература в Советской России»², опубликованные весной 1921 г. в газете «Голос России», — дополняют полемику о двух потоках русской литературы. Ф. Иванов отмечает, что развитие литературы в эмиграции намеренно уходит от волнующих тем войны и революции либо в «художественное небытие» (Бунин), либо в детские журналы, стараясь найти «успокоение от тревожений жуткой действительности» (имеется в виду «Зеленая палочка», где публиковались писатели от молодого А. Дроздова до «маститого» А. Куприна). Если и появляются произведения, «претендующие на значение», то это роман «От двуглавого орла до красного знамени» П. Краснова, в котором очевидны тенденциозность и «незнакомство с реалиями» наряду с «изображением придворно-гвардейской среды». У автора статьи вызывает сожаление то, что такими книгами «исчерпываются попытки дать широкую картину общественной жизни».

И. Бунин посвящает свою статью опровержению распространенного в зарубежье мнения, что «большевики взяли на себя очень

¹ Голос России. 1921. 2 апр.

² Голос России. 1921. 31 мая.

неблагодарную роль меценатов российских футуристов». По его мнению, в России вяло продолжают процессы, сформировавшиеся еще до революции. Автор обращает внимание на «особую плодovitость» Брюсова, В. Иванова, скептически оценивает «наивную» «Мистерию» Маяковского и «Нестора российского литературного Олимпа» В. Короленко. В то же время обращает внимание на творчество Ахматовой и Замятина, но в целом приходит к выводу, что книгопечатание в России не отражает действительного положения дел в литературе.

А. Толстой в статье «О новой русской литературе»¹ обращает внимание на то что, новая литература предполагает наличие нового сознания, новой личности, а то, что появилось в России, «пока оголенная новая личность, новое сознание мира». Автор намечает характерные черты новой русской литературы, среди которых обращает внимание на трагичность, мужественность, страстность, жестокость и даже цинизм ее. «Фундамент новой русской трагедии — миф революции: ее роковая последовательность, ее противоречия, ее высоты и бездны, ее обольщения и непереносимый ужас, ее сложная, многоголосая, как fuga, сама себя уязвляющая, исступленно творческая, славянская душа». В форме новой русской литературы А. Толстой замечает две основные склонности: это — возврат к диалогу и приближение художественной речи к народной. В поэзии, по его мнению, усиливается трагический диалог, а в прозе — диалог рассказчика, повествователя, в чем угадывается крутой поворот к традиции Гоголя и Гофмана. Склонность к народной речи проявляется в большем введении в текст жестов, гримас в фразу, ее упрощение, превратившееся в борьбу с придаточными предложениями. «Великие русские писатели ломали традиционную литературную форму, но все же в массе литературы, в обиходе, она оставалась. И вот, видимо, теперь окончательно рушится эта давно истлевшая, тесная и душная одежда на русской литературной речи, стало быть — на мышлении, на сознании».

И. Василевский (Не-Буква) определяет состояние литературы за рубежом как «бесплодие»: «Граф А. Н. Толстой написал книгу «День Петра» и очень значительный и яркий роман «Хождение по мукам». И еще: молодой А. Дроздов написал книгу рассказов. Это все, что дала нового перебежавшая за рубеж русская литература. Больше ничего, ни одного живого слова! Русская литература за рубежом — молчит. Надо ли напоминать о том, что твориться по ту сторону рубежа?»²

¹ Толстой А. О новой литературе // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 5. С. 5–6.

² Василевский И. (Не-Буква). Литературные силуэты. С. 50–51.

Разногласица суждений о судьбах русской литературы, обозначившаяся на страницах берлинской периодики начала 20-х гг., постепенно упорядочилась, и к концу десятилетия появились уже первые выводы о состоянии дел в России и зарубежье. Особенно серьезное внимание этому вопросу было уделено А. Бемом в «Письмах о литературе», опубликованных в берлинском «Руле» в 1931 г.

Критик полагает, что споры о задачах эмигрантской литературы, о ее возможностях и самой оправданности ее существования уже закончены: «Никто уже не сомневается, что за время нашего изгнания выдвинулся ряд молодых писателей, уже по праву занявших свое место в литературе. Никому уже больше не приходит в голову отрицать и наличие подлинных литературных дарований в России»¹.

Настоящий момент русской литературы определяется А. Бемом как «большое несчастье, последствия которого могут оказаться очень болезненными для нашей культуры» — «подлинный разрыв между литературой подсоветской и литературой зарубежной»². Происходящее в России оценивается автором как «форменный бред сумасшедших»: «После «Зависти» Олеси, как бы замкнувшего собой период литературного роста, ничего подлинно выдающегося в России не появилось. В области поэзии дело обстоит еще хуже. Сквозь тиски небывалого еще в истории культурного человеческого гнета с большим трудом пробиваются подлинно талантливые писатели, как Леонов («Соть»), например, но ждать при таких условиях мало-мальски литературного развития в советской России в ближайшее время не приходится»³.

В связи с этим А. Бем возлагает всю ответственность за развитие русской словесности на эмигрантскую литературу и требует от нее полного осознания высоты поставленной задачи. Вместе с тем он понимает, что «литература зарубежная только осколок русской литературы»⁴, вынужденный в угоду читателю «себя подстригать, подлаживаться к его вкусам». Выполнить возложенную историей миссию зарубежная русская литература может только следуя развитию национальной традиции, ибо всем находящимся вне пределов родины грозит «иссякание национальных истоков», «соблазн припасть к чужому источнику творчества, могучему самому по себе, но лишенному оплодотворяющих сил для нас, русских»⁵. Ростки такого возрождения А. Бем от-

¹ Бем А. О критике и критиках (статья первая) // Руль. 1931. 29 апр.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бем А. В защиту читателя // Руль. 1931. 16 июля.

⁵ Руль. 1931. 13 авг.

мечает в рассказе А. Ремизова «Индустриальная подкова», в котором отмечаются традиции Гоголя и Достоевского, связанные с понятием «живой жизни».

Возможность возрождения русской литературы Л. Лунц видит в усвоении новых художественных форм, которые приносят свои плоды в западноевропейской литературе, уделяющей больше внимания фабуле, а не общественно-критическим рассуждениям, как это принято в России: «Нелюбовь к фабуле придушила русскую трагедию, русский романтический роман — в зародыше. Раздавить яйцо реалистического романа не удалось — он вылупился, и вырос сильный, но его убили. Ибо в русской литературе правит общественность, общественная критика, а она, по самому существу своему, должна ненавидеть сложную стройную фабулу»¹.

Своеобразную черту под развитием русской литературы проводит В. Тукалевский в статье «На гранях революции», где отмечается, что «в мировой истории литературы прозвучала героическая симфония русской словесности с блестящим заключительным аккордом «Двенадцати» Блока. Не забудем, что дореволюционная русская литература была художественной лишь постольку, поскольку талант мастера не мог скрыть писателя под идеями общественного служения словесного искусства»². И хотя есть все-таки сочинители в России, которых постоянно путают: «имажинистов с серапионовцами, и тех и других считают «пролетарскими» писателями и всех вместе пристегивают к колеснице большевистской диктатуры», автор полагает, что «кровавым стягом революции еще покрыта жизнь первых лет великих событий, в том числе и жизни русской литературы»³.

Мысль эта развивается в книге Ф. Иванова «Красный Парнас», где будущее литературы связывается с наступлением пролетарского искусства и пугающей автора литературы «казенного образца», наводнившей российский рынок. С одной стороны, для критика очевидно, что «пролетарская поэзия тот здоровый источник, мимо которого не пройдет замутненная последним безвременьем русская литература», что это течение, «припадая к истокам вечным, внеклассовым ценностям, не скинется с весов жизни никакой революцией»⁴, что «появившаяся на смену упадническому направлению последних лет, завер-

¹ Лунц Л. На запад! // Беседа. 1923. № 3. С. 24.

² Тукалевский В. На гранях революции (заметки о русской литературе) // Новости литературы. 1922. Кн. 2. С. 89.

³ Там же. С. 90.

⁴ Иванов Ф. Итоги // Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 126.

шившемся на полях литературы махровым цветением имажинизма, пролетарская литература внесет несомненно оздоравливающую струю в слишком уклонившиеся в сторону формы русского искусства»¹. С другой стороны, он отдает себе отчет в том, что легионы грамотных и безграмотных авторов этого нового пролетарского искусства могут наводнить своими скучными и бесцветными героями литературу: «Ничего не представляя из себя в смысле чисто художественном литературе казенного образца — только интересный документ будущего историко-литературного архива»².

Иного плана опасность существования литературы в России представляется Б. Оречкину, который полагает, что недалек тот час, когда книга совершенно исчезнет из русского быта из-за недостатка бумаги и национализации печатного дела: «Русская книга может возродиться только в условиях иностранной техники, независимых от колебаний российской действительности. Русской эмиграции открывается широкий простор для работы над культурным подготовлением культурного возрождения России»³.

Свое отношение к современной поэзии литературная критика русского Берлина выстраивала в соответствии с теми принципами, которые, с одной стороны, сложились в практике дореволюционной оценки явления, с другой, с теми задачами, которые следовали из содержания общеэмигрантской идеи. Отсюда повышенное внимание к тем поэтам и направлениям, которые развивали традиции классического периода русской литературы и неприязнь к творчеству футуристов и «крестьянских» поэтов.

Современная поэзия представляется М. Гофману «дряхлой старушкой, заблудившейся в трех соснах и тщетно старающейся выбиться на дорогу»⁴. Происходит это, на его взгляд, потому, что в сознании поэтов нет четкого представления о том, что искусство состоит из единства трех начал — реалистического, так как мыслит образами реальной жизни; символического, ибо искусство это «обличение вещей невидимых», и эстетического, потому что «сила прекрасного требует своего выражения», а попытки усилить одно в ущерб другому приводит к явной дисгармонии. Критик отмечает, что в «последние годы все громче и громче заявляет о себе отвлеченный эстетизм, оторванный от

¹ Иванов Ф. Итоги // Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 37.

² Там же. С. 96.

³ Оречкин Б. Без книги // Русский эмигрант. 1920. № 3. С. 7.

⁴ Гофман М. Л. Три сосны русской поэзии // Руль. 1925. 16 мая.

реальных образов жизни». Поэты довольствуются сочетанием звуков и не только не заботятся о семантике, но и забывают, что эстетическая значимость рождается из гармонического синтеза смысла, образности и «эйронизма слова». «В этих трех соснах и блуждает русская поэзия. не выйдет, пока поэты будут изоощряться в придумывании поэтических фокусов, в «делании» как можно более эксцентрических стихов, пока ремесленники-акробаты не станут творцами-поэтами. Придумать формулу нельзя, ее создает и создаст само время», — заключает автор.

В том же духе оценивает состояние современной поэзии и А. Бем, для которого мастерство превышает различных направлений, и спор о поэзии можно вести только, исходя из художественных достоинств произведения, а не из идейной ориентации того или иного поэта или литературной группы. «Вся беда большинства начинающих поэтов и заключается в том, что они не понимают, что выступать со стихами имеет право только тот, кто овладел культурой современного русского стиха, кто дает отчет в том огромном сдвиге, который произошел в русском классическом стихе со времен русского символизма. И здесь дело вовсе не в так называемой «непонятности» или «ломке» стиха, а во всей совокупности поэтической техники, необычайно утонченной и усложненной»¹.

Более оптимистически оценивает состояние современной поэзии Е. Аничков в книге «Новая русская поэзия». Основная мысль автора сводится к тому, что всякое зарождение новых течений прежде всего возрождение. В отличие от М. Гофмана и А. Бема, которые видят беду современных поэтов в нежелании овладеть формой, Е. Аничков, наоборот, не задается целью выявления совершенства формы, а больше внимания в своем анализе уделяет идейной стороне творчества. Этот принцип и лежит в основе той классификации явлений, которую он предлагает читателю.

Появление новой поэзии исследователь связывает с девяностыми годами XIX века и с влиянием западной литературы: «Новые веяния выросли в России из тоскливой пустоты душевной, из упорного нежелания заразиться трупным запахом, каким проникнута литература 80-х гг., а первые поэты: Мережковский и Минский, сами тоже носили в себе какую-то пустоту душевную... они впитывали в себя новые течения, возникавшие на западе как одну международную волну, без различия стран и народов. Отметали то, что было в этих течениях узко-национального, воспринимаемая — общечеловеческое и самое человеческое»².

¹ Бем А. О безответственности в поэзии // Рубль. 1931. 4 июня.

² Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 7.

Но не в этом видит ценность творчества этих поэтов критик. Для него важнее то, что на основе этих новых веяний произошло возрождение интереса к славянофильским религиозным чаяниям, благодаря чему Мережковский перестал быть лирическим поэтом. Е. Аничков называет это первым возрождением. За ним последовали еще три: «Второе возрождение и второй возврат, это — назад к Достоевскому и Вл. Соловьеву. Наконец, сразу третье и четвертое возрождение, — назад к Фету и Тютчеву, а позднее — к Пушкину»¹. Несмотря на то что Вяч. Иванов и Брюсов не пошли вслепую за Мережковским, в их творчестве автор также улавливает последовательное возрождение предыдущих этапов русской культуры, условно называемых им именами Л. Толстого и Достоевского: «Для Вяч. Иванова искусство, и искусство символическое по преимуществу, и есть та связь между «келейным» и «соборным» началами, между интеллигенцией и народом, отсутствие которой так ужаснуло, мучило, пугало, в отчаяние повергало и Достоевского и Л. Толстого»².

Едва справившись с перекраиванием на родной лад одного западного веяния, русская поэзия вынуждена была отбивать еще одну «западную волну, хлынувшую на наше лукоморье — футуризм». Но и он, призванный разложить на составляющие части целостность художественного произведения: краски, перспективы, архитектонику, воспроизведение предметов природы, свет, а в поэзии еще слово, напевность, ритм, в итоге привел к канонизации своих приемов, как в классицизме: «Новые веяния», отвоевав себе почетное положение, после всех своих «возвратов», поистине стали неким «возрождением». Отсюда оставался лишь один шаг до «классицизма», и мы видели, как потянуло к нему; но ведь самое коренное и изначальное положение «новых веяний» — отрицание всякого классицизма, всяких правил, академичности, установившихся традиций»³. Таким образом, для Е. Аничкова современное состояние русской поэзии — естественный этап обновления и возрождения.

Приветствует «новые веяния» в русской поэзии и М. Слоним, для которого они связаны с работой над словом, унаследованной от декадентов и символистов. «Вместо пышности символических одеяний с их иероглифическими узорами — простота, приближающаяся к разговорной речи, сжатая выразительность, четкость стихотворной формы, как, например, у Ахматовой или М. Шкапской. Вместо

¹ Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 20.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 24–25.

расплывчатости — экспрессивность, иногда становящаяся чересчур сжатой (М. Цветаева). Вместо отвлеченной бесплотности — земное волнение, насыщенное действительностью (Гумилев). И параллельно нео-реалистическому народничеству в прозе — стилизованное народничество исторических картин М. Волошина»¹

Не видя следов преемственности, А. Яценко довольно резко отзывается о многообразии направлений в современной поэзии, а отдельные яркие имена не спасают ситуацию. Пролетарские поэты во главе с М. Герасимовым не устраивают его по причине отсутствия в их творчестве «эсхатологической мистики», «планетарной жажды разрушения», да к тому же отсутствуют форма и мастерство. Поэтов разложившегося символизма называет «ублюдками великой культуры». Они (Мариенгоф, Шершеневич) «переносят всё в субъективные переживания художника или поэта, с презрением отбрасывая внешний предметный мир, являют собой беспредельный субъективизм и индивидуализм»². Клюев и Есенин — «поэты мужицко-хлыстовской революции» — вызывают упреки как воспевающие в образе революции «планетарное исступление новых скифов». Даже отдельные поэты за редким исключением — Ю. Балтрушайтис и М. Волошин — вызывают неприязнь: в Блоке ему представляется «карамазовская натура», воспевающая «проститутку-революцию»; у Брюсова «холодная опустошенная душа»; А. Белый похож на юродивого в своем «Христос Воскресе», а «Зимние сонеты» Вяч. Иванова представляются «самым жутким из прочитанного».

Книга Г. Алексеева «Деревня в русской поэзии» выстраивает совершенно по-иному отношения между поэтами разных направлений. Все они в ней объединены не по идейным или формальным признакам, а по тематическому. Автор отмечает, что современное отношение поэзии к деревне было сформировано как реакция на «сусальный примитивизм плакавших на заказ о незадавшейся доле» поэтов-мужиков И. Сурикова, С. Дрожжина, И. Белоусова. Появление в поэзии И. Бунина, который «вдруг усомнился в целесообразности покорного страдания, а тишину деревенских полей определил как отстоявшуюся тишину отчаяния, готовую рвануть вихрем», и С. Городецкого, «вспомнившего, что на деревне кроме матери, стонущей у колыбели ребенка, и мужика, придавленного незадачливой судьбой к «несжатым поло-

1 *Слоним М.* Литература наших дней // *Новости литературы.* 1922. Кн. 1. С. 6.

2 *Яценко А. С.* Русская поэзия за последние три года // *Русская книга.* 1921. № 3. С. 3.

скам» — есть еще на кострах в купальную ночь, молодецкий посвист пастуший на ласковой заре, ласковая заря, опускающая жизнь на село просто, без ехидной мысли задавит мужика только за то, что он мужик», положило начало «возрождению русского эпоса в поэзии о деревне»¹. За И. Буниным и С. Городецким по-настоящему к быту деревни подходит поэт города А. Толстой: «В поэтическом своем творчестве Толстой иной раз подходит к деревне глаза к глазам, всасываясь в ее нутро без нескольких вихлястой стилизованности Городецкого и мрачной настороженности Бунина»². За ним уже поэты деревни — Н. Клюев и С. Есенин — впервые по-настоящему этот быт развертывают. Первый — с верой в правду черного нутра земли, второй — с разбойничьим хлыстовским посвистом, прорвавшим тупую ложь покорного мужицкого отчаяния в подвернувшейся революции. За Клюевым Есенин понес было в литературу парное нутро избы, но в городе он теперь не деревенский, а сшибленный с культурных устоев»³.

Свойство берлинской периодики уделять место на страницах своих изданий как русскому, так и европейскому взгляду на происходящие в литературе явления было виртуозно использовано И. Эренбургом, опубликовавшем статью об особенностях русской поэзии под именем якобы французского автора Ж. Сало, воспринимаемой им сквозь призму своего, то есть французского, литературного процесса. По его мнению, общий для двух литератур процесс ломки классических форм привел к разным результатам: во Франции логика процесса привела поэтов к прозе (пусть ритмической), а от стиха осталась только типографическая манера разбивать строки, в России поэты пришли от отрицания мертвых законов поэтического мастерства к утверждению постоянного закона поэтического ремесла. «Благодаря этому внешне ваша поэзия производит известное впечатление капитуляции. «Поправление» новой русской поэзии безусловно, оно идет резкими темпами... Основная тенденция — возрождение конструктивного метода. И в этом отношении ваша новая поэзия пребывает в роли разведчика, наряду с конструктивной живописью, кинематографом. Архитектурная ясность, экономия материала, разумность приемов — все это основные черты начинающейся эпохи — я нахожу (часто в зародышевом состоянии) в русских стихах последнего пятилетия»⁴. Из русских поэтических имен автор особенно выделяет Маяковского, Есенина

¹ Алексеев Г. Деревня в русской поэзии. Берлин, 1922. С. 9.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 82.

⁴ Сало Ж. Русская поэзия // Вещь. 1922. № 1/2. С. 9.

и Пастернака и отмечает начало нового расцвета в этом жанре. Однако замечает, что «без европейского капитала, т. е. без влияния нового быта, механизации, кинематографа, прессы и пр., дело не обойдется. Но возможно, что европейская цивилизация оплодотворяя целину вашей поэзии, делает это с энергией и бесценностью умирающего трутня»¹.

Выходили в Берлине и сборники, знакомившие читателей с современными молодыми поэтами. Один из них, «Революционная поэзия Москвы», был составлен И. Эренбургом и получил довольно противоречивые оценки. С одной стороны, в нем было собрано то, что хоть как-то уцелело после революции: «Бойня народов не в состоянии была поднять на высокую ступень напряжение творческого вдохновения. Теперь эолова арфа зазвучала проникновенно и чутко». С другой, — «в сборнике нет Балтрушайтиса, А. Белого, Клюева, Кузмина. Блок и Брюсов представлены случайными стихотворениями». Во всем чувствуется «варварский произвол составителя»². В том же году И. Эренбург выпустил «Портреты русских поэтов», представляющие собой небольшие зарисовки впечатлений от творчества, но чаще от личных встреч с поэтами и подборку из пяти-шести стихотворений каждого, включая и пропущенных ранее Балтрушайтиса и А. Белого. Картина московских поэтов дополняется обзором петербургских в статье Э. Голлербаха «Дары поэтов»³. В ней отмечается, что «ни война, ни революция не заставили умолкнуть петербургскую музу», а М. Кузмин и А. Ахматова — вполне «петербургские» имена, достойные славных традиций. Их объединяет «замкнутость в тесный круг психологии «любовных» переживаний, причем их любовь не платоновский эрос, а «комнатная» нежность и «домашняя» драма.

Публикации обобщающего плана не представляют полную картину восприятия современной поэзии в критике русского Берлина. Конечно, подавляющее количество работ касается частных случаев: публикации сборников стихов, памятные даты. В этих работах, как правило, критик рассматривает не общетеоретические или идеологические проблемы творчества, а конкретный материал стихотворений или личность поэта. Наибольшим вниманием критики пользуются жизнь и творчество Блока и Есенина. Сильно уступают им В. Брюсов, Н. Гумилев и В. Маяковский, о других поэтах, упоминающихся в обзорных публикациях, написано совсем не много. Интересно, что об А. Белом как поэте практически ничего не говорится. Только Г. Алексеев заме-

¹ Сало Ж. Русская поэзия // Вещь. 1922. № 1/2.

² Чернов В. Эолова арфа революции // Голос России. 1922. 18 апр.

³ Голлербах Э. Дары поэтов // Веретено. 1922. Кн. 1.

чает, что «стих, творчество для А. Белого — сложная вереница цифр, упирающая в вечность»¹, да Е. Аничков приписывает ему первенство в разложении стиха, подхваченное футуристами².

Отзывы о Есенине, который оставил довольно яркий след в культурной жизни русского Берлина, можно поделить на четко выраженные группы. К первой относятся публикации, касающиеся интереса к личности поэта и времени пребывания его в Берлине. Другую составляют работы, посвященные общей характеристике его творчества, а третья — это многочисленные рецензии на его пьесу «Пугачев» и «Трерядицу».

«Руль» публикует воспоминания В. И. Качалова о встречах с поэтом, в котором артиста поразила «исключительная молодость»³, рецензию Ю. Айхенвальда на «Роман без вранья» А. Мариенгофа о покойном уже С. Есенине и «окружавшей его литературной и совсем не литературной братии». Критик замечает, что «как ни значителен органический порок этой книги, она все-таки очень интересна как материал, характеризующий преломление революции в определенной литературной среде»⁴. А. Д-ская также в «Руле» рецензирует очерк французского писателя Ф. Дивуара, встречавшегося с Есениным в студии у Дункан и вынесшего из этих встреч немного: «выпивал он (Есенин) по утрам вместо кофе с молоком два литра водки», но вместе с тем являл собой «наивную страстность, кроткий и упрямый цинизм»⁵. Также встречал, только с Вяч. Ивановым, посвящает А. Белый материалы, опубликованные в «Днях»⁶. «Старый хроникер» и «Посторонний» — и тот и другой псевдонимы Е. Лундберга — в газете «Накануне» довольно подробно смакуют подробности скандала Есенина в Доме искусств⁷. И в той же газете перепечатывается «Автобиография» Есенина и «Беседа» с поэтом о судьбах его коллег в России⁸.

Оценка творчества Есенина в целом довольно восторженная. Всем очевидна уникальная одаренность деревенского юноши, которому

¹ Алексеев Г. Живые встречи. Берлин, 1923. С. 58.

² Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 124.

³ Встречи с Есениным. Из воспоминаний В. И. Качалова // Руль. 1928. 29 янв.

⁴ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 6 июля.

⁵ Д-ская А. Французский писатель о Есенине // Руль. 1927. 12 янв.

⁶ Белый А. На Ивановской «башне» (Из воспоминаний) // Дни. 1922. 19 нояб.

⁷ Старый хроникер <Лундберг>. В Доме искусств // Накануне. 1922. 14 мая; Посторонний. Два мира // Накануне. 1922. 14 мая.

⁸ Василевский (Не-буква) И. М. «Писатели о себе» // Накануне. Лит. прилож. 1922. 30 июля; А. В. У С. А. Есенина (Беседа) // Накануне. 1922. 16 мая.

недостает опытности, компенсируемой искренностью. Его называют «чудом чудесной эпохи русской жизни, умеющей сочетать в колоссальном размахе и гибель, и возрождение, певцом русской природы в ее прекрасной статике, в ее гармонически напевном покое»¹. В нем видят поэта-пейзажиста, влюбленного в своего ласкового синеглазого «коровьего бога», черпающего свои образы из народных мифов, апокрифов и сектантских псалмов: «Тут самая бессодержательность, душевная опустошенность, неуравновешенность уже становятся содержанием, выражением полной растерянности, неспособности найти нужное слово в новых условиях жизни»². Тайна есенинской поэтической формы видится в женственной мягкости, задушевности дарования³, в песенности и «живописи словом»: «Цвет» доведен до необычайной, в глаза бьющей яркости. Живопись в дружбе с органической песенностью. Поэтический штандарт Есенина — синеглазый с золотом»⁴. Среди ближайшего поэтического окружения Есенина выделяется его связь с имажинистами, хотя и очень условная, так как его талант превосходит лучшие достижения этого поэтического направления и выбивается из установленных самими имажинистами правил: «Целебное новаторство имажинистов оказалось не свежей струей в высохшем русло русской поэзии, а искусственным и утрированным акробатизмом. Есенин — лирик, в глубине и сам имажинизм для него в известной мере бутафория. В поэзии он — Моцарт»⁵. «Могучим русским лириком с исключительным даром чувства» называет Есенина и Р. Гуль, правда, угадывая в этом не европейскую традицию, а восточную: «И по музыке своих песен и по темам — Есенин не европеец. Он — восточник. но еще лучше, когда вдруг из русского рязанского парня выглядывает прашур-язычник, когда заговорит Есенин языком древнего земляного эроса»⁶.

Выход из печати «Пугачева» именно в момент пребывания Есенина в Берлине не мог пройти незамеченным в критике, и она откликну-

¹ Петровская Н. И. С. А. Есенин. Собрание стихов и поэм // Накануне. Лит. прилож. 1922. 19 нояб. С. 10.

² Е. В. Новое слово (Львов-Рогачевский. Имажинизм и его образности. 1921) // Новый мир. 1921. 7 авг.

³ Иванов Ф. В. Мужичья Русь (Николай Клюев, Сергей Есенин) // Голос России. 1921. 20 июля.

⁴ Гуль Р. Живопись словом // Накануне. 1923. 21 окт.

⁵ Бахрах А. В. С. А. Есенин. Собрание стихов и поэм // Дни. 1922. 24 дек.; Струги. 1923. Кн. I. С. 202.

⁶ Гуль Р. Есенин С. Избранное // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 14.

лась довольно эмоционально. Если общая характеристика творчества поэта вызывала, как видно из публикаций, в общем высокую оценку, то мнения относительно этого произведения сильно расходятся от хвалебно-восторженных до уныло-скептических. «Началом высокого эпоса» называет пьесу Эренбург¹, «одним из самых многогранных алмазов», исполненных вневременным значением, символикой, стихийностью «в титаническом значении этого слова» представляется «Пугачев» А. Вольскому². Но есть и более взвешенные мнения. В. Лурье хотя и видит достоинство пьесы в том, что она следует пушкинскому плану «Истории Пугачевского бунта», все же сокрушается, что отдельные эпизоды и сцены сделаны очень неровно, многие сильно растянуты: «Много свойственных Есенину красочных и живых образов, но известная небрежность поэта и утрировка сказываются и в них»³. С ней спорит рецензент под именем Москвич, полагающий, что пьеса не только не претендует на историческую правдоподобность, но скорее являет собой некий физиологический быт. «В этой растительной физиологической плоскости и лежит почти единственная точка совпадения Пугачева есенинского с Пугачевым Пушкина»⁴. Еще резче высказывается Г. Алексеев. Отдавая должное Есенину-поэту, автор рецензии категорически заявляет, что «охватить большой и особенно этой исторической темы поэт не смог. Поэма показывает поэтический рост поэта, но и только»⁵. О поэтическом росте, проявившемся в этой пьесе говорится еще в двух рецензиях. «Есенинского «Пугачева» связывает с театром только диалогическая форма, динамика «Пугачева» — внутренняя»,⁶ и «В трагедии Есенина нет действия, она вся в монологах», по которым видно, как поэт «начинает наживать свою нежную болезнь, он растет вглубь, в муках смертных, словно самое Россия»⁷.

Опубликовав в одной книге стихи и дневники, З. Гиппиус удостоилась сразу нескольких, но не совсем благосклонных, откликов. А. Черный пишет о ее стихах, что «многие строфы и строки ускользают, прячутся в себя, оставляя чувство неудовлетворенности, точно

¹ Эренбург И. С. Есенин. «Пугачев» // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 15.

² Вольский А. Сергей Есенин. Пугачев // Накануне. 1922. 24 нояб.

³ Лурье В. И. Сергей Есенин. Пугачев // Сполохи. 1922. № 13. С. 29.

⁴ Москвич. «Пугачев» (Письмо из Москвы) // Новый мир. 1921. 14 авг.

⁵ Алексеев Г. Сергей Есенин «Пугачев» // Веретеньш. 1922. № 2.

⁶ Москвич. Заговор дураков (Письмо из Москвы) // Новый мир. 1921. 11 сент.

⁷ Ветлугин А. Нежная болезнь // Накануне. Лит. прилож. 1922. 4 июня. С. 5.

подслушанные отрывки чьей-то взволнованной речи»¹. И. Василевский (Не-буква), обратившись к «Дневнику 1911–1921 гг.» З. Гиппиус, отмечает характерную манеру ее отношения к людям: «О ком ни заговорит эта притворяющаяся монашенкой, злобная дама, всех, как слюной бешеной собаки, забрызгает»², ему вторит А. Бахрах: «Слишком рано начала она взвешивать совершившееся, и ее карающий меч опустился чересчур поспешно»³. И только в рецензии В. Кадашева находится немного теплых слов о мастерстве поэтессы: «Все та же строгая четкость стиха, все те же матово-жемчужные благородные краски»⁴. Да у Р. Гуля заметно сочувствие поэтессе, «добровольно ушедшей от России», — «сквозь темноту ненависти и злобы изредка вспыхивает старая любовь»⁵.

В. Ходасевич обратил на себя внимание репортажем из Парижа о праздновании 25-летия своей литературной деятельности. Автор публикации Г. Р. подчеркивает в поэте следующие качества: «Со своей любовью, отравленной язвительностью и с нежностью, граничащей с ненавистью Ходасевич — поэт ядовитейший, и это так влечет к нему, что, раз изведав сладостной горечи, преодолев трудности его поэзии, полюбишь его навсегда»⁶. Влечет к поэту и Г. Струве, но иными его свойствами. Критику близко стремление Ходасевича сочетать поэтические приемы начала XIX в. с чисто современной остротой поэтического восприятия и смелостью образов: «Характерно для Ходасевича смещение планов, категорий времени и пространства, разрывы логической связи в мире — острое ощущение не „порога“, а уже самого „двойного бытия“, лицемерие своей отделившейся души... Значение и значительность Ходасевича вовсе не в том, что он „хороший реставратор“ и „возродитель классицизма“ — „возрождает“ классиков и Георгий Иванов, но как внутренне пусты и не нужны его стихи! — и не в том, что он русский язык, „завещанный веками“, бережет „любовней и ревнивней“, чем сыны России, — а в подлинности его творческого горения»⁷.

¹ Черный А. Рец.: З. Гиппиус. Стихи. Дневник 1911–1921 // Новости литературы. 1922. Кн. 1.

² Василевский И. (Не-буква). Тургеневская девушка // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 7. С. 7

³ Бахрах А. З. Н. Гиппиус. Дневник 1911–1921 // Дни. 1923. 7 янв.

⁴ Кадашев В. З. Н. Гиппиус. Стихи. Дневник // Руль. 1922. 28 мая.

⁵ Гуль Р. Зинаида Гиппиус. «Дневник. Стихи». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 16.

⁶ Г. Р. Владислав Ходасевич // Руль. 1930. 9 апр.

⁷ Струве Г. Письма о русской поэзии // Русская мысль. 1923. № 1/2. С. 294.

Пользуясь неточной информацией из Дома Литераторов о смерти С. Городецкого в Персии, Л. Львов раздражается эмоциональным обращением: «О, Городецкий блестяще усвоил и разработал в своих новых стихах старую ориентацию Ленина на всемирную революцию и мировой пожар. Принудили замолчать навеки Блока, расстреляли Гумилева, живым толкают в могилу Городецкого. Но не в могиле ли он уже и теперь?»¹

В оценке поэзии критикой русского Берлина не возникало дискуссии по поводу «молодых» и «старых» поэтов, современных и не совсем. Поэтому внимание одинаково привлекали и И. Анненский, и С. Черный с Г. Ивановым, творчество которых сложилось еще до революции, а также и вошедшие в литературу не так давно Б. Пастернак и М. Горлин.

Анненский начал писать стихи в духе ранних символистов, а в последствии одним из первых русских поэтов воплотил в лирике тенденции акмеистов с вещностью их художественного мира, конкретностью деталей, строгой классичностью форм и будничностью тона. О его месте в русской поэзии очень точно сказано у С. Маковского: «Принадлежит к двум поколениям, к старшему — по возрасту и нравственным навыкам, к младшему — по духовной изошренности, он как бы совмещал в себе итоги умственной культуры русской, окрашенной в начале XX в. тревогой противоречивых дерзаний и импрессионистической мечтательности. Лирика его — иносказательная исповедь. Иносказание облечено в чеканную ритмическую форму, с излишеством метафор и своих словечек-оборотов, затрудняющих читателя. Он чтит нелицемерно, как наставников своих, верных рыцарей иронии, начиная от Аристофана и кончая Лафаргом и Реми-де-Гурмоном»².

В 1923 г. в Берлине С. Черным была издана на собственные средства книга «Жажда», повествующая о трудном и горестном пути поэта «под чужим солнцем», о безумной жажде вновь обрести потерянную родину. Именно это издание получило отклик в берлинской периодике. Рецензенты отмечали, что в этой книге отразились наиболее характерные особенности его художественной манеры: сочетание сатиры и лирики, бичующего желчного смеха и светлого юмора. «Зрелище „черных“ дней столь явственно и четко выделяемое на фоне воспоминаний о „светлом рае“ не превращает поэта в певца безнадёжности: пусть слабая, но теплится в сердце надежда — на утоле-

¹ *Львов Л.* Сергей Городецкий // Руль. 1922. 22 апр.

² *Маковский С.* Иннокентий Анненский // Веретено. 1922. Кн. 1. С. 244; см. также: *Ходасевич Вл.* Об Анненском // Эпопея. 1922. № 3. С. 34–56.

ние жажды», — отмечает В. Кадашев¹. В другом отзыве можно найти следующие строки: «Поэзии А. Черного, вопреки ее „буршикозности“, свойственно подлинное этическое устремление. „Жажда“ — это тоска по просветленному бытию, это жажда духовного преображения человека»². На вневременность сатирической поэзии А. Черного указывает А. Гурович и предполагает, что «в редкостно гармоническом синтезе философско-психологической глубины и натуралистически точного отображения реальной внешней действительности и заключается главная сила и главное очарование его сатир»³. И только И. Василевскому книга не понравилась: «Чем серьезнее тема, тем хуже исполнение»⁴.

Первый вышедший после революции сборник Г. Иванова произвел на критику очень грустное впечатление. Его мало кто заметил, а те, кто заметили, уловили в нем главную черту манеры поэта — подражательность. П. Потемкин считает, что «этому поэту Бог судил быть тенью больших, туманным призрачным отражением русского великого пейзажа поэзии»⁵. Далее автор указывает на М. Кузмина, Н. Гумилева и Пушкина как на образцы подражания: первому — в сюжетах; второму — в любви к романтическому востоку и мало известным странам и именам; третьему — в приемах.

Молодые поэты Б. Пастернак и М. Горлин воспринимаются критикой с надеждой. В Пастернаке видят будущее русской поэзии, хотя пишут об этом осторожно, признавая в нем пока только дебютанта. Больших работ нет⁶, но он упоминается всегда в контексте Блока, Маяковского, Есенина как один из перспективных. Р. Якобсон, делая обзор поэтического творчества Маяковского, замечает: «Хлебников и Маяковский дали лейтмотив словесному искусству. Именем Гумилева означена побочная линия новой русской поэзии — ее характерный обертон. Замечательны книги Пастернака, но это камерная поэзия, от

¹ Кадашев В. А. Черный. «Жажда» // Руль. 1923. 14 авг.

² Самарий. А. Черный «Жажда» // Дни. 1923. 13 мая.

³ Гурович А. О душе бытия // Голос России. 1922. 5 февр.

⁴ Василевский И. В отставке («Жажда» новая книга стихов Саша Черного) // Накануне. Лит. прилож. 1923. 27 мая. С. 4.

⁵ Потемкин П. Георгий Иванов. «Сады» // Новости литературы. 1922. № 1. С. 55.

⁶ Очерк М. Цветаевой о Пастернаке больше похож на признание в любви, чем на анализ творчества. См.: Цветаева М. И. Световой ливень. Поэзия вечной мужественности // Эпопея. 1922. № 3. С. 10–33. Об этом подробнее: Бахрах А. В. «Эпопея». № 3. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 22.

нее не зажжется новое творчество, этим словам не привести в движение, не испепелить сердца поколений, они не пробивают настоящего»¹. И. Эренбург более восторженно оценивает поэзию Пастернака, полагая его «кряжем чистой лирики» и выдвигая его в первые ряды наследников Лермонтова². Недолюбливает его, пожалуй, один только В. Набоков, вообще очень критически настроенный к поэтическим упражнениям своих современников: «Есть в России довольно даровитый поэт Пастернак. Стих у него выпуклый, зобастый, тарашащий глаза, словно его муза страдает базедовой болезнью. Восхищаться Пастернаком мудрено: плоховато он знает русский язык, неумело выражает свою мысль, а вовсе не глубиной и сложностью самой мысли объясняется непонятливость его стихов»³. В стихотворениях же Горлина критики замечают тяготение к поэзии европейской, так как форма его стихов «заимствована у француза Валери Ларба», а по духу они близки немецкой романтике⁴.

Женская поэзия представлена в рецензиях разных авторов, но всех их объединяет мягкость и снисходительность оценок. Исключение составляет М. Цветаева. В оценках ее творчества особенно рьяно соревнуются Ю. Айхенвальд и В. Набоков, при этом никто из них не испытывает сочувствия к поэтессе. Главная претензия Айхенвальда к Цветаевой заключается в том, что ему непонятны ее стихи: «„Поэму конца“ — не понял; думается, однако, что всякий, кто окажется счастливей меня, купит это счастье ценой больших умственных усилий»⁵; сказка «Молодец» вызвала ту же реакцию: «...написана стихами и так, что ее трудно понять. Недаром посвящено Пастернаку — одному из темнейших поэтов современности»⁶; «Психея» — «бесперывное вулканическое клочкотание с резкими, неожиданными, несоразмерными извержениями. Ее перо не знает спокойного, лабораторного труда, не знает уверенной планомерности, — в ней есть что-то от Сивиллы»⁷.

¹ *Якобсон Р.* О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Вл. Маяковского. Берлин, 1931. С. 9.

² *Эренбург И.* Борис Пастернак. Сестра моя жизнь. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 11.

³ *Набоков В.* Дмитрий Кобяков «Горечь»; Евгений Шах «Семя на камне» // Руль. 1927. 11 мая.

⁴ *Н. Р. Б. Michael Gorlin.* Märchen und Städte. Berlin, 1930 // Руль. 1930. 4 июня.

⁵ *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки // Руль. 1925. 9 дек.

⁶ *Айхенвальд Ю.* Марина Цветаева. Молодец. Сказка // Руль. 1925. 10 июня.

⁷ *А. Б. Марина Цветаева.* Психея. Романтика // Дни. 1923. 24 июня.

В. Набоков упрекает «талантливую поэтессу» в рифмоплетстве¹ и в том, что «она пишет для себя, а не для читателя, и нам не разобратся в ее темной нелепой прозе»². «Непонятливость» поэтической манеры Цветаевой В. Набоков связывает с неудачно выбранным ею образцом для подражания в лице нелюбимого им Пастернака: «такому поэту страшно подражать. Страшно, например, за М. Цветаеву»³. Г. Иванов сетует на «тысячи недостатков» в стихах «Ремесла» — «они многословны, развинчены, нередко бессмысленны, часто более близки к хлыстовским песням, чем к поэзии в общепринятом смысле. Но и в самых неудачных ее стихах всегда остается качество, составляющее главную (и неподдельную) драгоценность ее Музы — ее интонации, ее очень русский и женский (бабий) говор»⁴. На разнуданность стиха Цветаевой обращает внимание Р. Гуль, и его, в отличие от Г. Иванова, привлекают в стихах «чувство мятущееся, резкое, почти мужское»⁵ и «подлинно большой голос»⁶. Все отзывы о произведениях М. Цветаевой, даже самые благожелательные, обязательно содержат упреки касательно языка, который и вызывает сложности понимания. Вот пример одной из самых положительных рецензий на «Царь-девицу»: «Написана изумительным русским языком, чрезвычайно талантливо построена, с прекрасным ритмом, меняющимся в зависимости от повествования. Попадают строки прямо филигранной отделки. Поэмой в полном смысле этого слова ее назвать нельзя, а для сказки она слишком длинна и написана слишком тяжелым языком»⁷.

О стихах Тэффи «Страстосвет» Л. Галич пишет, что в них «поет почти каждая строка, и так и кажется, что мелодия их уже сложилась, что она уже звучит в них и что ее нужно только послушать и записать. Сладострастие — это самоупоение своим чувством, это жизнь только в себе и для себя, это крайний предел эгоцентризма с неизбежным диалектическим поворотом — окончательной потерей и растратой самого себя»⁸. На очень интимный характер лирики М. Шкапской указывает М. Слоним. Чувство материнства доминирует в творчестве

¹ *Сирин В.* Современные записки. XXXVII // Руль. 1929. 30 янв.

² *Сирин В.* Воля России. 1929. Кн. II // Руль. 1929. 8 мая.

³ *Набоков В.* Дмитрий Кобяков «Горечь»; Евгений Шах «Семя на камне» // Руль. 1927. 11 мая.

⁴ *Иванов Г.* Почтовый ящик // Цех поэтов. 1923. Кн. 4. С. 65–73.

⁵ *Гуль Р.* Марина Цветаева «Психея», Романтика // Накануне. 1923. 21 марта.

⁶ *Гуль Р.* М. Цветаева «Версты» // Новая русская книга. 1922. № 11/12, С. 13.

⁷ *Шкляр Е.* Марина Цветаева. Царь Девица // Накануне. 1922. 9 дек.

⁸ *Галич Л.* «Срастосвет» // Руль. 1923. 15 мая.

поэтессы, оно представлено как «оружие для выполнения вечного закона» и наполнено страданием и печалью. Но несмотря на своеобразно рифмованные строфы, приближающие стихотворения к разговорному языку, критик отмечает в нем подражание А. Ахматовой¹. В то же время нельзя оставить без внимания мнение Г. Струве, для которого привлекательность М. Шкапской именно в том и заключается, что у нее есть своя неповторимая сущность и свои приемы выражения, и она «не следует за Анной Ахматовой — образцом почти всех современных русских женщин-поэтов»². Без подражания А. Ахматовой не может обойтись, по мнению В. Сирина, и Р. Блох. Слово ее, «вместо того чтобы быть полукрытой дверью, проблеском и сквозняком, от которого мысли и чувства писателя приходят в движение, в волнение, — слово вместо этого замкнуто в самом себе — маленькое, мертвое и блестящее». Стихи поэтессы представляются критике золотистыми, светленькими и «чуть-чуть пропитанными (что, увы, в женских стихах почти неизбежно) холодноватыми духами Ахматовой»³. Тема ахматовского влияния звучит и у Э. Голлербах. Сопоставляя двух петербургских поэтесс — И. Одоевцеву и А. Радлову, он отмечает, что первой «нечего сказать», а у второй «мало стилия, но есть что сказать, хотя и заимствует у Ахматовой»⁴.

О самой А. Ахматовой вспоминает Л. Львов по поводу выхода ее очередного сборника стихов — «Anno Domini»: «Здесь продолжается все та же трагическая повесть женского сердца, которая давно начата была „Вечером“ и „Четками“ и так надрывающе горестно звучала недавно в „Белой стае“ — красивые разметанные перья птицы, убитой насмерть и сраженной беспощадной стрелой прямо в трепещущее сердце. Теперь горькие раздумья о несчастной судьбе родины неотступно окружают ее. Когда думаешь об этой книге и перебираешь в памяти ее стихи, будто бы издали слышится протяжная, заунывная, стонущая песня русской женщины о своей тягостной судьбе»⁵. Глубже понимает творчество А. Ахматовой Г. Струве, который считает, что уже до публикации последнего сборника, «Anno Domini», у поэтессы сложилась совершенно своеобразная и вполне законченная манера. «Эта манера получилась из сочетания своеобразных стилистических и ритмических

¹ *Слоним М.* Рец.: М. Шкапская. Барабан старого господина // *Новости литературы.* 1922. Кн. 2. С. 141–142.

² *Струве Г.* Письма о русской поэзии // *Русская мысль.* 1923. № 1/2. С. 295.

³ *Сирин В.* Раиса Блох «Мой город». Берлин, 1928 // *Руль.* 1928. 7 марта.

⁴ *Голлербах Э.* Дары поэтов. // *Веретено.* 1922. Кн. 1.

⁵ *Львов Л.* Анна Ахматова // *Руль.* 1922. 2 апр.

приемов. Своего рода эмоциональный импрессионизм, эпиграмматическая передача ощущений и настроений отдельными, часто чисто зрительными, деталями»¹. Критик не согласен с Л. Львовым в том, что последний сборник подобен первым: «„Anno Domini“ вовсе не есть перепев прежних книг поэтессы. Любовная тема, красной нитью проходящая через все творчество Ахматовой, как-то по-новому углублена в стихах 1921 года. В них больше общего с мятущимися, нестройными мотивами „Четок“, чем с молитвенно-скорбным строем „Белой стаи“ и „Подорожника“, но новый в них — истинно трагически пафос, исступление любви-ненависти»². Эта мысль развивается в рецензии на сборник С. Сумского: «Стало меньше личного, лирики, больше пиетизма и почти монашеского отношения к миру. По-видимому, — продолжает автор, — не может быть иной культуры, кроме культуры национальной, основанной на национальном опыте, национальных переживаниях, и поэтому русская культура творится там, в России, а не вне. Стихи Ахматовой — один из лучших цветков нашей культуры»³.

Поэтическое мастерство А. Ахматовой отмечено и Е. Аничковым в книге «Современная русская поэзия»: «Стих ее свободный, очень современный: перекликаются анапесты с ямбами, что теоретики нового стиха называют „стягиванием“ трехсложных стоп, но это не напевность, как у А. Белого. Тут скорее какая-то проговоренность, сказанность, речитатив, доведенный до разговорного ритма волнующих сердце, хотя и самых обыденных слов»⁴.

Мысль о детальности и зрительности поэзии Ахматовой развивается Ю. Айхенвальдом в очерке о поэтессе в «Силуэтах...». Критик обращает внимание на «внешнюю предметность, конкретные очертания, фактическое окружение», необходимые ей и вносящие в ее лирику начала эпоса. В этом для критика особенность ее народности: «Из недр народности, как из своего последнего источника, текут ее личные песни, и, вообще, она — такая русская, великорусская, она светлыми струями своих стихов утоляет нашу оскорбленную жажду родины»⁵.

¹ Струве Г. Письма о русской поэзии // Русская мысль. Ч. I. Прага, 1922. № 6/7. С. 239

² Там же. С. 240.

³ Сумский С. Анна Ахматова. Anno Domini // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 20.

⁴ Аничков Е. Новая русская поэзия. С. 114.

⁵ Айхенвальд Ю. Анна Ахматова // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 187.

Это свойство поэзии Ахматовой восходит к идее противопоставления конкретной реальности мистическим образам символизма, провозглашенной группой акмеистов, к которой она принадлежала вместе с Н. Гумилевым, С. Городецким, О. Мандельштамом и др. Отсюда установка на точное предметное значение слова, гармонизация всех компонентов поэтической речи, логическая организованность композиции. О Мандельштаме В. Ходасевич¹ так и говорит, что его поэзия — «благородный образчик чистого метафоризма», «танец вещей, являющийся в самых причудливых сочетаниях», и сравнивает его с библейским Адамом, главной целью которого было «узнавать и называть вещи». Поэт, «обладающий редким в наши дни знанием и чувством языка», полагает Ходасевич, «присоединяя к игре смысловых ассоциаций игру звуковых, часто выводит свои стихи за пределы обычного понимания: стихи Мандельштама начинают волновать какими-то темными тайнами, заключенными, вероятно, в корневой природе им сочетаемых слов — и нелегко поддающимися расшифровке. Он первый, и он один на собственном примере доказывает, что заумная поэзия имеет право на существование». А для Эренбурга он «патетичен всегда, везде, это не хoduли, но рост, не манера, но голос. Современен от также потому, что является — в эпоху конструктивных заданий — одним из немногих строителей. Злейший враг наш — хаотический импрессионизм порой выглядывает из строк лучших поэтов — Есенина, Пастернака и др. — но он окончательно побежден Мандельштамом»². Другая рецензия на сборник стихов «Tristia» также указывает на классический характер его поэзии, проявляющийся в медлительности и спокойствии ритма и пластичности образов³.

Теме акмеизма в русской поэзии посвящена работа Н. Блока, в которой критик рассматривает это явление как реакцию на «достигший крайних пределов символизм». «Акмеизм — стремление к внешнему упрощению формы, возврату к истокам, это — пресыщение изысканностью „кинжальных слов“ и переход к примитиву»⁴. Отсутствие риторики и динамического начала, по мнению исследователя, лишает поэзию борьбы, горечи и злобы, поэтому она бесстрастна и бездейственна и в своей философской основе восходит к Баратынскому: «С точки зрения логической последовательности поэзия Гумилева и Ахматовой в своем направлении беспочвенна, не оправдывает своего существования».

¹ В. Х. О. Мандельштам «Tristia» // Дни. 1922. 12 нояб.

² Эренбург И. Осип Мандельштам. Tristia // Новая русская книга. 1922. №2. С. 19.

³ Лурье В. И. «Tristia» Мандельштама // Сполохи. 1922. №12. С. 55.

⁴ Блок Н. Акмеисты в русской поэзии // Голос России. 1921. 15 янв.

Критическая точка зрения на творчество Гумилева то и дело появлялась в берлинской печати. Н. Оцуп недоумевает по поводу толков о гениальности, начавшихся после смерти поэта: «Кто такой Гумилев? При жизни он был „безддушным мастером“. После смерти он стал „гениальным поэтом“. Гумилев был прежде всего гениальным служаккой. Он относился к поэтической работе с такой же страстной, тупой и педантической любовью, как немецкий чиновник до войны к своей канцелярии»¹. Но, конечно, такая оценка творчества Н. Гумилева не могла быть ведущей в критике русского Берлина. Наоборот, место его во многих работах определяется рядом с Блоком: их сравнивают, противопоставляют, видят общность не только в судьбе (почти одновременная кончина в 1921 г.), но и в мотивах творчества. Е. Раич один из первых откликнулся на убийство поэта в России: «Его стих был как звук медных инструментов, литавр и труб. Он играл чудесными, невидимыми словами и экзотическими образами, внезапными и полнозвучными рифмами, придававшими его стихам прятный и красочный характер»².

А. Бем обращает внимание на вклад Н. Гумилева в вопросы теоретического подхода к поэзии: «Какое огромное значение он придавал мастерству и как тонко он умел подходить к оценке поэтического творчества других. Гумилеву было в высшей мере присуще чувство ответственности перед словом. Этим объясняется отчасти его стремление к ясности и отчетливости в поэзии, желание избежать всяких „мистических“ мотивов в своем творчестве»³. На тех же позициях стоит и Ю. Айхенвальд, полагающий Н. Гумилева подлинным акмеистом, так как ему желанны и доступны одни только вершины: «Именно впечатление вершинности и предельности производят его недрогнувшие строки. Презирая дешевое, блистательный владетель сокровищ, он обладает, но не чванится высокой техникой, и слова его разнообразных ритмов четко подобраны одно к другому, как перлы для ожерелья. Взыскательный мастер своего искусства, он, однако, мастерству и форме не придает самодовлеющего значения»⁴. Мысль о вершинности творчества Гумилева продолжает А. Амфитеатов: «Писал стихи, как будто возносил на алтарь дымящуюся благоухани-

¹ Оцуп Н. Что или как? // Цех поэтов. 1923. Кн. 4. С. 75.

² Раич Е. Гумилев // Голос России. 1921. 25 сент.

³ Бем А. Памяти Н. С. Гумилева // Руль. 1931. 27 авг.

⁴ Айхенвальд Ю. Гумилев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 174–175.

ем жертву богам»¹. Определенный итог представлениям берлинской критики о Гумилеве подводит В. Набоков, полагающий, что еще придет время, когда русская культура будет гордиться поэтом, но и сейчас о нем нельзя говорить без волнения: «Читая его, понимаешь, что стихотворение не может быть просто „настроением“, „лирическим нечто“, подбором случайных образов, туманом и тупиком. Стихотворение должно быть прежде всего интересным. В нем должна быть своя завязка, своя развязка. Читатель должен с любопытством начать и с волнением окончить. О лирическом переживании, о пустяке необходимо рассказать так же увлекательно, как о путешествии в Африку»².

Сравнение Н. Гумилева с А. Блоком, спровоцированное их неожиданной кончиной и бурной реакцией на нее³, позволяет обратить внимание на новые грани их дарования. Одним из первых заметил близость двух поэтов П. Струве. Блок, по его мнению, усвоил от отца неспособность к действию, мечтательность. Гумилев тоже мечтатель, но действительный, «эпический поэт, способный мастерски изображать то, что он любил»⁴. Э. Голлербах считает Гумилева антиподом Блока: «Это Моцарт и Сальери нашей поэзии. Блок был художником; Гумилев — мастером»⁵. Трагическая близость кончины двух поэтов навела критиков на мысль о созвучии мотива смерти в их творчестве. А. Бем пишет: «Подобно Блоку, он полон предчувствия трагической кончины, и чем ближе к концу, тем эти предчувствия все более сгущаются и носят черты почти ясновидения. Наиболее пророчески звучит это в „Заблудившемся трамвае“»⁶. И еще раз, возвращаясь к этой теме, добавляет: «По-разному закликает автор себя от жизни, в разном находит выход от давящей тоски. Блок создавал сказку о „Прекрасной Даме“, Гумилев уходил к своему фантастическому „озеру Чад“. Каждый по-иному, но в основе было одно — романтическая тоска по нездешнему, попытка обмануть жизнь, обойти правду вымыслом»⁷.

Фигура А. Блока занимает центральное место в критических материалах о поэзии русского Берлина. Это связано и с осознанием вели-

¹ *Амфитеатров А. В.* Н. С. Гумилев // А. Амфитеатров. Горестные заметы. 1922. С. 38.

² *Набоков В.* Дмитрий Кобяков «Горечь»; Евгений Шах «Семя на камне» // Руль. 1927. 11 мая.

³ *Волковыский Н. Н.* С. Гумилев // Дни. 1923. 2 сент. [По поводу кончины в 1921]

⁴ *Струве П.* In memoriam. Блок — Гумилев. // Руль. 1921. 25 сент.

⁵ *Голлербах Э.* Дары поэтов // Веретено. Берлин. Кн. 1. С.

⁶ *Бем А.* Памяти Н. С. Гумилева // Руль. 1931. 27 авг.

⁷ *Бем А.* Письма о литературе. Еще о Гумилеве // Руль. 1931. 24 сент.

чия его творчества, и с первым осмыслением итогов его творческого пути. В журнале «Эпопея» А. Белый опубликовал свои воспоминания¹ о друге и поэте, в России были изданы дневники Блока². Все это позволило определить меру влияния личной жизни на творчество поэта. С. Франк считает очень важным издание дневников поэта, так как они дают «интересный материал для характеристики личности Блока, его глубоких духовных мук и сомнений, его шатких, раздираемых внутренними противоречиями воззрений и в особенности его отношения к революции и самочувствия в угарной атмосфере революции. Книга эта — один из самых ценных документов по внутренней, духовной истории русской революции, по истории русского духа XX в.»³. Мысль эта развивается в статье П. Сувчинского, где Блок представлен как писатель такого типа, чье творчество определяется путями жизни, как у Пушкина и Л. Толстого. К другому типу писателей, для которых функция творчества самодовлеющая, относятся Достоевский, Гоголь, А. Белый. «Никто из русских поэтов не очертил, подобно Пушкину и Блоку, своим творчеством и жизнью столь цельный, замкнутый обособленный круг. Блок накалялся до чувственного ясновидения, оставаясь всегда в тумане чувственного цепенения; Пушкин — много раз касался, прорывался к стихии религиозной волевыми напорами, был на перегибах этих двух стихий»⁴.

Связь творчества Блока с Пушкиным, так же как и с Вл. Соловьевым, станет отдельной темой многих публикаций, «А. Блок целиком вышел из стихов Вл. Соловьева, из его тем, из его образов, из его словаря, красок, тона, напева, из единственной в русской поэзии своеобразной соловьевской интонации, свидетельствующей более всего о том, что Соловьев был настоящим поэтом, со своим голосом, со своим тембром. Врожденное чувство поэзии и культа Пушкина и Фета помогли Соловьеву стать рядом с поэтами-отшельниками, а не затеряться в толпе многочисленных стихотворцев того времени, помогли выйти на настоящую дорогу»⁵. Даже окрашенность всей поэзии Блока в белые цвета приписывается влиянию Вл. Соловьева: «Это роднит

¹ Сумский С. «Эпопея» // Голос России. 1922. 2 мая.

² Волковыский Н. Маленькое о большом (Отрывки воспоминаний об А. Блоке) // Дни. 1923. 22 июля; Василевский И. (Не-Буква). Беспартийный Блок (К годовщине смерти А. А. Блока) // Накануне. Лит. прил. 1922. № 13. С. 2–3.

³ Франк С. Дневник Блока // Руль. 1929. 1 марта.

⁴ Сувчинский П. П. Типы творчества (Памяти А. Блока) // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин. Кн. 2. С. 153.

⁵ Гофман М. Л. Поэзия Вл. Соловьева // Руль. 1925. 1 авг.

его с Тютчевым и Фетом, с осмеянным символистами и неоромантиком Блоком, и его белая грусть, и его ожидание вечной женственности».

У поэзии Блока критика находит множество предшественников. Среди них и Г. Клейст с Новалисом, и Бальзак с Достоевским: «В страстной мечтательности Блока было что-то германское, угловатое и непрактичное, та самая стихия, которую в немецкой индивидуалистической культуре выразил Г. Клейст. По характеру дарования они не похожи; у Блока как творца больше внутренней близости с певцом „голубого цветка“ Новалисом. В „Двенадцати“ Блок преодолел романтизм и лиризм, в совершенно новой своей форме сравнялся с Бальзаком и Достоевским. С Бальзаком — в объективном, достигающем грандиозности, изображении мерзости и порока; с Достоевским кроме того — в духовном, пророческом видении, что в здешнем мире порок и мерзость смежны со святостью и чистотой»¹. В поэме «Двенадцать» Ф. Иванов видит «что-то от Байрона»². Ю. Айхенвальд прямо называет поэта «наследником Фета» и видит сближение романтизма Блока с Гейне: «Элемент Гейне сказан у него в том, что поэту всегда настойчивее открывалось присутствие на земле сверхъестественных сил, демонического начала»³. Но последователей у него совершенно не видится: «Не нашла себе продолжения блоковская линия в поэзии, молодая русская поэзия пошла иным путем», — полагает А. Бем⁴, который также считает, что путь Блока проложен совсем не через «солнечную» поэзию Пушкина, а через «лунную», сумеречную, идущую от Гоголя, Лермонтова и Достоевского. Линию эту критик называет «пророческой». Не последнюю роль в этом выборе сыграл образ отца в жизни Блока, на которого, по преданию, обратил внимание сам Достоевский и сравнивал его с Байроном.

Так что, вопрос преемственности и традиции блоковской поэзии для берлинских критиков оставался до конца не раскрытым. Другое дело центральное произведение его творчества поэма «Двенадцать». Она вызывала в целом довольно единые отклики. «Блок почувствовал в мистической ритмике большевистской Руси — Стеньку Разина, перебой души, взлеты и низины, и показал тут же неотступно, всегда не покидающего Россию Христа»⁵. Г. Росимов отмечает, что в этой поэме

¹ Струве П. In memoriam. Блок — Гумилев // Руль. 1921. 25 сент.

² Иванов Ф. Роза и крест (о Блоке) // Сполохи. 1921. № 1. С. 39.

³ Айхенвальд Ю. Александр Блок // Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 170

⁴ Бем А. Памяти А. Блока // Руль. 1931. 6 авг.

⁵ Горный С. Урна (Памяти Блока) // Руль. 1922. 12 янв.

Блок остался верен себе, и в новой своей поэме он не прерывает нити своего творчества, что внешне и внутренне он остался самим собой, включая описание Петербурга, изображение лиц. Но в то же время замечает, что хотя образы и четкие, «но покрыты как бы туманами, густой мглой петербургского вечера, — это не люди, а именно образы. Они сатиричны и выпуклы, поскольку сатиричен Блок, хотя бы во второй картине „Незнакомки“ или даже в некоторых сценах „Розы и Креста“»¹.

Ему возражает Ю. Айхенвальд, который думает, что Блок в этой поэме изменил самому себе, поэтому она удовлетворять вкус настоящего почитателя поэта не может. «Хорошо воспроизводя стиль и ритм „товарищей“ и их действия, вообще не чуждая, конечно, художественных достоинств, она все же не блещет ими сплошь, отталкивает местами своей, правда, намеренной грубостью, не бедна словесными шероховатостями, а главное, безо всякой внутренней связи, без органичности и необходимости, только внешне связывает свою фактическую фабулу с нашей революцией. Эта последняя к сюжету привлечена искусственно». «Точно так же и родственное „Двенадцати“ стихотворение „Скифы“ полно исторических и политических несообразностей»².

Эта позиция Ю. Айхенвальда идет вразрез с тем, что увидели в поэме другие критики. Р. Гуль как раз видимые Ю. Айхенвальду недостатки трактует как достоинства. Критик полагает, что звуковая сложность, определившая форму, и бессюжетность, уклоны в мистику, риторизм в содержании — «не разъединены и не случайны. Это функции единого творческого организма, а преувеличенность „звука“ у Блока убивает сюжет»³. Для Н. Ашукина в этом произведении Блок раскрывает древние традиции русской культуры, высвечивает то глубинно национальное, что всегда было неотъемлемой частью творчества Блока. «Революция потрясла мир цивилизации звуками космического оркестра. Те, чьи уши закрыты гробовым газетовым покрывалом, услышали только рев и грохот, увидели только разрушение цивилизации. Двенадцать — народная толща, варвары, бессознательные хранители той музыки, которой живет культура, хранители сказок, легенд и бабсен о Христе»⁴.

¹ Росимов Г. О «Двенадцати» // Жизнь. 1920. № 7. С. 23–27.

² Айхенвальд Ю. Александр Блок // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 171–172.

³ Гуль Р. Этюды о писателях. А. Блок // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 7.

⁴ Ашукин Н. Александр Блок // Спалохи. 1922. № 6. С. 28.

Эмоциональный итог дискуссии о творчестве Блока в берлинской критике подводит И. Василевский: «Если бы в эти годы безумья и ужаса нам, детям России, надо было бы самим себе или всему земному шару доказывать наше право на гордость, на уважение народов мира, поэзия Блока явилась бы неопровержимым, как из бронзы выкованным, свидетельством духовного величия нашей Родины»¹.

Равным Блоку по степени одаренности признавался В. Маяковский, только в оценке его творчества критика русского Берлина была исключительно предвзята. Сравнение этих двух поэтов всегда было не в пользу последнего. Но после его смерти, касаясь спора критики в эмиграции о поэте, А. Бем довольно точно выразил общую направленность оценки Маяковского: «Он был с большевиками — и этого мы забыть никак не можем и не имеем права... перед нами крупный поэт, имя которого, хотим мы этого или не хотим, войдет в историю русской литературы»². Для Д. Святополк-Мирского поэт был выразителем определенной культурно-исторической среды, поэтому его смерть, как и смерть Пушкина, «переводит из настоящего в прошлое, в „историю“, целую литературную формацию. Дарование Маяковского было уже Пушкина, и говорить о его эпохе было бы преувеличением. Он больше, чем кто-либо другой, воплощал в себе силу и лучшие качества этого поколения»³.

Однако в начале 20-х гг. в Берлине творчество Маяковского все же еще напрямую с большевиками не связывалось, наоборот, его поэзия рассматривалась в контексте существовавших тогда литературных направлений футуризма и имажинизма. «Разрушение — вот основное содержание этой поэзии имажинистов от старого знакомца Вл. Маяковского до вынесенного гребнем революционной волны А. Мариенгофа. Маяковский — позитивист, он экспрессионист по манере письма. Вместо юмора — шарж, вместо образа — плакат. В интимном, лирическом — у него нет полутонов, недоговоренности. Он выносит лирику души на людную улицу. Его захватила стихия революции, как Блока. Оба приемлют разрушение, но один аристократ, пресыщенный тяготеющей над ним вековой культурой, романтик, фантаст. Другой — плебей. Маяковский не станет навязывать революции Христа»⁴.

¹ *Василевский И. (Не-Буква). Литературные силуэты. Берлин, 1922. С. 62.*

² *Бем А. Письма о литературе. Спор о Маяковском // Руль. 1931. 2 июля.*

³ *Святополк-Мирский Д. Две смерти: 1837 – 1930 // Смерть Вл. Маяковского. Берлин, 1931. С. 35, 38.*

⁴ *Иванов Ф. Без дороги (поэзия имажинистов) — Вл. Маяковский // Голос России. 1921. 27 июля.*

Р. В. Иванов-Разумник считает, что поэма Маяковского «Мистерия--Буфф» талантливое и выразительное явление футуризма, «и потому оно подводит итог всему литературному футуризму»¹. А поэма «150 миллионов», по мнению критика Л. К., «один из этапных пунктов в развитии русского поэтического языка. В эпосе Маяковского преломились разнообразнейшие стихотворные традиции»². Совершенно противоположное мнение высказывает М. Слоним: «„Мистерия-Буфф“ и „150 миллионов“, несмотря на внешнюю занимательность, на грубую иронию, оставляют впечатление скудости мысли, безуспешно пыжащейся встать на ходули риторики, и распухших до одутловатости примитивных образов»³. Ему вторит Е. Аничков, считающий, что с годами становится «все самоуверенней крикливая банальность его миропонимания»⁴. Свой приговор поэту выносит Ю. Офросимов в посмертной статье. «В день, когда Маяковский стал коммунистом, в тот день произошло самоубийство поэта. Работу пришлось заменить халтурой. Злободневный фельетонист, он образец не только цинизма, невежества, грубости, но и сикофанства. Пределов падения Маяковского нет, сколько моральных убийств на его совести, заживо разлагается он, и даже когда трагически кончается Есенин — трубит он на успокоение большевистских нервов с обычной развязанностью, распоясанностью. Нехорошо пахло от всей его поэзии, и внесет ли в нее оправдание трагический конец»⁵. Но А. Бем возражает: «Думается мне, останется в истории только одно крупное поэтическое имя, прочно связавшее себя с большевиками. Имя это — Валерий Брюсов, но ему везло и в жизни, и после смерти. Ему быстро простили то, что Маяковский не может искупить даже своей трагической смертью»⁶.

Больше других от берлинской критики досталось В. Брюсову. Его упрекали не только в связях с большевиками, но даже в уничтожении поэтов: «Он, возглавлявший погибель поэтов, возгласил погибель небольшивистской культуры»⁷. Ему не прощали отвратительную редак-

¹ *Иванов-Разумник Р. В.* Владимир Маяковский. Берлин, 1922. С. 33.

² *Л. К.* 150 000 000 // Новый мир. 1921. 5 июня.

³ *Слоним М.* Литература наших дней // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 3.

⁴ *Аничков Е.* Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 128.

⁵ *Офросимов Ю.* Маяковщина // Руль. 1930. 17 апр.

⁶ *Бем А.* Письма о литературе. Спор о Маяковском // Руль. 1931. 2 июля.

⁷ *Яблоновский С.* О Валерии Брюсове // Руль. 1924. 17 окт.

цию Полного собрания сочинений Пушкина¹, «старую эротику, в которой как всегда нет места романтизму, ни боли, ни яду, ни улыбке»². Хуже было и то, что ему даже отказывали в таланте: «Брюсов — далеко не тот раб лукавый, который зарыл в землю талант своего господина; напротив, от господина, от Господа, он никакого таланта не получил и сам вырыл его себе из земли упорным заступом своей работы»³. В этих словах, конечно, угадывается стиль Ю. Айхенвальда — одного из самых непримиримых противников Брюсова. Критик отказывает поэту в поэзии («как мольеровский герой, он тоже не сознает, что говорит прозой»); оригинальности («стихи его как-то вторичны, непереозвученны, долго работал по заграничным образцам») и любви («еще можно иногда залюбоваться, но его нельзя любить»).

Вывод о состоянии современной поэзии, к которому приходит берлинская критика, в целом довольно оптимистический. «Именно теперь русская поэзия переживает период высокого подъема. Вспомним какой-нибудь альманах 1910 г.: патологический индивидуализм, буффория символистов, туман, бирюльки, пустота», — считает И. Эренбург⁴. В подтверждение своих суждений автор выдвигает первые признаки расцвета поэзии. Одним из них он считает ясность: «Современные русские поэты от Вяч. Иванова до Маяковского прояснили. Маяковский, ассоциативный и туманный в „Простом как мычание“ дошел до всенародности в своей ясности»⁵. Другой признак — мужественность, наиболее полно проявившийся в «Двенадцати» и «Скифах» Блока. Критик также указывает и на некоторые «внутренние» свойства расцветающей поэзии: это простота, человечность, коллективизм, которые, в свою очередь, позволили сформироваться новой образной системе — «синтетическому реализму», — проявившейся в образах современного города у Маяковского и деревни — у Есенина. Те же процессы идут и в поэтическом языке, который под стать темам и образам приобретает разговорность, «эволюционирует в сторону ясности, выразительности, сжатости»⁶.

¹ Ляцкий Е. А. Полн. собр. соч. Пушкина под ред. Брюсова. Т. 1. М., 1920 // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 8.

² Гуль Р. Б. Брюсов. «Последние мечты» // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 18.

³ Айхенвальд Ю. Валерий Брюсов // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 2. С. 83.

⁴ Эренбург И. О некоторых признаках расцвета российской поэзии // Русская книга. 1921. № 9. С. 1.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же. С. 4.

Соглашаясь в принципе с И. Эренбургом в том, что в отличие от прозы поэзия в эти годы чрезвычайно расцвела, А. Яценко сомневается в качестве этого расцвета. Недостижимой вершиной называется «Двенадцать» Блока, все остальное представляется довольно средним. По его мнению, есть только два поэта — Маяковский и Есенин, возвысившихся над средним уровнем поэтов, пишущих «хорошие» стихи. «Оба извращены и избалованы, оба, вследствие этого, в большинстве случаев, неприятны и неприемлемы, но нельзя отрицать подлинное поэтическое вдохновение»¹. В Маяковском критика привлекает «подлинная монументальность», но отталкивает грубость и пошлость, а в Есенине приятна «огромная природная песенная сила», несмотря на «не то хлыстовский, не то разбойнический характер» его поэзии.

Проза первой четверти XX в. для критики русского Берлина была продолжением традиции века предшествующего и, в отличие от поэзии, не имела столь яркого разнообразия форм и столь агрессивного отношения к классической традиции. Основная полемика поэтому разворачивалась вокруг взаимоотношений писателей разных поколений. Критика условно выделяла писателей старшего поколения, чей творческий и жизненный путь завершился к середине 20-х гг., — это А. Аверченко, Л. Андреев, В. Короленко и Ф. Сологуб. Более многочисленную группу составляли писатели, чье творчество получило известность еще до революции, но и в новых условиях они продолжали активную писательскую деятельность. К их числу относятся: М. Алданов, А. Белый, Н. Брешко-Брешковский, И. Бунин, М. Горький, Е. Замятин, Б. Зайцев, Г. Иванов, П. Краснов, А. Куприн, А. Ремизов, А. Ренников, Б. Савинков (В. Ропшин), С. Сергеев-Ценский, Ф. Степун, А. Толстой, И. Шмелев, Е. Чириков. Уделялось внимание и творческой «молодежи», которой еще только предстояло доказать свое право быть известными писателями. Число их значительно, что говорит о пристальном внимании к ним и озабоченном ожидании критики, кто же будет определять судьбу русской литературы наступившего века. Их имена — Г. Алексеев, М. Булгаков, Г. Гребенщиков, А. Дроздов, М. Зощенко, Вс. Иванов, Л. Леонов, В. Набоков, И. Одоевцева, Б. Пильняк, Ю. Слезкин, К. Федин, В. Шкловский, В. Шульгин, И. Эренбург.

Основное внимание было сосредоточено на соперничестве активных «стариков» и подающей надежды «молодежи». Однако писатели, закончившие свой творческий путь, также включались в литературный

¹ Яценко А. Литература за пять истекших лет // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 6.

процесс. Абсолютным лидером по публикациям в берлинской печати является В. Короленко, его жизни и творчеству посвящено подавляющее количество публикаций. С ним не могут сравниться ни писатели, непосредственно связанные с берлинской литературной жизнью, как А. Белый, А. Толстой, М. Горький, ни тем более крупнейшие писатели, живущие в России и эмиграции, — М. Булгаков и И. Бунин. Феномен этот трудно объяснить степенью художественного дарования и даже фактом кончины В. Короленко в 1921 г. Вероятней всего, в нем видели прямого наследника русской классической традиции, который был лично знаком с Г. Успенским, А. Чеховым, Л. Толстым, Н. Чернышевским, Н. Михайловским и оставил о них свои воспоминания. Большое впечатление также оставляли события его личной биографии: как политически неблагонадежный, писатель провел шесть лет в тюрьмах, на этапах и поселениях.

Подтверждением этому являются публикации об общественной деятельности и жизни в домашнем кругу¹ и о политических взглядах и ссылке Короленко. Е. Чириков связывает художественное мастерство писателя с гражданской позицией, сближающей его в глазах критика с Л. Толстым: «Биография почти каждого писателя этой полосы неизбежно связана не только с родной литературой и искусством, но непременно еще с каким-нибудь громким политическим процессом. Л. Толстой не раз высказывал сожаление, что ему не удалось пострадать за убеждения, посидеть в тюрьме или ссылке!»². Эти обстоятельства помогли Короленко стать не только прекрасным и большим художником слова, но, что более важно для критика, большим человеком «русской общечеловечности» и русской совести с ее неутолимою жаждой жертвенного долга: «Как в фокусе зеркала отразил в своей личности высший тип нашей народнической интеллигенции»³. Политические взгляды Короленко обсуждаются в статьях А. Ашерова и А. Ляковского⁴. Критики согласны в том, что писателю были близки идеи человеческого прогресса и общего блага народа, из чего вытекал естественным образом мысль о необходимости политических и гражданских свобод. Этим объясняется и принятие им войны как

¹ *Беренштам В. В. Г. Короленко*. Берлин, 1922.

² *Чириков Е.* Каронин и Короленко // *Сполохи*. 1922. № 8. С. 20.

³ Там же. С. 24.

⁴ *Ашеров А.* Политические взгляды В. Г. Короленко // *Накануне*. Лит. прилож. 1922. № 29. С. 9–10; *Ляковский А.* Из переписки В. Г. Короленко в ссылке // *На чужой стороне*. 1923. № 2. С. 114–123; *Ляковский А.* Ссылка В. Г. Короленко // *Руль*. 1922. 25 июля; 1922. 26 июля.

способа достижения свободы, однако насилие и жестокость ее огорчали писателя, а революция пугала ошибками излишеств.

Большой резонанс вызвала смерть Короленко. В печати появились воспоминания о нем, некрологи и репортажи с вечеров памяти. П. Митропан вспоминает празднование 65-летия писателя в Полтаве¹. В некрологе, напечатанном в «Руле», осуждаются большевики за то, что сначала «убили» писателя, а потом взяли на себя расходы по похоронам: «Нет, кажется, большего цинизма даже и в столь богатой безграничной наглостью практике большевистского режима»². «Голос России» публикует статью В. Татлина «Последний из могикан», где отмечается, что Короленко был живой многосторонней личностью, «вмещавшей все волнения и тревоги духа, стоявший на уровне многообразных духовных борений нашего века»³. На Вечере памяти В. Короленко, прошедшем в Союзе журналистов в Берлине, отмечалось, что он был «общественным заступником» (Е. Фальковский), «гармонической личностью» (И. Гессен) и «не так силен, чтобы противодействовать влияниям и давлению интеллигентского мировоззрения, но чувство сердца, мягкость красок, необычайное внимание к человеку, какая-то вежливость создали в его произведениях такие страницы, которые никогда не изгладятся из памяти русской общественности и русской словесности» (Ю. Айхенвальд)⁴. Критик также отмечает, что «все благодарно помнят его гражданские подвиги, его публицистическую борьбу, и это соединение кротости и силы, это действительное недоумение перед злом, эта высокая человечность являются со стороны Короленко такой неоценимой заслугой, что имя его, как благородно-беспокойного искателя правды, навсегда будет занесено в историю русской общественности, и, отдавший своим современникам так много сердца, он всегда будет проникать желанным гостем и в чужие сердца»⁵.

Не оставлено без внимания и собственно творчество писателя. Среди особенностей его таланта критика выделяет интерес к психологии простого человека, умение встать на его точку зрения. Своеобразие эволюции Короленко видится в том, что ему не были свойственны

¹ Митропан П. Последний юбилей В. Г. Короленко (из воспоминаний) // Руль. 1922. 18 нояб.

² Бор. Ор. Короленко (некролог) // Руль. 1922. 1 янв.

³ Татлин В. И. Последний из могикан // Голос России. 1922. 1 янв.

⁴ Вечер памяти В. Г. Короленко // Руль. 1927. 23 янв.

⁵ Айхенвальд Ю. Короленко // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 13.

крутые мировоззренческие сдвиги или резкие смены художественных принципов, а стремление соединить социологический подход к человеку с естественнонаучным привел писателя к его наиболее значительным художественным и философским открытиям. Чаще всего его манеру письма сравнивают с чеховской.

Хотя не все видят в Короленко продолжателя чеховской традиции, скорее ему присуще что-то общечеловеческое, а совсем не чисто русское. Он никогда не мечтал о каких-либо переворотах в художественном творчестве, у него нет никаких экстравагантностей, никаких новшеств, никаких попыток разрушить традиции. Повесть «Слепой музыкант» критик рассматривает как попытку отделить душевную жизнь человека от зрительных ощущений, извлечь из глубины человеческой души чувства, обычно связанные со зрительным впечатлением. Автор статьи в «Руле» П. Ш. считает, что художественная палитра Короленко не блещет яркостью красок и в его рассказах нет чеховской гибкости и непосредственности, а изображаемые им люди не живут полной жизнью, а только думают и чувствуют. Рассказы Короленко проникнуты обыкновенно мягким, элегическим колоритом. В них отсутствует драматизм, мало движения, нет борьбы, нет острых столкновений. Всё только думы и чувства. Быт, условия повседневной жизни, отношения между людьми — все это наносное. «Но зато он близок к природе, сильно и глубоко чувствует природу и ее влияние на человеческую душу. В своем творчестве он стоит особняком. У него почти нет точек соприкосновения с современными ему русскими писателями. Нет ничего, что можно было бы назвать типично русским, нет „среды“. По его произведениям нельзя составить представление о русской жизни. Он как бы изначально уклоняется от ее изображения»¹.

На парадоксальность таланта писателя обращает внимание Котляревский. С одной стороны, критик не видит ни одного крикливого призыва к борьбе; ни одного раздраженного гневного возгласа протеста против социального порядка, против утеснителей или вообще виновных не разрешил бы себе художник, а между тем «каждая его страница обличала неправду жизни и весь он, при всей своей мягкости, миролюбии и вере в человека, был олицетворением возмущенного сердца»².

Но есть и более строгие судьи. П. Митропан считает, его работой завершилась огромная полоса русской идеологии, но при этом полного и цельного отражения жизни в его произведениях нет, потому

¹ П. Ш. О В. Г. Короленко // Руль. 1922. 8 янв.

² Котляревский Н. Холмы родины. С. 79.

что художник искусно приподнимает человека из его бытовой рамы и задерживает внимание на его душевных переживаниях, раскрывает и показывает заложенное в человеке и ему лишь свойственное отражение Божие, что придает его творчеству отпечаток религиозности, но помимо этих особенностей творческой манеры писателя критик замечает еще, что «художественного воплощения своего положительного идеала Короленко не дал ни в одном из произведений»¹.

Айхенвальд также указывает на недостатки работ писателя. Среди очевидных — ненужные комментарии к и так ясному тексту. И повторяется это беспрерывно, и комментарий начинает преобладать над текстом, и потому отдельные образы растворяются в общем избытке человеколюбия. «Он не видит в мире воплощенной и окончательной бессмыслицы, а признает в нем разумный и добрый смысл и в его жестокую разладицу вносит начало примирения и любви»². Юмор, который, по мысли критика, должен возвышать писателя над толпой читающей публики, своей функции не выполняет, что также является одной из отрицательных особенностей Короленко.

И все-таки, несмотря на все его эстетические погрешности, фигуру Короленко автор «Силуэтов...» считает одной из самых привлекательных в новейшей русской словесности, хотя русская общественная жизнь, гражданские злоключения ограничили его, лишили его свободы духа, заслонили перед ним широту кругозора и помешали ему. «В художественной стране Короленко границы еще явственнее потому, что в ней слишком видна и та техника, с помощью которой осуществляется замысел. Печать словесной отделки открыто лежит на его рассказах, и в них много тщательной литературы. Чарует на многих его страницах трогательный и мягкий романтизм, нежная меланхолия, в тихом свете которой виднеются заблудившиеся в мире сиротливые души и милые образы детей»³.

Отношение берлинской критики к Л. Андрееву определяется публикацией воспоминаний М. Иорданской «Эмиграция и смерть Леонида Андреева»⁴ и «Книги о Леониде Андрееве»⁵, в которой собраны вы-

¹ Митропан П. Поэзия В. Г. Короленко // Сполохи. 1923. №15–16. С. 26.

² Айхенвальд Ю. Короленко // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 15.

³ Там же. С. 18.

⁴ Иорданская М. Эмиграция и смерть Леонида Андреева // Голос России. 1920. 23 мая; 1920. 6 июня; 1920. 13 июня; 1920. 20 июня.

⁵ Книга о Леониде Андрееве. Пг.; Берлин, 1922.

сказывания его литературных друзей. Обращает на себя внимание тот факт, что все авторы воспоминаний об Андрееве единодушно сходятся в оценке творческой работы первой половины жизни писателя, когда он «писал, как „птичка поет“, когда была искренность и неподдельный пафос в каждой строке»¹. Его также признают явлением стихийным, выделенным из цепи литературной преемственности, а «все близкие и далекие смотрят на него как на какую-то странную игру природы»², потому что холодом веет от его книг, и умер он «за духовной стеной, оторванный от русской литературной семьи, не доверявшей ему и как будто даже побаивавшейся его»³.

Две публикации И. Новика о редакторской деятельности писателя в «Русской воле» и «Курьере» также носят характер воспоминаний. В них автор обращает внимание на мало известный талант Андреева («Его замечания всегда касались общей структуры статьи, ее идейной, общественной стороны. Он не правил и сокращал. Придавал особое значение обзору печати»⁴) и видит в нем «человека, овладевшего техникой писания»⁵.

Определению места Андреева среди многообразия современного литературного процесса посвящена статья С. Кречетова «Леонид Андреев. Опыт характеристики литературного обмена», в которой доказывается, что творчество писателя принадлежит к неореализму, который значительно левее художественного реализма Куприна, Бунина, А. Толстого, но еще не символизм. «Это — примирительный мост от реализма к символизму»⁶. Основными чертами его автор считает верность жизни, интерес к быту, желание понять его дух и скрытые пружины, «стремление свести эпизодизм жизни к одному внутреннему синтезу, не порывая с реальной манерой письма», в этом желании не подкрашивать жизнь видится связь с Достоевским. На изображение жизни без преувеличений обратил внимание и И. Василевский (Не-Буква): «Теперь где-то идет иная, новая литература — без бук-

¹ Мерич А. Книга о Леониде Андрееве // Новости литературы. 1922. № 2. С. 135.

² Петровская Н. Книга о Леониде Андрееве // Накануне. Лит. прилож. 1922. 19 нояб.

³ Левитан И. Книга о Леониде Андрееве // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 12.

⁴ Новик И. Леонид Андреев — редактор (К первой годовщине со дня смерти. — Из личных воспоминаний) // Русский эмигрант. 1920. № 1. С. 7.

⁵ Новик И. Леонид Андреев (Материалы для биографии) // Русский эмигрант. 1920. № 4. С. 10.

⁶ Кречетов С. Леонид Андреев. Опыт характеристики литературного обмена // Русская мысль. 1923. № 1/2. С. 275.

вы Ъ, злобная, классовая, малограмотная, совдеповская! Мы-то думали, что он преувеличивает, но теперь, в наши дни, — всего только нежной лирикой кажутся его „Бездна“, и „Красный смех“, и „Семеро повешенных“¹. Касаясь неоконченной последней повести «Дневник Сатаны», критик замечает, что смерть человека в ней рисуется как несмыслаемая обида и тягчайшее оскорбление; до Андреева в мировой литературе была известна тема о Сатане, обманывающем людей, а в этой книге встает глубокая и символическая тема о Сатане, обманутом людьми.

Общей достаточно взвешенной позиции критики противостоит совершенно вопиющий крик Айхенвальда, обрушившего на Андреева всю ярость своей эмоциональности. Критик считает его самым неубедительным и необязательным из беллетристов, так как, читая его, он испытывает какое-то принуждение и напряженность, называет его «виртуозом околесицы, мастером неправдоподобия», не проникающим в тайники духа, считает его дурным и нестроумным сатириком, которому чужды лиризм и способность сказать что-то новое. «Разочарование идеалиста-ученого, одиночество в родной семье, профессор среди пошлости — эта тема „Профессора Сторицына“ разработана уже в „Скучной истории“ Чехова. И воспоминание о последней создает у читателя фон, губительный для Андреева. Чехову веришь, Андрееву — нет»².

Ранняя смерть А.Аверченко неизбежно привела к подведению итогов его творческой деятельности, к признанию его одним из выдающихся русских писателей-юмористов. С.Горный по поводу первой годовщины памяти писателя откликнулся воспоминаниями о личных встречах и его шутках: «Аверченко — слово прищуренное, хохлацкое, крепко и круто замешанное на жизни. Умение посмотреть со стороны, вдруг неожиданно по-смешному и по-новому увидеть вещь — в этом ведь и есть основа юмора»³.

Фигура Ф.Сологуба особняком стоит в ряду современных писателей, нашедших отклики в берлинской критике. Во-первых, совершенно невозможно отнести его ни к поэтам, ни к прозаикам, так как на протяжении всей своей творческой жизни он успешно публиковал то поэтические, то прозаические произведения: только в начале 20-х гг. им издаются два поэтических сборника — «Голубое небо» и «Фи-

¹ Василевский И. (Не-Буква). Литературные силуэты. С. 27.

² Айхенвальд Ю. Леонид Андреев // Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Т. 2. С. 109.

³ Горный С. Аркадий Аверченко // Руль. 1926. 14 марта.

миамы» и две повести — «Заклинатель змей» и «Барышня Лиза». Е. Лундберг пишет, что Сологуб «хотел бы соединить миры в одно ликующее тело, проникнуть духом в мертвые камни, сложить из разрозненной вселенной мировую гармонию»¹, поэтому и работал в разных жанрах с одинаковым успехом. На необычность писателя указывают и другие критики. Ю. Айхенвальд видел точки соприкосновения его с Достоевским («но он все-таки не горел его страстностью и о страсти говорил голосом бесстрастным, голосом без тембра»²) и называл его «поэтом-призраком», у которого чем ближе он подходил к своей смерти, тем слабее становился «поэтический гимн». Для А. Дроздова Сологуб «писатель-одиночка», но тоже родственный гению Достоевского и «философской греховности Розанова», и тоже от последнего произведения у критика остается досада «на то кощунство, которое совершил Сологуб над своим нескудеющим дарованием»³. И только Бахрах считает, что «Барышня Лиза» — «одно из крупнейших достижений одного из крупнейших современных писателей»⁴.

В Берлине начала 20-х гг., как известно, находилось много русских писателей. Одни из них останавливались по дороге дальнее на Запад, другие были прикомандированы к советским учреждениям, третьи проживали в городе довольно продолжительное время, определяли характер литературной жизни русской диаспоры и даже издавали журналы: М. Горький — «Беседу», А. Белый — «Эпопею», а А. Толстой — «Литературное приложение к «Накануне». Внимание к ним критики поэтому было особенно продолжительным, но не всегда было связано с их творческой деятельностью; больше интересовала их жизнь, участие в общественно значимых мероприятиях. А. Белый вызывал раздражение критики своей непонятливостью читателю, игрой со словом, туманностью мировоззрения и эпатажностью общественного поведения. Претензии к М. Горькому и А. Толстому больше были связаны с их отношением в России, политическими взглядами, а литературно-критические замечания лишь вытекали из этих причин.

А. Белый официально выехал из России в Берлин по личным делам, а также с целью издания своих книг и для организации в Берлине отделения «Вольфила». Два года, проведенные в Германии, оказа-

¹ Лундберг Е. От вечного к преходящему. 1923. С. 105.

² Айхенвальд Ю. Памяти Сологуба // Руль. 1927. 14 дек.

³ Дроздов А. М. Ф. Сологуб. «Заклинательница змей» // Русская книга. 1921. № 6. С. 11.

⁴ А. Б. Федор Сологуб. Барышня Лиза // Дни. 1922. 19 нояб.

лись плодотворными: у него вышло шестнадцать изданий книг, брошюр, стихотворных сборников, из которых девять было совершенно новых, но яркого впечатления на берлинскую критику это не произвело. И. Троцкий называет его наиболее спорным и наименее читаемым писателем: «Имя его популярно, но произведения мало известны. Жизненная ткань его творчества бесплотна, зыбка, неустойчива. Нужно обладать волею и терпением, чтобы одолеть замысловатую инкрустацию мудреных слов, которыми испещрены произведения А. Белого, и расшифровать их скрытый смысл»¹. Для Р. Гуля также очевидно, что имя А. Белого известно, но творческого резонанса вширь и вглубь у него нет и быть не может. «Там, где в творческой личности нарушено полнокровное напряжение, нарушается и в творчестве его природа — органичность. Рождаются дисгармония — неуравновешенность, и как результат — преувеличенная забота об одном из элементов, о „звуче“, приходит стиль»². Разобраться и расшифровать А. Белого пытается А. Кизеветтер. По его мнению, А. Белый в романе «Петербург» идиотизирует действительность, чтобы тем возвышеннее показать парящие над этой действительностью тайны бытия: «В наших глазах такой прием лишь набрасывает тень сомнения насчет близости А. Белого к великим тайнам бытия. Мы не одобряем А. Белого, потому что, в отличие от великих поэтов, он берет эту тему, относящуюся к области тончайших душевных переживаний, как предмет, подходящий для многословнейшего повествовательного изложения. Это несоответствие приемов творчества существу его содержания глубоко безвкусно, и печать безвкусы ложится на все творчество А. Белого»³. Это несоответствие автор объясняет мировоззрением А. Белого, который присоединяет «к кудреватости стиля еще чрезвычайно жеманную напевность». Писать под Белого стало «стилистическим снобизмом наших дней», сетует критик и упрекает в этом Пильняка, Эренбурга. «Литература переходит в лубок, в лубок бестолковой словесной размазни, в лубок бессвязанных отрубленных фраз, коротких, как выстрелы, загадочных, как телеграмма. Рядовой читатель называет это „литературными исканиями“. Стоит появиться настоящему литературному таланту, сердца читателя потянутся к нему»⁴. Вместе с тем А. Даманская, читая «Преступление Николая Ле-

¹ Троцкий И. Андрей Белый // Дни. 1924. 17 февр.

² Гуть Р. Пол в творчестве: разбор произведений А. Белого. 1923. С. 9.

³ Кизеветтер А. Крики литературной моды // На чужой стороне. 1923. № 2. С. 221.

⁴ Там же. С. 229

таева», зачаровывается «удивительной музыкой речи — ритмической прозой»¹ писателя.

Образ А. Белого становится значительнее, когда критики затрагивают не художественные произведения, а философские основы его творчества. После Блока, которому служила лирика, его место мог бы занять А. Белый, которому служит философия, полагает Э. Голлербах. Он предвидит для писателя две диаметрально противоположные возможности: или падение в совершеннейший декаданс, «в окончательное озорство, кривляние, чудачество, в безнадежную имитацию оригинальности», или головокружительный взлет на вершины мысли. «Творчество А. Белого пронизано лучезарным сиянием неподдельного таланта, и даже больше — есть проблески гениальности в его огромном и сильном даровании. Есть глубокий трагизм в его желании „писать как сапожник“, в его призывах к „скифскому творчеству“. Наконец в его поисках обнаженной, совсем обнаженной правды «безвременная боль разуверения» постоянно сопутствует ему в этих поисках»².

Другие исследователи видят в А. Белом неоромантика, такого же как Брюсов и Бальмонт, потому что они наполнили русскую литературу «перепевами» европейской мелодии, правда, отягченными стремлением к религиозному народничеству, по сути являющимися лишь своего рода ответвлением славянофильского течения. Такого мнения придерживается М. Шварц в статье «Андрей Белый о грядущей России», где говорится: «А. Белый резко отделяет понятие культуры от понятия цивилизация. Культура есть своеобразный духовный организм, ведущий свою особую жизнь и как бы развивающий заложенную в его глубине основную идею по имманентным, внутренним законам своего бытия. Цивилизация — лишь рациональная организация жизни общественной и индивидуальной в целях достижения большего блага»³.

В ноябре 1921 г. М. Горький приехал в Берлин из Стокгольма и до конца ноября 1923 г. жил на немецких курортах, спасаясь от болезней и «душевной усталости», но не только. В первые полгода пребывания М. Горького в Берлине им было написано десять воззваний, обращений, открытых писем в связи с голодом в России. Такое поведение Горького вызывало желчную реакцию эмиграции. А. Амфитеатров по

¹ Даманская А. «Современные записки» // Голос России. 1922. 8 окт.

² Голлербах Э. Андрей Белый как мыслитель // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 3. С. 9.

³ Шварц М. Андрей Белый о грядущей России // Голос России. 1921. 2 дек.

поводу всякого рода воззваний писал: «Горький сейчас отбивает ампулу у той хитроумной одесской девицы, которая умудрилась и невинностью (интеллигентскую) сохранить, и капитал (коммунистический) приобрести»¹. В издательстве Ладыжникова печатаются на русском и немецком языках заметки «О русском крестьянстве», а с 1923 г. начало выходить первое собрание сочинений М. Горького в издательстве «Ладыжникова-Вольфа». Его пьесы ставились в немецких театрах: в 1922 г. «Центральтеатр» поставил «Мещан», а МХТ снова привез «На дне». Слава драматурга и писателя в Германии явно превосходила его популярность у соотечественников. Горького обвиняли в произошедшей на родине катастрофе Д. Философов, Э. Гримм, А. Галич, да так рьяно, что у него даже появились защитники, правда, в лице сотрудника сменовеховской газеты «Накануне» И. Василевского (Не-Буквы), видевшем в этой ругани признаки морального нездоровья эмигрантского общества. «Эта дикая и бесстыдная ругань по адресу Горького, — писал критик, — все это признаки какого-то нашего общего эмигрантского самочувствия. Какой-то грех, какую-то вину перед оставшимися в Советской России должны как будто затушевывать в нашей душе все эти ругательные выкрики»².

Благодарственное письмо Горького Герберту Хуверу от имени русского народа за помощь России также вызвало бурю негодования в берлинской эмигрантской прессе. «Вряд ли Горький может претендовать на всероссийское представительство. Он забыл не только гордость писательскую, но вырвал из своей памяти все предания наших литературных отцов»³. Но в ответ на это в Берлине выходит в том же 1922 г. первая монография о драматургии М. Горького и А. Чехова на немецком языке⁴, посвященная как раз вопросам преемственности традиции в пьесах писателя. З. Венгерова объясняет этот феномен тем, что в Германии «шла волна нищестанства, ощущалось тяготение к активному индивидуализму, а типы Горького были прямым ответом на эту потребность в новом свободном человеке»⁵. Привлекательна была и биография писателя, который противопоставлялся Л. Толстому — аристократу, желавшему стать мужиком. Русская же критика не

¹ Амфитеатров А. В. Воззвание М. Горького // А. Амфитеатров. Горестные заметы. 1922. С. 44.

² Василевский И. (Не-Буква). Литературные силуэты. Берлин, 1922. С. 5.

³ Яблоновский А. О г-не Горьком // Руль. 1922. 13 авг.

⁴ Düsel F. Maxim Gorki und Anton Tschekow. Eine Einführung in ihre Bühnenerwerke. Berlin; Leipzig, 1922.

⁵ Венгерова З. Горький в Европе // Накануне. Лит. прилож. № 20. С. 10.

могла простить Горькому его бескультурье, поэтому сравнивать его с классиками, как это делали на Западе, опасалась или делала это с оговорками. Е. Лундберг полагает, что Горький опустил ниже по социальной лестнице и, в согласии с временем своим и происхождением, знал больше, чем Достоевский, однако «взгляд его уперся в предельные грани человеческой нищеты, человеческой гордящейся собой оставленности и человеческого бунта, им создается литература, пробуждающая люмпен-пролетариата, который оказывается численнее силами и значительнее замыслами, чем об этом принято думать»¹. Согласен с ним и В. Чернов, видящий в Горьком только романтического идеализатора босячества: «В Горьком живет чисто босяцкая, чандалья мужикофобия. Он одержим самой несомненной идиосинкразией по отношению к деревне. Мысль Горького бессильно тонет и запутывается, как в тенетах, в трагедии умственного и политического сумбура. Он жертва духовной катастрофы»². Развиваясь от элементарной романтики босяцкого быта к душевному реализму, Горький, по мнению Е. Лундберга, пошел скорее путем Достоевского, чем Л. Толстого, и сознательно или бессознательно, но после длительных колебаний стал специализироваться на изображении человека-зверя в старой мещанской и мелко купеческой культуре. «У Толстого и у Достоевского по отношению к культуре совсем несхожие мерки, и опять-таки Горький близок Достоевскому — заморожен культурою и мечтательностью, и позитивно, и корыстно, и даже попросту, по-мещански соблюден ею. Он не доходит до глубин Достоевского, но пролагает свой путь в той же приблизительно плоскости. Из своеобразного понимания культуры Достоевским родилась его „Легенда о Великом Инквизиторе“. Это — легенда о духе культуры христианской эры, это — первый анализ почвы, на которой зародились современные наши бури. М. Горький создает свою легенду о культуре русской в „Детстве“. Босяцкий руссоизм его полнее и лучше всего прозвучал в „Мальве“»³.

На отношение Ю. Айхенвальда к Горькому не повлияли новые общественно-политические реалии. Давний и стойкий ненавистник творчества писателя обрушился на него и в «Силуэтах...». Глубинная причина неприятия Горького кроется в отказе ему все в той же культурности. «Колеблясь между природой и образованностью, он ушел от стихийного невежества и не пришел к истинному и спокойному

¹ Лундберг Е. От вечного к преходящему. Берлин, 1923. С. 153.

² Чернов В. Мысли о Максиме Горьком // Голос России. 1922. 29 сент.

³ Лундберг Е. От вечного к преходящему. Берлин, 1923. С. 156.

знанию, и весь он представляет собою какой-то олицетворенный промежуток, и весь он поэтому, в общей совокупности своего литературного дела, рисуется нам как явление глубоко некультурное»¹. Критик упрекает Горького в отсутствии художественного мастерства («он рисует одной и той же серой краской, и все его герои слишком походят друг на друга»), «художественной объективности, высокого спокойствия, но нет и лиризма». «Если главный нерв горьковских рассказов и драм проходит не по внешней, а по внутренней стороне босяцкой жизни, если он правильно является нервом психологическим, то все свое дело, всю верность своего замысла Горький разрушает тем, что по этой истинно художественной дороге он идет неровными шагами и при первой же возможности или невозможности норовит свернуть с нее в хорошо известный ему проулок резонерства и разговоров»².

Критические оценки деятельности Горького вызваны были прежде всего тем, что «художника поглотил в нем публицист». И не случайно, по мнению Ф. Иванова, из написанного Горьким за последнее время были только «Воспоминания о Толстом», в котором морализаторство убило великого художника, равно как общественник мешает Горькому, «отрывая его от истинного пути художественного творчества, понять противоречия человеческой души, стоившие когда-то Гоголю „Мертвых душ“»³. Пытаясь найти корни происшедшего с писателем, критик приходит к выводу, что «у Горького свой крест. Это его кровная связь с пролетариатом, толкающая его в борьбу. Перед ним было два выбора: тернии классовой борьбы и лавры мирового писателя. И бросить ли камень в него за то, что он выбрал последнее?»⁴

Тридцатилетний юбилей творческой деятельности Горького, широко отмечавшийся тем не менее в Берлине, дал повод если и не для вполне комплиментарных высказываний, то во всяком случае достаточно взвешенных оценок вклада писателя в русскую и мировую литературу. Редакционная статья «Новой русской книги» в своем поздравлении отмечает, что он поднялся со «дна» «одной силой природного таланта» и единственный из живущих писателей достиг мировой славы, хотя не обладал стилем, как Чехов, не был ни приятным рассказчиком,

¹ Айхенвальд Ю. Максим Горький // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 2. С. 145.

² Там же. С. 150.

³ Иванов Ф. М. Горький Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 2-е изд. 1921 // Русская книга. 1921. № 2. С. 12.

⁴ Иванов Ф. Максим Горький // Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 108.

как Тургенев, ни мыслителем и психологом, как Достоевский. «Вся его литературная деятельность была проникнута двумя — но сильными — чувствами: ненавистью к невежественности, жесткости и косности народной массы и любовью к разумной, деятельной и просвещенной жизни. Индивидуалист, выше всего ставящий личную энергию и духовную силу, он не был и не мог быть коммунистом»¹. По поводу юбилея высказался и А. Белый, признавший Горького «вещим», «клокочущим», «чреватым», «непонятым, противоречивым и стремительным». «От Тургенева, Чехова, Брюсова, Мережковского и других молодых мы не ждем с такой точностью просветов в будущее; а от Горького, немолодого годами, мы — ждем, будем ждать. Потому что мы знаем, что будущее искусство не от законченных, а от — безгранных, внегранных, каким был, есть, будет нам Горький — огромный художник, но он — человек»².

А. Толстой приехал в Берлин не как А. Белый с востока, не как М. Горький с севера — он приехал с запада, что было редкостью в начале 20-х годов, после двух лет пребывания в Париже, где активно переиздавал свои произведения и получал вполне благосклонную реакцию критики. Ситуация заметно изменилась после переезда в Берлин, что было связано с его переходом на позиции сменовеховства. На писателя тут же посыпались стрелы, выпускаемые газетой «Руль», в которой из номера в номер печатались материалы, оказывающее на него моральное давление, он даже был объявлен «прислужником палачей»³. Однако оскорбительная критика «Руля» не привела к изоляции А. Толстого в литературной среде: он вошел в правление Дома искусства, встречался с М. Горьким, В. Шкловским, Р. Гулем, А. Белым⁴; в начале 1923 г. в издательстве И. П. Ладыжникова опубликовал написанный в Берлине роман «Аэлита». В Берлине же в 1922 г. были изданы написанные ранее пьеса «Любовь — книга золотая» и роман «Хождение по мукам»⁵, а также сборники рассказов. Все эти литера-

¹ Тридцатилетний юбилей Максима Горького // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 1.

² *Белый А.* Максим Горький. По поводу 30-летнего юбилея // Эпопея. 1922. № 3. С. 9.

³ Руль. 1922. 4 апр.; см. также: Руль. 1922. 2 апр.; 1922. 22 авг.; 1922. 1 окт.; 1922. 28 окт.; 1922. 28 нояб.

⁴ Эта сторона жизни А. Толстого в Берлине была подробно описана Г. Алексеевым в статье «Живые встречи (Русские писатели в революции. Гр. А. Н. Толстой)» // Сполохи. 1923. № 8. С. 28–30.

⁵ Имеется в виду тот вариант романа, который в дальнейшем будет переработан в первую часть трилогии «Хождение по мукам» — «Сестры».

турные новинки получили критическую оценку в изданиях русского Берлина.

В одной из рецензий на пьесу «Любовь — книга золотая», представляющую собой изящно и остроумно рассказанный анекдот, в основе которого лежит чтение молодой скучающей в браке с нелюбимым мужем женщиной из провинции альманаха-календаря с пикантными наставлениями для влюбленных, отмечается, что «диалог выдержан в старинном стиле и вполне под стать легкомысленному тону цитат из альманаха»¹. Другая отмечает, что в то время, когда замолчали А. Куприн, И. Бунин, «Толстой — единственный, кто пронес свой талант не поврежденный бурями последнего четырехлетия», и что у писателя «поразительно чутье эпохи, которое он сочетает с чутьем языка, — поэтому книжка прочитывается мгновенно»².

После многочисленных публикаций в различных журналах Москвы, Петрограда, Парижа и Берлина отдельных глав «Повести о многих превосходных вещах: (Детство Никиты)» книга наконец вышла отдельным изданием в Берлине в 1922 г., в чем критика сразу увидела признаки того, что грядущая литература будет здорова. Главное качество повести, отмечает И. Соколов-Микитов, «прекрасная простота и большая любовь. Вся книга земная и пахучая, как после дождя луг»³. Повесть А. Толстого не могла не спровоцировать сравнения с исповедью Л. Толстого «Детство. Отрочество. Юность». Напрашивается сравнение с ранними произведениями Л. Толстого обнаруживает, что повесть «не волнует и не захватывает глубоко», однако она читается «с неослабевающим интересом, и все описываемое живо проходит перед взором читателя. Как бытописатель А. Толстой интересен и красочен, но он не любит очень присматриваться к описываемым вещам. Он упоминает о них обыкновенно лишь в связи с изображаемым эпизодом. Часто несколькими словами»⁴.

Другим ярким событием в литературной жизни Берлина был выход в 1923 г. романа «Аэлита». Своеобразное соединение научной фантастики с современными проблемами дало почву для многочисленных высказываний в критике. Н. Петровская обращает внимание

¹ Руть. 1922. 23 авг.

² Ал. Др. Гр. Алексей Н. Толстой. «Любовь — книга золотая». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 11.

³ Соколов-Микитов И. Алексей Толстой. Повесть о многих превосходных вещах. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 5.

⁴ Алексей Толстой. Повесть о многих превосходных вещах. Берлин, 1922 // Руть. 1922. 18 июня.

на то, что «начало романа, как все, что сейчас пишет этот большой оригинальный художник, удивляет экзотически пышным ростом таланта, неуклонно устремленного вперед, все к новым и новым преодолениям. А. Толстой — это та роскошь современности, которую могла себе позволить только очень развившаяся русская литература. Как одному из немногих, А. Толстому присущ божественный юмор — тонкий, печальный, смеющийся сарказм, — улыбка Божества на земле»¹. Однако рецензент сожалеет, что вокруг писателя не создалась определенная школа. И. Василевского очень радует, что роман получился не только интересным и захватывающим, но еще и «европейский», «высоковольтный», имея в виду не только общеевропейскую тягу в литературе к научно-фантастическим сюжетам, но и большое количество переводов его на европейские языки. И, то ли завидуя гонорарам, то ли серьезно, добавляет: «Но, по секрету сказать, роман все же гораздо ниже А. Толстого и его таланта. Землю он знает все-таки несравненно лучше, чем иные планеты, и подлинно хорошо в романе только то, что касается земли»².

В том, что Толстой землю знает лучше, чем другие планеты, но недостаточно, убеждаешься после знакомства с отзывами на его главный роман. Публикация «Хождения по мукам» вызвала очень живой, но противоречивый отклик. Рецензент П. Ш. отмечает широкий захват общественной и политической жизни России: «Сначала автор живописует развращенную пустоту и нудность жизни столичной интеллигенции. Все, видимо, списано с натуры и талантливо воспроизведено. С точки зрения яркости и сочности красок это, пожалуй, лучшая часть романа. В военных картинах нет индивидуальных нот. С революцией все по-другому. В ней решительно все выведенные лица играют чисто страдальческую роль. В романе нет целостности, нет сосредоточенности на развитии событий. Изображение частей романа, изображение судьбы России, ослабляется лирикой личных чувств. Поэтому общее впечатление получается несколько смешанным»³. В. Зензинов более категоричен в суждениях: «Общий замысел „Хождения по мукам“ оказался неудачным, современной „Войны и мира“ не получилось. Автор не смог подняться выше обывательского понимания революции»⁴.

¹ Петровская Н. Красная новь. Лит.-худ. журн. 1922. Кн. 6 // Накануне. Лит. прилож. 1923. 14 янв.

² Василевский И. (Не-Буква). «Самовольная отлучка» («Аэлита», новый роман А. Н. Толстого) // Накануне. 1923. 23 июня. С. 3.

³ П. Ш. А. Толстой. «Хождение по мукам» // Руль. 1922. 30 июля.

⁴ Зензинов В. «Современные записки». Кн. I–IX. Париж, 1920–1922 // Голос России. 1922. 9 мая.

Сильными критику кажутся только места с описанием быта. Неудивительно, что в газете «Накануне» выражено совершенно другое мнение, определяющее место роману среди классиков не только русской литературы, но и западной. «От декадентщины, от слащавости образов и слов к целомудрию, от расплывчатости к остроте, от поверхностного формализма аполлонцев к могучей девственной форме Толстого Льва. В эпопее „Хождение по мукам“ есть насыщенность действием и минимальное количество „связующих“, „поясняющих“ разговоров. Если в „Господине из Сан-Франциско“ гениальная графика, классический образец максимальных возможностей „blanc et noir“, то в „Хождении по мукам“ шершавый ломающий поток силой своего падения все приводит в движение, заставляет не только морализировать, но и дрожать, не только видеть, но и ощущать. В „Хождении по мукам“ с линией Гоголя — Белого и Гоголя — Ремизова — Замятина яснее тропа. Русская проза недостаточно ретроградна в своем воспитании. Она берет цветные фабулы англосаксов, тонкость языка у французов. В родных истоках она преодолевает Достоевского, приближаясь к Л. Толстому»¹. Величие романа подтверждается и Н. Петровской: «Как огромная скала высится на тернистом пути неоконченный роман „Хождение по мукам“ — сумрачная история современности»². Хвалебные отклики проникли даже в нейтральную «Русскую книгу», где главный редактор отмечает «огромный изобразительный талант» писателя, с которым он «рисует моральный развал русского общества перед войной. Это — первое истинно художественное изображение в широком эпосе того предвечерия, что предшествовало темной ночи нашей революции и смуты»³. Но уже не в отдельной статье, а в обзоре литературы последних лет тот же А. Яценко оговаривается, что это произведение «едва ли может претендовать на ту роль, которую он (Толстой), по-видимому, ставит себе — быть началом широкого эпоса русской жизни перед войной, во время войны и после. Для этого Толстому не хватает ни конструктивного таланта композиции романа, ни понимания художественных перспектив, ни пафоса сердечной любви, ни философского гения, а главное — у него нет твердого убеждения, вследствие чего его изображение и понимание жизни, может быть само по себе

¹ Ветлугин А. На путях русской прозы // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 16. С. 8–9.

² Петровская Н. Красная новь. Лит.-худ. журн. 1922. Кн. 6 // Накануне. Лит. прилож. 1923. 14 янв.

³ Яценко А. С. Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга. 1921. № 1. С. 7.

и правильное, неубедительны для читателя»¹. Вышедшая в России вторая часть трилогии «Хождение по мукам» «Восемнадцатый год» дала повод «Рулю» вспомнить о своем отношении к А. Толстому, а Ю. Айхенвальду опять проявить свою нетерпимость к перебежчикам: «Об историческом повествуя как дилетант, военное рисуя с легкостью почти военного человека, он и в области чисто литературной остается легковесен. Его однофамильцу удалось соединить судьбы людей с историей, а у него телегины и рошины плохо пришиты, поэтому наше внимание двоится. Пусть многому изменил Толстой — русскому языку остался он верен»².

Крупнейшим писателем эмиграции И. Бунин был признан в Париже В. Ходасевичем, М. Цетлиным и З. Гиппиус, а в дореволюционном его творчестве критика видела талант «исследователя социально-исторических процессов народной жизни». В первые годы пребывания за границей писатель только переиздавал ранее написанные произведения, поэтому критика русского Берлина еще не видела того, что было видно из Парижа, хотя и она признавала за ним первенство. «Право на престолонаследие» заслужил автор «Солнечного удара» уже потому, что «соединяет глубину размышлений с приметливостью к характерным фактам и мелочам повседневноности, реальность и миф, близость и экзотику самых отдаленных времен прошлого и минуты текущего», — полагает Ю. Айхенвальд и не соглашается с мнением, что Бунин принадлежит к отжившему стилю русской литературы, считает его современным, «свежим и уместным»³. С. Поляков-Литовцев называет Бунина крупнейшим и подлиннейшим художником, способным покорить внимательного читателя «необыкновенной остротой наблюдения и чудесной правдивостью изображения»⁴, и отмечает, что слава настигла его уже за рубежом, где его начинают оценивать и понимать. «Строгости рисунка у него соответствует аскетическая честность слова. Строгий писатель, чаще всего холодно и как бы бесстрастно бичующий жизнь, — уродливую, тяжелую, звериную, подлую, — он бывает подчас умилительно нежным — скрытой, стыдливой нежностью — к человеку, которого он пожалел, к явлению, которое его взволновало»⁵.

¹ Яценко А. Литература за пять истекших лет // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 5.

² Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 4 июля.

³ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 15 дек.

⁴ Поляков-Литовцев С. Иван Алексеевич Бунин // Жар-птица. 1921. № 3. С. 33.

⁵ Там же. С. 34.

Особенно обращается внимание на повесть «Деревня», в которой богатая портретная галерея и масса деревенских типов. «Одни из них написаны масляными красками, тщательно и густо, другие намечены акварельно; третьи чуть-чуть тронуты карандашом». Отмечается, что мужицкая речь у Бунина правдива и естественна настолько, что реплика, как в совершенном драматическом произведении, одновременно рисует и жест: «его не надо описывать, он сам возникает в представлении читателя». Автор заключает: «Трудно указать другую современную книгу, в которой картины быта, жанр и пейзаж были бы в одно и то же время так строго индивидуальны и так всеобъемлюще синтетичны». М. Цетлин идет дальше в своей оценке повести. По его мнению, «Деревня» внешне отличается от беллетристики, так как в ней нет сюжета, действия, он называет ее «натуралистической книгой, одной из книг покаяния и самоотрицания, которые изредка встречаются в литературе. В русской литературе она родственна „Мертвым душам“, „Философским письмам“ Чаадаева, может быть, отчасти Салтыкову-Щедрину»¹. В связи с бунинской «Грамматикой любви» критика отмечает, что эта книга свидетельствует о художественном уровне такой высоты, «когда произведение как бы отделяется от автора, начинает жить собственной жизнью, входит в сокровищницу мировой литературы как довлеющая себе индивидуальность»².

И все же для берлинской критики он больше поэт, чем прозаик, как А. Белый — больше прозаик, чем поэт. В. Сирин полагает, что стихи Бунина лучшее, что было создано за несколько десятилетий: «Нам холодно от мертвых глыб брюсовских стихов, нестройным нам кажется бальмонтковский стих, что обманывал новой певучестью; и только дрожь одной лиры, особая дрожь, присущая бессмертной поэзии, волнует, как и прежде, волнует сильнее, чем прежде, — и странным кажется, что в те петербургские годы не всем был внятн, не всякую изумлял душу голос поэта, равного которому не было со времен Тютчева»³. Б. Каменецкий (Ю. Айхенвальд), рецензируя сборник стихов «Роза Иерихона», отмечает, что «полноводной и полноценной струей льется речь этой книги, бьющая из чистых, ничем не замутненных русских родников»⁴. В очерке о Бунине из «Силуэтов...» критик уточняет источники поэтического мастерства писателя: «На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое.

¹ Цетлин М. «Деревня» Бунина // Голос России. 21.08.1921.

² Савельев А. О Бунине. «Грамматика любви» // Руль. 29.12.1930.

³ Сирин В. Литературное обозрение // Руль. 22.05.1928.

⁴ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 15.10.1924.

Она продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты»¹. Вообще критик считает Бунина прежде всего поэтом, возводящим прозу в сан поэзии, и так как он «не отрицает прозы, а только возвеличивает ее и облакает в своеобразную красоту, то одним из высших достоинств его стихотворений и его рассказов служит отсутствие между ними принципиальной разницы»².

Соперничает в любви берлинской критики с Буниным только И. Шмелев, которого также прочат в продолжатели классической традиции русской литературы, но видят в нем довольно непривычное сочетание Пушкина и Достоевского. Для М. Гофмана он один из «больших и живых, трепетных и волнующих русских современных писателей, истинный потомок и продолжатель великой традиции Пушкина и Достоевского. Но несмотря на завораживание талантом, художественной силой, рассказы Шмелева не могут быть отнесены к легкому чтению: сосредоточенно углубленный и порою тяжелый автор рассказов-размышлений „сидя на берегу“ требует большого труда и напряжения со стороны читателя. Шмелева часто нужно преодолевать, но это преодоление дает новое и значительное»³.

«Неупиваемую чашу» Шмелева, по мнению Б. Каменецкого (Ю. Айхенвальда), отличает «сдержанная молитвенность и религиозность, и гармоничным подбором своих тихих красок он еще больше способствует тому сладостному волнению, на которое невольно откликается читатель. Силой контраста его мысль отбрасывается к другой, к современной России, где эта душа не погибла совсем, но так искажена и растоптана, где все иконы и образа, благоговейно написанные когда-либо русским Ильей, вся красота и смысл Неупиваемой Чаши подверглись такому унижению»⁴. В этой же книге Ф. Иванов видит «рельефное воспроизведение» темного разгула страстей, поднятых «вихрем русской революции со dna русской действительности»⁵. В то же время в опубликованной уже в 1930 г. в «Современных записках» повести «Солдаты» рецензент не узнает привычной манеры писателя:

¹ Айхенвальд Ю. Иван Бунин // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 2. С. 115.

² Там же. С. 123.

³ Гофман М. Рец.: Ив. Шмелев. Въезд в Париж. Белград, 1929 // Руль. 1929. 18 дек.

⁴ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1924. 3 сент.

⁵ Иванов Ф. И. С. Шмелев. Неупиваемая чаша // Русская книга. 1921. № 3. С. 19.

«В романе не чувствуется сам Шмелев, горячий, увлекающийся писатель, тонкий психолог и блестящий рассказчик»¹.

А. Дроздов был не так уж и не прав, когда говорил, что Бунин и Куприн замолчали. Во всяком случае к Куприну это имеет большее отношение. В 20-е годы писатель, живя в Париже, увлекается публицистикой, переиздает наиболее популярные повести и рассказы прошлых лет и печатает только три сборника новых рассказов, поэтому в Берлине отзывы критики немногочисленны. В небольшой фантастической повести «Звезда Соломона» Ф. Иванов увидел «апологию маленького человека с его мещанскими узенькими интересами, это любование уютном скромной обывательской жизни»² и разгадку того равнодушия к темам современности, которое обнаруживал последние годы художник Куприн, спасаясь от нее в привычных описаниях давно законченного в своих формах быта. Переиздание старого несколько раздражает в Куприне: «Идет от страниц старое впечатление неполной насыщенности, обидной недоговоренности. Как ни хороши у Куприна отдельные черты, они все-таки остаются именно чертами только и не строят словесного здания в цельной архитектурной красоте. В рассказ то и дело врывается рассуждение, сжатости мешают длиннота, замысел переходит в умысел, и очень заметно выглядывают белые нитки тенденции или выдумки. Кроме того, на многом лежит печать подражания Чехову, Толстому»³. И это о «Гранатовом браслете»! Вероятно, критик, скрывшийся под инициалами Б.К., предъявил прекрасной прозе недавнего прошлого современные требования, подходящие разве что «Серрапионовым братьям». Как бы там ни было, кто бы там ни скрывался, но в рецензии на «Новые повести и рассказы» Куприна в той же знакомой манере, но уже за подписью Ю. Айхенвальда можно прочитать: «Своей книжкой он не стяжает себе новых лавров, но почитатели найдут здесь хорошее старое и оценят сочный, крепкий, звонкий русский язык, эти меткие, легкие сравнения». Явно не относя себя к почитателям таланта Куприна, критик отмечает умение соединять «в одно прекрасное целое звуки и цвета, явить конечное единство человеческих ощущений и к «великолепному славословию» мировой красоте приобщить даже своих читателей, ставших волей истории столь хмурыми»⁴. Редкий случай, когда мнения двух берлинских критиков — Ю. Айхенвальда и В. Набокова — различались не просто тональностью, а резкой противоположностью. Набокову

¹ Савельев А. Современные записки. Кн. XLII // Руль. 1930. 21 мая.

² Иванов Ф. А. Куприн «Звезда Соломона» // Русская книга. 1921. № 2. С. 13.

³ Б.К. А. Куприн. «Гранатовый браслет» // Руль. 1925. 25 марта.

⁴ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 16 марта.

нравится все написанное Куприным, и он откровенно радуется долгожданному сборнику рассказов «Елань». Но есть на свете нечто, о чем он особенно хорошо пишет, считает критик, и «зрение и нюх, всегда обостренные у писателя, доходят тогда до предельной проникновенности, и обычный уровень писательской наблюдательности сразу повышается, ибо тут постоянная творческая зоркость облагораживается опытом знатока. Талант автора так и прыщет из каждой, даже неряшливой, строки; однако почему-то сдается, что иные страницы являются просто быстрыми записями, просто материалом, — живым и богатым материалом, — для более гармонических и строгих трудов»¹.

Имя А. Ремизова в критике русского Берлина прежде всего связывается с идеей русской самобытности, и потому очень много издается как его произведений, так и откликов на них. Этим же объясняется и интерес к переводам писателя на немецкий язык: «Обнаруживается тяга западных европейцев изучать нашу душу. В страшном гуле, в опустошающем ужасе нашей повседневности Ремизов и теперь одиноко продолжает давно уже начатое дело кропотливого пристального собиранья и творческого претворения рассеянного по необъятным просторам нашей России сокровища духа. Своей мастерской реставраторской работой Ремизов приближает к нам, отрывающимся от собственной национальной почвы, наше русское, связывает нашу европеизированную книжность с книжностью наших пращуров, с народной сказкой, с народной песней, с народной верой»².

Почти все отклики на многочисленные произведения Ремизова изобилуют превосходными оценками. Его представляют как «крупнейшего мастера русского слова», прелесть произведений которого «в снисходительной ласковости к своим персонажам, да еще в отточенности, любовной граненности языка»³. «Ни одного неверного тона, ни одной фальшивой ноты»⁴ не видят в его книгах, отмеченных глубокой, радостной и прекрасной «погруженностью в русскую стихию»⁵. Речь его «уснащена теми часто этнографическими словами, что пугают читателя благонамеренного, но есть в нем подлинная огромность, которую только теперь начинают замечать»⁶. На фоне этих славословий особ-

¹ *Сирин В.* Куприн. «Елань» (рассказы) // Руль. 1929. 23 окт.

² *Львов Л.* Das Russenthurm // Руль. 1923. 1 июля.

³ *Л. К. Алексей Ремизов.* «Корявка» // Сполохи. 1922. № 12. С. 56.

⁴ *М. Я. Р. А. Ремизов.* Ахру // Голос России. 1922. 18 июня.

⁵ *Каменецкий Б.* Литературные заметки // Руль. 1924. 8 окт.

⁶ *Дроздов А. А.* Ремизов. «Мара», «Крашенные рыла», «Лалазань» // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 17.

няком стоит мнение Р. Гуля, недоумевающего, как вообще можно его читать: «Ремизовские размазывания нельзя иначе квалифицировать, как — порнографией, — интересны только для психопатолога»¹.

Тема связи Ремизова с идеями русской самобытности, отраженными в творчестве Гоголя и Достоевского, стала предметом нескольких публикаций. А. Бахрах считает, что только пережив трагедию революции, можно разглядеть те краски, какими она была написана, поэтому талант Ремизова оказался как нельзя кстати и проявился в повести «Пятая язва», которая написана обычным для Ремизова изумительным русским языком. «От пересечения гоголевского смеха сквозь слезы, раскаты которого ощутимы на многих страницах романа, с глубинами Достоевского родилась „Пятая язва“, быть может, одна из самых сильных вещей Ремизова»².

Небольшой рассказ «Индустриальная подкова» пробудил в А. Беме стремление обобщить все творчество Ремизова, выявить его специфику и корни. Сила прозы писателя в том, что она вырастает из национальной литературной традиции. По мнению критика, у колыбели ремизовского таланта стоят Гоголь и Достоевский. «Ремизов один из немногих, кто с такою проникновенной ясностью увидел всю жуть гоголевского анекдота, кто понял, как страшен этот мир гоголевских призраков и масок. Достоевский первый сумел художественно раскрыть нам жуть гоголевских образов, это он показал, как анекдот о „Шинели“ может привести к трогательному роману „Бедных людей“, как безобидный случай с пропажей носа превращается в трагедию „Двойника“»³. И. Груздев еще раньше обратил внимание на прием затейливого рассказчика у Ремизова, заимствованный им у Гоголя и Достоевского, и отмечает, что культура «удивительных» слов пришла к писателю от Лескова. «В творчестве Ремизова эти две наследственности сочетаются с большим перевесом в сторону второй. Может быть, поэтому фигуры его рассказчиков не всегда достаточно конкретны»⁴.

Традиция Достоевского просматривается и в творчестве Б. Зайцева. «Его восприятие родственно одной своей стороной Достоевскому. Оно заключается в прикосновении к какой-то самой глубокой и подлинной стихии, в прикосновении не рассудочном, а интуитивно-художественном».

¹ Эрг. Алексей Ремизов. Кукха. Розановы письма. // Накануне. Лит. неделя. 1924. 23 марта. С. 7.

² Бахрах А. А. Ремизов. Пятая язва. Берлин, 1922 // Дни. 1923. 7 янв.

³ Бем А. Письма о литературе. «Индустриальная подкова» // Руль. 1931. 13 авг.

⁴ Груздев И. Серапионовы братья // Лицо и маска. Берлин, 1922. С. 221.

ственном. В нем скрыта загадка смысла жизни, усматриваемая непосредственно, но жизнь дана Зайцеву шире, чем Достоевскому, сосредоточенному на проблемах духа, не видящему природы. Какой-то „пантеистический“ мотив звучит во всех описаниях Зайцева, иррационально-пантеистический, органически не переходящий, как у Достоевского, в идейную диалектику и проблематику. Стихия, узреваемая Зайцевым, не темная, безразличная стихия, он четко и ясно видит, он любит детали. Глубоко национальным, исключительно важным представляется нам данное Зайцеву и его таланту „откровение“¹.

Много публикаций посвятил Ю. Айхенвальд, наверное, одному из самых близких себе по творческой манере «акварельному» писателю. «Зайцев всегда художественно изображает преодоление трагедии, победу над страданием, конечное спокойствие человеческой души. Идеалист и романтик, Зайцев тклет свои золотые узоры и славит голубую звезду, нежную Вегу, и в прелестные акварели слова превращает подчас столь грубую жизнь. Свое пантеистическое примирение с миром, свое смирение и чистоту душевную, свою музыку духовную он выражает в легком лиризме, тонко и сквозисто, в прозрачных полутонах, и словесные ткани его просты, изящны, без узлов. Пушкин и пушкинская „светлая печаль“ не покинули Зайцева»². Однако критик находит и недостатки у писателя, впрочем незначительные. «Однотонен Зайцев иногда — малокровен, и нет фабулы в его рассказах, нет „содержания“, но там и здесь тихая и подлинная поэзия, переливы настроений, неуловимая отрада и красота»³. В тон Ю. Айхенвальду звучат слова М. Осоргина, считающего Зайцева «одним из немногих совсем русских, неподдельных русейших писателей, перо которого пишет словами детства, деревни, няни, Москвы. Творчество Зайцева акварельно и равнинно. Путь его совпадает с большой традиционной дорогой русской литературы, без уклона на извилистые, иногда заманчивые, но всегда окольные тропинки мучительных исканий»⁴. На традиционность произведений Зайцева, особенно романа «Дальний край» — крупнейшего произведения писателя, переизданного в Берлине в 1922 г., — указывается и других отзывах. Один рецензент считает, что «это не новый перепев Достоевского и Толстого, а купленное

¹ Карсавин Л. Борис Зайцев // Дни. 1923. 1 июля.

² Айхенвальд Ю. Юбилей Бориса Зайцева // Руль. 1926. 8 дек.

³ Айхенвальд Ю. Борис Зайцев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 2. С. 137.

⁴ Осоргин М. Этюды о писателях. Б. К. Зайцев // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 8.

тяжелой ценой собственное решение все того же неизбывного вопроса русской действительности. Роман принадлежит к числу крупнейших беллетристических произведений, рисующих это бурное время»¹. Другой отмечает в женских образах романа «твердую литературную традицию: — это тургеневские женщины» — и сильное влияние толстовского мировоззрения, «где оба центральных действующих лица — Степан и Петя — каждый по-своему, приходят к толстовским выводам о правде и смысле жизни»².

Е. Замятин получил довольно скромную оценку в Берлине, так как постижение его таланта в полной мере началось в критике только после его смерти, в 1937 г., но и здесь имеется несколько рецензий на его «Островитяне» и «Огни Святого Доминика». «Островитяне» представляются как повесть надменная, глумливая, высокомерная, «превзошедшая многое написанное, изреченное и неизреченное самыми неистовыми славянофилами и иными российскими самовеличателями. Произведения последнего периода свидетельствуют о том, что писатель вошел в полное обладание своих духовных сил, и служат залогом новых и больших достижений»³. Это предчувствие поддерживается А. Даманской: «Автор — одна из очень немногих крупинок золота, которые останутся от литературного посева последних лет»⁴. В пьесе «Огни Святого Доминика» обращается внимание на новаторское насыщение красками движения, особую выпуклость и сжатость форм: «Формы эти кажутся несколько преувеличенными и нарочито подчеркнутыми, но они необходимы для выявления замысла автора»⁵. Посвящая целую статью творчеству Замятина, А. Даманская видит в нем писателя-реалиста, «порой глумливо-реалистичного, с беззаботным молодечеством расточавшего жемчужины и алмазы из сокровищницы своего богатого своеобразного языка. Какие-то новые задачи художественного воплощения назревали в молодом писателе — чаяние новых архитектурных форм, и к ним он шел уверенно, как завоеватель»⁶. В «Островитянах» она видит черты экспрессиониз-

¹ П. Ш. Б. Зайцев. Дальний край // Руль. 1922. 4 июня.

² Г. А. Борис Зайцев. Дальний край. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 16.

³ Филиппов А. Евг. Замятин. Островитяне. Пг.; Берлин, 1922 // Новости литературы. 1922. Кн. 1.

⁴ Мерич А. Евгений Замятин. Островитяне. Изд. З. П. Гржебина. Берлин, 1923 // Дни. 1923. 22 июля.

⁵ П. Ш. Рец.: Е. Замятин. Огни святого Доминика // Руль. 1922. 10 дек.

⁶ Даманская А. Евг. Иван. Замятин // Русская книга. 1921. № 3. С. 18.

ма, а в «Знамени» — «тонкий узор воздушного прозрачного языка, напоминающий флорентийских мастеров».

Сильными сторонами М. Алданова критика считает блестящий стиль и искусство композиции, точность фактов, основанную на «египетской работе» в библиотеках и архивах, умение сохранить драматическое напряжение в повествовании, делается акцент на философском взгляде на историю. С большой радостью приступил к анализу романов Алданова А. Кизеветтер, профессиональный историк. Он приветствует способность автора тайной искусства поместить любой сюжет в рамку широкой чисто исторической картины. На этом, по его мнению, основана интригующе-сенсационная часть «Ключа». Критику также нравится, что автор с не меньшим искусством сочетал интригующую фабулу с широкой картиной общественной жизни, представленной в живых человеческих фигурах, что он не выводит исторических личностей, но дает фигуры, в которых олицетворяются различные элементы общества, определявшие тогда психологию момента. «Своими фигурами и картинами он дает читателю непосредственно почувствовать именно то сознательно определяемое, но безотчетно ощущаемое настроение обреченности, которое насыщало общественную атмосферу и сказывалось и в нудной обывательской суеде и в безнадежных размышлениях звездоносных Гамлетов реакции»¹. Для критика важно, что писатель не проявляет никакого тяготения к суетному оригинальничанию, держась в русле добрых традиций великих создателей нашей литературы, но в то же время пленяет чуткого читателя своим «лица не общим выраженьем». «Алданов обнаруживает большое мастерство в подборе характерных черточек, выразительных образов и картин. Исторические персонажи Алданова встают пред читателем как живые. Над всеми картинами реет безжалостная ирония автора — созерцателя исторических судеб. Эта ирония роднит Алданова с Франсом: они лишь излагают факты, ничего не опуская. „Vanitas vanitatum“ — вот основной мотив всей совокупности художественно-исторических изображений Алданова. Основа философско-исторической концепции Алданова: отдельные люди, рабы страстей и в малом и в великом, сметаются один за другим с исторической сцены, но жизнь не иссякает, будучи направляема и питаема той силой, которая стоит превыше всех исторических знаменитостей и которая может быть названа неизбежностью человеческой природы»². В других отзывах отмечается, что «Алданов без тяжелой тщательности, без насилия легко и сквозисто

¹ Кизеветтер А. [Рец.:] М. А. Алданов. Ключ // Руль. 1929. 31 дек.

² Кизеветтер А. Новый исторический романист // Руль. 1924. 12 дек.

рисует перерождение душ под влиянием событий»¹, что «бытописатель о днях минувших, историк-писатель даже тогда, когда говорит о совсем недавнем прошлом»², что «смотрит (он) на Россию издалека, плененный скорее ее чужеземными отражениями»³.

Отмечаются и слабые стороны Алданова. Среди них — подражательность А. Франсу, неспособность выйти на уровень исторического романа Толстого и художественный дилетантизм, препятствующий за деталями улавливать главное. Ему вменяют французское влияние, чуждое русской психике и русским запросам⁴. Все это критика отмечает в связи с выходом его романов «Святая Елена, маленький остров» и «Девятое термидора». Ю. Айхенвальд источник недостатков писателя видит в выборе «себе высоким образцом Толстого» и в подражании «изящной иронии и скептицизму» А. Франса⁵. Слишком «живая непосредственность» и изобилие «прекрасного дилетантизма» не дают ему возможности быть «художником вполне»: «У него пристальное внимание к историческим мелочам и даже подает он их порою не без шгелюства»⁶. Умением писать и знанием ремесла, столь редким, по мнению И. Василевского, у русских писателей, Алданов вполне овладел, но критика забавляет, «как этот литератор старательно работает над А. Франсом. И если его роман — вял и безжизнен, если его герои не живут, а только разговаривают, если вместо огромной системы исторического романа, завещанной „Войной и миром“ Толстого, он даже и сознательно взялся за крохоборческую, головную, умничающую систему исторических романов Д. Мережковского — то общий тон свой, сплошной скепсис и иронию, он успел выявить безусловно»⁷.

Критика русского Берлина, как уже отмечалось, вынуждена была ориентироваться на довольно широкую аудиторию, поэтому среди публикаций о достаточно ярких явлениях литературы появлялись отклики на популярную беллетристику, посвященную, в основном

¹ Савельев А. «Современные записки». Кн. XLV // Руль. 1931. 25 февр.

² Гофман М. Л. «Современные записки». Кн. XXVIII // Руль. 1929. 10 апр.

³ Петровская Н. М. Алданов. Святая Елена, маленький остров. Литографии худ. Пинегина // Накануне. 1924. 4 янв.

⁴ Яценко А. Литература за пять истекших лет // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 4.

⁵ Б. К. М. Алданов. Святая Елена, маленький остров // Руль. 1923. 9 дек.

⁶ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1923. 1 апр.

⁷ Василевский И. Холодный огонь (М. Алданов. Девятое термидора) // Накануне. Лит. прилож. 1923. 29 апр. С. 5.

воспроизведению в более или менее художественной форме событий недавнего прошлого. Это относится к книгам А. Ренникова, Н. Брешко-Брешковского, П. Краснова. Нельзя сказать, чтобы отзывы об этих писателях были лестными, но книги их обращают на себя внимание бытовыми и этнографическими деталями, они в некоторой степени документальны. «Любовно и насмешливо преподносит автор типы соотечественников — генерал-сапожника и генерал-бакалейщика, ожесточенно спорящих об околышах кавалерийских полков»¹, — говорится о повести А. Ренникова «Незванные гости». О П. Краснове из рецензии Слонима можно узнать, что он не лишен дарования: «Во всех его книгах на десять страниц, под которыми мог бы подписаться Брешко-Брешковский, приходится одна, отмеченная подлинным талантом»². Ю. Айхенвальд, более других нетерпимый к подобного рода литературе, не может пройти мимо. По поводу романа А. Ренникова «За тридцать земель» он замечает, что к нему нельзя подходить «с мерилami художественности, потому что встречи героев, их психология, сочетание психологических линий явлены у автора искусственно поверхностно без внутреннего правдоподобия»³. А пресловутый Н. Брешко-Брешковский получает от критика сполна: «Книга его — лубок, белые вышли белыми, красные — черными, действующие лица — олеографичны. Но вот что странно: для непринужденных узоров г. Брешко-Брешковскому канву дала подлинная жизнь, и его очень дешевая бульварная беллетристика в своей основе имеет факты. Ужасно то, что его беллетристика неопровержима»⁴.

Выделяется критиками русского Берлина и другая группа уже сложившихся писателей, которых и к дешевой беллетристике не отнесешь, и крупными художественными достоинствами они не наделены. в результате — трудности чтения для обычного читателя и мука для критика, вынужденного реагировать на их публикации. Сюда относятся Степун, Чириков, Гребенщиков, Шульгин, Сергеев-Ценский. В целом претензии к этим литераторам сводятся к тому, что объемы их произведений сильно перегружены, что повествовательная манера далека от современной динамики и сюжетности, которыми хотя бы обладают Брешко-Брешковские и Красновы.

С большим напряжением пробрался М. Гофман сквозь страницы романа Ф. Степуна «Николай Переслегин», который написан «в фор-

¹ В. Е. Т. А. Ренников. Незванные варяги // Руль. 1929. 7 авг.

² Слоним М. Краснов П. Н. Опавшие листья // Дни. 1923. 27 мая.

³ Ю. А. А. Ренников. За тридцать земель // Руль. 1926. 4 авг.

⁴ Ю. А. Н. Брешко-Брешковский. Белые и красные. Роман // Руль. 1926. 2 июня.

ме одного письма одного лица, философствующего о жизни, о любви, о литературе и о живописи. Этой формой обусловлена медленность его развития и несамостоятельность других героев, а самоанализ героя заставляет даже забыть о толстовском самоанализе»¹.

Ярче других заявил о себе Г. Гребенщиков романом «Чураевы», первая часть которого была написана еще до революции и получила доброжелательные отзывы Короленко, Горького, Куприна. Переехав в Париж, писатель с новой силой взялся за продолжение перегруженной этнографическими деталями, многословной хроники одной старообрядческой семьи. Каждый из рецензентов считал личным подвигом преодоление этой «глыбы», соответствующими были и отзывы. И хотя некоторые выдели в его произведении связь с этнографической школой С. Мельникова-Печерского² и «явление эстетически приятное и ценное»³, все же перевешивало чувство скуки и несвоевременности книги. «Время остановилось для автора. На часах его по-прежнему самодовольная жестяная стрелка показывает не то 1890, не то 1900. Книга Гребенщикова вне искусства, не страдает роман и излишней читательностью»⁴; «„Чураевы“ — опоздавшее лет на 20 произведение. Ни одна строчка не вскрикнула, ни один образ не пронзил, не упал в память, ни одна мысль не толкнула мыслей, не навела, не обожгла»⁵; «автору плохо удается психология. Главу, посвященную описанию психологических переживаний Викула в Москве, признать следует неудачей»⁶.

На фоне пристального внимания к творчеству уже известных писателей в критике русского Берлина начался поиск и молодых дарований, что напрямую связано с задачами определения судьбы развития литературы. Наметившиеся тенденции свидетельствуют о том, что в оценках молодой прозы есть пессимистические и вполне обнадеживающие тенденции. Обзор критики о молодой прозе дает возможность увидеть, где профессиональное чутье критикам изменило, а где точно были уловлены признаки будущих знаменитых писателей.

¹ Гофман М. Л. Литературное обозрение // Руль. 1929. 15 мая.

² Кадашев В. Георгий Гребенщиков «Чураевы». Роман // Руль. 1922. 16 июля.

³ Ю. А. Георгий Гребенщиков. Чураевы. Спуск в долину // Руль. 1925. 17 мая.

⁴ Эльзевир. Ненужная книга (Георгий Гребенщиков «Чураевы») // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 8. С. 10.

⁵ Алексеев Г. Георгий Гребенщиков. Чураевы. Роман. Париж, 1922; Путь человеческий. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 14.

⁶ Зензинов В. «Современные записки». Кн. I–IX. Париж, 1920–1922 // Голос России. 1922. 9 мая.

Красноречивые заголовки обзоров «Блекнут краски» литературного альманаха «Молодая Россия» под редакцией А. Толстого и «На путях страданий» очередной книжки журналов «На чужой стороне» и «Беседа», которые предлагает Н. Волковыский, свидетельствуют о скептическом настрое критики. Перечисляя имена Перегулова, Пильняка, Н. Никитина, Вл. Лидина, М. Осоргина, В. Сизова и других молодых литераторов, критик отмечает «хаотичность» и «массивность» романов, отсутствие поиска новых форм, «артистичность» мира, «манерничанье», «повторяющиеся напевы». «Новая Россия лишь бледным пунктиром намечается в удуше трепещущей русской действительности. Велика Родина — и нет простора для полета»¹, однако и за рубежом «тяжело русской книге»², делает вывод автор.

С другой стороны подходит к проблеме новой литературы И. Василевский (Не-Буква). На его взгляд, тот «доброкачественный материал», который поставляет читателю журнальная индустрия эмиграции, а именно журналы «Жар-птица», «Сполохи», «Театр и жизнь», соответствует потребностям «преимущественно дамских портных». «Дело в специфической эмигрантщине рассмотренных нами изданий. Это не только эмигрантщина писательская, „петушка, которого хвалит кукуха“, но еще и эмигрантщина читательская, которую гипнотизируют, а она по наивности верит»³.

Более взвешенная оценка дается в рецензиях и обзорах, угадывающих в современной прозе попытки утверждения новых форм и канун расцвета. Процесс этот идет сложно. Критика отмечает, что «новаторские попытки Ф. Сологуба, А. Ремизова и А. Белого пошли очень недалеко. Они ограничили введением фантастического начала и документальных частных в виде писем, афиш, счетов, немного под Бальзака у Сологуба; введением лирического элемента — у А. Ремизова и утрированной философичностью одновременно с заботой о звуковой стороне прозы — у А. Белого. Эти частные реформы не коснулись основ романа»⁴. Тем более обидно, что у Ю. Слезкина это не получилось в романе «Ветер»: «Вышло не хорошо. Полуявь, полувыдумка. Описания сильнее диалогов. Суховатая манера письма в общем приятна и могла бы дать вполне приемлемые результаты». Эту точку

¹ Волковыский Н. Блекнут краски // Дни. 1924. 6 апр.

² Волковыский Н. На путях страдания // Дни. 1924. 2 дек.

³ Василевский И. (Не-Буква). Изветы эмиграции. «Сполохи», «Жар-Птица», «Театр и жизнь» // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 5.

⁴ Лундберг Е. «Ветер». Роман Ю. Слезкина // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 3.

зрения оспаривает в журнале «Сполохи» другой молодой писатель и начинающий критик — М. Булгаков. По его мнению, «Ю. Слезкин — словесный киномастер, стремительный и скупой. В руках у него не малярная бульварная кисть, а тонкий резец *maitre'a*, и пользуется он им умело»¹.

Среди молодежи обращают на себя внимание «Серапионовы братья», и газета «Руль» даже перепечатывает из «Литературных записок» автобиографии Вс. Иванова и М. Зощенко². Критиков привлекают поиски новых приемов письма. Ю. Айхенвальд эмоционально переживает выход романа Л. Леонова «Вор»: «Странная книга, замечательная книга! Недостатки перевешивают. Света и воздуха очень мало, и все выдержано здесь в сумрачных тонах надрыва, все дышит здесь трудным дыханием Достоевского. Со своей темной темой в общем не справился автор, и почти не движущаяся, медлительная громада, или колымага, его произведения давит нашу мысль и чувства. Не справился из-за перепроизводства своих сил и дарований»³. Претензии по поводу литературной формы у критика касаются и творчества набирающего силу К. Федина. В его романе «Братья» заметны «растянутость, сбивчатая неясность и ненужная сложность архитектуры, намеренное, модное теперь перемещение плоскости, беспоконная пестрота рисунка, смягчаемая только тем, что он пространен, и оттого, пока узор его вьется, успеваешь к нему привыкнуть». Автору хотелось бы также поменьше деталей, специальностей, таких страниц о музыке, полных терминологии, которые понятны только музыкальным критикам, таких вообще отступлений от прямой дороги, на которой бредущему по ним читателю становится почти скучно. «Самая существенная из неудач романа — та, что беден и мутен как раз тот из трех братьев, композитор Н. Карев, на которого автор потратил больше всего внимания и изобразительных средств». Критику кажется, что многое навеяно здесь Достоевским: неожиданные встречи, психологические зигзаги, внутренняя значительность диалога, иные странные черты героинь, сквозь образ Чупрыкова проступающий образ Смердякова. Было бы к лицу и таланту живописать быт, но он этим не довольствуется и пронизывает свое изображение людей и вещей иглами психологизма и своей философией, которая под стать его стилю, тоже отмечается большою и, к сожалению, замечаемой изысканностью. «Из-за роскоши частных замедлен темп книги, как его же замедля-

¹ Булгаков М. Юрий Слезкин // Сполохи. 1922. № 12. С. 49.

² Серапионовы братья // Руль. 1922. 20 авг.

³ Айхенвальд Ю. «Битые боги» // Руль. 1928. 27 июня.

ет и параллельная роскоши филигранная тонкость психологического анализа и мечтательности»¹.

Открытием берлинской критики можно по праву считать прозу А. Дроздова и Г. Алексеева, заявивших о себе в начале 20-х гг., но потом разом исчезнувших из литературной жизни. И. Василевский (Не-Буква) видит в А. Дроздове нарожение нового писателя с зорким и четким глазом и богатой палитрой художника. «Но он еще непростоительно молод, и от этого рядом со спокойной и скупой на слова изобретательностью, как в рассказе „На молу, у моря“ — он иной раз погонится вдруг за внешним эффектом. Еще менее убедительны случайные срывы Дроздова в область пафоса („Подарок Богу“). Получается только плохая подделка под Л. Андреева. Как ни беспросветны, как ни мучительны темы Дроздова, — молодой беллетрист умеет оставаться вне той или иной тенденции. Он знает и помнит, что нет „черных“ и „белых“, людей-ангелов и людей-дьяволов, что все люди на земле имеют какую-то свою правду»². О незрелости дарования молодого писателя говорит и А. Яценко в обзоре новейшей литературы: «Вследствие своей чрезмерной склонности к патетичности и риторике — линия Л. Андреева — часто неприятный. Очень неточный в художественных деталях, торопливый и сплошь и рядом однообразный»³. На закономерные трудности, с которыми сталкиваются молодые писатели, обращается внимание в связи с повестью Г. Алексеева «Мертвый бег»: «Как было и с другими, Г. Алексеев, замыслив повесть, дал фотографию, и книжка его — документ. Это трагично для творчества, но виновата в этом жизнь. Для более объективного и художественного творчества еще нет отдаления — нет перспективы, и бытописатель современности не может уйти от судьбы летописца»⁴.

Замечено появление В. Шкловского, Н. Берберовой и И. Одоевцевой. Критика верно угадала в молодом литераторе будущего знаменитого литературоведа и в книге В. Шкловского «Ход конем» отметила роль лирических отступлений, мастерское по своему реализму описание «Петербурга в блокаду» — лучшее место книги и одно из самых блестящих описаний Петербурга свирепой зимой 1920 г. Особенно замечательна характеристика героя, сделанная умелыми, выпуклыми, тонкими и весьма натуралистическими мазками, обнаруживающими

¹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 9 мая.

² Василевский И. (Не-Буква). Литературные силуэты. С. 41.

³ Яценко А. Литература за пять истекших лет // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 4.

⁴ О. Глеб Алексеев. Мертвый бег. Берлин, 1923 // Дни. 1923. 6 мая.

в авторе чуткого наблюдателя и талантливого романиста. «Можно без преувеличения сказать, что облик „Я“ удался Шкловскому великолепно, и в русской литературе он смело может войти сотоварищем Онегина, Печорина, Рудина, т. е. именно ненавистным автору ненаучным эпохальным типом. Книга Шкловского об условности искусства. Шкловский — ловчайший и искуснейший конькобежец. На льду выдавливает он редкие акробатические и неоцененные фигуры. Необходимо найти точку применения формального метода, ибо даже когда любое художественное произведение сможет быть приведено к некой алгебраической формуле — формула должна к чему-то прилагаться»¹.

Один из немногих романов о жизни эмиграции «Последние и первые» Н. Берберовой заставил говорить о непохожести его ни на что в русской литературе. Указывалась связь с западной традицией, талантливо усвоенной молодой писательницей. «Структура романа совершенно неведома западным литературам и имеет все основания называться специфически русской. Мерилом таланта автора служит тот большой интерес, который, несмотря на неожиданную, бывшую некогда шаблоном форму, вызывают у читателя эти разрозненные главы. Соблюдена здесь полная гармония формы и содержания, причем совершенно отсутствует малейший оттенок сознательной или невольной стилизации или подражания. Русская литература по обе стороны рубежа переживает увлечение большими романами. Аналогичное явление наблюдается и на западных книжных рынках»². Мнение В. Набокова особенно ценно, так как его критический ум очень требователен, особенно к женской литературе, но и он называет книгу «прекрасно сработанной». «Это первый роман, в котором образ эмигрантского мира дан в эпическом и как бы ретроспективном преложении, и герой его чуть выше человеческого роста. Условность и стилизация этой книги не суть недостатки, а суть неизбежные свойства эпического рода. Мучительная напряженность диалогов и некоторая странность совпадений и встреч искупаются общим строем этой своеобразной, ладной и блестящей книги. Слог на редкость крепок и чист, образы великолепно своей веской и точной силой. Это литература высшего качества, произведение подлинного писателя»³.

Ю. Айхенвальд склонен обсудить многие недостатки романа И. Одо-евцевой «Ангел смерти», не лишенного таланта. «Заглавие это искус-

¹ Кириллов Кир. Шах конем (Виктор Шкловский. Ход конем. Книга статей. Берлин, 1923) // Дни. 1923. 4 февр.

² Савельев А. «Современные записки». Кн. XLIII // Руль. 1930. 15 авг.

³ Набоков В. Н. Берберова. «Последние и первые» // Руль. 1931. 23 июля.

ственно: ангел смерти притянут сюда за свои черные крылья, он неубедителен, и то, что Азраил в туманных видениях сливается с реальным Арсением, производит впечатление выдумки». В образе главной героини критик видит что-то «шатающееся» в дурную сторону, и, по его мнению, «нужен талант, чтобы к таким представительницам женского человечества привлечь нашу приязнь и внимание; это условие соблюла Одоевцева, и потому за линиями ее повествования следишь с большим интересом»¹. Роман «Изоolda» оказался значительно хуже, и, по мнению В. Сирина, в нем шокируют банальность и эротические сцены из жизни подростков: «Всё это написано, как говорится, „сухо“, — что почему-то считается большим достоинством, — и „короткими фразами“, — тоже, говорят, достоинство. Англичанин пахнет клюквой. Легкий налет стилизованного любострастия и некоторая „мистика“ усугубляют общее неприятное впечатление от книги»².

Первые литературные опыты М. Булгакова, В. Набокова и Б. Пильняка были отмечены берлинской критикой как исключительно талантливые. Произведения именно этих писателей вызвали единодушную высокую оценку.

Роман М. Булгакова «Белая гвардия» и его инсценировка, считает Ю. Айхенвальд, сделаны очень искусно; легка его постройка, и как прихотливо ни разбросаны его части, прерываясь одна другой, все-таки они собираются сами собой в одно внутренне целое, и «зигзаги писательского каприза» не раздражают читателя, а удовлетворяют. «В представлении большинства Киев рисуется летним, зеленым, южным, оттого зимняя оболочка, в которую он одет у автора, и частое, почти как у Блока, упоминание о снеге, вызывает в нас какое-то сопротивление. Придуманые, только внешне придуманные, психологически живые фигуры связаны в своих судьбах с такими подлинниками, как Петлюра, Скоропадский, полковник Болботун. К чести автора, что на своих белых героев он, подданный красной власти, сумел посмотреть открытыми и непредвзятыми глазами, увидел в них просто людей и осветил их не от себя, а из их собственной глубины имманентно, отнесся к ним по законам их собственного внутреннего мира. В той жути, которой проникнута книга Булгакова вообще, за фактами показывающая мистику, особенное значение приобрел сияющий крест Владимира»³.

М. Гофман поддерживает общую оценку Айхенвальда, считая, что автору несомненно удалось художественно закрепить большую поло-

¹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 14 нояб.

² Сирин В. Ирина Одоевцева. «Изоolda» // Руль. 1929. 30 окт.

³ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 2 нояб.

су русской жизни, оцениваемую различно различными идеологиями, а также не только отдельные эпизоды петлюровщины, но и саму стихию жизни и ее тревожный пульс, правда, последние страницы романа произвели на критика впечатление «только приставки-концовки»¹. Мыслью о необыкновенной магии, пронизывающей все произведение, проникнута статья А. Изгоева «Мечта и бессилие», где автор приходит к выводу, что «всех волнует какое-то смутное сознание величия России, которое, несмотря на все тяжелые обстоятельства, все же чувствуется, даже теперь, рисуется в будущем как верное и неизбежное. В пьесе много неясных, туманных мест, говорящих о грядущем восстановлении России»².

В прозе В. Набокова критика замечает стремление изображать нерусскую жизнь и «мечтать о чем-то большом и бесформенном»³, легкость стиля, «напоминающую Бунина»⁴, и преобладание стиля над идеей. «От всех особенностей книги („Король, дама, валет“), сплошь блестящей, нигде не матовой, веет впечатлением такой талантливости, которая слишком заметна, которая переходит в нарядность. Грешит против вкуса Сириин, что обнаруживает какую-то странную склонность к ненужному упоминанию о вещах противных и отвратительных. Роман, при всех наших оговорках, представляет собою солнечными лучами дарования пронизанное, в высшей степени оригинальное художественное произведение — картину высокого мастерства»⁵.

В «Защите Лужина» обращается внимание на препарирование, словно на лабораторном столе, живого русского языка и склонность к западным приемам в литературе: «Исподволь, с искусной естественностью автор изолирует от жизни гения шахматной игры, сосредотачивая все душевные силы мальчика, юноши, зрелого Лужина на его искусстве. Самый зоркий читатель не видит руки экспериментатора. Роман написан безукоризненным языком, на редкость чистым и богатым для автора, созревшего за границей, и вместе с тем изобилующим рядом новых стилистических приемов, местами общих и современной литературе Запада»⁶.

¹ Гофман М. Л. Рец.: Мих. Булгаков. «Дни Турбиных» / «Белая гвардия». Том 2. Париж, 1929 // Руль. 1929. 25 июня.

² К. К. К. Дни Турбиных (из частного письма) // Руль. 1926. 19 дек.

³ Изгоев А. С. Мечта и бессилие // Руль. 1926. 14 апр.

⁴ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 31 марта.

⁵ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 3 окт.

⁶ Савельев А. Современные записки. Кн. XLII // Руль. 1930. 21 мая.

В книге Сирина «Возвращение Чорба» А. Савельев заметил, что Россия особыми, отличными от известных Бунину и Алданову путей проникает на его страницы: «Она пронизывает его лирику, реет светлым призраком, проходит снами, тревожащими и печальными, но, как героине романа «Машенька», читателю Сирина видеть ее не дано. Поставленный в исключительные условия, оторванный от окружающего быта и как бы приподнятый над ним, Сирин развил в себе необыкновенную зоркость и исключительное умение смотреть на вещи издали и ощущать в них «благоуханную нежность, которую почуют только наши потемки в те далекие дни»¹.

Б. Пильняк в 1922 г. приехал в Берлин и привез рукописи для русского издательства. Там у него вышли три книги: «Голый год», «Повесть Петербургская» и «Иван-да-Марья». «„Повесть“ — нечто вроде сжатой философии города. Написан вычурным, несколько громоздким языком и требует от читателя не малого внимания. Идея — „страхнуть лихорадку петровщины“. Во втором рассказе иллюстрация к этому общему положению. Автор вводит в свой рассказ ряд характерных образчиков напичканного неперевавшими иностранными словами языка петровской эпохи. В подходе к теме обоих рассказов чувствуется влияние „Петербурга“ А. Белого и, может быть, Мережковского. Большевик и разиновщина — вот последние слова русской истории, но в сущности это возврат к допетровской Руси, не скачок в будущее, в этом Пильняк прав»².

М. Слоним предлагает рассматривать его произведения прежде всего в их подлинно художественном значении — ибо они принадлежат не политике, а искусству. Да и самый творческий замысел автора и приемы его изображения обнаруживают в нем желание идти своим путем, ища новые композиции, вырабатывая собственный стиль. Критик отмечает, что Пильняк очень восприимчив к чужим влияниям, и они явно проступают на многих страницах, носящих несомненную печать подражательности. Среди источников подражания называются и Лесков, и Ремизов, и особенно А. Белый. «То назойливо, то утомительно автор напоминает о себе, о своем замысле, о том, что это он дергает за ниточки марионеток своей творческой игры, что это он — с такой-то целью — распределил словесный материал в том или ином порядке»³. Автор статьи обратил внимание на двойственность

¹ Савельев А. Рец.: В. Сирин. Возвращение Чорба // Руль. 1929. 31 дек.

² Рец.: Б. Пильняк. «Повесть петербургская» // Руль. 1922. 23 июля.

³ Слоним М. Борис Пильняк. Голый год // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 50.

творческой манеры писателя: «У него десница — подлинного художника, находящего и свежие слова, и пафос, и захватывающая грубоватая искренность. Она — в описаниях природы, революционных будней, медвежьих углов России, преображенных и взволнованных „метелью“. И есть у него шуйца — нарочитость, поза, то разухабистая, то глубокомысленная, манерность надуманная и неубедительная. Для русской литературы было бы важно и отрадно, если бы истинные задатки художника взяли в нем верх над пороком подражательности и рассудочной претенциозности»¹.

Для Г. Алексеева Пильняк прежде всего летописец, сумевший противопоставить два мира: старый, «разрушенных революцией дворянских гнезд», и новый мир новых людей. «Немного лубочное изображение большевиков, это любование ими, „русскими удалыми, добрыми молодцами“ нашего времени, нужно Пильняку, чтобы рельефнее противопоставить новых людей старому, обреченному миру»².

С большим оптимизмом критики отнеслись к публикациям незрелой прозы Вс. Иванова, в нем сразу почувствовали талант и стремительность. «Магнетизм» «Бронепоезда 1469» оказался «ценнее всех колоратур ритмической прозы и фокусов изограмм», но в то же время, отмечает Р. Гуль, автор «с психологическим моментом не справился»³. «Кроток, обрывист, как порожистый ручей, незамысловатый язык Иванова, и до конспективности доходит местами его повествование. И язык, местами сочный, выпуклый, в общем шероховат, неровен, еще без стиля, без костяка — одна мякоть, не выписавшийся язык»⁴.

Очень точно выразил суть такого явления на горизонте русского Берлина, как И. Эренбург, Ф. Иванов: «Человек, отражающий все настроения эпохи, современный язычник из тех, что молятся многим богам, не веруя ни в одного, многогранный в своих чувствованиях, он очутился на грани двух миров, обоим одинаково чуждый и обоим непонятный»⁵. И действительно, в Берлине он появился с российским паспортом в 1922 г. в качестве командировочного «для написания романа». Положение его было неординарное: он живет то в Берлине, то в Париже, иногда навещается на родину, но нигде не находит приюта. Эмигранты его не принимают, на родине его, видимо, не все устраивает.

¹ Слоним М. Борис Пильняк. Голый год // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 51.

² Г. А. Бор. Пильняк. Голый год // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 11.

³ Гуль Р. Вс. Иванов. Бронепоезд № 1469 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 11.

⁴ Чацкий Л. Вс. Иванов. «Цветные ветра» // Сполохи. 1922. № 13. С. 30.

⁵ Иванов Ф. Поэт земной радости // Голос России. 1921. 11 июня.

Он публикует в Берлине романы «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922) и «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923), сотрудничает со всеми литературно-художественными и общественно-политическими изданиями Берлина в качестве рецензента и обозревателя литературы. Этими особенностями и определяется большое количество откликов на его произведения, правда, ничего выдающегося в них критика не видит. Первый роман воспринимается как сатирическое произведение, написанное хорошим стилем. «Это в подлинном смысле кривое зеркало. Этот стиль выдержан автором с чрезвычайной последовательностью и несомненной талантливостью. Это непрерывный фейерверк, жизненный и ослепительный, но вместе с тем бесплодный. Оставит книга Эренбурга какой-нибудь след? Думаю, нет»¹. А в связи со вторым романом А. Бахрах замечает: «Его романы синтезируют в себе торжество цивилизации и пророчат полную гибель и распад многовековой культуры. В этом их серьезная опасность, даже и в наш век, когда сама по себе книга перестала волновать и двигать, пребывая только более или менее приятным времяпрепровождением»².

Каков же итог столь интенсивного наблюдения за текущей литературой в России и за ее пределами? Несомненно, оказавшись в необычной ситуации частичного отдаления от предмета исследования, критика русского Берлина смогла сосредоточить свое внимание на самых важных моментах развития литературы, уловить ее тенденции, предсказать будущее. Уже по этим самым ранним публикациям можно судить, что не сильно ошибались критики, предсказывая славу Маяковскому, Есенину, Ахматовой, Пильняку, Набокову, Булгакову. В то же время сдержанные отклики о Цветаевой, А. Толстом, Шмелеве и Алданове отчасти оказались справедливыми, а надежды, возлагаемые на А. Дроздова и Г. Алексева, к сожалению, не оправдались. Мысль о том, что традиция классической русской литературы, несмотря на временные колебания и отклонения, все равно станет основной в литературе XX в., также подтвердилась, хоть и с оговоркой, что новая литература станет более динамичной, драматичной, сюжетной, что неизбежно приведет к упрощению языка до народного.

Обзор проблем и тем, волновавших литературную критику русского Берлина, дает основание полагать, что в ней отразились все типич-

¹ П. Ш. И. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Руль. 1922. 13 авг.

² Бахрах А. Илья Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова // Дни. 1923. 17 июня.

ные свойства начального развития литературной критики русского зарубежья: интерес к задачам, стоящим перед исследователем литературы в новых социально-политических условиях; внимание к возрастающему значению личности самого критика; прогнозирование путей развития литературы. Вместе с тем авторов берлинских изданий волновали и менее общие вопросы. Анализ художественных текстов «старых» и «новых» прозаиков постоянно проводился на страницах периодических изданий. Особенное внимание вызвала поэзия как наиболее интенсивно развивающаяся часть современной литературы, в которой, как оказалось, очень много «средних» поэтов, над которыми возвышаются единицы.

ГЛАВА IV

Западноевропейская литература глазами берлинских критиков

В критике русского Берлина довольно значительное место занимает интерес к западноевропейской литературе прошлого и современности. Интерес этот отчасти имеет другой характер, чем постоянное и пристальное внимание к литературе русской, тем не менее он очевиден и обусловлен двойственным характером положения русского критика и читателя в зарубежье.

С одной стороны, критики развивают магистральную линию русского зарубежья, связанную с традицией русской культуры и литературы в особенности. И отсюда объяснимо стремление показать того или иного русского писателя на фоне западноевропейской литературы, с тем чтобы, например, подчеркнуть русскую национальную самобытность на фоне общеевропейских явлений¹. С другой стороны, существование зарубежного критика и особенно так необходимого ему читателя в условиях западноевропейской культуры стимулировало естественную потребность ознакомления и с западной литературой, включение своего существования в контекст страны пребывания.

Этот двойственный характер интереса к западноевропейской литературе отразился в первую очередь на форме представления литературно-критических материалов. Так как в основном публикации делались в периодических изданиях самого широкого профиля — литературно-художественный журнал или ежедневная газета, то самой распространенной формой стали аналитическая статья, где, как правило, западноевропейский писатель сравнивается с русским; обзоры новых публикаций в европейской периодике; рецензии на кни-

¹ Ярким примером такого внимания является творчество и личность Байрона, представляемые преимущественно в контексте личности и творчества Пушкина, особенно в связи с выходом в России в 1924 г. книги В. Жирмунского «Байрон и Пушкин».

ги и спектакли. Особенной популярностью пользовались репортажи с празднования юбилея (Бодлера, Ибсена, А. Франса, Г. Гауптмана, Дж. Байрона) и некрологи (Э. М. Рильке, Г. Брандеса, Дж. Конрада, Г. Сенкевича).

Нередки стали в периодике публикации переводных обзоров французских, итальянских, английских, но особенно немецких исследователей, что давало возможность читателю в эмиграции быть в курсе не только близких точек зрения, но и приобщаться к иным постановкам вопросов и непривычной аргументации. Акцент при анализе западной литературы делался на воссоздание картины жизни писателя, особенно если была возможность сопоставления с судьбой русского писателя, поэтому очевиден интерес к писателям-изгнанникам — Данте, Гейне, Байрону, Уайльду, Мицкевичу, Вольтеру.

Среди разножанрового потока публикаций о западноевропейской литературе материалы о классиках представлены скромнее, чем о современниках, что, конечно же, объясняется литературно-критической, а не литературоведческой направленностью изданий русского Берлина. Наибольшего внимания удостоивается французская литература. Критики отмечают юбилеи братьев Гонкуров, А. Дюма-сына и Ш. Бодлера, вспоминают В. Гюго, С. Малларме, О. Бальзака, А. Мюссе, Вольтера, Г. де Мопассана, Ж. Верна, П. Мериме. Откликаются на издания книг французской литературы не только в Европе, но и в России. Радостные эмоции вызвал у Ю. Айхенвальда выход в Гослите «Орлеанской девственницы» Вольтера, в которой он, понимая антирелигиозный интерес к этой поэме Советской власти, совершенно обходит это стороной, заостряя свое внимание больше на повествовательной манере французского просветителя: «Он владеет геометрией слов, он словами чертит линии, и в результате получают строгие фигуры и безукоризненные планы повествования»¹. Творчество Вольтера рассматривается в контексте европейской традиции. Автор «Литературных заметок» обращает внимание, с одной стороны, на близость манеры Вольтера стилистике Спинозы, ярко проявившейся в его «Этике», а с другой — улавливает противостояние его Шиллеру.

Характер интереса берлинской критики к творчеству П. Мериме обусловлен двумя причинами — местом, которое французский писатель занимает в межлитературных связях с Россией, и сложностью определения его места в истории не своей национальной литературы. В его творческой манере исследователи видят приметы романтизма, классицизма и натурализма: «Мериме был вне теорий, в известном

¹ Руть. 1925. 13 мая.

смысле — даже вне литературы, так что его мало беспокоило, к какой школе отнесут его критики. Он был писатель-дилетант, и хотелось ему, чтобы видели в нем не литератора, а светского человека»¹. Особенно близка критике связь французского писателя с русской литературой. Ю. Айхенвальд напоминает, что Мериме был одним из первых во Франции, кто оценил ее достоинства, знал русский язык, читал в подлиннике Пушкина и Гоголя, переводил их произведения на французский язык — «Мериме назвал Пушкина в присутствии Гюго величайшим поэтом эпохи, наравне с Байроном»². Но кроме этой литературной «внеаправленности» и уважения к русской словесности в Мериме критику привлекала «неумолимая сдержанность изложения», которая «оттеняет и сгущает всю трагичность содержания», чем и определяется его истинное место в европейском литературном процессе. «Без мягкости, без женственности, никогда не следуя по стопам своего соплеменника Руссо с его чувствительностью и непрошеной откровенностью, не исповедуясь ни перед человеком, ни перед человечеством; не выступая из стильной рамки своих рассказов, писатель ровного пёна и никогда не повышаемого голоса, корректный изобразитель авантюр и авантюристов, рационалист иррационального, несравненный мастер точного и элегантного слога, входит Мериме в портретную галерею европейской литературы»³.

Выходу сборника французской поэзии в России посвящена также статья А. Мерича «Славный путь»⁴. В ней говорится о естественных трудностях перевода, встающих при обращении к поэзии, но еще большие трудности испытывает поэт, желающий опубликовать стихи. Автор статьи рассказывает о судьбах разных поэтов — от В. Гюго до С. Малларме. В. Гюго представляется не просто как первый поэт Франции XIX в., критика потрясает его удачливость — вещь, почти несоместная с талантом. Иначе складывалась творческая судьба его младшего современника Ш. Бодлера, путь к славе которого более тернист, но, по мнению автора, ярче и долговечнее. Ведь В. Гюго как поэт уже архаичен, а Ш. Бодлер воспринимается современником. Прижизненная слава почти не касалась С. Малларме — «короля поэтов», но после смерти равных ему среди символистов нет.

Тема французской поэзии XIX в. — одна из самых популярных в периодике русского Берлина, а творчество символистов постоянно в цен-

¹ Айхенвальд Ю. Проспер Мериме // На чужой стороне. 1923. № 2. С. 152.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 160.

⁴ Дни. 1924. 3 февр.

тре внимания. А. Даманская обращает внимание на близость поэзии Н. Гумилева и Г. Аполлинера (Костовицкого), связанную с их общей любовью к дальним странам, а главное, с их славянскими корнями¹. Связям французской и русской поэзии уделяется место и в «Литературных заметках» Ю. Айхенвальда. В заметке по случаю 60-летия кончины Ш. Бодлера критик отмечает преемственность его традиции в творчестве Ф. Сологуба и даже еще раньше — у Ф. Тютчева. Однако у русских поэтов ни до, ни после Бодлера нет «такого богатства духовных ядов». По мнению автора, этот «ботаник зла, искусный цветовод богохульства, вежливый отравитель святынь»², оскорбив красоту и добро, провозгласив нигилизм, сам уже не мог оставаться в этой зияющей пустоте. Поэтому его богохульные стихотворения «часто кончаются аккордом веры, его литании дьяволу вдруг переходят в мотивы христианские». Такой поворот в художественных решениях критик связывает с манерой Шиллера: «Есть и у Бодлера такое же утвердительное и уважительное отношение к ценностям жизни, как и у немецкого прекрасногодушного певца. Недаром оба они создали один и тот же образ поэта, который не находит себе пристанища на земле, но зато пользуется гостеприимством неба». Интерес к французским символистам в эмиграции сосредотачивался главным образом вокруг темы изгнанничества, странничества, несвоевременности прихода в этот мир. Эта же тема звучит и в переведенном К. Бальмонтом «Интимном дневнике» Ш. Бодлера³.

Кроме символизма для критики русского Берлина интерес представляет проза того же времени — Мопассан и братья Гонкуры. При этом значение их для европейской литературы оценивается неоднозначно. В практике французского натурализма Мопассану отводится довольно скромное место. «Эстетическим поражением было, когда он склонился в сторону заметной идеализации, начал ставить точки над *i*, обнаружил морализаторскую тенденцию, полагает Ю. Айхенвальд⁴. Сравнивая его с Ибсеном, создавшим в своем творчестве «Великую Кривую», критик полагает, что некая роковая сила «провела по всему творчеству Мопассана свои искажающие линии». Мопассану противопоставляются Гонкуры, занимающие место между Бальзаком и Золя⁵. И хотя они не обладают способностью к широко захватывающему

¹ А. Д-ская. Гильом Аполлинер // Дни. 1923. 15 дек.

² Руть. 1927. 21 сент.

³ Дни. 1924. 25 мая.

⁴ Руть. 1925. 9 сент.

⁵ Чарский Евг. Братья Гонкуры (1822–1922) // Руть. 1922. 20 июня.

анализу психологии самых различных общественных эпох, Гонкуры, полагает Е. Чарский, «любят реальность скорее из-за ее индивидуальных аномалий, из-за ее преходящих капризов, они в значительно большей степени занимают общественную психопатологией, чем общественной психологией». Исходя из подобных пристрастий писателей, автор статьи определяет их художественный метод как импрессионизм, противопоставляя реализму Бальзака и натурализму Золя. «Братья не займут в истории литературы места крупнейших обобщателей, бытописателей целых эпох, они останутся в ней как изящные миниатюристи, исторические портретисты, аналиты беспримерности, тонкости и вибрации, виртуозные создатели новых форм в искусстве, отцы того течения, которое в поэзии, живописи и музыке под именем „импрессионизма“ завоевало Европу».

Внимание к немецкой классической литературе формируется в русском Берлине в основном вокруг имен Лессинга, Гете, Клейста и Гейне. Хотя есть редкие публикации и о других представителях немецкой культуры. В связи с 200-летием И. Канта газета «Руль» публикует обширный очерк его творчества, излагаются, правда в довольно популярной форме, его основные философские идеи, приводится библиография работ ученого и публикаций о нем¹. А памяти Ф. Ницше посвящена статья Ю. Айхенвальда, главное место в которой также уделяется биографии и популярному толкованию его философских идей², поклонником которых русский критик стал еще в молодости.

Известное в критике русского зарубежья тяготение к философскому осмыслению художественного творчества особенно выразительно раскрывается в трактовке немецкой литературы. Помимо интереса непосредственно к творчеству И. Канта и Ф. Ницше наблюдается устойчивая тенденция к выделению и в писательском труде философской линии. Этим обусловлен интерес к таким писателям-философам, как Лессинг и Гете. Формальными поводами для этого послужили 200-летие и 105 годовщина смерти Лессинга и 175-летие Гете.

В статье Ю. Офросимова³ Лессинг рассматривается не просто как немецкий эстетик и теоретик искусства, а обращается внимание на связь его с русской эстетикой и литературой. И хотя в печати промелькнуло мнение, что Лессинг — «удел специалистов»⁴, подход критиков русского Берлина к творческому наследию писателя и теоретика искусства впол-

¹ Руль. 1924. 24 апр.

² Руль. 1925. 2 сент.

³ Офросимов Ю. Лессинг // Руль. 1929. 23 янв.

⁴ *Idem*. Еще два юбилея // Руль. 1931. 18 февр.

не опровергает его. Центральное место в статье занимает характеристика реакции, вызванной в России публикацией перевода «Лаокоона» в 1859 г. Е. Н. Эдельсоном, членом кружка «молодой редакции» «Москвитянина», другом А. Н. Островского и Аполлона Григорьева. Первые отклики принадлежали Н. А. Добролюбову и Н. Г. Чернышевскому, которые главную заслугу Лессинга-эстетика видели в обосновании им неразрывного единства поэзии и действительности. По Чернышевскому, в Лессинге особенно привлекательна связь искусства и эстетики с вопросами жизни. Это, в свою очередь, сделало его, в отличие от Канта и Гегеля, одним из родоначальников философского материализма в Германии, а стремление связать понятие прекрасного с жизнью предвосхищает идею диссертации самого Чернышевского. Однако Ю. Офросимов делает акцент на ином понимании смысла деятельности Лессинга. Он рассматривает немецкого писателя прежде всего как борца против всяческой общественно-литературной схоластики и рутины — за национальную самобытность в литературе. Не обходится вниманием и масонство писателя, связываемое критиком с последовательным стремлением его к эстетическому совершенству.

Будучи специалистом в области драматургии, Ю. Офросимов больше внимания уделяет практическому воплощению эстетических идей Лессинга в театре, прослеживает истоки и дальнейшую судьбу его произведений. По мнению автора, Лессинг в своем практическом творчестве особенно склоняется к театру, потому что в нем можно объединить преимущества других искусств — непосредственную чувственную конкретность образов с динамикой и глубокой эмоциональностью, являющимися достоянием поэзии и музыки. Решая вопрос о национальном своеобразии художественных традиций немецкого театра, Лессинг отдает предпочтение наиболее родственной и близкой ему елизаветинской драме, чем французскому классицизму, в то время как на русской почве, отмечает критик, процесс формирования национальной драмы шел в русле традиций французского классицизма, почти без усвоения немецкого опыта, за исключением шиллеровского.

Фигура Гёте рассматривается в критике русского Берлина в контексте осмысления эмиграцией идеи соотношения добра и зла, дьявольского и божественного. Тон задает М. П. Арцыбашев в книге «Вечный мираж»¹. Будущий автор «Дьявола» (1925) — современного продолжения фаустовской традиции — не принимает гётевского апофеоза «Фауста»; его симпатии скорее на стороне слабых и страдающих, чем на стороне революционеров и разрушителей.

¹ Арцыбашев М. П. Вечный мираж. Берлин, 1922.

На этих же «предельных» темах жизни, волнующих умы и сердца человечества, сосредотачивается Ю. Айхенвальд в статье «К 175-летию Гёте»¹ и называет немецкого писателя «самосознанием человечества». «Сам Личность и певец личности во многом сверхсоциальный, Гёте, однако, и мир представляет себе могучей индивидуальностью, каким-то титаническим, и поэтому, в конечном счете, личность у него не отрешена и не замкнута в самом себе, а выходит на соединение с миром, становится органом большего, чем она сама, организма». Чествование Гёте русскими читателями рассматривается критиком как «естественное продолжение их собственной литературной традиции». Привлекательным для критики в эмиграции было гётевское понимание всемирной литературы как «великого единства, слияния голосов всех народов в одном аккорде». Он воспринимался как представитель чисто человеческого, стоящего по ту сторону всяких условий времени и пространства. «И если бы другие народы все больше признавали в нем и в своих великих поэтах и мыслителях провозвестников этой высокой человечности, тогда из науки о духе и его героях расцветет истинный героический и гуманный дух»². Не остались без внимания и интимные уголки гётевского существования. Р. Заблудовская в связи с выходом воспоминаний Ульрики фон Левенцов, «озарившей Гёте сияние последней страсти», делится с читателями «Дней» своими впечатлениями о личной встрече с этой загадочной женщиной в ее собственном замке Триблиц в Богемии³.

Гётевскому художественному универсализму, позволяющему «множественность преобразовать в единство» противопоставляется творчество другого немецкого драматурга и писателя, создавшего неповторимый мир своих героев, но не передавшего эту традицию будущим поколениям. Так воспринимается в критике русского Берлина Генрих фон Клейст — действительно одинокая фигура немецкого романтизма, вобравшая и лессинговскую («Эмилия Галотти»), и гётевскую («Фауст») традиции воссоздания страстных натур, но не оказавшая значительного влияния на театр. Ю. Офросимов характеризует Клейста как душу пылкую, увлекающуюся, неуравновешенную: «Клейст не мог быть, подобно космополиту Гёте, гордым и спокойным созерцателем эпохи; он был весь плоть от плоти ее, живой участник. И вот — порывы сменялись горькими разочарованиями, восторги — болезненными

¹ Руль. 1924. 27 авг.

² *Витковский Г.* Гете и наука о Гете в современной Германии // Беседа. 1924. № 5. С. 285.

³ *Заблудовская Р.* Новости немецкой литературы // Дни. 1923. 2 сент.

припадками тяжелой меланхолии. Наряду с сжатостью слога, смелостью языка, яркостью поэтических образов и величием идеи, такая „неумеренность“ является основным недостатком творчества»¹.

Вместе с тем критик обращает внимание на соединение в творчестве Клейста различных литературных приемов, до него мало применявшихся в литературе: «Так, в „Пентесилее“ (он) заставляет неудовлетворенную в любви героиню, затравив Ахилла собаками, отведать его крови; так и в „Кетхен из Гейльсбронна“ — в полнейшем воплощении женского влюбленного безволия — Клейст безжалостно вредит впечатлению резкими натуралистическими подробностями». Эта особенность творческой манеры Клейста в меньшей степени проявляется в прозе, что дает основание критику поставить его на то место в немецкой литературе, которое занимает П. Мериме во французской.

Пытаясь определить творческий метод Клейста, Ю. Офросимов испытывает явные затруднения, характеризуя его от противного: «Клейст — не романтик и не „классик“, но взявший многое и от тех и от других, во всех своих произведениях изображает стороны немецкого характера, до него не вскрытые литературой».

Критик приводит яркий пример того, как в 1914 г., в самом начале мировой войны, не нашлось среди современников — реалистов, импрессионистов и неоромантиков — ни одного, кто бы мог явиться мощным выразителем господствующего настроения; и тогда воскресли произведения поэта, и прежде всего его драма «Битва в Тевтобургском лесу», обошедшая все сцены Германии, объявленная «величайшим произведением немецкой литературы», — а после написания ее в 1808 г. Клейст не смог ее даже опубликовать! «Образ идеального героя древних германцев, мечтающего об освобождении родины, нашел свое признание через столетие».

К столетию со дня смерти Э. Т. А. Гофмана в «Литературном приложении» к «Накануне» появилась единственная в русском Берлине публикация о его творчестве². З. Венгерова выделяет главную черту всего творчества уникального писателя — связь с личной жизнью. По ее мнению, все художественные образы, созданные Гофманом, являются полным отражением его собственных переживаний. Более того — всякие документы, рисующие его личность, становятся наилучшими комментариями к его же творчеству. Этот вывод автору позволила сделать посвященная памятной дате выставка в Государственной

¹ Рувль. 1927. 30 окт.

² Венгерова З. Э. Т. А. Гофман (К столетию со дня его смерти) // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 10. С. 11–12.

библиотеке в Берлине. Гофман так любил искусство, что «всю драму своей сложной судьбы переживал как им же сотворенный миф о художнике страстотерпце. Он сделался сам объектом своего творчества и слился с образами своей фантазии. Создавая Крейсlera и весь фантастический мир своих произведений из глубины собственного существа, он стоял на вершине объективнейшего творчества и был создателем сложнейшей художественной техники».

Одним из редчайших приемов этой художественной техники автор считает установление тайных родственных связей, соединяющих героев многих гофмановских произведений, чем создается «захватывающая таинственность». Связи эти настолько искусно запутаны, отмечает З. Венгерова, что в немецкой исследовательской литературе о Гофмане появляются старательно и с немалым трудом составленные генеалогические таблицы героев романов Гофмана. А все это происходит потому, что на место истины им возводится «правда воображения». Исторические события рисуются ему в совершенно видоизмененном виде, но по-своему целостными — «он передает их правдиво, воображая себя очевидцем».

Мастерство формы у Гофмана, по мнению автора, и в особенности стущенная сила его стиля, «прыжки от экстатической восторженности к шутовству и гримасам иронии, к бичующим сарказмам слиты со стихийностью и глубиной внутреннего содержания его произведений сквозь видения внешнего мира — ибо реальная действительность претворяется для него в видения». Он даже представляется критику связанным с духовной сущностью всей космической жизни: «он видит всюду, во всем и во всех свое „я“ — отсюда все двойники и все преобразования каждого лица во множество других, и дух его еще более таинственно связан с первозданными силами природы». Далее в статье показывается, как судьба архивариуса Линдхорста из «Золотого горшка» представляется в сказочном мире саламандр. В заключение делается вывод о том, что «весь пафос Гофмана, вся его экстатическая лирика обращена к миру духа, миру творческой фантазии — к искусству, центру подлинной жизни духа».

Выход нового русского перевода «Дон Жуан» Э. Т. А. Гофмана, сделанного В. Ракинтон, послужил поводом для рецензии на него. Критик отмечает, что в России его влияние очевидно в творчестве «Серапионовых братьев», у которых кроме Гофмана еще «десятки предшественников». Но новая «гофмановская линия», по мнению рецензента, идет в России не от Достоевского, а от Лескова: «талантливый „Назар Синебрюхов“ Зоценко представляет собой своеобразное сочетание

Лескова с Гофманом, который соблазнился не севильской легендой, а скорее ее отражением в душе Моцарта»¹.

Тема патриотизма, регулярно возникающая в работах эмиграции, получила своеобразное развитие в связи с личностью поэта-романтика Г. Гейне. Трагический образ поэта-изгнанника дополняется в публикациях Ю. Айхенвальда темой еврейского самосознания. Для критика эта тема довольно близка: он не раз обращался к ней в связи с творчеством Якова Вассермана² и Г. Гейне³ в публичных лекциях в Доме искусств в Берлине на собраниях Союза русских евреев. Об этом он пишет и на страницах «Руля».

Специфику таланта Г. Гейне критик видит в «расщепленности» его натуры и объясняет это его двойным, и даже тройным патриотизмом. В его самосознании равно представлено еврейское происхождение как природное начало, германская почва — как социальное и эллинский дух — как художественное. Он, по мнению Ю. Айхенвальда, делил людей на эллинов и евреев. «Для эллинов — истина в искусстве; для еврея искусство — кощунство. Афины и Иерусалим воплощают собой начало красоты и начало истины»⁴. В его личности, «изборожденной противоречиями», эллин и еврей между собой боролись. «Он романтизировал еврейство как то, в известном смысле, создание еврейства, каким является христианство (евреев и христиан Гейне объединял в назаряев). Если в юные годы к возвышенным идеалам христианской бесплотности относился он кощунственно или саркастически, то впоследствии он признавал христианство благородной „студенческой мечтой“ человечества; и мы не искадим его слов, если скажем, что Христос предстал перед Гейне как Бог-Демократ, как Бог-Студент».

Удивительная судьба у одного из крупнейших немецких писателей XIX в. Ф. Хеббеля. Современники его в России переводили довольно часто. Плещеев перевел его драму «Марию Магдалену», а В. Гофман — «Юдифь». Однако русскому читателю он совершенно неизвестен, а вместе с тем, по мнению Ю. Айхенвальда, проблематика его произведений должна быть близка нам, так как во многих из них изображаются сильные, непреклонные личности, вступающие в моральные поединки. Правда, в русской литературе сила всегда оказывается на стороне героинь, герои, как правило, слабее, если не безвольней, а у Хеббеля изображаются поединки равных. «Используя библейские

¹ Л. Э. Т. А. Гофман. «Дон Жуан» // Дни. 1923. 22 июля.

² Руль. 1923. 13 дек.

³ Руль. 1925. 4 нояб.

⁴ Айхенвальд Ю. Памяти Гейне // Руль. 1926. 24 февр.

сюжеты, драматург приводит в столкновение сильного с сильной, Олоферна с Юдифью, и утверждает право каждой женщины требовать от каждого мужчины, чтобы он был героем. Женщина — мера мужчины»¹.

Тайны английской литературы волновали критику русского Берлина не столько меньше, сколько глубже, чем литературы немецкой и французской. Обращает на себя внимание узость диапазона и в то же время серьезность оценок. Всего три имени можно встретить на страницах газет и журналов — Шекспира, Байрона и Уальда, но насколько очевиден полемический огонь и страстное увлечение предметом!

Фигура великого английского драматурга В. Шекспира привлекала критику русского Берлина в значительной степени в связи с постановками его пьес, особенно «Гамлета», в образе главного героя которой угадывались черты, близкие каждому изгнаннику, лишенному дома.

Постановка Б. Джаксоном пьесы в Лондоне вызвала у критика К. Д. Набокова² желание сравнить английского режиссера со Станиславским. Особенно потрясло его новое решение проблемы времени, получившего универсальный характер: персонажи — «подлинное торжество в современных костюмах». Другая постановка «Гамлета» уже на берлинской сцене знаменитым Ессенером дала повод Ю. Офросимову в статье «Гамлет по-новому»³ заметить, что «эволюция происходила и в постановке, отказывающейся от историчности в пользу скучных условных намеков, ищущей таким путем общий язык между героями трагедии и зрителями, а сам образ Гамлета менялся в зависимости от эпохи, при этом «каждый актер трактовал Гамлета в зависимости от эпохи своего времени, гораздо менее сообразуясь с историчностью, чем с желанием тронуть сердце современников». Поэтому для Ю. Офросимова новейшая постановка «прошла мимо главного — мимо трагедии и, в частности, мимо самого Гамлета».

Такая реакция на новое прочтение пьесы Шекспира не могла не вызвать молниеносную реакцию Ю. Айхенвальда, менее чем через неделю после публикации Ю. Офросимова разразившегося полемической статьей «Гамлет по-старому»⁴. Для него «Гамлет» — «ум человеческой поэзии, Логос мирового искусства. Принц Датский — патрон всякой мысли, науки, мировоззрения, и все, что среди косного и стихийного загорается светом сознания, — все, что ведет свое высокое происхо-

¹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1928. 29 февр.

² Набоков К. Д. Новая трактовка Гамлета // Руль. 1925. 15 сент.

³ Офросимов Ю. Гамлет по-новому // Руль. 1927. 8 янв.

⁴ Руль. 1927. 12 янв.

ждение от него». Для Ю. Айхенвальда Гамлет одинокий, гениальный и сумасшедший, он называет его «принцем бесприютным, Иоанном Безземельным в маске помешательства». Он потерял все мерил естественности, он способен на многозначные рассуждения, но «не способен на однозначное дело, он прислушивается к своему разуму и к своей совести, но не успевает жить — воплощенное предварение и предчувствие, какое в XVI в. имел Шекспир о гамлетизме веков грядущих».

В постоянном интересе русской эмиграции к личности и творчеству Байрона можно выделить два четко выраженных подъема. Первый, и самый бурный, связан с празднованием 100-летней годовщины со дня смерти поэта в 1924 г., второй — с празднованием 150-летия со дня его рождения в 1938 г., что стало как бы логическим продолжением празднования пушкинского юбилея в 1937 г. Однако эти события не привели к созданию монографических работ о творчестве Байрона, так же как и к публикациям литературоведческих исследований в солидных литературно-художественных журналах эмиграции и изданию собраний сочинений поэта.

Тем не менее устойчивый интерес к личности и творчеству великого англичанина, наблюдаемый во многих периодических изданиях эмиграции, прежде всего в ежедневных газетах, проявлялся сразу в нескольких направлениях: переводы стихов, рецензии на книги о нем, материалы о личной жизни поэта, собственно литературно-критические статьи и репортажи о праздновании юбилеев Байрона.

Значение байроновской темы для русских эмигрантов как «обязательной» определил Л. Львов в своем выступлении на Байроновском вечере, посвященном 100-летию со дня смерти поэта и прошедшем в берлинском Литературном клубе. «Это тема о нескольких самых ярких и главных страницах истории нашей родной поэзии. Столетняя годовщина смерти Байрона есть в то же время юбилейная дата и наша русская, ибо тот след, который оставил Байрон в русской поэзии, многозначителен и многообъемлющ. Ибо русский Байрон — это целая плеяда наших самых вдохновенных поэтов во главе с великим Пушкиным, и поэты пушкинской поры и вместе с ними Лермонтов — увядаемые цветы русского творчества в области художественного слова»¹.

Две другие рецензируемые З. Журавской книги о Байроне посвящены исключительно его личной жизни, причем одна из них, «Леди Байрон» Е. К. Майн, касается только драматической истории его взаимоотношений с женой. Другая, «Жизнь Байрона» А. Моруа, рассматривает, по мне-

¹ Рувль. 1924. 20 апр.

нию рецензента, прежде всего жизнь поэта как «детерминированную тяжелой наследственностью и на редкость трудным и безрадостным детством»¹.

Прокатившееся по странам Западной Европы, прежде всего по Франции, празднование столетия романтизма, официальная дата которого приурочена ко времени появления предисловия В. Гюго к «Кромвелю» в 1827 г., и связанная с этим кампания по «воскрешению» романтических образов XIX в., были подхвачены и русской эмиграцией, посвятившей ряд работ этой теме.

А. Мерич публикует статью «Леди Лэм»², в которой обращает внимание на роковую привязанность молодой женщины, представительницы знатных английских родов, к Байрону. По мнению автора статьи, история этих отношений, получившая большую огласку и даже запечатленная в написанном леди Лэм романе, обнажает самые темные стороны души поэта. Публикация А. Д. «Преступная любовь Байрона»³ добавляет мрачных красок в уже сложившийся образ поэта. Опираясь на появившиеся в прессе материалы из частного архива семьи Байрона, автор повествует о драматической судьбе дочери Байрона Медоры Ли, отвергнутой матерью и вынужденной вести жалкое существование из-за тайны своего рождения.

Интерес к личной жизни поэта в периодике русского Берлина не уступает и западноевропейскому, и все же не этим интересом отмечен вклад русского зарубежья в изучение наследия поэта. Празднование 100-летней годовщины со дня смерти поэта вызвало в эмиграции и другие отклики. В статье Ю. Айхенвальда «Праздник Байрона»⁴ отмечается, что «в новое время никто, кажется, из писателей не производил столь сильного впечатления на поэтов и непоэтов, как именно он, лорд не только титулом, но и в искусстве, принц прекрасный, молодой красавец, чья хромота, как хромота библейского Иакова, не была смешна — уже потому, что все смешное он сам отражал от себя рапирой собственной насмешливости и горячим градом своих язвительных эпиграмм». Далее, объясняя исключительную роль Байрона для европейской культуры начала XIX в., критик обращает внимание на то, что «Байрон — это буря европейской литературы, буря вообще, принявшая человеческий облик, нашедшая себе человеческое воплощение; это — сплошная динамика, *regretium mobile*, неутоми-

¹ Рувль. 1929. 13 апр.

² Рувль. 1928. 9 февр.

³ Рувль. 1926. 12 дек.

⁴ Рувль. 1924. 20 апр.

мый порыв... Автор без авторитетов, самый дерзкий и прихотливый из мировых властителей слова, он ничем не стеснял течения своего безудержного я». Вслед за пушкинским преклонением перед Байроном Ю. Айхенвальд в свойственной ему импрессионистической манере так характеризует поэтическое мастерство «певца моря»: «Буйным каскадом, в потоке одной вдохновенной импровизации, струятся у него слова мистические и эротические, серьезные и шуточные, полные любви и полные ненависти, злобно саркастические и лирически певучие, напоенные состраданием и напоенные презрением, мятежные и нежные, горькие, как полынь, и сладкие, как сахарный тростник. У него — злорадствующее оскорбление святынь, вызовы небесам, неслыханное и непримиримое бунтарство, но у него же — такая чарующая задушевность в этих трогательных обращениях к жене, и к сестре, и к ребенку, в этих еврейских мелодиях, где приобщается он к тысячелетнему трауру седого народа». Ю. Айхенвальд указывает также на историчность мировосприятия Байрона, которая проявляется в его политической деятельности, когда он полемизирует с властью, а порой и осмеивает ее. Историчность, по мнению критика, проявляется также и в его философских взглядах на конечные тайны бытия и вечные мистерии мира. Рассматривая важный для понимания творчества Байрона «элемент Эллады», Ю. Айхенвальд приходит к выводу, что «нет большего классика, чем этот романтик».

К подобному выводу приходит и Ш. Сураварди в статье «Лорд Байрон»¹. Он ставит под сомнение факт, ставший общим местом многих пособий по истории европейской литературы, что Байрон есть один из величайших пророков романтического движения в Европе. Однако для всякого, полагает исследователь, кто воспитан в английской традиции, утверждение это сомнительно и спорно. Как известно, в английской литературе, за немногими исключениями, преимущественно имевшими место в XVIII в., в отличие от континентальной литературы не было двух противоположных и борющихся между собой лагерей — классицизма и романтизма. Общей ее характерной чертой, считает Сураварди, является «именно то, что мы привыкли непосредственно связывать с термином „романтический“. Свобода формы, теплота и движение чувства, лиризм интенсивного личного опыта и какая-то туманная любовь ко всему незримому и вновь прорывающимся сквозь выведенные из Италии традиции и сквозь внешнюю спокойную гладь заимствованных классических форм». Исследователь далее приходит к выводу, что в случае с Англией определение то-

¹ Руть. 1924. 20 апр.

го направления в литературе, которое связано с именами Кольриджа, Вордсворта, Шелли и Байрона, как романтического означает лишь различие в степени, а не в роде поэтического творчества.

Бесприютным, признанным только очень избранным кругом представляется О. Уайльд в традиции русской критики начала XX в., а «уайльдизм» как стиль литературного поведения и изгнанничества набирает силу и в 20-е гг. в Берлине, где обращение к духу писателя становится популярным, особенно после информации о появлении в Лондоне медиума, промышлявшего этим занятием¹. Подогревался интерес к О. Уайльду и публикацией при жизни не издававшейся книги «Из любви к королю», которую писатель назвал феерией, а издатель дал подзаголовок «Бирманская маска». Автор этого материала, опубликованного в газете «Дни»², привлекает внимание к книге тем, что она была написана не для печати, а для мистера Чан-Туна, который воспитывался в детстве с братом О. Уайльда. Он отдает себе при этом отчет в том, что «в эпоху „сумерек культуры“, в которой мы живем сейчас, требовательный читатель вытеснен огромной полуобразованной массой, находящей удовлетворение в романах Берроуса (автора книг о Тарзане)».

Философия «уайльдизма», по мнению Н. Блока, находит свое совершенное выражение в «Саломее»: «Две тайны, два известных начала, два великих таинства — откровение плоти и отречения страсти и фанатизма покаяния, любви и смерти», — из которых побеждает первая, потому что «тайна любви глубже тайны смерти». В этом проявляется его способность «художника-философа» и «гениального интуиста».

Скромнее звучат оценки личности и творчества О. Уайльда у Ю. Айхенвальда, по-своему отметившего 25-летие кончины писателя. В его «Литературных заметках»³, посвященных публикации ранней драмы «Вера, или Нигилисты», отмечается, что пьеса «ходульна, романтична в дурном смысле слова, полна смешных несообразностей исторического и фактического порядка и обнаруживает в английском драматурге глубокое незнание русской жизни». По мнению критика, пьеса любопытна лишь «своими предвареньями его будущих драматических удач», а также в своем общественном значении «оказывается ранней ступенью к тому восхвалению социализма, которым так поразил своих читателей индивидуалист Уайльд».

¹ *Ликиардопуло М.* Тень Уайльда // Руль. 1923. 23 авг.

² *Р.З.* Новости английской и американской литературы (Неопубликованные произведения О. Уайльда) // Дни. 1923. 22 июля.

³ Руль. 1925. 7 янв.

Позиция Ю. Айхенвальда развивается в обстоятельной статье «Об Оскаре Уайльде»¹, где писатель уже связывается с традицией сатирика Петрония, который также умел создавать из будней феерию: «принципиально и практически стоя на противоположном полюсе от того, что Гёте называл *des Lebens erstes Fahren* (жизни честный ход), он шутя опрокидывал истину и почтительно кланялся предрассудку». Критик отказывал О. Уайльду в способности к подлинному вдохновенному искусству, так как «его драмы, его рассказы и стихи слишком пронизаны блестящей сталью интеллектуальности».

Освещение современного литературного процесса в критике всегда и везде имеет ряд отличительных свойств, как формального, так и содержательного плана. На уровне содержательном очевидна большая публицистичность, злободневность. Реакция на новые публикации привлекает своей непосредственностью, сиюминутностью и несвойственной серьезным литературоведческим исследованиям эмоциональностью. На формальном уровне это больше связано с жанровыми особенностями. Статья, очерк творчества, больше присущие историко-литературным публикациям, вытесняются репортажами с юбилеев, аналитическими обзорами явлений текущей литературы, рецензиями на новые публикации и, к сожалению, некрологами.

Все эти особенности литературной критики нашли свое отражение и в практике русского Берлина. Современный литературный процесс в Западной Европе воспринимается критиками как продолжение разговора о традиции, поэтому в публикациях о современных писателях поднимаются вопросы их связи с русской и европейской классической литературой. Например, в статье о стиле П. Морана К. Бальмонт поместил такую характерную для русской зарубежной критики фразу: «И будучи русским, нельзя не вздрогнуть с восторгом, когда читаешь такие проникновенные, написанные манерой, близкой Мопассану, слова, вложенные Мораном в уста немца, ставшего после разгрома Германии зловещим гротеском, не менее жутким, чем какой-нибудь герой Достоевского, который мистически прошел бы через претворяющий плавильник железной грезы Гофмана»².

Современный литературный процесс, созвучный явлениям, происходящим в России и эмиграции, стал предметом специально публикуемых обзоров французской, итальянской, немецкой и английской литератур. Нередко авторами этих публикаций становились извест-

¹ Рувль. 1925. 16 дек.

² Бальмонт К. Поль Моран // Дни. 1923. 19 авг.

ные специалисты в области своих национальных литератур или знаменитые писатели, любезно приглашаемые в берлинские издания для предоставления читателям другого взгляда на явления литературы. Из названий этих обзоров — «Новости французской литературы», «О современной английской литературе», «Немецкая литература последних лет» — становится понятно, что в 20-е г. считалось современностью, а что историей. В круг интересов авторов этих обзоров входит как литература рубежа веков, так и совсем поздние публикации начала 20-х гг.

Для Л. Чацкого, автора обзора «О современной английской литературе»¹, современниками являются не только Дж. Конрад и А. Беннет, но и О. Уайльд и Э. Доусон, что говорит о довольно широком понимании им темы. Творчество Дж. Конрада представляется критику как «удлиняющее в сторону моря» орбиту английских писателей и развивающее традиции Шелли и Байрона, в поэзии которых лирика и эпос были неделимы, и именно в произведениях Дж. Конрада «английская поэзия встала на дорогу программную, строго отделяя лирику от эпоса». Эта точка зрения развивается А. Левинсоном в обзоре «Об искусстве наших дней»: «Продолжатель Дефо, Купера, Стивенсона, соревнователь Дж. Лондона, он (Конрад) окружил традиционные у народов-мореплавателей сюжеты лирическим веянием, умиленной меланхолией восточного фатализма»².

У другого английского поэта, Э. Доусона, Л. Чацкий видит развитие традиции Бодлера и Верлена, что помогло Доусону проявить «большое разнообразие строфики и просодий», в равной мере органичное и в любовной лирике, и в религиозных стихах, и даже в перелках и переводах Верлена. Обратившись к творчеству г. Девис, автор обзора переживает разочарование, так как не находит в ее неофутуристической поэзии связей с традицией.

Вывод Л. Чацкого неутешителен — литература находится в упадке: «авторы стали писать для публики и этим похоронили себя еще при жизни». Образ А. Беннета, составившего себе состояние на ниве литературной деятельности, вызывает сожаление, потому что в английском современном романе уже нет «интересной завязки, сильной любовной интриги с долей авантюры, и благополучного конца». Причину такого печального состояния английской литературы критик, нарочито не замечая романов Дж. Голсуорси, С. Моэма, стихов

¹ Сполохи. 1922. № 2. С. 35–37.

² Левинсон А. Об искусстве этих дней. IV. Жозеф Конрад — романтика дали // Рувль. 1921. 28 июня.

У. Б. Йейтса, пьес Б. Шоу, видит в том, что «их (англичан) собственная пища — среда родной Англии — уже пережевана. Те в Англии, кто это понял, ждут от нас, с Востока, новой животворящей струи, перечитывают Чехова и Горького».

С таким мнением готов поспорить Дж. Голсуорси, предложивший свой очерк современной литературы журналу «Беседа». Английский писатель не отрицает значительного влияния русской литературы на английскую, он даже признает, что это влияние сильнее, чем влияние мировой войны, но, по его мнению, именно это влияние помогло К. Мэнсфилд превзойти Чехова «в умении передавать трепет повседневной жизни и проникать в тайники той драмы, которой связаны события»¹. Писатель отмечает, что «в настоящее время английская литература переживает период попыток и намерений, и в ней отсутствует какое-либо доминирующее направление. Мы видим в ней довольно много дешевого цинизма и юного самодовольства, поползновение отойти от жизни и ткать узоры в воздухе; есть в ней и несколько преувеличенное увлечение сенсационным романом и приключениями»².

Появившаяся на рубеже веков буквально на глазах у современников бельгийская французская литература, благодаря именам Верхарна, Метерлинка, Экхуда, Лерберга, Демольера, также заслужила внимание критики. В обзорной статье отмечается, что после мировой войны внутри литературной жизни Бельгии наметились два течения: одно стремится отмежеваться от старых мастеров, а другое — желает выйти из рамок узкого национализма. И те, и другие, полагает автор обзора Ф. Элленс, очень ограничены в своих устремлениях, и поэтому в современной литературе творится хаос: «Бельгийские писатели не поняли, что они сами должны были найти ориентацию, независимо от своих границ, и пуститься в открытое море, сближаясь с писателями Франции и Европы, смешиваться с ними, считать себя естественными членами европейской семьи»³.

Анонимный обозреватель «Новостей французской литературы», регулярно выходивших на страницах газеты «Дни», возмущен Французской Академией, присудившей свою премию Альфонсу де Шатобриану за роман «Ла Бриер», написанный «на малоблагодарную тему», под которой подразумевается «региональный роман», рисующий

¹ Голсуорси Дж. Очерк современной литературы в Англии // Беседа. 1923. № 1. С. 390.

² Там же. С. 393.

³ Элленс Ф. Современное положение французской литературы в Бельгии // Беседа. 1923. № 1. С. 372.

нравы старого края между Нантом и Сен-Назаром, населенного примитивными людьми со стихийными и мало утонченными страстями. По мнению критика, «такие романы флоберовского типа с тщательной обработкой мельчайших деталей, с фразами, из которых каждая имеет самодовлеющее значение, теперь не в моде...»¹.

Упреки в упадническом мелкотемье распространяет критика русского Берлина и на итальянскую литературу, видя в ней те же проблемы, что и во французской. «Эпохой пепла» назвал Е. Ч-ский состояние итальянской литературы после Первой мировой войны². Он выделяет в литературной жизни Италии что-то вроде двух течений, одно из которых «с меньшей глубиной, но зато с большей скабрзностью и с вящим приспособлением к путешествующему в спальном купе читателю» предается вечному анализу «нежной страсти». К ним он причисляет всяких «виртуозов флирта» вроде Гвидо да Верона (любимца железнодорожных киосков и героя купальных салонов), разрисовывающего все те же узоры «вечно женственного», варьируя без конца давно приевшиеся темы французского литературного эротизма от А. де Мюссе до М. Прево. Другое течение — от Ойетти до Панини — бросилось на «соблазнительные» сюжеты послевоенной эпохи — «проза пронесшейся по Италии эпидемии ленинизма, захвата фабрик». Е. Ч-ский иронично упрекает У. Ойетти, автора романа «Мой сын — железнодорожник» 1922 г., в том, что он «смакует в изящном легком стиле, с блёстками присущего ему добродушному юмору, историю одного социалистического карьериста и попутно очерчивает рядом беглых штрихов настроения новой эпохи в провинциальной среде».

В романе «Остров» В. Брокки создал хронику итальянского «города Окурова», нарисовав столкновение в провинциальном масштабе партийных течений и интересов, «свалку честолюбий и appetитов, интриги и приключения». Исключение из жалкой картины разрухи Е. Ч-ский делает только для д'Аннунцио, «стоящего на высоком пьедестале», да для Панини, автора «Повседневных вопросов».

Г. д'Аннунцио притягивает внимание русской критики прежде всего необыкновенностью стиля, умением создать изысканную образность. В рецензии на незаконченный роман «Ночное» Г. Лозинский отмечает: «Мелодия его речи, ритм его фразы несказанно чарует, особенно когда, забывая о прямой цели своей книги, поэт уносится в воспоминания о прошедшем или открывает нам процесс своего творчества»³.

¹ Дни. 1923. 26 авг.

² Ч-ский Е. Эпоха пепла // Дни. 1924. 2 марта.

³ Лозинский Г. Габриеле д'Аннунцио // Голос России. 1922. 14 июня.

Общий приговор итальянской литературе в ее современном состоянии также довольно суров — «на разных социальных полюсах наблюдается культурный рецидив каменного века и пещерных людей», — но не безнадежен: «наряду с этим жестокость социальной свалки, господствующий культурный маразм, сознание чего-то дорогого, утраченного навсегда на полях битвы и в тисках социальных сдвигов, порождает ту религиозно-мистическую отрешенность, тот глубокий пессимизм духа, который чутко отметил в своих романах Боргезе».

Отрешенность от современной действительности и поклонение прекрасному — вот путь, предлагаемый итальянской литературе Е. Ч-ским. В творчестве М. Сапонаро он приветствует созданный писателем «опаловый мирок своей отъединенной фантазии», но сожалеет, что «несомненной лирической одаренности автора хватает на одну небольшую картинку»¹.

Общая тенденция критического отношения к современному литературному процессу Европы распространилась также и на отношение к литературе Германии. Упадок талантов по большей мере объясняется отказом от классической традиции в угоду современным веяниям. «В Германии нити, связывающие настоящее с прошедшим, оборвались особенно резко, кричащими и болезненными диссонансами»², — сокрушается Н. Штрассер. «Хаос в литературе, груды экспериментирующих художников, даже при наличии крупного таланта не поднимаются до творчества, имеющего европейское значение, соответствует неясному и запутанному мышлению всей страны, — отмечает также и Ф. Штессингер в статье «Дух новейшей немецкой литературы»³. Перечисляя немногих достойных внимания русского читателя авторов — поэта Верфеля, сатириков К. Штернхейма и Г. Манна, драматурга Ф. фон Унру, — критик делает неутешительный вывод: «Из немецкого романа не стоит называть ни одного произведения. Роман издавна был самой слабой стороной в поэтическом творчестве немцев... Положению немецкого духа между востоком и западом соответствует и новое религиозное впечатление, вызывающее столь значительные произведения. Реакционеры, подобные сильно переоцененному Т. Манну, пытаются увлечь часть немецкой интеллигенции с запада на восток». Такая крайняя точка зрения не разделяется А. Филиппо-

¹ Ч-ский Е. Среди итальянских книг (Романы Микеле Сапонаро) // Дни. 1924. 21 сент.

² Штрассер Н. О немецкой литературе // Жизнь. 1920. № 4. С. 10.

³ Штессингер Ф. Дух новейшей немецкой литературы // Голос России. 1922. 18 июня.

вым, полагающим, что «духовное прошлое Германии слишком огромно, культурные традиции слишком значительны, чтобы гнет уныния и бездействия мог долго над нею тяготеть»¹.

Однако оба критика, очевидно, едины в том, что отход от крайностей в экспериментах с формой и от насущных проблем действительности может привести к удачным литературным находкам. А. Филиппов обращает внимание на то, что уйти «далеко от современной бурлящей действительности» все-таки удалось некоторым немецким писателям. Г. Гессе окупился «в индийскую философию и мистику», Я. Вассерман и В. Бонгелз посвятили себя «ультраэстетическому индивидуализму».

Н. Штрассер полагает, что из многочисленных современных немецких писателей заслуживает внимания публики только Л. Франк, так как показал себя «носителем действительно нового духа, нового мироощущения». В его новой книге рассказов «Человек добр» критик почувствовал, «как бьется в авторе богатство ощущений о стенки — не в достаточной мере широкие — художественного умения. В нем есть правда жизни, скорбь о человеке и жгучее желание разогнать затемнение души»². Для критика выход из сложившегося в литературе положения в поиске новых форм и их синтезе со старыми: «Где та форма, в которой новая изменившаяся действительность найдет в искусстве вообще и в литературе в частности свое настоящее выражение? и не найдет ли она его скорее всего в синтезе давно забытого старого и еще неизвестного будущего?»³

В аналитическом обзоре А. Лютера «Немецкая литература последних лет» беспощадной критике подвергаются многие немецкие драматурги, почти все поэты и некоторые прозаики. Однако вопреки Ф. Штессингеру он именно в эпических формах видит будущее немецкой литературы, особенно если писатели «обернутся на восток». Автор продолжает полемику, разгоревшуюся в немецкой критике начала 20-х гг. и сказавшуюся на взглядах русской зарубежной критики, о пути развития литературы — восточном или западном. По мнению А. Лютера, будущее за «эпиками-реалистами, спокойно, ясно, мирно повествующими о людях и их делах, но знающих все глубины и бездны человеческой души»⁴. Таким «новым крупным» писателем он называет

¹ Филиппов А. Новое и новые в немецкой литературе // Грани. 1922. Кн. 1. С. 199–210.

² Штрассер Н. О немецкой литературе // Жизнь. 1920. № 4. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Лютер А. Немецкая литература последних лет // Беседа. 1923. № 2. С. 236.

А. Шеффера, автора «романа-хроники „Helianth“ (1921), в котором, как у Толстого и Достоевского, в беседах героев обсуждаются чуть ли не все вопросы, волнующие наши умы». Русская тема продолжает волновать немецкую критику в 20-е гг. Больше других привлекает внимание Достоевский, изучая творчество которого немецкие исследователи пытаются понять психологию большевизма, а русскую душу — читая произведения В. Гаршина.

Среди тенденций, вызывающих оптимизм автора обзора, отмечается пробудившийся интерес к историческому роману. Отмечается успех романов Г.-Э. Кольбенгейера «Детство Парацельса», «Звезда Парацельса», где показана Германия XVI в. «с религиозными исканиями и социальными неурядицами», а также книг о Шиллера, Клейсте, Гёльдерлине.

Общее настроение немецкой литературы определяется как «Drang nach Osten». «Властителем дум более, чем когда-либо является Достоевский. У многих замечено „славянофильство“. Против этого восстает Шпенглер, автор нашумевшего „Заката Европы“, заявляя, что русские чужды немцам не менее, чем китайцы времени Конфуция, и что все, что пишется о русской душе, — чепуха».

Скептический взгляд на состояние текущей литературы в крупнейших странах Запада и стремление обратить взоры европейцев к русской литературной традиции не является единственным свойством берлинской литературной критики. В городе шла живая работа по празднованию юбилеев Г. Гауптмана и А. Франса, проводились траурные мероприятия по Г. Сенкевичу, Г. Брандесу, Дж. Конраду, А. Франсу, А. Гарббургу, продолжалось осмысление современного литературного процесса, и не только по национальному принципу, но и по жанровому.

«Лирика процветает в Германии как никогда, по крайней мере количественно», замечает А. Лютер¹, но очевидно, что крупных достижений в ней не наблюдается, поэтому центральной фигурой поэтического Олимпа, по мнению берлинской критики, остается Р. М. Рильке, имя которого тесно связывается с Россией. В статье с характерным названием «Райнер Мария Рильке и Россия» С. Франк формулирует главную мысль всех работ о жизни и творчестве поэта: «Не исполнена ли глубокого символического смысла связь его с Россией?»² Развивая свою мысль о символической связи Рильке с Россией, С. Франк обращается к письмам поэта, посвященным его отношениям со скульпто-

¹ Лютер А. Немецкая литература последних лет // Беседа. 1923. № 2. С. 254.

² Рильке. 1929. 9 янв.

ром Роденом. «Под влиянием Родена и Рильке возникает эпоха предметной поэзии, попыток в слове передать через описание внешности предметов их мистическое существо, отклики напряженной интимной любви к России»¹.

Если для С. Франка неповторимость поэзии Рильке вытекает из его символической связи с Россией, то для Ю. Айхенвальда Рильке «олицетворяет идеальный европеизм»². Критик отмечает «высшую интеллигентность» и «предельную культурность» его поэзии. «Свобода духа в сочетании с добровольной религиозностью, преклонение перед миром, перед красотой его архитектоники, и живое соприкосновение со всею скорбью мира, философия и фантазия, нежность сердца, чувство легенды, внимание к жизни, внимание к смерти... все это сочеталось в одно из самых дорогих, из самых изысканных словесных исканий, все это поднялось едва ли не на высоту словесного совершенства».

Рильке как идеальный европейский поэт противостоит в системе эстетических координат Ю. Айхенвальда Верхарну — поэту «крика своей родины»³. В его творчестве критика, наоборот, привлекает чувствительность сегодняшнего дня, «поэтичность прозаических тем и художественные права гражданских мотивов». Поэтическое совершенство Верхарна, по мнению Ю. Айхенвальда, проявляется в умении показать красоту контрастов, асимметрию и даже уродливость изломанных линий: «Он в неслыханное, острое, быть может — болезненное, но и притягательное искусство претворил всю обыденность нашего строя и те социальные вопросы, решать которые призваны, казалось бы, не поэзия, а парламент и публицистика».

Полемизируя сразу с обоими критиками, Ф. Степун полагает, что обилие и богатство образов Рильке свидетельствует о полной оторванности душевных корней поэта от всякой трансцендентной человеку реальности. «Бог — есть сама жизнь в ее абсолютности, в ее предельности и полноте, есть та темная текущая во мраке и впадающая в себя самая река Эккехарта, над которой нет трансцендентного неба и которая не знает никаких берегов. В „Жизни-Бог“ Рильке можно только изначально быть, пребывать, расти, растворяться и возрождаться. Всюду, где в подлинной мистической жизни подымается тоска по Богу как трансцендентной реальности, она всегда означает мучительную жажду освобождения от того мистического солипсизма, который неминуемо вырастает там, где последнюю религиозную сущность

¹ Франк С. Письма Рильке // Руль. 1929. 6 нояб.

² Айхенвальд Ю. Памяти Рильке // Руль. 1927. 5 янв.

³ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 24 нояб.

утверждает обожествленная душа в смысле лично-сверхличностной монады»¹.

Парадоксальность восприятия творчества Рильке в критике русского Берлина может быть в значительной мере объяснена ситуацией, сложившейся в начале XX в. в немецкой поэзии. Именно она и стала предметом изучения З. Венгеровой², которая видит стихийную связь немецкой лирики с современностью, так как она «космична и революционна» по содержанию. «Её активизм — воля к действию — создает и новую форму, чуждую описательности: сжатость, отсутствие переходов, только самый остов образа в ракурсах, разбивающих старый синтаксис, сосредоточенная выразительность, доходящая до крика, и быстрота темпа, соответствующая динамизму миропонимания. В этих общих линиях немецкая лирика родственна русской, сложившейся в атмосфере глубоких потрясений». Автор статьи также усматривает связь немецкой поэзии с американской: «От Америки они (немцы) взяли заветы У. Уитмена, утверждение человека и веру в человечество, но пафос их не в завоеваниях материальной культуры, а в пламенном чувстве братства людей, роднящих их с Достоевским». За несколько лет до войны, как считает З. Венгерова, в немецкой лирике появилось новое общественное содержание вместе с оригинальностью экспрессионистской формы, а предшествующий ей эстетизм завершился в творчестве трех больших мастеров: Стефана Георге, Гофманстала и Рильке. Из этого нового поколения немецких поэтов критик выделяет Г. Гейма, пишущего бодлеровским стихом и вызывающего «мятеж, чувство крушения, тлена, предчувствия конца, связанное с напряженным революционным чувством»; Ф. Верфеля, «из хаоса действительности в своем оптимистическом активизме ведущего к созиданию, к строительству и свободной общности, и опять к любви к человеку, исходящей от У. Уитмена».

Схожий взгляд на состояние немецкой поэзии представлен и в книге Г. Забежинского «Из новой немецкой лирики», где автор не только предлагает русскому читателю свои переводы стихотворений, но и дает небольшой обзор состояния современной немецкой поэзии. Несмотря на то что немецкая лирика, как полагает автор, в последнее время уступила место поэзии французской, «в новой немецкой лирике Демеля, Георге, Рильке, Гофманстала разгорается яркий факел немецко-

¹ *Степун Ф.* Трагедия мистического сознания // Жизнь и творчество. Берлин, 1923. С. 108.

² *Венгерова З.* Молодая немецкая поэзия // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 4. С. 6–7.

го поэтического творчества, и над ним витает дух великого Ницше, который в своих собственных стихах смешивал печаль одиночества с порывами и действенным стремлением к красоте, радости жизни и упоенному танцу»¹. Г. Забежинский предлагает русскому читателю малознакомые имена поэтов, среди которых особенно выделяет Лиминкрона, который, «отражая туманные, сумеречные настроения севера своей родины, посвящая некоторые стихотворения войне, передавая тона отзвучавшей старины, воспевая любовь, рисуя идиллию, всегда остается верным своей спокойной и величественной натуре и строит свою поэзию не на рефлексии, не на страстном стоне, не на крике восторга, а на глубоком созерцании и тонком восприятии действительности»².

О «поэтичности прозаических тем» вспоминает Ю. Айхенвальд в связи с выходом немецкого перевода сборника стихотворений К. Гамсуна «Дикий хор», в котором отмечается общность происхождения гамсуновских стихов и прозы, что выражается в совпадении мотивов: «Его романы и стихи равно овеяны дыханием природы»³.

В различные историко-литературные периоды внутри родов литературы баланс складывается в пользу преимущественного развития одного из них, что в значительной степени отражается в критике. Так, в период конца XIX — начала XX века, являющийся для критики русского Берлина современным литературным процессом, происходили коренные преобразования в драматическом искусстве. Продолжалась начатая Ибсеном переориентация драмы на освоение выразительных средств, прежде не свойственных драматургии: полемики, контрапункта, недоговоренности.

Творчество Г. Ибсена в Норвегии, А. Стриндберга в Швеции, Г. Гауптмана в Германии, Б. Шоу в Англии, Метерлинка в Бельгии стало предметом пристального интереса критики, определившей новаторский характер этого явления понятием «новая драма», включающим в себя дух научного и социального анализа, обращение к проблемам современной действительности. Свойство критики русского Берлина исследовать в явлениях литературы традиционную основу и определять степень новаторства проявилось в полной мере при анализе драмы. Общая тенденция рассмотрения «новой драмы» сводится к тому, что началась она с реализма, и здесь особенно отмечается вклад Б. Бьёрнсона. Противоречия социальной действительности он изоб-

¹ Забежинский Г. Из новой немецкой лирики. Берлин, 1921. С. 5.

² Там же. С. 9.

³ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Рувль. 1926. 10 нояб.

ражает в своих пьесах в форме острых социальных коллизий между представителями противоборствующих сторон или споров-дискуссий между ними, завершающихся традиционным положительным разрешением конфликта»¹.

В дальнейшем она впитала в себя идеи других литературных школ и направлений переходной эпохи, в первую очередь натурализма и символизма. Принципами натурализма, требовавшего абсолютной точности и научной объективности изображения, формировалась социально-критическая драма А. Стриндберга и Г. Гауптмана.

Рассуждая о причинах отсутствия в Швеции памятника национальному драматургу по прошествии десяти лет со дня его смерти, И. Троицкий приходит к удивившему его самого заключению: Стриндбергу-художнику поставят памятник не скоро, так как «герои его драм, скопированные из шведской повседневности, еще живые и знакомые люди. Со всеми их слабостями и недостатками»².

Ю. Айхенвальд видит в стриндберговской субъективной «запальчивой тяжбе с женщиной», звучащей уместно и неуместно, скрыто или явно на протяжении всего его творчества, «нечто объективное» и «отражающее естественную борьбу полов, сплетающуюся у него с борьбой классов». «Многое, что он говорит о семейных отношениях, о „трагикомедии брака“, не возвышается над уровнем «обывательским и далеко не идет в глубину», — именно это и создает эффект абсолютной точности и вносит известную долю авторского произвола и субъективизма»³.

Довольно скептически оценивает Ю. Офросимов постановку «Эрика XIV» на московской сцене. Соглашаясь в принципе с оценкой Стриндберга как «северного Достоевского», театральные критики недоумевают по поводу увиденного: «Не трагедия, потому что нет Героя; не драма и вообще не произведение для сцены, потому что действие отсутствует совершенно, отсутствует и развитие актеров: сам Эрик еще не вышел, а уж этими криками дается сполна все его существо, и уж больше ничего не прибавить. И даже романтический эпизод носит исключительный характер припадка умопомешательства».

Отношение русского Берлина к творчеству и личности Г. Гауптмана определяется двумя важными факторами. Это 60-летие со дня его рождения, праздновавшееся довольно широко в Германии, и связан-

¹ Троицкий И. Август Стриндберг (Скандинавские воспоминания) // Дни. 1923. 5 авг.

² Там же.

³ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 23 июня.

ное с этим понимание места современного классика в системе художественных ценностей эпохи. Творческий путь писателя рассматривается как движение от вершин натурализма, на которые он поднялся благодаря Э. Золя, опубликовавшему еще в 1881 г. книгу «Натурализм в театре», где требовал современной тематики, точного изображения «куска из действительности» и жизненной правды, к импрессионизму и символизму. Процесс этот сопровождался в творчестве Г. Гауптмана отходом от реалистических традиций. Сужения тематики драм по мере развития этого процесса сопровождалось вытеснением социальной тематики. Усиливалось влияние ницшеанства.

Празднование 60-летия Г. Гауптмана прошло в Берлине широко. В «Клубе Писателей» и в Актовом зале университета 15 ноября 1922 г. президент рейхстага Лебе выступил с речью, в которой отозвался о писателе как о «центре германской интеллигенции». Ректор Берлинского университета г-н Петерсон провел параллель между автором «Ткачей» и первым выборным ректором Готлибом Фихтом, сыном ткача. Президент Германской республики Эберт подарил юбиляру бронзовый германский щит с орлом¹, а от русских писателей А. Белый и А. Ремизовым был преподнесен адрес, в котором указывалось: «Вы вошли в нашу художественную плоть... Пусть наша общая любовь к Гёте, Толстому, Достоевскому, Гауптману станет подлинной связью народов (германского и русского) в Духе и в Правде»².

В своей юбилейной речи А. Белый отметил, что Г. Гауптман был вместе с Ницше и Ибсеном знаменем символистов. «Его творчество для нас, молодых символистов, свой путь пробивающих среди насмешек и всеобщего непонимания, — для нас его творчество было ударным, вещающим колоколом, звучащим из нового мира»³. Русский поэт обращает внимание на двойственный характер его дарования, что отразилось на диапазоне его влияний и глубине проникновения в литературную традицию Европы. С одной стороны, он провозглашен вождем символистов за художественный индивидуализм «Михаила Крамера» и «Одиноких», с другой — он, автор запрещенных в России «Ткачей», передаваемых из рук в руки украдкой, боготворился русской революционной и социалистической молодежью. «Отцы же, столпы уходящего поколения, исповедовавшие натуралистические принципы в искусстве и возглашавшие свои вкусы Золя, смаковали чудесные тонкости психологического анализа в „Празднике примирения“».

¹ Дни. 1922. 17 нояб.

² Дни. 1922. 15 нояб.

³ Дни. 1922. 19 нояб.

Далее А. Белый обратился в «русскому элементу» славы драматурга, которая никогда не гремела «краткой модой, но тихой и прочной любовью имя его произносилось в сердцах». Причины ему видятся в том, что в драмах Г. Гауптмана «гармонически, музыкально сливаются острые узлы разнообразнейших художественных и социальных тенденций в широкую и глубокую полноту: он, гражданский поэт, — дал чистейшие перлы не тенденциозного творчества; и он, символист, фантаст, сказочник, — доводил приемы Зудермана¹ до их последней, натуралистической отточенности; он ставил перед нами символы надвременных, вечных идей, и он же, удивительный бытовик, в совершенстве воспроизводил перед нами местные, народные говоры... он один из немногих монументальных художников нашего времени, сочетающий драматический пафос Ибсена, реализм Зудермана, Золя со сказочной красочностью и туманной дымкой романтиков: Андерсена, Новалиса и Словацкого.

С русской литературой Г. Гауптмана, по мнению А. Белого, роднит сострадание, сопереживание простому человеку, «маленькому человеку». «В нем прекрасна личность, с достоинством перенесшая бремена тяжелых лет нашей эры». Мыслью о связи Г. Гауптмана с Россией проникнута статья П. Ш. «Герхард Гауптман»². По мнению автора, в России слава драматурга значительно шире, чем в Германии, увлеченной экспрессионистической драмой Г. Кайзера, так как главное его свойство в отзывчивости: «при всей своей отзывчивости он никогда не изменял художественному творчеству для столь обычной в драматургии публицистичности». Сближает писателя с русской культурой интерес к вопросам человеческого духа, эстетические и религиозные искания человечества, к которым он шел от истории к современности, от «кусочка действительности» к символу. Как это было в «Потонувшем колоколе», где с перерождением натуралистической драмы в символическую исчезают и прежние требования к языку: вместо отражающей обычную речь прозы появляется импрессионистический стих со звонкой рифмой; монологи укрупняются; в языке все больше ощущаются лиризм настроения и сказочная окраска символизма.

¹ Зудерман — продолжает традиции немецкой мещанской драмы середины XIX века, а также французской драмы Сарду, Скриба и Дюма-сына. Влияние последних особенно сказывается в пристрастии к внешней театральности и к трескучим эффектам. «Родина» — пьеса нравов, посвященная жизни и быту буржуазии и одобренная несколькими пылкими фразами о прогрессе, новых устоях.

² Руть. 1922. 11 авг.

С «Потонувшим колоколом» явно заканчивается лучший период творчества Г. Гауптмана да и всей немецкой драматургии добрехтовского периода. В начале 20-х гг. драматург выступает с двумя драмами — «Индиподи» (1920) и «Белый спаситель» (1920), о которых критика отзывалась довольно сдержанно: «В „Белом спасителе“ много шума и внешнего движения, чрезвычайно много слов, но захватывает зрителя только образ царя-страдальца Монтезулен, падающего жертвой своей веры в людей и в святость учения о непротивлении злу»¹. В «Индиподи» хоть и отмечается влияние Шекспира, но в отличие от «Бури» «образы бледны, философия неясна и стих потерял прелесть „Потонувшего колокола“».

Дело Г. Гауптмана, по мнению З. Венгеровой², продолжает интересный молодой драматург Э. Толлер, который в своей пьесе «Массачеловек» сближается с «Ткачами»: «безысходный пессимизм Гауптмана сменился мажорным революционным тоном Толлера». Самое драгоценное в нем — «внутренний рост души». «Толлер — писатель очень новый и по своей экспрессионистической манере и по своему революционному мировоззрению. Для критика очень важным кажется, что тринадцать месяцев, проведенных в тюрьме, фронт придало его пьесам «Переворот», «Громители машин», «Евгения Гинкеман» революционную направленность, ненависть к войне, «умение вызывать пламенную жалость к оскорбленной, раздавленной человеческой душе».

Надежды критики на драматургию экспрессионизма, футуризма и дадаизма тем не менее не оправдались. Н. Штрассер полагает, что экспрессионизм не выполнил своей задачи «вдунуть душу живую и подвижную в мертвую и застывшую рутину искусства», он реализовался только «в невыносимом ходульном пафосе, в надоевшей монотонности и повторяемости одних и тех же форм, одних и тех же, ставших стереотипами, слов и выражений»³. В лучшей драме Г. Кайзера «Газ» (1918–1920) это проявляется очевидней всего: герои лишены индивидуальных черт, диалог сжат до крайности. Лютер обращает внимание на резкую утрату достоинств художественной формы: «Язык кажется здесь почти уж затемнением понятий; телеграммные слова его являются как бы знаками чего-то, что мы не должны воспринимать только слухом, как звук, а только мыслить. Фабула обнажена, как скелет, на костях которого краткими надписями обозначены их функции». Именно эта схематичность построения драмы заставляет

¹ Лютер А. Немецкая литература последних лет // Беседа. 1923. № 2. С. 224.

² Венгерова З. Эрнст Толлер // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 15. С. 7–8.

³ Штрассер Н. О немецкой литературе // Жизнь. 1920. № 4. С. 13.

сомневаться в наличии у Г. Кайзера «истинно творческого темперамента; социальные и этические проблемы являются для него только математическими задачами»¹.

Не так категорично, но тоже довольно сдержанно встретила критика русского Берлина последнюю драму Г. Кайзера «Не тронь меня» («Noli me tangere», 1921), написанную на вечную тему противопоставления любви и ненависти, добра и зла, мрака и света, Христа и Иуды. Действие пьесы разворачивается в обстановке семиугольной камеры, где шестнадцать арестантов и два тюремщика в обрамлении символики черного железа на дверях и голубоватого света ночника и давящих ограничивающих размерах помещения живут одними физиологическими вожделениями. По мнению З. Венгеровой, «выразительному модернизму кайзеровского стиля соответствует и его любовь ко всяким усовершенствованиям современной техники», он «соединяет экстаз с гротеском и часто сугубо аллегоричен, язык сжатый, телеграфный темп»².

К. Штернгейма, автора пьесы «1913 год», А. Лютер бранит за пренебрежение всеми правилами немецкого синтаксиса, но пленяется «меткостью характеристики, несмотря на крайнюю вычурность слога»³. Скептически оценивается и молодой драматург В. Газенклевер, который «в первых своих опытах высказывает себя целиком... а потом пускается во всевозможные кривляния и чудачества». В пьесе «Люди» (1920) в последнем действии пять раз меняются декорации, но произносится всего пятнадцать слов.

Таким образом, в оценке современного состояния немецкой драматургии критики русского Берлина четко следуют приверженности реалистической традиции в театре, с недоверием относясь к крайностям модернизма⁴.

Хуже, чем в Германии, положение с современной драмой только в Англии, где творчество Б. Шоу после блестящих работ О. Уайльда не выдерживает никакой критики. Все особенности творческой манеры писателя, позволившие создать ему совершенно уникальный театр, ориентированный и на творческий опыт Г. Ибсена, изображавшего жизнь

¹ Лютер А. Немецкая литература последних лет // Беседа. 1923. № 2. С. 218–219.

² Венгерова З. Георг Кайзер и его новая пьеса // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 21. С. 3–4.

³ Лютер А. Немецкая литература последних лет // Беседа. 1923. № 2. С. 221.

⁴ Кайзер Руд. Современный немецкий театр // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 29. С. 7–8.

преимущественно в мрачных, трагических тонах, и на традицию английской сатирической литературы, предпочитающей драме трагикомедию, подвергаются критическому осмыслению.

Больше всего возражений у критика против свойственной пьесам Б. Шоу полемической манеры, превращающей их в дискуссию. Ю. Офросимов в статье, посвященной 70-летию драматурга, избирает совсем не юбилейную тональность в оценке творчества Б. Шоу: «при всем кажущемся разнообразии творчества Шоу есть в нем одна черта главная, роднящая все его произведения: жажда противоречия, разоблачения... отсюда вытекает и другой недостаток Шоу как драматурга: привычка подчас давать на сцене не драматическое содержание, а лишь конферанс к тому главному, что происходит где-то за сценой; точно пьеса его протекает в антрактах, а при открытом занавесе существует лишь очень остроумный человек, дающий свое резюме ко всему происходящему. За автором не видно персонажа, он прекрасно перевоплощается, но дара перевоплощения почти лишен»¹.

Другой удар критика направлен против морализаторства и публицистичности пьес Б. Шоу, который в виде аргументации использует отдельные исторические факты и персонажи. Так, в рецензии на пьесу о Жанне д'Арк Ю. Офросимов отмечает, что «лишенная оригинальности действия — каждая сцена как бы вывороченная наизнанку параллель известным сценам Шиллера, — «местами пьеса заслуживает упрека в вялости и растянутости»². И хотя пьеса интересна своими остроумными догадками, — но для знающих стиль автора «Цезаря и Клеопатры» пьеса теряет главную свою прелесть — остроту и свежесть, а в нашу эпоху «искания героев» кажутся несколько устарелым парадоксом», все же критика воспринимает Б. Шоу больше как современного общественного деятеля, чем как старомодного драматурга.

Французская драматургия привлекла внимание берлинской критики только личностью Э. Ростана — писателя, пережившего свою славу, но позднее востребованного и в России, и в Европе. Оценка, данная Евг. Зноско-Боровским³ пьесам М. Ростана, относится именно к тому периоду посмертного забвения драматурга, когда его творчество рассматривалось как несовершенное. Критик упрекает его и в автобиографичности произведений, и в однообразии, в «бесконечном, расплывчатом лирическом потоке», в «вольности с словообращением», в презрении к писателям-реалистам и пристрастии к немецким роман-

¹ Офросимов Ю. Бернард Шоу // Руль. 1926. 19 авг.

² Офросимов Ю. Новая пьеса Б. Шоу // Руль. 1924. 30 окт.

³ Зноско-Боровский Е. А. Морис Ростан // Дни. 1924. 9 марта.

тикам. «Искусно построенное и методически развиваемое столкновение разных страстей и судеб заменяется энергичными театральными эффектами вроде поджога и пожара дворца в „Фениксе“. «Что он не романист, это несомненно: так же бесспорно, что не его дело писать маленькие реалистические пьески: что реалистические драмы увлекают его к оперной декламации, к мелодраматическим эффектам, разнуждывая его творческий анархизм, — это становится ясно даже для наиболее ослепленных его поклонников».

И хотя подлинным лидером во французском театре был М. Метерлинк, его все чаще называют бельгийским драматургом. В периодике публикуется репортаж из дома драматурга на французской Ривьере¹, встречаются отклики на его утопически-фантастическую притчу «Жизнь термитов», в которой угадывается параллель с жизнью в советской республике «этих маленьких слепых насекомых, ушедших в землю, пребывающих во тьме»², и на его новую пьесу «Бургомистр из Штильмонда». А. Даманская находит в ней совершенно другого Метерлинка: «От прежнего поэта-символиста, от прежнего все понимающего и всепрощающего художника-философа в этом произведении разве только некоторая осторожность в использовании благородных, с режиссерской точки зрения, драматических положений. Да и то, осторожность — весьма относительная»³.

Менее всего интерес у берлинской критики вызывает как американская литература вообще, так и драма в частности: в ней ощущается вторичность по отношению к европейской. М. Каплан в пьесе Майера «Первые пятьдесят» видит только «вариации на старую стриндберговскую тему — проклятие брака и его таинственной роковой прочности»⁴. А в целом ситуация на американской сцене имеет все «свойства условной театральности», на ней прочно держатся «шаблонные приемы сентиментальной фальшивой морали», процветают «самые устарелые, самые пошлые пьесы». В чем-то соглашается с этим мнением и Б. Кларк, оправдывающий американцев тем, что они начали осознавать свою национальную культуру только тридцать лет тому назад, поэтому имена американских драматургов для них безразличны — «они ходят на действо». И тем не менее в этой ситуации Ю. О'Нил был провозглашен мессией, так как в нем мало европейского. «Герои Ю. О'Нила недостаточно связаны с настоящим именно потому,

¹ Даманская А. У М. Метерлинка // Дни. 1923. 10 июня.

² Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Рувль. 1927. 19 окт.

³ А. Д. Новая пьеса М. Метерлинка // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 36–37.

⁴ Каплан М. Американская драма // Накануне. 1922. № 5.

что они у него недостаточно связаны с прошлым. Мы не интересуемся пьесой, в которой автор развивает элемент психологии в ущерб действию. Вот причина, побуждающая Ю. О'Нила вводить своих героев в прочно построенные уже подготовленные рамки содержания, и не предоставлять им самим создавать положения и давать завязке то или иное направление»¹. Его пьесы непривычны американской публике. Потому что в них он говорит о болезни и разрушении, духовном и физическом убожестве. Автор выражает надежду, что будущий американский театр сможет состояться, если до поры до времени будут появляться пьесы с подобными темами, «хотя бы в противовес беспечным комедиям о юности и удаче»².

В начале 20-х гг. на европейскую прозу обрушилась довольно значительная череда утрат, и хотя этот род литературы развивался энергичнее и ярче, чем лирика и драматургия, все же потери оказались невосполнимыми. Ушли из жизни А. Франс, Дж. Конрад, Г. Сенкевич, А. Гарборг, Г. Брандес. Эти печальные события отразились на внимании критики русского Берлина к этим литераторам.

«Духовным родственником Монтеня и Вольтера», утонченным эпикурейцем», «маэстро прозрачного стиля», «дилетантом духа» называет А. Франса Ю. Айхенвальд³. Он же сравнивает с Семирадским в живописи Г. Сенкевича, «элегантного, блистательного любителя обстановки», у которого «в роли человека без догмата все еще выступает блестящий аристократ, снабженный всеми привилегиями эстетизма, дышащий духом оранжерейной красоты»⁴. В неподписанном некрологе Дж. Конрада отмечается, что он был «чрезвычайно редкий, даже исключительный образец писателя, добившегося славы не на родном языке»⁵. Разрешение социально-политических вопросов и «исследование проблемы антагонизма между городом и деревней» в художественной форме И. Троцкий считает главным итогом творческой деятельности А. Гарборга⁶. Отдавая последнюю дань литературно-критической и теоретической мысли Г. Брандеса, Ю. Айхенвальд обращает внимание на то, что «самые почтенные и самые скучные ве-

¹ *Кларк Б.* Евгений О'Нейлл и американская драма // *Беседа.* 1923. № 1, С. 386.

² Там же. С. 387.

³ *Каменецкий Б.* Анатоль Франс (некролог) // *Руль.* 1924. 14 окт.

⁴ *Каменецкий Б.* За гробом Сенкевича // *Руль.* 1924. 22 окт.

⁵ *Джозеф Конрад* // *Дни.* 1924. 10 авг.

⁶ *Троцкий И.* Арне Гарборг // *Дни.* 1924. 27 янв.

щи преподносил (он) так по-журналистски, превращая их в цветущие сады»¹, а И. Троцкий напоминает, что Ибсен уважал как критика только Брандеса, «Нестора датской литературы»².

Современная европейская проза интересовала берлинцев в очень избирательном порядке. Две особенности обращают на себя внимание. Одна из них — отсутствие устойчивого интереса к американской литературе, что, впрочем, относится и к XIX в., о котором ни один критик не проронил ни слова, потому что она воспринимается как вторичная и недостаточно колоритная. Исключение составляет публикация в четырех номерах «Голоса России» «сенсационной книги» Э. Синклера «Медный жетон»³, и то лишь для того, чтобы «доказать целым рядом, подавляющим количеством фактов, что американская пресса вся в руках крупного капитала и пишет исключительно то, что этому капиталу выгодно», и два материала З. Венгеровой в «Литературном приложении» к «Накануне». Один представляет довольно сухую рецензию на книгу американского литературоведа К. ван Дорна «Современные американские романисты»⁴, которого упрекают в нежелании признать вторичность американских романистов по отношению к европейским. А другой — статья, в которой прямо отмечается, что «в Америке существует особый ряд общественных романов, которые мало отвечают художественным требованиям европейского художественного вкуса, но интересны как психологическая документация американской общественной жизни. Недостаток их в наивности психологического анализа. В них не видно, как живет душа, но видно, как живут отдельные общественные слои»⁵. Общей тенденцией последних лет в американской прозе критик считает «тягу к востоку»: романы изобилуют вставками под самыми различными предлогами в американский быт картинок восточных нравов и обрядов, цитат из Корана (С. Льюис, А. Булард). Нежелание берлинской критики освещать современный литературный процесс в Америке компенсируется статьей американского исследователя Б. Кларка, который вынужден признать, что «сейчас представители национальной литературы все еще находятся в стадии развития, многие обуреваемы ложным убеж-

¹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 9 марта.

² Троцкий И. Северный энтузиаст // Дни. 1924. 1 янв.

³ Крымов Вл. Сенсационная книга // Голос России. 1921. 13 марта, 14 марта, 20 марта, 23 марта.

⁴ Венгерова З. Современные американские романисты // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 26. С. 6–8.

⁵ Венгерова З. Тяга к Востоку // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 17. С. 5–6.

дением, что эротика может и должна быть творческим путем»¹. Непревзойденным мастером и подлинно американским писателем продолжает оставаться О'Генри, с которым в мастерстве, по мнению автора, могут сравниться только Э. По и Н. Готторн.

Другая особенность — привлечение внимания читающей публики к мало известным немецким и скандинавским писателям. К ним относится Я. Вассерман, в рассказах которого «чувствуется печать сложного и своеобразного развития этического мира художника², а героя его последнего романа „Человечек с гусями“ („Das Gänsemanchen“, 1915) можно сравнить только с Жаном-Кристофом». Выход сборника рассказов «Три жизненных этапа Оберлина» Я. Вассермана привлек внимание критики образом демонического комиссара Головина. В этом, считает А. Даманская, проявилось желание писателя показать «далекую страну, которая его занимает, потому что он любит ее писателей и художников, хотя он ее и не знает и не понимает».³ Сигрид Унсет, которой свойственна «четкость психологического узора»⁴, воспроизведенного в романе об артистической богеме «Йенни» (1911) — другое открытие берлинской критики. Интерес берлинской критики особенно примечателен тем, что уже через три года, в 1928 г., Сигрид Унсет будет присуждена Нобелевская премия за роман «Кристина, дочь Лавранса» (1920–1924), тогда еще незнакомый русскому читателю. Это одно из первых упоминаний в русской критике норвежской писательницы, ставшей в дальнейшем популярной в России благодаря теме крестьянства.

Несомненными фаворитами русского Берлина являются французы, а среди них А. Франс и Р. Роллан, которые воспринимаются как живые свидетели и важные участники современного литературного процесса, как художники и общественные деятели. Однако есть публикации и о других писателях.

Эволюцию творчества П. Бурже в связи с выходом его нового романа «Тюрьма» прослеживает З. Мартынова: «В последних романах, не меняя круга своих наблюдений и тенденций, стал преимущественно останавливаться на явлениях психопатологического характера... Несмотря на явную притянутость и неубедительность аргументации автора, роман местами захватывает стремительностью развития драматического действия»⁵.

¹ Кларк Б. Литература соединенных штатов Америки // Беседа. 1924. № 4. С. 265.

² М-н В. Новости немецкой литературы // Дни. 1924. 22 апр.

³ А. Д. Новая книга Я. Вассермана // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 37.

⁴ Д-ская А. Сигрид Ундсет // Руль. 1925. 12 сент.

⁵ Мартынова З. Новый роман Поля Бурже // Сполохи. 1923. № 19–20, С. 53–54.

Присуждение Гонкуровской премии «культурному негру» П. Морану за книгу «Батуала» обращает на себя внимание Е. Ремпеля. «Роман идет стремительно, в темпе тропического ливня. Кажется, что он написан в один день человеком, открывшим только что глаза и упивающимся зрелищем юной природы и человеческих страстей»¹.

Характер публикаций о жизни и творчестве А. Франса определяется двумя датами, пришедшимися на один 1924 г.: 16 апреля — 80-летие, а 12 октября — кончина, поэтому публикуются поздравления знаменитых лиц, обзоры вышедших к юбилею книг о писателе², а также неоднозначностью оценки его политических воззрений.

М. Алданов уверен, что кокетство А. Франса с коммунизмом носит характер увлечения модой, желанием слить неординарным, противоречивым, возбуждать постоянное внимание публики, и не только читающей: «Само собой разумеется, что А. Франс интересуется коммунизмом ненамного больше, чем канонами греческих софистов»³. В «Литературных заметках» Ю. Айхенвальдом отмечается, что «в современной литературе нет писателя, который приблизился бы к нему по силе и блеску таланта, по славе... Искусство А. Франса интеллектуально, но именно на этой высоте интеллектуализм почти незаметно соприкасается с мистицизмом»⁴.

Спустя два года после смерти А. Франса в Париже в издательстве «Плон» вышла двухтомная переписка мадам Арман де Кайаве, хозяйки салона и «воспитательницы писателя». В статье «Муза Анатоля Франса»⁵ раскрываются некоторые тайны творческой лаборатории А. Франса, часто пользующегося ее публицистическим талантом, издавая под своим именем ее материалы. В статье подчеркивается роль мадам де Кайаве в деле становления писателя.

В отличие от А. Франса, личность которого интересует берлинцев больше, чем творчество, Р. Роллан привлекает критику более профессионально, а общественно-политической деятельностью Р. Роллана займется уже русский Париж, особенно после опубликования в 1928 г. в журнале «Егоре» известного «Ответа К. Бальмонту и И. Бунину», в котором Р. Роллан касается вопросов революционного террора⁶.

¹ *Ремпель Е.* Батуала (о романе Рене Морана) // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 19. С. 7–8.

² К 80-летнему юбилею А. Франса // Дни. 1924. 6 апр.

³ *Алданов М.* Об Анатоле Франсе // Голос России. 1921. 18 апр.

⁴ *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки // Руль. 1926. 4 авг.

⁵ *А. Д.* Муза Анатоля Франса // Руль. 1926. 17 марта.

⁶ *Поляков С. П.* Ромен Роллан и Россия // Последние новости. 1928. 23 февр.; *Бальмонт К.* Ромену Роллану // Последние новости. 1928. 17 марта.

Берлинских критиков пока интересует исключительно творчество писателя: газета «Руль» публикует в 1922 г. «Кола Брюньона» в переводе В. Набокова, правда, с сокращениями¹; «Новости французской литературы» в газете «Дни» комментируют продолжающуюся публикацию романа «Очарованная душа»: «В тех, кто привык любить Р. Роллана, эта книга вызовет досадное недоумение. Слащавый тон ему был чужд, но сейчас он отравляет лучшие страницы романа, посвященные дружбе сестер. Правдоподобия тоже мало»².

Общим местом для критических статей о Р. Роллане является его преклонение перед русской классикой и развитие традиций Золя и Рабле главным его произведением, от которого идет отсчет, с которым сравниваются другие — «Жаном Кристофом» — и после которого критики сходятся во мнении, что Р. Роллан стал писать мало и слабо.

В рецензии на только что опубликованный роман «Клерамбо» А. Даманская, с трудом преодолевая желание подробно пересказать его, отмечает, что «Клерамбо одинок, как одинок был Жан Кристоф в своей борьбе за новые пути в искусстве и свою духовную свободу. Клерамбо почти дословно повторяет Жана-Кристофа и лишней раз напоминает о глубоко отложившемся в душе Р. Роллана влиянии Л. Толстого. Как христианин, с улыбкой прощения, слишком красиво для смертного человека, умирает Кларамбо»³. Такой финал, по мнению автора статьи, вызвал сочувствие «отходчивых» французов, которыми были прощены «антипатриархические грехи» Р. Роллана.

Созданная в 1918 г. повесть «Кола Брюньон» рассматривалась самим автором как передышка после утонченного психологизма и интеллектуализма «Жана Кристофа», где он мог позволить себе окунуться в стихию колоритной и бойкой живой народной речи, попробовать свой талант в стилизации и ритмизованной прозе, что приветствовалось французской критикой и публикой, но совершенно оказалось чуждым русскому взгляду. В статье «Об искусстве наших дней» говорится, что «эта книга более словесная оргия, филологическая игра в непривычно обширном масштабе, восходит к варварски обильному, картинному, бесстыдливому, черноземному и педантичному, тяжело-весному и бойкому языку Рабле»⁴.

Стремление Р. Роллана продолжать художественное творчество в духе «Жана Кристофа» отмечает Г. А. Ландау в рецензии на публика-

¹ «Colas Brugnon» // Руль. 1922. Авг. — сент.

² А. Д. Новости французской литературы. Смерть Бальзака // Дни. 1924. 18 мая.

³ Даманская А. Клерамбо // Голос России. 1921. 10 апр.

⁴ Левинсон А. Об искусстве наших дней // Руль. 1921. 28 июня.

цию начала многотомного романа «Очарованная душа». По его мнению, время, когда новый роман Р. Роллана был «почти литературным событием», прошло, так как «при непрерывном гуле социальных и политических обвалов — до романа ли». Однако им указывается и на другую причину, «лежащую в его (Роллана) тусклой деятельности последних лет». Признавая определенную вторичность формы нового романа по отношению к «Жану Кристофу», Ландау останавливает свое внимание на том, что «автор вернулся к прежнему — от социальных тем и тусклой патетичности своих настроений последних военных и повоенных годов», в чем критик усматривает «бессознательное признание крушения его (Роллана) последних устремлений, их бесплодность, их безвыходность — и идейную и художественную»¹.

Среда обитания в новом романе интересует писателя, в отличие, например, от Золя, не сама по себе, а постольку, поскольку она затрагивает личность и судьбу, которую «он рассматривает в функции от некоторой личности, характера героя, который и является средоточием действия, событий, интереса и смысла. Тема эта была — могучая творческая жизнь Жана Кристофа; здесь — это сильная, темпераментная душа Анет». Объединяет их то, что они «люди могучего инстинкта, носящего в себе свой рок, дающего самодовление личности, влекущего его по путям, всепреодолевающего самоизживания, делающего ее независимой, а следовательно, бросающего ее на конфликт с окружающими». Принципиальное различие этих двух произведений Ландау видит в «содержании формы»: «Напор душевного изобилия, поток изливающейся бессознательности у мужчины становится творчеством, у женщины — эмоциональностью, любовью». В установлении этого параллелизма критик видит основное художественное своеобразие «Очарованной души», ее контрастность: «И здесь контраст характеров и душ — но уже не в плоскости духовного творчества и рефлекса, а в плоскости рефлекса и творчества эмоционального». Р. Роллан представляется Ландау, судя по новому роману, «единственным романистом, выдвинувшим многообразие и многовидность чувств любви и, в частности, вновь вознесшим дружбу в ее различных разновидностях». Критик вменяет французскому писателю в заслугу то, что «он разбивает гипноз словесной схемы и в живой действительности усматривает и выявляет отношения человеческой душевной связности и вне эротической сферы». Обращаясь к тематическим особенностям первого тома «Очарованной души», Ландау отмечает, что он «отвечает проснувшемуся запросу, объективному заданию французского обще-

¹ Ландау Г. «Завороженная душа» // Руль. 1923. 31 окт.

ства: по крайней мере в некотором смысле здесь намечена тема и нашумевшего романа Маргерит «La Garçonne» («Женщина-холостяк») ...Роллану свойственна несколько женственная отзывчивость на интересы дня, и это может вести к тематическому сближению с их со знательными ловцами». Впрочем, критик оговаривается, что судит только по первому тому, который не таков, чтобы сделать ожидания следующего «слишком тяжелыми».

Что же выделяет «Жана Кристофа» из творчества Р. Роллана? Этим вопросом задается В. Декабрев в статье «Ромен Роллан»¹. Причины этого критик увидел в раннем периоде творчества французского писателя, когда он «представлял свою эпоху и служил ей извинением». В книге «Жан Кристоф» критика привлекает ее отвлеченный характер и духовность, те свойства, которых так недостает его новым работам, поэтому предметом своей статьи он делает наблюдение за творческой манерой писателя: «Автор не пытается подкупить читателя мастерством изложения или построения... искусство Роллана приближается к жизни, почти совпадает с ней, то есть перестает быть искусством, которое немислимо без преувеличений и заранее обдуманых намерений». То, что составляет особую прелесть «Жана-Кристофа» — «никаких излишеств, две-три метафоры, никаких композиционных эффектов», — со временем, по мнению Декабрева, утрачивается в ущерб качеству: «Ромен Роллан стал жертвой пренебрежения языческой стихией слова, он не краток и не точен, он временами почти болтлив». Это свойство его прозы начинает проявляться уже в первых томах романа, постепенно заполняя собой все художественное пространство, считает автор статьи. «Ромен Роллан часто болтает о вещах, к роману отношения не имеющих, в этом его ошибка. Он не умеет ограничить себя кругом определенных тем. Он хочет высказаться обо всем. Пренебрегая писательской кухней, он вкладывает в уста своих персонажей бесконечные рассуждения на любезные ему темы». Такая манера написания сделала тома «Ярмарка на площади» и «В доме», на взгляд критика, наименее удачными. Среди других недостатков творческой манеры Роллана Декабрев называет отсутствие драматического дара, что придает характерам черты безволия, отчего серия романов приобретает не действенный, а созерцательный тон. Ситуацию не спасает даже восторг писателя перед музыкой, природой и даже жизнью.

Вывод, к которому приходит исследователь, звучит неутешительно для французского писателя: «Вероятно, из десяти томов „Жана Кристофа“ жизненными окажутся лишь первые четыре, из шести осталь-

¹ *Декабрев В.* Ромен Роллан // Дни. 1926. 21 февр.

ных составитя пятый том, хотя, быть может, они всего дороже автору. Нет ничего невероятного в том, что лет через тридцать-пятьдесят „Жан Кристоф“ станет классической детской книгой».

Обладая всеми элементами первоклассного писателя, кроме «собственной личности», Р. Роллан в зрелые годы чаще обращается не к художественному творчеству, а к публицистике, научно-познавательным работам, его особенно привлекает Индия. «Как новый Плутарх, он пишет биографии великих людей... собирает их в духовный парламент человечества, и благочестивое перо его, кисть новейшего живописца, уже начертало образы, или образа Бетховена, Микельанджело и нашего Толстого, чье влияние на себе проникновенно испытал Роллан — поклонник героичности в том смысле, что жизнь он освещает изнутри, у него звучит лирика морали», — пишет Ю. Айхенвальд, касаясь публикации в журнале «Беседа» очерка Р. Роллана о Махатме Ганди¹. Далее критик задается вопросом о своеобразии литературной манеры писателя, которая, по его мнению, определяется соединением в себе двух национальных стихий, «двух элементов — старый Рейн и сероглазую Сену в зелено-желтом платье». «От Рейна, от Гёте, от старого немецкого идеализма у Роллана его глубокомыслие, его нравственная серьезность и поэтичность, задушевный тон и общественный дух благочестия, разлитый по книгам. А от Сены идет у него замечательная подвижность многостороннего и заинтересованного ума, блеск и остроумие афоризмов, которыми он обильно инкрустирует свои страницы и из которых можно составить антологию мудрости».

Несмотря на серьезный спад творческой активности Р. Роллана, на который указывают все критики, он все же остается центральной фигурой в литературе Европы 10–20-х гг., хотя бы потому, что в его работах, как и в произведениях других европейских писателей, поднимаются вопросы эпохи. В «Литературных заметках» Ю. Айхенвальд обращает внимание на недавно вышедшие романы «Мать и сын» Р. Роллана и «Мать Мария» Г. Манна, которые симптоматично свидетельствуют, что «после темы „отцы и дети“ входит в современную литературу более интимная и нежная, хотя и сходная тема — «матери и сыновья». У Роллана видение матери витает над человечеством и пытается отогнать от него кровавую тучу войны»².

Немецкие писатели-прозаики находили у берлинской критики довольно восторженные отклики в первую очередь из-за их связи с русскими писателями и культурой. Яркой страницей русско-немецких ли-

¹ Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. 1924. 3 февр.

² Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 1 июня.

тературных связей была, организованная «Домом искусств» в Берлине, встреча Т. Манна, согласившегося прочесть одно из своих неопубликованных произведений в пользу русских писателей в Петрограде¹. В публикациях о Т. Манне подчеркивается глубинная связь его с русской литературой, однако материалов, где бы эта связь анализировалась, в берлинский период зарубежной русской критики не издавалось. Напротив, Т. Манн, называвшийся «самым крупным представителем современной немецкой прозы», представлен критикой больше как общественный деятель, участливо заинтересованный в контактах с русскими писателями эмиграции: И. Шмелевым, Дм. Мережковским, А. Белым².

Другое дело, менее титулованные писатели, среди которых и знаменитый драматург Г. Гауптман, и серьезный романист Б. Келлерман, и совсем еще начинающий Э. М. Ремарк — они интересуют критику исключительно в профессиональном плане.

Привыкший к драмам Гауптмана читатель с интересом может прочитать в аналитическом обзоре А. Левинсона «Об искусстве этих дней», что вышел один из трех его романов «Еретик из Соаны», в котором не только, как в большинстве пьес, констатируется безысходность жизненной ситуации, но и осуществляются попытки найти из нее выход. Автор заставляет читателя убедиться в том, что счастье ждет человека только в слиянии с вечной природой, и это не опрощение, но зрелое решение образованного человека, который сознательно отказывается от уродливого мира, извращающего духовную и физическую природу человека, и уходит со своей возлюбленной в горы, порвав с официальными властями и церковью. В такой постановке вопроса критик видит «этические навыки Гёте», восходящие к традиции романов о Вильгельме Мейстере: «А. Франс, Мережковский, в выработанных антитезах противопоставляли христианский аскетизм языческому чувству жизни, скванного духа — святой плоти»³. И хотя автор упрекает мастера драмы в неумении создать оригинальный сюжет — намекает на роман Э. Золя «Грех аббата Мюре», — финал романа отличен: патер-расстрига не терпит внутреннего крушения, что и придает роману оптимистическое звучание.

Редкий факт из истории русского Берлина, когда одновременно на немецком языке в издательстве Фишера и на русском в издательстве

¹ Рувль. 1922. 22 марта.

² *Гриф*. Томас Манн о русских писателях // Рувль. 1926. 4 авг.

³ *Левинсон А.* Об искусстве этих дней // Рувль. 1921. 19 июня.

«Грани» выходит роман Б. Келлермана «Случай из жизни Шведенклея». Объяснение этому ищет А. Д. в художественных особенностях романа: «От архитектора Шведенклея, стройно налаженную, обывательски-уютную жизнь которого всколыхнул один неожиданный случай, даже не уместяющийся в рамках европейского благоразумия и душевного благополучия, память идет к хорошо знакомым русским образам. Очень уж не западноевропейский, слишком уж русский этот призрак счастья, мелькающего „мимолетным видением“»¹. Связь с русской литературой очевидна; в романе звучит чеховский мотив: «Человек не использовавший щедро отпущенных ему духовных сил, жизнь свою устроивший не так, как грезилось в молодости, а как устраивают ее другие, потому что струсил дух услилий и одолений, и линия наименьшего сопротивления оказалась наиболее приятной».

Для А. Д. трактовка любовного чувства как определенной ступени духовного развития личности связана с традицией русской литературы, принципиально отличающейся от рационализма и сентиментализма западной, что отдаляет роман Келлермана от своей национальной традиции.

«Любовь в повести об архитекторе Шведенклее так тонка, что убедительно сплетена со всем строем его духовной жизни, со взлетами творчества, так умно ставит ее Келлерман в красный угол внутренней жизни, что приобретает она под его пером значительность жизненно-го двигателя, глубокую и непреложную».

Первая публикация об одном из самых известных русской публике немецком писателе Э. М. Ремарке появилась на исходе литературно-культурной деятельности русского Берлина, сразу после выхода в свет романа «На западном фронте без перемен». А. Савельев обращает внимание на принципиальную творческую позицию автора: «Изображение войны не является целью автора, она непрерывный аккомпанемент, процесс психического перерождения молодого человека»², и это свойство делает роман Ремарка ближе поклонникам Толстого.

Современная английская проза практически не интересуется эмиграцией в Берлине. Есть несколько откликов на выход в Великобритании книги Г. Уэльса «Россия во мгле» и связанных с этим встречах с писателем³, а также рецензия на выход романа «Тайники сердца», где «автор стоит на той точке земного пути, когда неизбежен взгляд на-

¹ А. Д. Новый роман Б. Келлермана // Дни. 1922. 22 июля.

² Савельев А. Поколение «железной молодости» // Руль. 1922. 27 марта.

³ Крымов Вл. Из встреч. I. Г. Д. Уэльс // Голос России. 1921. 12 июня.

зад, на пройденные этапы, а подведение итогов неминуемо приводит к переоценке твердынь»¹.

Беспокоит берлинцев и судьба Конан Дойля, похоронившего Холмса и решившего заняться спиритизмом², но никто не пишет собственно о литературе. Этот очевидный недостаток прессы русского Берлина восполняет «Голос России» публикацией венгерского критика П. Гатваки о новом уголовном романе Честертона «Человек, который был в четверг». Автор считает, что английский писатель «является прямым потомком трех шекспировских глупцов (включая Фальстафа и Гамлета), устами которых глаголет высшая мудрость. Англичанам недостает биологического предрасположения к нищезанятию. Он израсходовал свой пафос на прерафаэлитизм, и все, что у него осталось после этого, воплотил в О. Уайльде, когда же спор между Красотой и Моралью окончился победой морали, Б. Шоу сделался ее выразителем. Часть его речей покрыта вуалью мистицизма. Социализм — эта нервная болезнь новой Европы — в произведениях Честертона переходит в любовь к угнетенным. В этом понимании сквозит идеология древних христиан, приводящая автора к конечному уяснению смысла человеческой любви; минуя неокатолический догматизм, Честертон пытается восстановить равновесие между этикой и эстетизмом. Он не моралист, он лишь носитель этических идей нашего времени, которое настолько занято созданием революционно-гуманитарных идеалов, что даже не замечает тех, кто работает заодно с ним. Его произведения проникнуты религиозным духом и поэтому революционны»³.

Таким образом, в берлинский период русской зарубежной критики западноевропейская литература сыграла важную «дипломатическую» роль в установлении связи эмиграции с иной культурной средой. Обращение к классическому наследию Запада помогало выявить специфику русской национальной литературы, понять ее корни и в сравнительно-историческом аспекте установить преемственность западной и восточной европейских литератур. Особенно отмечалось берлинской критикой единство литературных процессов в России и Европе, связанных с поиском новых художественных форм, установлению связей с предыдущими периодами развития литературы. Современный литературный процесс в Европе, наблюдаемый русской критикой непосредственно из-за границы, давал богатейший материал. Обращает на себя внимание независимость

¹ Даманская А. Новый роман Г. Уэльса // Голос России. 1922. 4 июня.

² Разговор с Конан Дойлем // Голос России. 1921. 19 апр.

³ Гатваки П. Честертон // Голос России. 1921. 9 июня.

аргументации при рассмотрении литературных произведений, не связанной никакими цензурными ограничениями. Неоспорим вклад русского Берлина в установление тесной связи западноевропейской литературной традиции с русской, что в начале XX в. еще не было устоявшимся.

Заключение

Литературная критика, раз появившись на свет вслед за литературой, также, как и литература имеет свою историю, которая бесконечна, в отличие от событий и явлений ее составляющих.

Литературная критика русского Берлина конечна, ее история завершена, также как и история русской эмиграции XX века и ее критики, поэтому анализ ее в целом вполне оправдан. Драматическое движение литературной критики русского зарубежья становится самостоятельной отраслью историко-литературного знания. И хотя история эта еще ждет своего написания, все же можно делать некоторые выводы.

Судя по начальному, «берлинскому», этапу, она развивалась параллельно двум существовавшим в то время литературно-критическим процессам в России и Европе. В Берлине была заложена основа литературно-критической мысли русского зарубежья в формах, отличных от парижских.

Если ядро критики в Париже составляла деятельность «толстых» литературных журналов, с их неспешным темпом и внушительной объемомностью материала, то в Берлине все начиналось даже не с тонких узко профессиональных литературоведческих журналов — центр литературно-критической мысли располагался в ежедневных газетах «Руль» и «Дни». Отсюда вынужденная краткость, доступность, ориентация на самого широкого читателя, формирование самой демократической среды бытования литературно-критической мысли.

В Берлине пришлось отказаться от строго научного литературоведения в вопросах классической литературы. Привыкший к литературоведческому анализу творчества классиков читатель теперь сталкивался с легкостью и доступностью критического взгляда на Пушкина, Достоевского, Толстого, с одной стороны, и предложением посмотреть на их творчество не с эстетических или воспитательных, а с философ-

ских позиций. Более того в Берлине был сделан важный прорыв по включению русской классики в контекст европейской культуры. Переводы на европейские языки и популяризация их творчества были не только надежным куском хлеба для литераторов, но и возможностью познакомить европейцев с русской литературой и культурой.

Освещение современного русского литературного процесса составляло главный интерес берлинцев. Обзор современных проблем и тем дает основание полагать, что в берлинской критике отразились все типичные свойства начального развития литературной критики русского зарубежья: интерес к задачам, стоящим перед исследователем литературы в новых социально-политических условиях; прогнозирование путей развития литературы. Практическая одновременность создания и прочтения литературного произведения, а также оценка его критикой, делали актуальным вопрос о личности критика, его отношения с читающей публикой и с писателем, произведение которого им анализируется.

Вместе с тем авторов берлинских изданий волновали и менее общие вопросы. Анализ художественных текстов «старых» и «новых» прозаиков постоянно проводился на страницах периодических изданий. Особенное внимание вызывала поэзия как наиболее интенсивно развивающаяся часть современной литературы, в которой, как оказалось, очень много «средних» поэтов, над которыми возвышаются единицы.

Время показало, что оценки, сделанные в Берлине 20-х гг. в целом совпали с литературным приговором истории. Художественное чутье, профессиональная эрудиция и отсутствие цензурных и других, усложняющих процесс свободного обращения с литературным материалом, факторов дало возможность критикам объективно, не взирая на лица, оценивать, нередко и резко критиковать авторские тексты. Высокая оценка начинающих М. Булгакова, В. Набокова и Б. Пильняка вполне была подтверждена их последующим творчеством. Большие надежды на А. Дроздова, Г. Алексеева, Б. Пастернака оправдались лишь частично. Скромный интерес к парижским авторам (И. Бунину, И. Шмелеву, М. Алданову, Д. Мережковскому) скорее связан с тем, что за короткий период существования русского Берлина ими не было написано ничего значительного, а также с тем, что берлинцы предпочитали А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, М. Горького и А. Толстого, с которыми они связывали основное направление современного литературного процесса.

Наблюдение за развитием литературного процесса в Европе воспринималось в критике берлинцев как продолжение разговора о «тра-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

диции» и о русско-европейских литературных связях. В отходе большинства современных западных писателей от магистральной дороги европейского реализма в угоду современным модернистским веяниям видели они причины упадка западноевропейской литературы и надеялись на живительную связь ее с русской. Примечательно, что американская литература, ни современная, ни прошлого века не вызывала высокой оценки — в ней подчеркивалась вторичность, по отношению к литературе Старого света.

Библиография

I. КРИТИКА РУССКОГО БЕРЛИНА: ИСТОЧНИКИ

- «Colas Brugnon» // Руль. 1922. 29 авг.; 1922. 30 авг.; 1922. 3 сент.; 1922. 4 сент. и далее.
- Idem.* Еще два юбилея // Руль. 1931. 18 февр. [Лессинг; Гейне].
- Н. Юлий Айхенвальд. Силуэты русских писателей. 1923. Берлин. Т. 2 // Дни. 1924. 3 февр.
- Рес: Б. Пильняк. «Повесть петербургская» // Руль. 1922. 23 июля.
- Sergius.* Эммануил Кант // Руль. 1924. 24 апр. С. 5.
- Spectator.* Наш Гоголь // Руль. 1927. 3 мая [Письмо из Праги о заседании Русского Дома].
- З. К 80-летию юбилею А. Франса // Дни. 1924. 6 апр.
- А. Г. Гребенщиков. Родник в пустыне // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 21.
- А. М. П. Арцыбашев. Дикое. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 21.
- А. Н. Тасин. Катастрофа. Фантастический роман. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 13.
- А. Б. Глеб Алексеев. Мертвый Бег. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 21.
- А. Б. К. Бальмонт. Воздушный путь. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 12.
- А. Б. Конст. Федин. Бакунин в Дрездене // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 16.
- А. Б. Марина Цветаева. Психея. Романтика // Дни. 1923. 24 июня.
- А. Б. Мария Шкапская. Кровь-Руда. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 17.
- А. Б. Н. С. Гумилев. Письма о русской поэзии // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 25–26.
- А. Б. Николай Оцуп. Град. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 11.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Б. Письма о литературе. Еще о Гумилеве // Руль. 1931. 24 сент.
А. Б. Федор Сологуб. Барышня Лиза // Дни. 1922. 19 нояб.
А. В. «Двуликий» (К характеристике творчества Блока) // Накануне. Лит. прил. 1922. № 13. С. 5–7.
А. В. Нам хочется Вам нежно сказать // Накануне. 1922. 25 мая; 1922. 4 июня.
А. В. У С. А. Есенина (Беседа) // Накануне. 1922. 16 мая.
А. Д. «Собачья доля». Петербургский сборник рассказов А. Ремизова, Е. Замятина и др. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 10–11.
А. Д. Муза Анатоля Франса // Руль. 1926. 17 марта.
А. Д. Новая книга Я. Вассермана // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 37–38.
А. Д. Новая пьеса М. Метерлинка // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 36–37.
А. Д. Новости французской литературы. Смерть Бальзака // Дни. 1923. 14 окт.
А. Д. Преступная любовь Байрона // Руль. 1926. 12 дек.
А. С. В. Г. Корленко в воспоминаниях украинского критика // На чужой стороне. 1924. № 5. С. 295–300.
А. С. Вл. Лидин. Ночи и дни. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 14–15.
А. Я. Сполохи. Литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал. Ред. А. Дроздов. № 1–12 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 25–26.
Август Ф. На страже сокровищ (Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Изд. «Слово», Берлин.) // Дни. 1923. 10 июня.
Адамович Г. Комментарий // Цех поэтов. 1923. Кн. 4. С. 59–64.
Айхенвальд Ю. «Битые боги» // Руль. 1928. 27 июня [Л. Леонов «Вор»].
Айхенвальд Ю. «Исповедь писателя-еврея» (Лекция о Якове Вассермане) // Руль. 1923. 13 авг.
Айхенвальд Ю. Александр Блок // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 164–173.
Айхенвальд Ю. Александр Одоевский // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 232–236.
Айхенвальд Ю. Алексей Толстой // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 192–197.
Айхенвальд Ю. Анна Ахматова // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 183–192.
Айхенвальд Ю. Балтрушайтис // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 153–158.
Айхенвальд Ю. Бальмонт // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 69–73.
Айхенвальд Ю. Баратынский // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 106–115.
Айхенвальд Ю. Батюшков // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 41–43.
Айхенвальд Ю. Белинский // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 199–207.
Айхенвальд Ю. Бенедиктов // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 246–251.
Айхенвальд Ю. Борис Зайцев // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 133–144.
Айхенвальд Ю. Валерий Брюсов // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 83–95.
Айхенвальд Ю. Веневитинов // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 228–231.
Айхенвальд Ю. Вл. Соловьев // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 66–68.

- Айхенвальд Ю. Владислав Ходасевич. Статьи о русской поэзии. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 24–25.
- Айхенвальд Ю. Встречи с писателями // Руль. 1929. 17 февр. [Посмертная статья].
- Айхенвальд Ю. Вызывающая книга // Руль. 1926. 24 марта [Sir Galahad «Idiotenföhrer durch die russische Literatur»].
- Айхенвальд Ю. Гамлет по-старому // Руль. 1927. 12 янв. [Постановка «Гамлета»].
- Айхенвальд Ю. Гаршин // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 3–11.
- Айхенвальд Ю. Героиня Достоевского // Руль. 1928. 22 авг. [О книге А. П. Сусловой «Годы близости с Достоевским»].
- Айхенвальд Ю. Герцен // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 208–213.
- Айхенвальд Ю. Глеб Успенский // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 281–293.
- Айхенвальд Ю. Гоголь // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 74–84.
- Айхенвальд Ю. Гончаров // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 205–214.
- Айхенвальд Ю. Грибоедов // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 47–53.
- Айхенвальд Ю. Гумилев // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 174–182.
- Айхенвальд Ю. Десятая муза // Руль. 1925. 4 нояб. [Реми де Гурмон].
- Айхенвальд Ю. Достоевский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 240–252.
- Айхенвальд Ю. Еще о Толстом // Руль. 1926. 12 мая.
- Айхенвальд Ю. Еще о Толстом // Руль. 1928. 26 сент.
- Айхенвальд Ю. Жуковский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 219–221.
- Айхенвальд Ю. Иван Бунин // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 115–132.
- Айхенвальд Ю. Карамзин // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 214–218.
- Айхенвальд Ю. Книга о Ленине // Руль. 1927. 21 дек. [Valerin Marcu].
- Айхенвальд Ю. Книга преступного равнодушия // Руль. 1927. 17 авг. [А. Балаба-нова «Erinnerungen und Erlebnisse»].
- Айхенвальд Ю. Козлов // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 222–227.
- Айхенвальд Ю. Кольцов // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 125–131.
- Айхенвальд Ю. Короленко // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 12–18.
- Айхенвальд Ю. Крылов // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 44–46.
- Айхенвальд Ю. Лев Толстой // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 215–239.
- Айхенвальд Ю. Лев Толстой. К столетию со дня рождения. Путь Толстого // Руль. 1928. 9 сент.
- Айхенвальд Ю. Лекция «Еврейское самосознание Гейне» // Руль. 1925. 4 нояб.
- Айхенвальд Ю. Леонид Андреев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 96–114.

- Айхенвальд Ю. Лермонтов // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 85–105.
 Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль [публикации с 17 июня 1925 по 12 дек. 1928]:
 1925. 17 июня [День русской культуры]; 1925. 24 июня [Ключевский «Курс русской истории»]; 1925. 1 июля [П. Романов, Н. Паткапова-Кронткова]; 1925. 15 июля [О постановлении партии о литературе]; 1925. 22 июля [«Современные записки» Кн. XXIV: Зайцев, Бунин «Митина любовь»]; 1925. 29 июля [Салтыков-Щедрин]; 1925. 5 авг. [Л. Андреев]; 1925. 12 авг. [О. Форш, М. Бейдеман]; 1925. 19 авг. [«Печать и революция», № 3, Бухарин]; 1925. 26 авг. [Ю. Лебединский «Комиссары», «Новый мир» № 7]; 1925. 16 сент. [Д. С. Мережковский «Александр I»]; 1925. 23 сент. [В. В. Шульгин «Дни»]; 1925. 30 сент. [«Еще о смерти Пушкина» М. Гофман, «На чужой стороне» № 11]; 1925. 7 окт. [«Современные записки», кн. XXV: Ф. Степун «Николай Переслегин»]; 1925. 28 окт. [В. Ирецкий «Похитители огня»]; 1925. 11 нояб. [«На чужой стороне», № 12]; 1925. 18 нояб. [Ропшин, Степун]; 1925. 2 дек. [М. Алданов «Чертов мост»]; 1925. 9 дек. [Цветаева, Мандельштам, сб. «Ковчег»]; 1925. 30 дек. [Эренбург «Рвач», Г. Гребенщиков «Веления земли»];
 1926. 6 янв. [Одоевский, Бицилли «Этюды о русской поэзии»]; 1926. 13 янв. [«Современные записки», кн. XXVI: Шмелев «На пеньках», Ремизов «Труддесертир»]; 1926. 20 янв. [«На чужой стороне» № 13]; 1926. 10 февр. [И. Бунин «Митина любовь», «Благонамеренный» № 1, «Голос минувшего»]; 1926. 10 марта [«Библиотека современного писателя»]; 1926. 17 марта [«Красная новь», № 10; Гл. Алексеев, Э. Триоле]; 1926. 31 марта [В. Сирин «Машенька», П. П. Веймарг «Корнет Корсаков», Бунин]; 1926. 14 апр. [Б. Зайцев «Золотой узор»]; 1926. 21 апр. [«Голос минувшего», № 2]; 1926. 28 апр. [«Современные записки» кн. XXVII: Бунин «Дело корнета Елагина», Мережковский «Мессия»]; 1926. 5 мая [Ремизов, Соболев, Святополк-Мирский, Цветаева]; 1926. 19 мая; 1926. 16 июня [А. Соболев, М. Горький «Дело Артамоновых», Э. Триоле «Земляничка», Н. Оцуп «В дыму»]; 1926. 23 июня [Совр. женщина, Стриндберг]; 1926. 30 июня [«Недра», № 9; Н. Ляшко, А. Яковлев]; 1926. 14 июля [«Новый мир», Пильняк, «Жестокость» Сергеева-Ценского]; 1926. 21 июля [«Крейцера соната», «Солнечный удар» Бунина]; 1926. 28 июля [«Современные записки», «Голос минувшего»]; 1926. 4 авг. [О критике, А. Франс, Данте]; 1926. 18 авг. [«Красная новь», Маяковский]; 1926. 25 авг. [А. Белый, Ал. Михайлов «Бунтари»]; 1926. 1 сент. [К. Тренев, А. Толстой]; 1926. 15 сент. [Эстетика]; 1926. 22 сент. [А. Неверов, Русов «Обломки»]; 1926. 6 окт. [Е. Винавер, о правах критики]; 1926. 20 окт. [С. Р. Минцлов «Закат», Е. Замятин «Уездное»]; 1926. 27 окт. [«Голос минувшего» № 4, «Лев Толстой в офицерском мурдире» В. Ф. Бул-

- гакова]; 1926. 3 нояб. [Е. Чириков «Поэма страшных лет», Вл. Крылов «Бог и деньги»]; 1926. 10 нояб. [Кнут Гамсун, Коростовец]; 1926. 17 нояб. [И. Бунин «Воды многия», Берберова, И. Шмелев «Солнце мертвых»]; 1926. 24 нояб. [Верхарн]; 1926. 1 дек. [Вл. Лидин «Идут корабли», П. И. Залесский «Возмездие», С. Орловский «Лирика молодого Тургенева»]; 1926. 15 дек. [О. Форш «Современники», Бунин]; 1926. 22 дек. [эпиграфы Гр. Ландау, Б. Лавренив]; 1926. 29 дек. [Пришвин, Зайцев];
1927. 19 янв. [«Воля России» № 9, Шкловский «Третья фабрика»]; 1927. 26 янв. [М. Цветаева «Тезей», «Версты» № 2]; 1927. 2 февр. [«Современные записки», кн. XXX: Б. Зайцев]; 1927. 9 февр. [Берберова, Башкирцева]; 1927. 16 февр. [М. Алданов, М. Пришвин, сб. «Недра»]; 1927. 23 февр. [С. Юшкевич, Троцкий]; 1927. 2 марта [75-летие кончины Гоголя]; 1927. 9 марта [Георг Брандес, Ив. Бунин]; 1927. 16 марта [В. Брюсов, А. Куприн]; 1927. 23 марта [25-летие смерти А. Н. Радищева]; 1927. 30 марта [Гоголь, Жуковский]; 1927. 6 апр. [Е. Кельчевский «После урагана», «Воля России», № 2; С. Р. Минцлов «Волки»]; 1927. 13 апр. [Веневитинов, Радищев, Одоевский]; 1927. 20 апр. [С. Федорченко «Народ на войне»]; 1927. 27 апр. [«Голос минувшего на чужой стороне» № 5]; 1927. 4 мая [М. Горький «Фальшивая монета», Е. Глуховцева «В темную ночь»]; 1927. 11 мая [С. Малашкин, Шмелев]; 1927. 18 мая [Шмелев]; 1927. 25 мая [Ницше, Герцен, Огарев]; 1927. 1 июня [«Современные записки», кн. XXXI: Юшкевич, Гребенщиков, Т. Манн, Р. Роллан]; 1927. 15 июня [А. Ремизов «Оля», М. Слонимский «Лавровы»]; 1927. 22 июня [Толстой «Детство», Вересаев, «Недра», № 11]; 1927. 29 июня [С. Григорьев, Я. Коробов, Б. Суворин]; 1927. 6 июля [А. Мариенгоф]; 1927. 13 июля [Шагинян]; 1927. 20 июля [М. Шагинян]; 1927. 27 июля [Ознобышев, Р. Ивнев]; 1927. 3 авг. [«Дневники» Брюсова]; 1927. 31 авг. [С. Малышкин, С. Заяицкий]; 1927. 14 сент. [И. Шмелев, С. Минцлов, С. Горный]; 1927. 21 сент. [Бодлер]; 1927. 28 сент. [по поводу напечатанного Т. Масариком отрывка из статьи о Достоевском]; 1927. 12 окт. [Н. Павлов «Земля и воля»]; 1927. 19 окт. [Метерлинк]; 1927. 26 окт. [Ю. Лебединский]; 1927. 2 нояб. [Постановка «Дней Турбиных» М. Булгакова]; 1927. 9 нояб. [В. Корсак «Плетень»]; 1927. 16 нояб. [К. Чапек]; 1927. 23 нояб. [Письма Тургенева]; 1927. 30 нояб. [С. Пшибышевский, Б. Зайцев «Странное путешествие»]; 1927. 7 дек. [В. Жаботинский];
1928. 4 янв. [И. Бунин «Божье право», В. Сирин «Университетская поэма»]; 1928. 18 янв. [М. О. Гершензон «Письма к брату», С. Р. Минцлов «Секретное поручение»]; 1928. 8 февр. [Н. А. Павлов «Бред. Россия в 19... г.», Б. Лазаревский «Голос родины», Г. Гребенщиков «Волчья сказка», А. Яблоновский «Дети улицы»]; 1928. 22 февр. [И. Эренбург «Бурная жизнь Ластика Ройтшванца»]; 1928. 29 февр. [Ф. Геббель]; 1928. 7 марта [Дневник А. Блока,

- Куприн, Сверчков]; 1928. 14 марта [«Современные записки», «Жизнь Арсеньева», Г. Песков, Н. Берберова]; 1928. 21 марта [М. Осоргин «Сивцев Вражек»]; 1928. 4 апр. [Сухово-Кобылин, «Politische Novelle» В. Франк]; 1928. 11 апр. [«Жизнью и культурой» Гоголь, Достоевский, Толстой]; 1928. 18 апр. [И. Шмелев «Свет разума», В. Шишков «Роковой выстрел»]; 1928. 25 апр. [Р. Григорьев «На ущербе»]; 1928. 9 мая [К. Федин «Братья»]; 1928. 16 мая [Ю. Милославский, П. Романов]; 1928. 23 мая [П. Романов, В. Катаев «Расстратчики», В. Шишков «Тайга»]; 1928. 13 июня [Бунин «Жизнь Арсеньева, И. Матусевич «Планида Козий Рог»]; 1928. 20 июня [Павлов «Старые песни», А. Яковлев «Дикой»]; 1928. 4 июля [А. Толстой «Восемнадцатый год»]; 1928. 11 июля [очерк А. Моруа о Тургеневе]; 1928. 18 июля [Г. Чулков «Последняя любовь Тютчева»]; 1928. 25 июля [И. Янушева «Казнь»]; 1928. 8 авг. [В. Ирецкий «Наследники»]; 1928. 15 авг. [Н. Н. Евреинов «Театр вечной войны», Мережковский «Мессия», Ю. Галич «Остров»]; 1928. 29 авг. [Переписка Достоевского и Тургенева, Г. Иванов «Петербургские зимы»]; 1928. 5 сент. [С. Н. Палеолог «Около власти – очерки пережитого»]; 1928. 19 сент. [Н. Рошин «Горнее солнце», И. Шмелев «Мэри»]; 1928. 3 окт. [В. Сирин «Король, дама, валет»]; 1928. 10 окт. [Б. Лазаревский «Грех Парижа», М. Первухин «Жемчужное ожерелье»]; 1928. 24 окт. [М. Алданов]; 1928. 31 окт. [А. Задонский «Ступени», С. Р. Минцлов «Приключения студентов»]; 1928. 7 нояб. [Алданов]; 1928. 14 нояб. [И. Одоевцева «Ангел смерти», Г. Гребенщиков «Гонец»]; 1928. 21 нояб. [В. Е. Жаботинский «Слово о полку»]; 1928. 28 нояб. [Дм. Четвериков «Бунт инженера Каринского», А. Амфитеаров «Знакомые музы»]; 1928. 5 дек. [Л. Н. Толстой – Хрестоматия]; 1928. 12 дек. [Инбер, Краснов, Минцлов].
- Айхенвальд Ю. М. Л. Гофман «Пушкин. Психология творчества» // Руль. 1928. 20 июня.
- Айхенвальд Ю. Максим Горький // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 145–152.
- Айхенвальд Ю. Марина Цветаева. Молодец. Сказка // Руль. 1925. 10 июня.
- Айхенвальд Ю. Мысли о смысле // Руль. 1926. 13 окт. [С. Л. Франк «Смысл жизни»].
- Айхенвальд Ю. Неизданный Толстой // Руль. 1926. 3 марта.
- Айхенвальд Ю. Некрасов // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 137–146.
- Айхенвальд Ю. Нестор Котляревский. Пушкин как историческая личность. Берлин 1925 // Руль. 1925. 22 апр. [Рецензия].
- Айхенвальд Ю. Никитин // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 132–136.
- Айхенвальд Ю. О Мопассане // Руль. 1925. 9 сент.

- Айхенвальд Ю. О Ницше // Руль. 1925. 1 сент.
- Айхенвальд Ю. Об Оскаре Уальде // Руль. 1925. 16 дек.
- Айхенвальд Ю. Островский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 261–263.
- Айхенвальд Ю. Памяти Гейне. Руль. 1926. 24 февр.
- Айхенвальд Ю. Памяти Ибсена // Руль. 1926. 26 мая.
- Айхенвальд Ю. Памяти Некрасова // Руль. 1928. 11 янв.
- Айхенвальд Ю. Памяти Рильке // Руль. 1927. 5 янв.
- Айхенвальд Ю. Памяти Сологуба // Руль. 1927. 14 дек.
- Айхенвальд Ю. Писемский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 264–266.
- Айхенвальд Ю. Письма Достоевского // Руль. 1926. 29 сент.
- Айхенвальд Ю. Полежаев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 237–240.
- Айхенвальд Ю. Помяловский // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 272–275.
- Айхенвальд Ю. Посмертная книга // Руль. 1926. 8 сент. [И. Ясинский «Роман моей жизни»].
- Айхенвальд Ю. Предки // Спохохи. 1923. № 21 [Письма Пушкина].
- Айхенвальд Ю. Предсказание Пугачева // Руль. 1927. 24 авг. [Пьесы Тренева].
- Айхенвальд Ю. Принципиальный поэт // Руль. 1925. 14 окт. [А. К. Толстой].
- Айхенвальд Ю. Проблема писателя // Руль. 1928. 6 июня.
- Айхенвальд Ю. Проблема читателя // Руль. 1928. 30 мая.
- Айхенвальд Ю. Проспер Мериме // На чужой стороне. 1923. № 2. С. 150–160.
- Айхенвальд Ю. Пушкин // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 59–73.
- Айхенвальд Ю. Раскаившийся революционер // Руль. 1927. 7 сент. [«Воспоминания» Л. Тихомирова].
- Айхенвальд Ю. Русский мыслитель Руль. 1925. 2 окт. [Вл. Соловьев].
- Айхенвальд Ю. Рылеев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 54–58.
- Айхенвальд Ю. Салтыков-Щедрин // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 267–271.
- Айхенвальд Ю. Сергей Аксаков // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 198–204.
- Айхенвальд Ю. Столетие Карамзина // Руль. 1926. 9 июня.
- Айхенвальд Ю. Столетие Салтыкова // Руль. 1926. 27 янв.
- Айхенвальд Ю. Толстой и Толстая // Руль. 1928. 12 сент.
- Айхенвальд Ю. Тургенев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 253–260.
- Айхенвальд Ю. Тютчев // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 116–124.
- Айхенвальд Ю. Федор Сологуб // Силуэты русских писателей... Т. 2. С. 74–82.
- Айхенвальд Ю. Фет // Силуэты русских писателей... Т. 1. С. 163–173.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айхенвальд Ю. Француз в Москве // Руль. 1925. 23 дек. [Henri Beraud «Ce que j'ai vu à Moscou»].
- Айхенвальд Ю. Цензура церберов // Руль. 1928. 25 янв. [Эгон Эрвин Киш].
- Айхенвальд Ю. Через 15 лет // Руль. 1925. 25 сент. [15 лет со дня кончины Л. Н. Толстого].
- Айхенвальд Ю. Чехов // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 19–55.
- Айхенвальд Ю. Чехов и Соловьев // Руль. 1929. 6 марта.
- Айхенвальд Ю. Чужой о нашем // Руль. 1927. 10 авг. [«Von Russland der Gegenwart» E. I. Gumbel].
- Айхенвальд Ю. Юбилей Бориса Зайцева // Руль. 1926. 8 дек.
- Айхенвальд Ю. Языков // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 241–245.
- Ал. Др. Гр. Алексей Н. Толстой «Любовь – книга золотая». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 11.
- Алданов М. [Рец.:] // На чужой стороне. 1924. № 3.
- Алданов М. Загадка Толстого. Берлин, 1923
- Алданов М. О Толстом // На чужой стороне. 1924. С. 246–253.
- Алданов М. Об Анатоле Франсе // Голос России. 1921. 18 апр.
- Алданов М. Черный бриллиант: О Достоевском. 1821–1921 // Жар-птица, 1921. № 4/5. С. 33–35.
- Алданов М. А. Загадка Толстого. Берлин, 1923. 127 с.
- Алданов М. Морис Баррес // Дни. 1923. 19 дек.
- Алексеев Г. А. Чапыгин. Белый скит. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 19.
- Алексеев Г. Георгий Гребенщиков. Чураевы. Роман. Париж, 1922; Путь человеческий. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 13–14.
- Алексеев Г. Деревня в русской поэзии. Берлин, 1922. 97 с.
- Алексеев Г. Живые встречи (русские писатели в революции). Гр. А. Н. Толстой // Сполохи. 1922. № 8. С. 28–30.
- Алексеев Г. Живые встречи. Берлин, 1923 [Об А. М. Ремизове].
- Алексеев Г. С рубежа // Веретеныш. 1922. № 1. С. 1.
- Алексеев Г. Серапионовы братья // Веретеныш. 1922. № 2. С. 9.
- Алексеев Г. В. Сергей Есенин. «Пугачев» // Веретеныш. 1922. № 2.
- Амфитеатров А. В. Воззвание М. Горького // А. Амфитеатров. Горестные заметы. 1922. С. 44–50.
- Амфитеатров А. В. Н. С. Гумилев // А. Амфитеатров. Горестные заметы, 1922. С. 37–43.
- Английская оценка С. Аксакова // Беседа. Берлин, 1924. № 4. С. 326–328.

- Аничков Е.* Акмея русского художества // *Новости литературы.* Берлин, 1922. № 1. С. 7–10.
- Аничков Е.* Достоевский // *Сполохи.* Берлин, 1921. № 2. С. 23–26.
- Аничков Е.* Западная литература и славянство. Берлин, 1923. Библиотека современного знания [Рец.: *Руль.* 1926. 28 апр.].
- Аничков Е.* История французской литературы. Берлин, 1922.
- Аничков Е.* Новая русская поэзия. Берлин, 1923.
- Архангельский В. Н. К. Михайловский* // *Дни.* 1924. 19 февр. [К 20-летию со дня смерти].
- Арцыбашев М. П.* О Гёте. Вечный мираж. Б. С. 8
- Ашеров А.* Политические взгляды В. Г. Короленко // *Накануне.* Лит. прилож. 1922. № 29. С. 9–10.
- Ашкинази З. Г. Е. М. Салькова.* Сб. стихотворений известных и новейших русских поэтов // *Русская книга.* 1921. № 6. С. 14–15.
- Ашукин Н.* Александр Блок // *Сполохи.* 1922. № 6. С. 28–35; № 7. С. 21–27.
- Ашукин Н.* Современность в литературе // *Новая русская книга.* 1922. № 6. С. 4–6.
- Б. К. Рес.: А. Куприн «Гранатовый браслет»* // *Руль.* 1925. 25 марта.
- Б. К. Рес.: Георгий Гребенщиков. В просторах Сибири* // *Руль.* 1925. 25 февр.
- Б. К. М. Алданов. Святая Елена, маленький остров* // *Руль.* 1923. 9 дек.
- Б. Н. «Начало» Альманахи. Вып. 1 и 2–3. Иваново-Вознесенск.* 1921, 1922 // *Новая русская книга.* 1922. № 5. С. 9–10.
- Б. Н. В. Шульгин. Нечто фантастическое.* София, 1922 // *Новая русская книга.* 1922. № 10. С. 13.
- Б. Н. Задруга. Десять лет: 1911–1921* // *Новая русская книга.* 1922. № 10. С. 18.
- Б. Н. Литературные записки № 1 и 2.* Петроград, 1922 // *Новая русская книга.* 1922. № 6. С. 15–16.
- Б. Н-ский.* Вера Фигнер. Запечатленный труд. Ч. 1. Москва, 1921 // *Новая русская книга.* 1922. № 6. С. 14–15.
- Б. Н-ский.* Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. Год издания IX. М., 1920–21 // *Новая русская книга.* 1922. № 7. С. 15–16.
- Бальмонт К.* Имени Тютчева // *Дни.* 1924. 27 апр.
- Бальмонт К.* О Звуках сладких и молитвах // *Дни.* 1924. 8 июня [Пушкин].
- Бальмонт К.* Поль Моран // *Дни.* 1923. 19 авг.
- Барац Г. М.* О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. Берлин, 1924. 262 с.
- Бахрах А.* «Круг» 1. Альманах артели писателей. М.; Пг., 1923 // *Новая русская книга.* 1923. № 3/4. С. 13–14.
- Бахрах А.* Алексей Ремизов. Ахру. Повесть петербургская // *Дни.* 1922. 19 нояб.
- Бахрах А.* Борис Зайцев. Италия. Берлин, 1923 // *Новая русская книга.* 1923. № 3/4. С. 19–20.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахрах А. З. И. Гиппиус. Дневник 1911–1921 // Дни. 1923. 7 янв.*
- Бахрах А. Илья Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова // Дни. 1923. 17 июня [Рецензия].*
- Бахрах А. Рец.: А Ремизов. Пятая язва. Берлин, 1922 // Дни. 1923. 7 янв.*
- Бахрах А. Эпопея № 4 // Дни. 1923. 8 июля.*
- Бахрах А. В. «Эпопея» № 3. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 22.*
- Бахрах А. В. С. А. Есенин. Собрание стихов и поэм // Дни. 1922. 24 дек.; Струги. 1923. Кн. 1. С. 202–204.*
- Белый А. Герхарт Гауптман // Дни. 1922. 19 нояб. [Юбилей].*
- Белый А. К юбилею Максима Горького // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 2–3.*
- Белый А. Максим Горький. По поводу 30-летнего юбилея // Эпопея. 1922. № 3. С. 7–9.*
- Белый А. На Ивановской «башне» (Из воспоминаний) // Дни. 1922. 19 нояб. [Вяч. Иванов].*
- Белый А. На перевале. Берлин, 1923. 199 с.*
- Белый А. Сирин ученого варварства. По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское». Берлин, 1922. 24 с.*
- Белый А. Учитель сознания (Лев Толстой) // Знамя. 1921. № 1. С. 22–23.*
- Бем А. Владимир Амфитеатров-Кадашев. Очерки истории русской литературы. Прага, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 14–15.*
- Бем А. Из литературы о Достоевском // Руль. 1931. 15 апр.*
- Бем А. О безответственности в поэзии // Руль. 1931. 4 июня.*
- Бем А. О критике и критиках // Руль. 1931. 6 мая.*
- Бем А. Памяти А. Блока. // Руль. 1931. 6 авг.*
- Бем А. Памяти Н. С. Гумилева // Руль. 1931. 27 авг.*
- Бем А. Письма о литературе. «Индустриальная подкова» // Руль. 1931. 13 авг. [А. Ремизов].*
- Бем А. Письма о литературе. Еще о Гумилеве // Руль. 1931. 24 сент.*
- Бем А. Письма о литературе. Спор о Маяковском // Руль. 1931. 2 июля.*
- Бем А. Работы по теории литературы в России // Новости литературы. 1922. № 1. С. 12–15.*
- Бем А. Л. Культ Пушкина и колеблющие треножник // Руль. 1931. 18 июня.*
- Бем А. Л. Тайна личности Достоевского // Православие и культура. Сб. религиозно-философских статей под ред. проф. В. Зеньковского. Берлин: Русская книга, 1923. С. 181–196.*
- Беме Э. П. Meisterwerke der Russischen Bühne. Ausgewählt, übersetzt und eingeleitet von A. Lüther. Leipzig // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 20.*
- Берберова Н. Лев Лунц // Дни. 1924. 1 июня.*
- Бережанский Н. Новое о Пушкине и Достоевском (Письмо из Риги) // Русская книга. 1921. № 9. С. 13–14.*

- Беренштам В. В. Г. Короленко. Берлин, 1922.*
Би О. Театр в Берлине // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 31–33.
Бирюков П. И. Л. Н. Толстой Биография. Берлин, 1921.
Блок Н. Акмеисты в русской поэзии // Голос России. 1921. 15 янв.
Блок Н. Саломея О. Уальда // Голос России. 1921. 25 янв.
Б-н И. Литература в Советской России // Голос России. 1921. 31 мая.
Бор. Ор. Короленко (некролог) // Руль. 1922. 1 янв.
Брешковская К. Большой человек // Дни. 1924. 10 февр. [О Н. К. Михайловском].
Бродский Б. А. С. Пушкин и Е. М. Хитрово // Руль. 1925. 18 нояб.
Бродский Б. Блок о Пушкине // Руль. 1922. 12 сент.
Бродский Б. Вокруг Пушкина // Наша жизнь. 1926. № 1. С. 1–2.
Бродский Б. Новое о Пушкине // Руль. 1926. 10 февр.
Бродский Б. Язык Толстого // Руль. 1926. 24 марта.
Булгаков В. Новое о Толстом // Дни. 1924. 15 июня.
Булгаков В. Толстой о Толстом (новые материалы) // Дни. 1924. 16 нояб. (Сборник Толстовского музея под ред. Н. Н. Гусева).
Булгаков В. Трагедия Льва Толстого (дневник) // На чужой стороне. 1924. № 4. С. 5–49.
Булгаков Вл. Из дневника С. А. Толстой. Музей Л. Н. Толстого в Москве // Руль. 1928. 9 сент.
Булгаков М. Юрий Слезкин // Спохохи. 1922. № 12. С. 49–54.
Бунин И. Автобиография // Дни. 1923. 8 апр.
Бутkis Ч. Советская Россия в сатире. Берлин, 1923. 95 с.
Быков П. Писатель-мученик (Из воспоминаний о Вс. Гаршине) // Руль. 1930. 6 авг.
Быков П. В. Н. С. Лесков (Из записок умершего на днях библиографа) // Руль. 1930. 12 нояб.; 1930. 14 нояб.
В Берлине. Памяти Толстого // Руль. 1928. 12 сент. [Хроника. Выставки. Юбилей в Праге и Палестине].
В. Г. С. Сергеев-Ценский. Преображение. Роман. Часть 1-я. Валя. Крымиздат // Дни. 1924. 30 нояб. [Рецензия].
В. Е. Т. А. Ренников. Незваные варяги // Руль. 1929. 7 авг.
В. З. Александр Дюма-сын (К столетию со дня рождения – 24 июля 1824) // Дни. 1924. 10 авг.
В. Л. Андрей Белый. После разлуки. Петроград; Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 12.
В. Л. Григорий Петников. Поросль солнца // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 15–16.
В. Л. Мария Шкапская. Ца-ца-ца // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 23.
В. Л. С. Обрадович. Город // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 15.

- В. С. П. Д. Боборыкин // Голос России. 1919. 19 июля [На смерть].
- В. Т. Жюль-Верн // Руль. 1928. 12 февр.
- В. Х. О. Мандельштам. «Tristia» // Дни. 1922. 12 нояб.
- Василевский (Не-Буква). И. Е. Чириков «Смердяков русской революции» (роль Горького в русской революции). София, 1921 // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 13–14.
- Василевский (Не-Буква) И. М. «Писатели о себе» // Накануне. Лит. прилож. 1922. 30 июля.
- Василевский И. (Не-Буква). Литературные силуэты. Берлин, 1922 [О М. Горьком, Л. Андрееве, П. Краснове и др].
- Василевский И. (Не-Буква). «Самовольная отлучка» («Аэлита». Новый роман А. Н. Толстого) // Накануне. 1923. 23 июня. С. 2–3.
- Василевский И. (Не-Буква). Беспартийный Блок (К годовщине смерти А. А. Блока) // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 13. С. 2–3.
- Василевский И. (Не-Буква). Изветы эмиграции. «Сполохи». «Жар-Птица». «Театр и жизнь» // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 5 [А. Дроздов, С. Черный, Г. Алексеев].
- Василевский И. (Не-Буква). Тургеневская девушка // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 7. С. 7–8 [З. Гиппиус].
- Василевский И. В отставке («Жажда». Новая книга стихов Саши Черного) // Накануне. Лит. прилож. 1923. 27 мая. С. 4–7.
- Василевский И. Роман имени нэпмана (Н. Н. Брешко-Брешковский. Царские бриллианты) // Накануне. Лит. прилож. 1922. 10 сент.
- Василевский И. Холодный огонь (М. Алданов. Девятое термидора) // Накануне. Лит. прилож. 1923. 29 апр. С. 2–5.
- Вейдле Вл. По поводу двух статей о Блоке // Завтра. 1923. № 1. С. 107–113.
- Венгерова З. Горький в Европе // Накануне. Лит. прилож. № 20. С. 10–11.
- Ветлугин А. Иван Лукаш. Голое Поле (Книга о Галлиполи, 1921), София, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 22.
- Ветлугин А. На путях русской прозы // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 16. С. 8–9.
- Ветлугин А. Нежная болезнь // Накануне. Лит. прилож. 1922. 4 июня. С. 5–6.
- Ветлугин А. П. Муратов. Три рассказа. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 11–12.
- Ветлугин А. Уптон Синклер. Джимми Хиггинс. Роман. Перевод М. А. Дьякова. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 12–13.
- Вечер памяти В. Г. Короленко // Руль. 1927. 23 янв. [Доклад Ю. Айхенвальда].
- Витковский Г. Гете и наука о Гете в современной Германии // Беседа. 1924. № 5. С. 265–285.
- Водевиль Н. А. Некрасова // Руль. 1929. 20 апр. [На смерть].

- Волковский Н.* Блекнут краски // Дни. 1924. 6 апр. [Об альманахе «Молодая Россия» под ред. А. Толстого].
- Волковский Н.* Из новейшей беллетристики // Дни. 1924. 11 мая [Обзор журнала «Беседа» № 4].
- Волковский Н.* Маленькое о большом (Отрывки воспоминаний об А. Блоке) // Дни. 1923. 22 июля.
- Волковский Н.* Н. С. Гумилев // Дни. 1923. 2 сент. [По поводу кончины в 1921].
- Волковский Н.* На путях страдания // Дни 1924. 2 дек. [Обзор 8-й книжки «На чужой стороне»].
- Вольский А. А.* Ремизов. Россия в письменах. Т. 1 // Накануне. 1922. 13 апр.
- Вольский А.* Сергей Есенин. Пугачев // Накануне. 1922. 24 нояб.
- Встречи с Есениным. Из воспоминаний В. И. Качалова // Руль. 1928. 29 янв.
- въ. Саша Черный. «Детский остров» // Русская книга. 1921. № 3. С. 10.
- Вышеславцев Б. Ф.* М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 16 томах. Берлин, 1920–1923 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 14–15.
- Вышеславцев Б. П.* [Рец. на Полн. собр. соч. Достоевского. Изд. И. П. Ладыжникова. Берлин, 1919–1922]. // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 14–15.
- Вышеславцев Б. П.* Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923.
- Г. В. Сирин.* Гроздь // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 23.
- Г. А. Бор.* Пильняк. Голый год // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 11–12.
- Г. А. Борис Зайцев.* Дальний край. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 15–16.
- Г. А. Георгий Чулков.* Посрамленные бесы. М., 1921 // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 18.
- Г. А-въ Лери.* Онегин наших дней. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 24.
- Г. А-нъ.* Артур Шницлер. Доктор Греслер. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 8.
- Г. В. Лирень.* 1920 // Новый мир. 1921. 31 июля.
- Г. Р. Владислав Ходасевич* // Руль. 1930. 9 апр.
- Галич Л.* «Срастоцвет» // Руль. 1923. 15 мая [Тэффи «Passiflora»].
- Гатваки П.* Честертон // Голос России. 1921. 9 июня.
- Гер А. А.* 1910 г. в Ясной Поляне // Руль. 1924. 17 апр.
- Гер А. А.* Вблизи Толстого // Руль. 1924. 5 апр. [Дневники А. Б. Гольденвейзера].
- Герхарт Гауптман. Юбилей // Дни. 1922. 19 нояб.
- Гессен И.* Из частной переписки. Последние дни Леонида Андреева // Архив русской революции. 1922. Т. 1. С. 309–311.
- Гессен И.* Памяти Л. Н. Толстого // Руль. 1920. 21 нояб.
- Гессен И.* Три столицы // Руль. 1927. 2 февр. [Шульгин].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гиппиус* З. Одержимый. (О Вал. Брюсове) // Дни. 1923. 24 июня [Отрывок из статьи в «Окне» № 2].
- Гл. А.* Михаил Волков. Заковыка // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 16–17.
- Голлербах* Э. Андрей Белый как мыслитель // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 3.
- Голлербах* Э. Дары поэтов. Веретено. Берлин, 1922. Кн. 1
- Голлербах* Э. Пушкин и наши дни (Идеология Пушкина в ее сегодняшнем значении) // Сподохи. 1923. № 15–16. С. 13–17.
- Голсуорси Дж.* Очерк современной литературы в Англии // Беседа. 1923. № 1. С. 389–394.
- Гольденвейзер* А. А. «Война и мир» и «Анна Каренина» // Руль. 1928. 25 февр.
- Гольденвейзер* А. А. Последние годы Толстого // Руль. 1926. 13 окт.
- Гольденвейзер* А. А. Стефан Цвейг о Л. Н. Толстом // Руль. 1928. 10 авг.
- Гольденвейзер* А. А. Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Руль. 1923. 25 нояб.
- Горный* С. «О чем пел соловей» // Руль. 1930. 2 апр. [Сказки Андерсена].
- Горный* С. Аркадий Аверченко // Руль. 1926. 14 марта.
- Горный* С. Вечер Чехова // Руль. 1929. 18 сент.
- Горный* С. С. Есенин // Руль. 1925. 31 дек.
- Горный* С. Урна (Памяти Блока) // Руль. 1922. 12 янв.
- Гофман* М. «Утраченная любовь» Пушкина // Руль. 1928. 10 июня.
- Гофман* М. Жуковский в семье Протасовых и Воейковых // На чужой стороне. 1925. № 9. С. 219–252.
- Гофман* М. Записки П. В. Нащекина // Руль. 1924. 16, 18 сент.
- Гофман* М. Рец.: Ив. Шмелев. Въезд в Париж. Белград, 1929 // Руль. 1929. 18 дек.
- Гофман* М. Л. «Современные записки». Книга XXVIII // Руль. 1929. 10 апр.
- Гофман* М. Л. Рес.: Мих. Булгаков. «Дни Турбиных» / «Белая гвардия». Том 2. Париж, 1929 // Руль. 1929. 25 июня.
- Гофман* М. Л. Боратынский // Руль. 1925. 3 марта.
- Гофман* М. Л. Жуковский и Александр II // Руль. 1924. 6 дек.
- Гофман* М. Л. Заметки о Жуковском // Руль. 1927. 4 мая.
- Гофман* М. Л. И. А. Пущин // Руль. 1925. 27 мая.
- Гофман* М. Л. Литературное обозрение // Руль. 1929. 15 мая [Ф. Степун «Николай Переслегин»].
- Гофман* М. Л. Литературное обозрение // Руль. 1929. 17 июля [«Современные записки», Кн. XXXIX; Г. Иванов «Третий Рим»].
- Гофман* М. Л. Новое о «Нови» Тургенева // Руль. 1925. 13 окт.
- Гофман* М. Л. Новые письма И. С. Тургенева // Руль. 1925. 10 июля.
- Гофман* М. Л. О Рылееве (к предстоящему юбилею декабристов) // Руль. 1925. 11 нояб.

- Гофман М. Л. Парижские поэты // Руль. 1926. 28 апр.
- Гофман М. Л. По поводу Достоевского // Руль. 1929. 1 мая.
- Гофман М. Л. Последние дни Гоголя (новые материалы) // Руль. 1925. 25 янв.
- Гофман М. Л. Поэзия Вл. Соловьева // Руль. 1925. 1 авг.
- Гофман М. Л. Поэзия Карамзина // Руль. 1927. 23 марта.
- Гофман М. Л. Пушкин и декабристы // Руль. 1926. 14 февр.
- Гофман М. Л. Пушкин Л. Гроссмана // Руль. 1929. 24 апр.
- Гофман М. Л. Три сосны русской поэзии // Руль. 1925. 16 мая.
- Гофман М. Л. Тургенев о художнике // Руль. 1925. 30 авг.
- Гофман М. Л. Фантазии о Пушкине // Руль. 1925. 7 февр.
- Гриф. Томас Манн о русских писателях // Руль. 1926. 4 авг.
- Груздев И. Серапионовы братья // Лицо и маска. Берлин, 1922. С. 205–237.
- Гуль Р. «Эпопея» № 2. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 9–10.
- Гуль Р. А. Белый. Стихи о России. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 19.
- Гуль Р. А. Ветлугин. Записки мерзавца. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 13–14.
- Гуль Р. Ал. Блок «Катилина» // Русская книга. 1921. № 4. С. 8–9.
- Гуль Р. Андрей Белый. Путевые заметки // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 8–10.
- Гуль Р. Б. Пильняк. Иван-да-Марья. Петроград; Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 11–12.
- Гуль Р. Борис Пастернак. Темы и вариации. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 10.
- Гуль Р. Валерий Брюсов. «Последние мечты» // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 18.
- Гуль Р. Василий Казин. Рабочий май // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 20.
- Гуль Р. Виктор Шкловский. Ход коня. Книга статей. Москва; Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 25–26.
- Гуль Р. Вс. Иванов. Бронепоезд № 1469 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 11–12.
- Гуль Р. Есенин. Избранное // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 14.
- Гуль Р. Живопись словом // Накануне. 1923. 21 окт.
- Гуль Р. Зинаида Гиппиус. «Дневник. Стихи». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 16–17.
- Гуль Р. И. Соколов-Микитов. Об Афоне, о море, о Фурсике и о прочем. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 16.
- Гуль Р. И. Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 16–17.
- Гуль Р. Илья Эренбург. «Кануны» // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 18–19.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гуль Р. Илья Эренбург. Звериное тепло. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 17.
- Гуль Р. Илья Эренбург. Неправдоподобные истории // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 22.
- Гуль Р. Лирический круг. Страницы поэзии и критики. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 11–12.
- Гуль Р. М. Цветаева. «Версты» // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 13.
- Гуль Р. Марина Цветаева. «Психея». Романтика // Накануне. 1923. 21 марта.
- Гуль Р. Марина Цветаева. Версты. Стихи. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 13.
- Гуль Р. Мих. Зощенко. Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 16–17.
- Гуль Р. Мораль в искусстве // Накануне. 1923. 30 сент.
- Гуль Р. Николай Тихонов. Брага // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 18.
- Гуль Р. Пол в творчестве: разбор произведений А. Белого. Берлин, 1923. 45 с.
- Гуль Р. Толстой. Аэлита // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 15.
- Гуль Р. Федор Иванов. «Красный Парнас». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 8–9.
- Гуль Р. Этюды о писателях. А. Блок // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 5–10.
- Гуль Р. Б. Брюсов «Последние мечты» // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 18.
- Гурвич-Глуховский И. С. Русская культура в немецкой оценке // Голос России. 1922. 28 мая.
- Гурович А. О душе быта // Голос России. 1922. 5 февр.
- Д. «Красная новь» № 9. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 15–16.
- Даманская А. «Современные записки» // Голос России. 1922. 8 окт.
- Даманская А. В. Ропшин (Б. Савинков) Конь вороной. Париж, 1923 // Дни. 1924. 13 янв. [Рецензия].
- Даманская А. Герман Бар (К 60-летнему юбилею) // Дни. 1923. 23 июня.
- Даманская А. Евг. Иван. Замятин // Русская книга. 1921. № 3. С. 18–19.
- Даманская А. Жизнь Дизраэли // Руль. 1927. 29 мая.
- Даманская А. Клерамбо // Голос России. 1921. 10 июня.
- Даманская А. Новый роман Г. Уэллса // Голос России. 1922. 4 июня [«The secret places of the heart», 1923].
- Даманская А. Тилль Уйленшпигель Г. Гауптмана // Дни. 1922. 19 нояб.
- Даманская А. У М. Метерлинка // Дни. 1923. 10 июня.
- Декабров В. Ромен Роллан // Дни. 1926. 21 февр.
- Джозеф Конрад // Дни. 1924. 10 авг. [Некролог].
- Дионео. Мигель Де Унамуно // На чужой стороне. 1923. № 3.
- Дионео. Новый нобелевский лауреат Вильям Бетлер Итс // Дни. 1923. 25 марта.
- Договор Некрасова с Краевским // Новости литературы. 1922. Кн. 1. С. 15–19.

- Дроздов А.* «Ковчег». Альманах поэтов // Русская книга. 1921. № 6. С. 15.
- Дроздов А. А.* Даманская. «Стеклянная стена» // Русская книга. 1921. № 9. С. 10.
- Дроздов А. А.* Ремизов. «Мара», «Крашенные рыла», «Лалазань» // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 17.
- Дроздов А.* Александр Блок. Ямбы // Русская книга. 1921. № 3. С. 24.
- Дроздов А.* Александр Рубакин. «Город» // Русская книга. 1921. № 2. С. 11–12.
- Дроздов А.* Алексей Ремизов. Электрон // Русская книга. 1921. № 3. С. 21.
- Дроздов А.* Андрей Белый. Королева и рыцари // Русская книга. 1921. № 3. С. 24.
- Дроздов А.* Всеволод Иванов. «Цветные ветра». Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 12–13.
- Дроздов А.* Гр. А. Н. Толстой «Наваждение» // Русская книга. 1921. № 4. С. 5–6.
- Дроздов А.* Дон-Аминадо. «Дым без отечества» // Русская книга. 1921. № 6. С. 11.
- Дроздов А.* Иван Лукаш. Дом усопших. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 18.
- Дроздов А.* Игорь Северянин. «Crème des Violéts» // Русская книга. 1921. № 2. С. 11.
- Дроздов А.* Крылья и земля. О Толстом – учителе // Русский эмигрант. 1920. № 5. С. 3–4.
- Дроздов А.* Лев Толстой в Ясной Поляне // Руль. 1928. 11 сент.
- Дроздов А.* П. Н. Краснов. От двуглавого орла к красному знамени // Русская книга. 1921. № 3. С. 22.
- Дроздов А. С.* Подъячев. Дома. М. Борецкая. «В железном круге». О. Белкина «Дезертир» // Русская книга. 1921. № 3. С. 22–23.
- Дроздов А.* Савва Чукалов. Сумерки // Русская книга. 1921. № 2. С. 12.
- Дроздов А.* Самобытник. «Под красным знаменем»; В. Кириллов. «Стихотворения»; Я. Бердников. «Цветы сердца»; П. Арский. «Песни борьбы» // Русская книга. 1921. № 3. С. 23–24.
- Дроздов А.* Федор Иванов. «Узор старинный». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 10.
- Дроздов А. М. Ф.* Сологуб. «Заклинательница змей» // Русская книга. 1921. № 6. С. 10–11.
- Д-ская А.* Зигрид Ундсет // Руль. 1925. 12 сент.
- Д-ская А.* У М. Метерлинка // Дни. 1923. 10 июня.
- Д-ская А.* Французский писатель о Есенине // Руль. 1927. 12 янв.
- Е. В.* Новое слово (Львов-Рогачевский. Имажинизм и его образности. 1921) // Новый мир. 1921. 7 авг.
- Е. К.* Сын Достоевского (Страничка воспоминаний) // Руль. 1926. 18 авг.
- Елпатьевский С.* Глеб Иванович Успенский // Руль. 1927. 27 апр.
- Жуков Е.* Беседа с внуком Толстого // Руль. 1928. 13 сент.
- Журавская З.* Новые книги о Байроне // Руль. 1928. 13 нояб.
- Забезинский Г.* Из новой немецкой лирики. Берлин, 1921.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Заблудовская Р.* Новости немецкой литературы // Дни. 1923. 2 сент.
- Завадский С. О Н. С. Лескове* // Руль. 1931. 18 февр.
- Зензинов В.* «Современные записки». Кн. I–IX Париж, 1920–1922 // Голос России. 1922. 9 мая [А. Толстой. «Хождение по мукам»; Г. Гребенщиков. «Чураевы»].
- Зильберштейн И.* «Дуэль» Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым // Руль. 1926. 7 марта.
- Зноско-Боровский Е. А.* Морис Ростан. Дни. 1924. 9 марта.
- Зноско-Боровский Е. А.* Последний роман Жана Кокто // Дни. 1924. 3 февр.
- И. «Театр».* Двухнедельный журнал. Ред.-издатель Е. Ю. Грюнберг // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 17–18.
- И. Е. Нагродская.* Правда о семье моей жены. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 12.
- И. В. Новые письма Чехова* // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 8. С. 9–10.
- И. Э. Николай Тихонов.* Орда. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 11.
- И. Э. Вл. Лидин.* Морской сквозняк // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 17–18.
- И. Э. Ирина Одоевцева.* Двор чудес. Петроград, 1922; Елизавета Полонская. Знамения. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 8–9.
- И. Э. Л. Сейфуллина.* Перегной. М., 1923 // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 17.
- И. Э. Мариэтта Шагинян.* Литературный дневник. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 16.
- Иванов Г.* Почтовый ящик // Цех поэтов. 1923, Кн. 4. С. 65–73.
- Иванов Ф.* Без дороги. Поэзия имажинистов – Вл. Маяковский // Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 67–76.
- Иванов Ф.* «Московский альманах». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 17–18.
- Иванов Ф.* «Христос Воскресе» // Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 21–26.
- Иванов Ф. А. Куприн* «Звезда Соломона» // Русская книга. 1921. № 2. С. 13–14.
- Иванов Ф.* Без дороги (поэзия имажинистов) – Вл. Маяковский // Голос России. 1921. 27 июля.
- Иванов Ф.* Еще об имажинизме. Вадим Шершеневич. Кусиков // Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 77–84.
- Иванов Ф. И. С. Шмелев.* Неупиваемая чаша // Русская книга. 1921. № 3. С. 19.
- Иванов Ф. И. Эренбург.* Лик войны // Русская книга. 1921. № 4. С. 8.
- Иванов Ф. Ив. Наживин.* Во мгле грядущего. Повести. Вена, 1921 // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 12.
- Иванов Ф. Илья Эренбург.* 6 повестей о легких концах. Москва; Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 12–13.
- Иванов Ф. Итоги* // Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 123–130.

- Иванов Ф.* Константин Федин. Сад. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 8.
- Иванов Ф.* Литература в эмиграции // Голос России. 1921. 2 апр.
- Иванов Ф.* Литература казенного образца // Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 85–96.
- Иванов Ф.* М. Горький Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 2-е изд. 1921 // Русская книга. 1921. № 2. С. 12–13.
- Иванов Ф.* М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени». Вступ. ст. и ред. Е. Ляцкого // Русская книга. 1921. № 5. С. 14.
- Иванов Ф.* Максим Горький // Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 97–108.
- Иванов Ф.* Мариэтта Шагинян. Своя судьба. Петроград, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 20.
- Иванов Ф.* Мировая покинутость. Мих. Осоргин – Из маленького домика // Голос России. 1921. 30 июня, см. также: Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 109–116.
- Иванов Ф.* Поэт земной радости // Голос России. 1921. 11 июня, см. также: Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 49–56 [И. Эренбург].
- Иванов Ф.* Пролетарский прозаик. Павел Бессалько // Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 117–122.
- Иванов Ф.* Пролетарское искусство // Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 37–48.
- Иванов Ф.* Р. Гуль. В рассеянии сущие // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 21.
- Иванов Ф.* Роза и крест (о Блоке) // Спохохи. 1921. № 1. С. 39; см. также: Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 27–36.
- Иванов Ф.* Старые в новом // Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 13–20.
- Иванов Ф.* Тэффи. Так жили. Рассказы. Черный ирис. Рассказы // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 20.
- Иванов Ф.* Эпопея. Литературный ежемесячник под ред. А. Белого № 1. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 14–15.
- Иванов Ф.* Юрий Слезкин. Ольга Орг. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 13.
- Иванов Ф.* В. Мужичья Русь (Николай Клюев, Сергей Есенин) // Голос России. 1921. 20 июля, см. также: Иванов Ф. Красный Парнас, Берлин, 1922. С. 57–66.
- Иванов-Разумник Р.* Русская литература от семидесятых годов до нашего времени. Берлин, 1923. (1-е изд. – 1906.).
- Иванов-Разумник Р. В.* Владимир Маяковский. Берлин, 1922.
- Иванов-Разумник, Р.* Русская литература от семидесятых годов до нашего времени. Берлин, 1923.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Изгоев А. С.* Мечта и бессилие // Руль. 1926. 14 апр. [В. Сирин «Машенька»].
 Интимный дневник Бодлера (Пер. с франц. К. Д. Бальмонта) // Дни. 1924. 18 мая.
- Иоллес проф.* Байрон. 19. 04. 24 // Беседа. 1925. № 6/7. С. 353–368.
- Иорданская М.* Эмиграция и смерть Леонида Андреева // Голос России. 1920. 23 мая; 1920. 6 июня; 1920. 13 июня; 1920. 20 июня.
- Ирецкий В.* Немцы о Пушкине // Дни. 1924. 8 июня.
- К 25-летию смерти А. П. Чехова // Руль. 1929. 14 июля.
- К 80-летию юбилею А. Франса // Дни. 1924. 6 апр. № 431.
- К. Разговор с Конан Дойлем // Голос России. 1921. 19 апр.
- К. Смерть Стефана Жеромского // Руль. 1925. 25 нояб.
- К. К. К. Дни Турбиных (из частного письма) // Руль. 1926. 19 дек.
- Кадашев В. З. Н.* Гиппиус. Стихи. Дневник // Руль. 1922. 28 мая.
- Кадашев В. Рес.:* Георгий Гребенщиков. «Чураевы». Роман // Руль. 1922. 16 июля.
- Кадашев В. А.* Черный. «Жажда» // Руль. 1923. 14 авг.
- Каменецкий Б.* Калибан и каннибал // Руль. 1923. 10 июня.
- Каменецкий Б.* Осколки // Руль. 1923. 24 авг.
- Каменецкий Б.* Памяти Толстого // Руль. 1923. 25 нояб.
- Каменецкий Б.* Трагедия Кориолана // Руль. 1923. 19 авг.
- Каменецкий Б.* «Студент наврал...» // Руль. 1923. 1 дек.
- Каменецкий Б.* Анатоль Франс (некролог) // Руль. 1924. 14 окт.
- Каменецкий Б.* Безвременная смерть // Руль. 1924. 27 янв.
- Каменецкий Б. В.* Сирин. «Гроздь» и «Горний путь» // Руль. 1923. 28 янв.
- Каменецкий Б.* Взрывы // Руль. 1923. 21 окт.
- Каменецкий Б.* Георгий Гребенщиков: Былина о Микуле Буяновиче // Руль. 1924. 20 апр.
- Каменецкий Б.* За гробом Сенкевича // Руль. 1924. 29 окт.
- Каменецкий Б.* Золотое руно // Руль. 1924. 13 янв. [Зубатов].
- Каменецкий Б.* К 175-летию Гете // Руль. 1924. 27 авг.
- Каменецкий Б.* Карфаген или Каносса? // Руль. 1923. 15 июля.
- Каменецкий Б. (Айхенвальд Ю.)* Литературные заметки // Руль [публикации с 10 дек. 1922 по 27 мая 1925]:
 1922. 10 дек. [Блок, Горький]; 1922. 17 дек. [Цветаяева]; 1922. 31 дек.;
 1923. 7 янв. [Чертков «Уход Толстого», П. Муратов «Эгерия», Зошенко]; 1924.
 13 янв. [Ходасевич «Тяжелая лира»]; 1923. 21 янв. [Иванов-Разумник];
 1923. 28 янв. [Зайцев, Брюсов, В. Гофман]; 1923. 4 февр. [В. Шкловский
 «Сентиментальное путешествие», «Ход коня»]; 11 февр. [«На чужой стороне», № 3]; 1923. 18 февр. [И. Шмелев]; 1923. 25 февр. [Гребенщиков, Лукаш]; 1923. 4 марта. [Ященко «Кризис интеллигенции и новая идеология»];
 11 марта. [Ирецкий, Никитин, Бальмонт, Г. Магницкий, Е. В. Выставкаина];

1923. 18 марта. [Короленко]; 1923. 25 марта. [Блок]; 1923. 1 апр. [М. Алданов «Девятое термидора»]; 1923. 15 апр. [Чехов, Лидин, И. Коноплин]; 1923. 29 апр. [«Окно»: Бунин, Зайцев, Гиппиус, Мережковский]; 1923. 20 мая. [С. Волконский «Мои воспоминания», В. В. Шульгин «Дни»]; 1923. 27 мая. [«Беседа», кн. 1; Горький, Лунц, Шкловский]; 1923. 3 июня. [Н. Котляревский]; 1923. 24 июня. [Бальмонт, Ф. Степун «Основные проблемы театра»]; 1923. 8 июля. [И. Шмелев «Солнце мертвых»]; 1923. 29 июля. [Шульгин, Алданов, Матусевич]; 1923. 5 авг. [Достоевский]; 1923. 12 авг. [Вс. Иванов «Голубые пески», А. Яковлев «Повольники», В. Шкловский «Zoo»]; 1923. 2 сент. [«Беседа», кн. 2; Горький «Дневники»]; 1923. 16 сент. [«На чужой стороне», № 2; М. Горький «Мои университеты», В. Булгаков «Толстой-моралист»]; 1923. 23 сент. [«ЛЕФ»]; 1923. 30 сент. [Б. Зайцев, И. Новиков «Душка»]; 1923. 4 нояб. [Д. Н. Овсянко-Куликовский «Воспоминания»]; 1923. 9 дек. [«Беседа», кн. 3, Горький]; 1923. 23 дек. [Демель];
1924. 3 февр. [Р. Роллан]; 1924. 2 марта. [Вересаев «В тупике»]; 1924. 9 марта. [В. В. Розанов «Легенда о Великом инквизиторе»]; 1924. 16 марта. [Письма Чехова]; 1924. 30 марта. [«Окно», № 3]; 1924. 12 апр. [«На чужой стороне» № 4]; 1924. 4 мая. [«Беседа» № 4, Горький]; 1924. 11 мая. [«Современные записки», кн. XIX; Антон Крайний]; 1924. 18 мая. [В. Маргерит «La gaçoппе», Н. Никитин «Сейчас на западе»]; 1924. 22 июня. [Б. Зайцев, М. Цветаева]; 1924. 29 июня [Е. Чириков, Л. Никулин]; 1924. 6 июля. [«Русский современник» № 1: Достоевский, Тютчев, Е. Замятин, Л. Андреев]; 1924. 23 июля. [«Современные записки», кн. XX]; 1924. 6 авг. [«Беседа», № 5]; 1924. 13 авг. [«На чужой стороне», № 6]; 1924. 3 сент. [И. Шмелев «Неупиваемая чаша», И. Бабель, Л. Сейфуллина]; 1924. 17 сент. [«Русский современник» 2 кн.]; 1924. 8 окт. [Е. Чириков, А. Ремизов]; 1924. 15 окт. [Бунин]; 1924. 12 нояб. [«На чужой стороне» № 7]; 1924. 19 нояб. [П. Муратов «Образы Италии»]; 1924. 26 нояб. [«Русский современник», 3 кн.]; 1924. 3 дек. [Автобиография С. А. Толстой]; 1924. 24 дек. [«На чужой стороне», № 7];
1925. 7 янв. [О. Уайльд «Вера, или Нигилисты»]; 1925. 14 янв. [Ж. Дюгамель «Цивилизация», И. Британ «Изгнанники», А. Ренников «Диктатор мира»]; 1925. 21 янв. [С. Волконский «Последний день»]; 1925. 28 янв. [Вл. Соловьев]; 1925. 4 февр. [К. Аксаков]; 1925. 11 февр. [«Современные записки», кн. XXII: Мережковский «Рождение богов»]; 1925. 18 февр. [«Русский современник», № 4]; 1925. 25 февр. [Н. Надежин «Разуверенье»]; 1925. 11 марта. [Л. Леонов «Барсуки», Минцлов «За мертвыми душами»]; 1925. 18 марта. [М. Горяинова «Струны прошлого»]; 1925. 1 апр. [О кн. Карла Нетцеля о Достоевском]; 1925. 8 апр. [«Современные записки», кн. XXIII: Шмелев, Ремизов, Мирский, Ходасевич]; 1925. 22 апр. [Н. Котляревский «Пушкин»]; 1925. 29 апр. [«Беседа», кн. 6–7]; 1925. 6 мая [«Соврем. записки», кн. XXIII:

- Степун]; 1925. 13 мая. [Вольтер «Орлеанская девственница»]; 1925. 20 мая. [«На чужой стороне», № 10]; 1925. 27 мая. [Худож. словесность в СССР].
- Каменецкий Б.* Лоренцачио // Руль. 1924. 10 сент. [А. Мюссе].
- Каменецкий Б.* Неомененная // Руль. 1923. 8 апр. [Пасха].
- Каменецкий Б.* Осколки // Руль. 1923. 13 мая [Гоголь, Бунин, Тютчев].
- Каменецкий Б.* Памяти Лескова // Руль. 1925. 4 марта.
- Каменецкий Б.* Памяти Чехова (к 20-летию смерти) // Руль. 1924. 15 июля.
- Каменецкий Б.* Поэт погоста // Руль. 1924. 5 нояб. [100-летие Никитина].
- Каменецкий Б.* Призрак Байрона // Руль. 1924. 20 апр. С. 6.
- Каменецкий Б.* Россия без Пушкина // Руль. 1924. 8 июня.
- Каменецкий Б.* Страна воспоминаний // Руль. 1924. 17 дек. [Вл. Соловьев].
- Каменецкий Б.* Шесть лет // Руль. 1924. 6 янв.
- Кара-Мурза А.* Демьян Бедный и бедный Некрасов // Руль. 1930. 4 июня.
- Каплан М.* Американская драма // Накануне. 1922. № 5. [Т. Драйзер, Ричманс, Майер].
- Кара-Мурза С.* Герои и героини романа «Что делать?» // Руль. 1928. 28 июля.
- Карсавин Л.* Борис Зайцев // Дни. 1923. 1 июля.
- Карсавин Л.* Шиповник. Сборники литературы и искусства под ред. Ф. Степуна № 1. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 10–11.
- Кизеветтер А.* Грибоедов и его комедия // Руль. 1929. 13 февр.
- Кизеветтер А.* Крики литературной моды // На чужой стороне. 1923. № 2. С. 221–230.
- Кизеветтер А.* Литературные отражения эпохи Александра I. 1. «Горе от ума» // Кизеветтер А. Исторические силуэты. Люди и события. Берлин, 1931. С. 146–161.
- Кизеветтер А.* Литературные отражения эпохи Александра I. 2. «Война и мир» // Кизеветтер А. Исторические силуэты. Люди и события. Берлин, 1931. С. 161–171.
- Кизеветтер А.* М. А. Алданов. Ключ // Руль. 1929. 31 дек.
- Кизеветтер А.* Новый исторический романист // Руль. 1924. 12 дек. [М. Алданов].
- Кизеветтер А.* Памяти Островского // На чужой стороне. 1924. № 5. С. 313–320.
- Кизеветтер А.* Споры об Островском // На чужой стороне. 1923. № 1. С. 175–192.
- Кизеветтер А.* Тернистый путь драматурга (Островский) // На чужой стороне. 1924. № 8. С. 247–262.
- Кизеветтер А.* Ф. И. Тютчев в своих письмах // Руль. 1927. 12 янв.
- Кириллов Кир.* Шах конем (Виктор Шкловский. Ход конем. Книга статей. Берлин, 1923) // Дни. 1923. 4 февр.
- Кларк Б.* Евгений О'Нейлль и американская драма // Беседа. 1923. № 1. С. 374–388.
- Кларк Б.* Литература соединенных штатов Америки // Беседа. 1924. № 4. С. 251–280.

- Книга о Леониде Андрееве. Петроград; Берлин, 1922.
 Книга. Das Buch. The Book. Антикварная и новая. Берлин. № 1.
Книгочет. Любовь в жизни Чернышевского // Руль. 1925. 22 марта
Коварская Л. А. Достоевский // Коварская Л. А. Родные писатели. Берлин, 1924.
 С. 81–92.
Кондаков С. В. А. Францев. Державин у славян // Руль. 1924. 25 мая.
Кондаков С. В. В. Стасов (К столетию со дня рождения) // Руль. 1924. 27 янв.
Кондратьев А. О смерти Алексея Толстого // Руль. 1925. 29 сент.
 Конрад Джозеф (некролог) // Дни. 1924. 10 авг.
Котляревский Н. В. Г. Короленко // Холмы родины. 1923. С. 67–81.
Котляревский Н. Холмы родины. Берлин, 1923.
Кречетов С. Леонид Андреев. Опыт характеристики литературного обмена //
 Русская мысль. 1923. № 1/2. С. 275–280.
Крымов Вл. Из встреч. I. Г. Д. Уэллс // Голос России. 1921. 12 июня.
Крымов В. Сенсационная книга // Голос России. 1921. 20 марта; 1921. 23 марта;
 1921. 13 марта; 1921. 14 марта.
 Куда исчез Булгаков? // Руль. 1928. 13 сент.
Кусиков А. Б. Битюк (Клюев и Есенин) // Голос России. 1922. 16 апр.
Кусиков А. Б. Папа и мама имажинизма // Вещь. 1922. № 1–2. С. 10.
Л. Рец. Э. Т. А. Гофман. Дон Жуан. Перевод Вл. Ракинта. 1923 // Дни. 1923. 22
 июля.
Л. К. 150 000 000 // Новый мир. 1921. 5 июня.
Л. К. Алексей Ремизов. «Корявка» // Сполохи. 1922. № 12. С. 56.
Лаврецкий А. Андрей Соболев. «Обломки». «Бред». «Салон-вагон». М., 1922 //
 Новая русская книга. 1922. № 7. С. 7–8.
Ландау Г. «Завороженная душа» // Руль 1923. 31 окт.
Ландау Г. Пушкин как воспитатель // Руль. 1924. 8 июня.
Лапшин И. Эстетика Достоевского. Берлин, 1923
Левинсон А. Об искусстве этих дней // Руль. 1921. 28 мая.
Левинсон А. Об искусстве этих дней // Руль. 1921. 19 мая.
Левинсон А. Г. Беллетристика о революции // Сполохи. 1921. № 1. Ноябрь. С. 31.
Левитан И. Жар-птица. № 6. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3.
 С. 9–10.
Левитан И. Книга о Леониде Андрееве // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 12.
Левитан И. М. П. Гершензон и В. И. Иванов. Переписка из двух углов. Москва;
 Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 5–7.
Лидорцева Н. Иван Лукаш. Бел-цвет // Дни. 1924. 1 янв.
Ликуардопуло М. Тень Уальда // Руль. 1923. 23 авг.
Л-н. Тургенев и Теодор Шторм // Руль. 1922. 16 янв.
Лозинский Г. Габриеле д'Аннунцио // Голос России. 1922. 13–14 июня.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лоренцо*. Индустриализация духа искусств // *Голос России*. 1922. 30 апр.
- Лукаш И.* Смерть Айхенвальда // *Возрождение*. 1928. 20 дек.
- Лундберг Е.* «Ветер». Роман Ю. Слезкина // *Накануне*. Лит. прилож. 1922. № 3.
- Лундберг Е.* В своем углу (о текущей литературе) // *Знамя*. 1921. № 2. С. 35–38.
- Лундберг Е.* От вечного к преходящему. Берлин, 1923.
- Лундберг Е. Г.* «Трерядница» Есенина // *Новый мир*. 1922. 1 янв.
- Луңц Л.* На запад! // *Беседа*. 1923. № 3. С. 24.
- Лурье В. В.* Сирий. Горный путь. Берлин, 1923 // *Новая русская книга*. 1923. № 1. С. 23.
- Лурье В. К. Д.* Бальмонт. Марево. Париж, 1922 // *Новая русская книга*. 1923. № 3/4. С. 10–11.
- Лурье В.* Марина Цветаева. Ремесло. Берлин, 1923 // *Новая русская книга*. 1923. № 3/4. С. 14–15.
- Лурье В. И.* «Tristia» Мандельштама // *Сполохи*. 1922. № 12. С. 55.
- Лурье В. И.* Сергей Есенин. Пугачев // *Сполохи*. 1922. № 13. С. 29.
- Львов Л.* Das Russenthum // *Руль*. 1923. 1 июля.
- Львов Л.* Анна Ахматова // *Руль*. 1922. 2 апр.
- Львов Л.* Новое о Тютчеве // *Руль*. 1923. 9 окт.
- Львов Л.* Памяти Тютчева // *Русская мысль*. 1923. № 6–8.
- Львов Л.* Сергей Городецкий // *Руль*. 1922. 22 апр.
- Лютер А.* Немецкая литература последних лет // *Беседа*. 1923. № 2. С. 217–261.
- Ляковский А.* Из переписки В. Г. Короленко в ссылке // *На чужой стороне*. 1923. № 2. С. 114–123.
- Ляковский А.* Культурная работа А. И. Герцена в Вятке (По неизданным материалам) // *На чужой стороне*. 1924. № 8. С. 213–219;
- Ляковский А.* Салтыков в ссылке // *Дни*. 1923. 28 янв.
- Ляковский А.* Ссылка В. Г. Короленко // *Руль*. 1922. 25–26 июля.
- Ляковский А.* Новое о М. Е. Салтыкове // *Беседа*. 1924. № 5. С. 245–264.
- Ляцкий Е.* Дом литераторов. Пушкин. Достоевский. Петроград, 1921 // *Новая русская книга*. 1922. № 4. С. 16–17.
- Ляцкий Е.* Пушкиноведение в России // *Новости литературы*. 1922. № 1. С. 10–12.
- Ляцкий Е. А.* Полн. собр. соч. Пушкина под ред. Брюсова. Т. 1. М., 1920 // *Новая русская книга*. 1922. № 6. С. 8.
- М. Певец города* // *Голос России*. 1920. 16 мая.
- М. Я. Р. А.* Ремизов. Ахру // *Голос России*. 1922. 18 июня.
- Маковский С.* Иннокентий Анненский // *Веретено*. 1922. Кн. 1. С. 233–247.
- Мамчиц Л.* Дом прежних времен. I. Николай Алексеевич // *Руль*. 1926. 15 авг.
- Мамчиц Л.* Наш Осип // *Руль*. 1926. 20 авг.
- Мартьянова З.* Новый роман Поля Бурже // *Сполохи*. 1923. № 19–20. С. 53–54.
- Масарик и Толстой* // *Руль*. 1928. 16 сент.

- Матанкин А. В. И. Саитов. Соболевский круг. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 22–23.*
- Матанкин А. В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 22.*
- Матанкин А. Пушкин в Германии // Руль. 1924. 8 июня.*
- Матанкин А. Чехов в Германии // Руль. 1924. 15 июля.*
- Мельгунов С. У Л. Н. Толстого // Дни. 1923. 22 дек.*
- Мельгунов С. Уход Толстого в освещении В. Г. Черткова // На чужой стороне. 1923. № 1. С. 147–174.*
- Мережковский Д. С. Федор Михайлович Достоевский // Руль. 1921. 11 нояб.*
- Мерич А. Книга о Леониде Андрееве // Новости литературы. 1922. № 2. С. 135.*
- Мерич А. Леди Лэмб // Руль. 1928. 9 февр.*
- Мерич А. Новости немецкой литературы // Дни. 1923. 17 июня.*
- Мерич А. Рец.: Борис Зайцев. «Рафаэль». Новеллы. «Нева», Берлин, 1924 // Дни. 1924. 19 окт.*
- Мерич А. Рец.: Евгений Замятин. Островитяне. Изд. 3. П. Гржебина. Берлин, 1923 // Дни. 1923. 22 июля.*
- Мерич А. Славный путь // Дни. 1924. 3 февр. [В. Гюго, С. Малларме, Ш. Бодлер].*
- Мерич А. Что есть истина ? // Дни. 1924. 9 нояб.*
- Милюков П. Толстой и русский народ (Речь в память Л. Н. Толстого на собрании в Лондоне 30 ноября 1920 г.) // Руль. 8 дек. 20.*
- Минорский В. «Цена крови» Грибоедова. Неизданный документ // Русская мысль. 1923. Кн. III–V. С. 333–345.*
- Минский Н. М. Кузмин. Эхо. Стихи. Н. Гумилев. Огненный столп // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 14–16.*
- Митропан П. Последний юбилей В. Г. Короленко (из воспоминаний) // Руль. 1922. 18 нояб.*
- Митропан П. Поэзия В. Г. Короленко // Сполохи. 1923. № 15–16. С. 22–26.*
- М-н В. Новости немецкой литературы. // Дни. 1924. 15 июня.*
- Моруа А. Гондольер лорда Байрона // Руль. 1924. 7 мая.*
- Москвич. «Пугачев» (Письмо из Москвы) // Новый мир. 1921. 14 авг.*
- Москвич. Заговор дураков (Письмо из Москвы) // Новый мир. 1921. 11 сент.*
- Московский Художественный Театр // Руль. 1921. 27 февр. [Постановка мистери Байрона «Каин»].*
- Н. «Чтец-декламатор». Сб. поэзии. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 18.*
- Н. Б. Мария Шкапская. Барабан строгого господина. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 18–19.*
- Н. В. Саша Черный. Детский остров // Руль. 1920. 25 дек.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Н. М. Струги.* Альманах. Кн. 1. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 17–18.
- Н. П. Алексей Ремизов* «Пляс Иродиады». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 16.
- Н. Р. Б. Michael Gorlin.* Märchen und Städte. Berlin, 1930 // Руль. 1930. 4 июня.
- Набоков В. В.* Торжество добродетели // Руль. 1930. 5 марта.
- Набоков В.* Дмитрий Кобяков. «Горечь». Евгений Шах. «Семя на камне» // Руль. 1927. 11 мая.
- Набоков В. Н.* Берберова «Последние и первые» // Руль. 1931. 23 июля.
- Набоков В. Д.* Лев Николаевич Толстой (к десятой годовщине) // Руль. 1920. 21 нояб.
- Набоков К. Д.* Новая трактовка Гамлета // Руль. 1925. 15 сент.
- Натов Рост.* Пушкинские повести // Руль. 1922. 27 марта.
- Н-в П. И.* Литературная жизнь в Москве // Новости литературы. 1922, Кн. 1. С. 19–20.
- Неизданное письмо Н. В. Гоголя // Руль. 1927. 12 марта [Рим, 28. 12. 1840 – К. С. Аксакову].
- Неизданное письмо Чехова Д. В. Григоровичу // Руль. 1928. 1 янв.
- Неизданный Чернышевский // Дни. 1924. 16 нояб.
- Новик И.* Леонид Андреев – редактор (К первой годовщине со дня смерти. – Из личных воспоминаний) // Русский эмигрант. 1920. № 1. С. 7.
- Новик И.* Леонид Андреев (Материалы для биографии) // Русский эмигрант. 1920. № 4. С. 10.
- О. Глеб Алексеев.* Мертвый бег. Берлин, 1923 // Дни. 1923. 6 мая.
- О. Жак Нуар* «Сквозь дымчатые стекла». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 12.
- О. И. Коноплин.* Печальный Бог. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 20.
- О. Илья Эренбург* «Портреты русских поэтов». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 13–14.
- О. Лидия Писаржевская.* Санаторий любви и смерти. Кишинев, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 15.
- О. Н. А. Агнивцев.* Блистательный Санкт-Петербург. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 24.
- О. Н. Минский* «Кого ищешь?» Мистерия. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 18–19.
- Оречкин Б.* Без книги // Русский эмигрант, 1920. № 3. С. 6–7.
- Осипов Н. Е.* Лев Толстой // Руль. 1928. 9 окт.
- Осоргин М.* «Беседа» № 1 и 2 // Современные записки. Кн. XVII.
- Осоргин М.* «На посту» // Современные записки. Кн. XVIII.

- Осоргин М.* Андрей Белый. Записки чудака // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 18–19.
- Осоргин М.* Русский современник. № 1 // Современные записки. Кн. XX.
- Осоргин М.* Этюды о писателях. Б. К. Зайцев // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 8–9.
- Осоргин М. А.* Письмо Бальмонту // Дни. 1924. 9 нояб.
- Офросимов Ю.* «Беатриче» // Руль. 1929. 17 апр. [Вл. Пиотровский – новый сборник].
- Офросимов Ю.* «Дедушка» и «Светочи»? // Руль. 1929. 8 мая [Некрасов].
- Офросимов Ю.* Ал. Блок. Собр. соч. стихотв. Том I и II, III // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 14–15.
- Офросимов Ю.* Бернард Шоу // Руль. 1926. 19 авг.
- Офросимов Ю.* Владислав Ходасевич. «Путем зерна» // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 26.
- Офросимов Ю.* Владислав Ходасевич. Тяжелая Лири. 4-я кн. стихов. Берлин; Петроград; Москва, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 17–18.
- Офросимов Ю.* Гамлет по-новому // Руль. 1927. 8 янв.
- Офросимов Ю.* Генрих фон Клейст // Руль. 1927. 30 окт.
- Офросимов Ю.* Еще о «русской душе» // Руль. 1929. 21 марта.
- Офросимов Ю.* Илья Эренбург. 13 трубок. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 19–20.
- Офросимов Ю.* Лессинг (200-летие со дня рождения) // Руль. 1929. 23 янв.
- Офросимов Ю.* Маяковщина // Руль. 1930. 17 апр.
- Офросимов Ю.* Н. Агнивцев «Мои песенки» // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 20–21.
- Офросимов Ю.* Новая пьеса Б. Шоу // Руль. 1924. 30 окт.
- Офросимов Ю.* Рец.: С. Есенин «Инония» // Руль. 1922. 18 июня.
- Офросимов Ю.* Толстой на берлинских сценах // Руль. 1928. 3 окт.
- Офросимов Ю.* Федор Сологуб «Фимиамы», «Небо голубое» // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 19–20.
- Офросимов Ю. В.* Группа // Наша жизнь. 1926. № 1. С. 10–11.
- Офросимов Ю. В.* Грядущий театр // Жизнь. 1920. № 3. С. 23–26.
- Офросимов Ю. В.* Смердяков с гитарой // Руль. 1922. 18 июня.
- Оцун Н.* Что или как? // Цех поэтов. 1923. Кн. 4. С. 74–76.
- Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. 253 с.
- П. Ш.* Рес.: Е. Замятин. Огни святого Доминика // Руль. 1922. 10 дек.
- П. Ш.* А. Толстой «Хождение по мукам» // Руль. 1922. 30 июля.
- П. Ш.* Алексей Ремизов. Россия в письменах // Руль. 1922. 4 июня.
- П. Ш.* Б. Зайцев. Дальний край // Руль. 1922. 4 июня.
- П. Ш.* Герхард Гауптман // Руль 1922. 12 авг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- П. Ш.* Гр. Алексей Толстой. «Хождение по мукам» // Руль. 1922. 30 июля.
- П. Ш. И.* Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Руль. 1922. 13 авг.
- П. Ш.* О В. Г. Короленко // Руль. 1922. 8 янв.
- П. Ш. Ф. М.* Достоевский в характеристике его дочери // Руль. 1920. 25 дек.
- Павленко П.* Пильняк Б. Лорд Байрон // Руль. 1928. 5 февр.; 1928. 7 февр.
- Паке Альфонс.* Толстой и театр // Голос России. 1921. 17 февр.
- Памяти И. С. Аксакова // Руль. 1923. 2 дек.
- Памяти Некрасова // Руль. 1928. 25 янв.
- Памяти Ю. И. Айхенвальда // Руль. 1928. 23 дек.
- Первухин М.* Достоевский в Италии // Русская книга. 1921. № 3. С. 26.
- Переписка Л. Толстого с Бернардом Шоу // Голос России. 1920. 23 янв.; 1920. 24 янв.
- Петровская Н.* Книга о Леониде Андрееве // Накануне. Лит. прилож. 1922. 19 нояб.
- Петровская Н.* Красная новь. Лит. худ. журн. 1922. Кн. 6 // Накануне. Лит. прилож. 1923. 14 янв.
- Петровская Н.* Литературный Берлин («Итоги») // Накануне. 1924. 29 февр. № 50. С. 2–3.
- Петровская Н. М.* Алданов. Святая Елена, маленький остров. Литографии худ. Пинегина // Накануне. 1924. 4 янв.
- Петровская Н. И. С. А.* Есенин. Собрание стихов и поэм // Накануне. Лит. прилож. 1922. 19 нояб. С. 10–11.
- Пильняк Б. М. М.* Шкапская «Mater Dolorosa» // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 7–8.
- Поляков-Литовцев С.* Иван Алексеевич Бунин // Жар-птица. 1921. № 3. С. 33–35.
- Попова О.* Письма Пушкина // Руль. 1929. 19 июня.
- Посторонний.* Два мира // Накануне. 1922. 14 мая.
- Потапенко Н.* Евг. Замятин. Островитяне. Петроград; Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 16–17.
- Потапенко Н.* Лев Урванцов. Пьяный мир. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 14–15.
- Потемкин П.* Георгий Иванов. «Сады» // Новости литературы. 1922. № 1. С. 55.
- Поэзия революционной Москвы (Под ред. И. Эренбурга). Берлин, 1922. 125 с.
- Прибыловский А.* Вячеслав Иванов. Прометей // Русская книга. 1921. № 6. С. 13–14.
- Прибыловский А.* Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова // Русская книга. 1921. № 6. С. 12–13.
- Пуни Ив. И.* Эренбург. А все-таки она вертится // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 10–12.

- Р. Вл. Пиотровский. Полынь и звезды // Новая русская книга. 1923. № 2. С. 22.
- Р. Роллан. «Очарованная душа» – Новости французской литературы // Дни. 1924. 18 апр.
- Р. Г. Г. Росимов. Необычайное путешествие Петрушки на луну. – Звериная страна. – Песенки и строчки. – Огне Клубнике и царевне Пеон. Туман. – Цветы в охапке. Сказки для детей в стихах. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 18–19.
- Р. Г. Георгий Чулков. Стихотворения. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 11.
- Р. З. Новости английской и американкой литературы (Неопубликованные произведения О. Уальда) // Дни. 1923. 22 июля.
- Раич Е. Гумилев // Голос России. 1921. 25 сент.
- Рец.: Толстой А. Н. Повесть о многих превосходных вещах // Руль. 1922. 18 июня.
- Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе. Берлин, 1924. 280 с.
- Росимов Г. О «Двенадцати» // Жизнь. 1920. № 7. С. 23–27.
- Ростиславов М. Арест В. К. Кюхельбекера // Руль. 1924. 26 дек.
- Румянцева З. На родине автора «Записок охотника» // Руль. 1928. 23 окт.
- Русов Н. Н. Розанов и Достоевский // Накануне. Лит. прилож. Берлин, 1922. № 9. С. 9–16.
- Рюмлин-Некрасова Е. А. Три последних увлечения Н. А. Некрасова // Сполохи. 1921. № 2. С. 31–33.
- С. И. Р. Англичане и Байрон // Дни. 1924. 26 апр.
- С. О. Алексей Ремизов. Трава-мурава. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 15–16.
- С. Т. Аксаков. Семейная хроника. Вена, 1922. Изд-во «Русь» // Руль. 1922. 30 апр.
- Савельев А. «Современные записки». Кн. XLII // Руль. 1930. 21 мая [В. Сирин «Защита Лужина, И. Шмелев «Солдаты»].
- Савельев А. «Современные записки». Кн. XLIII // Руль. 1930. 15 авг.
- Савельев А. «Современные записки». Кн. XLIV // Руль. 1930. 10 дек.
- Савельев А. «Современные записки». Кн. XLV // Руль. 1931. 25 февр.
- Савельев А. В. Сирин. Возвращение Чорба // Руль. 1929. 31 дек.
- Савельев А. О Бунине. «Грамматика любви» // Руль. 1930. 29 дек.
- Савельев А. Поколение «железной юности» // Руль. 1929. 27 марта.
- Садовский Б. Из воспоминаний о Валерии Брюсове // Руль. 1928. 10 окт.
- Сажин М. Н. Гражданская казнь Чернышевского // Руль. 1928. 1 дек.
- Сало Ж. Русская поэзия // Вещь. 1922. № 1/2. С. 8–9.
- Салтыков А. Памяти праведника // Руль. 1925. 3 июля [Вл. Соловьев].
- Самарий А. Черный. «Жажда» // Дни. 1923. 13 мая.
- Святополк-Мирский Д. Две смерти: 1837 – 1930. // Смерть Вл. Маяковского. Берлин, 1931. С. 35–48.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Святополк-Мирский Д. П.* О Московской литературе и Протопопе Аввакуме // Евразийский временник. 1925. Кн. 4. С. 338–350.
- Семейная драма А. И. Герцена // Руль. 1921. 3 апр. [Последняя глава неопубликованной части «Былого и дум»].
- Серапионовы братья // Руль. 1922. 20 авг.
- Сирин В.* «Воля России». 1929. Кн. II // Руль. 1929. 8 мая [М. Цветаева].
- Сирин В.* Ирина Одоевцева. «Изольда» // Руль. 1929. 30 окт.
- Сирин В.* Куприн. «Елань» (рассказы) // Руль. 1929. 23 окт.
- Сирин В.* Литературное обозрение // Руль. 1928. 22 мая [Ив. Бунин. «Избранные стихи»].
- Сирин В.* Раиса Блох. «Мой город». Берлин, 1928 // Руль. 1928. 7 марта.
- Сирин В.* «Современные записки». Кн. XXXVII // Руль. 1929. 30 янв. [Б. Зайцев, М. Цветаева, Евангулов].
- Сирин В.* Толстой // Руль. 1928. 16 сент.
- Слоним М.* Борис Пильняк. Голый год // Новости литературы. 1922. Кн. I. С. 50–51.
- Слоним М.* Краснов П. Н. Опавшие листья // Дни. 1923. 27 мая.
- Слоним М.* Литература наших дней // Новости литературы. 1922. Кн. I. С. 1–7.
- Слоним М.* М. Шкапская. Барабан старого господина // Новости литературы. 1922. Кн. 2. С. 141–142.
- Смерть Вл. Маяковского. Берлин, 1931.
- Соколов-Микитов И.* Алексей Толстой. Повесть о многих превосходных вещах. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 5.
- Спекторский Е.* Достоевский как публицист // Русская мысль. 1923–1924, Кн. IX–XII. С. 246–262.
- Станкевич В. В.* Шульгин. 1920 год. София, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 17–19.
- Станкевич В. Г.* Росимов «Стихи об утерянном» // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 23.
- Старый хроникер <Лундберг>.* В Доме искусств // Накануне. 1922. 14 мая.
- Степанов И. Е.* Кризис футуризма // На чужой стороне. 1924. № 8. С. 263–280.
- Стихотворения в прозе // Руль. 1930. 11 янв. [Тургенев].
- Струве Г.* Письма о русской поэзии // Русская мысль. 1923. № 1/2. С. 292–299.
- Струве Г.* Письма о русской поэзии // Русская мысль. Ч. I. Прага, 1922. № 6/7. С. 239–249; Ч. II. Прага; Берлин, 1923. № 1/2. С. 292–299.
- Струве П.* In memoiam. Блок – Гумилев // Руль. 1921. 25 сент.
- Струве П.* Аксаковы и Аксаков // Руль. 1923. 1 дек.
- Струве П.* Публицист и пророк // Русская мысль. 1923–1924. Кн. IX–XII. С. 263–265.
- Стуколкин А.* Карты в русской литературе (исследование) // Руль. 1930. 30 марта.

- Суворин А. С.* О Некрасове // Руль. 1922. 15 сент.
- Сувчинский П. П.* «Знамение былого» (О Лескове) // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922. Кн. 2. С. 134–146.
- Сувчинский П. П.* Типы творчества (Памяти А. Блока) // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин. Кн. 2. 147–176.
- Сумский С.* «Эпопея» // Голос России. 1922. 2 мая [Белый о Блоке; обзор № 1 за 1922 г.].
- Сумский С. А.* Ремизов. Шумы города // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 18–19.
- Сумский С.* Анна Ахматова. Appo Domini // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 20–21.
- Сураварди Шахид.* Лорд Байрон (К столетию со дня смерти) // Руль. 1924. 20 апр. С. 9.
- Т. Ц.* Арсений Несмелов. Стихи. Владивосток, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 18–19.
- Т. Ц.* Владислав Ходасевич. Из еврейских поэтов // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 21–22.
- Т. Ц.* Павел Родимов. Деревня // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 22.
- Талин В. И.* Последний из могикан // Голос России. 1922. 1 янв. [Некролог В. Г. Короленко].
- Татаринов В. П.* Краснов «Белая свитка» // Руль. 1928. 15 авг.
- Татаринов В.* Трагедия Льва Толстого // Руль. 1923. 20 дек.
- Толстой А.* «Любовь – книга золотая» // Руль. 1922. 23 июля.
- Толстой А.* О новой литературе // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 5. С. 5–6.
- Толстой А. Н.* «Лунная сырость» // Руль. 1922. 29 окт.
- Толстой А. Н.* О советской литературе // Накануне. Лит. прилож. 1922. 11 июня.
- Толстой А. Н.* Сергей Есенин. «Исповедь хулигана», «Трерядница» // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 16–17.
- ТРБ.* Илья Эренбург. Заговор равных. Берлин; Рига, 1928.
- Тридцатилетний юбилей Максима Горького // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 1–2.
- Троцкий И.* Арнс Гарборг // Дни. 1924. 27 янв.
- Троцкий И.* Август Стриндберг (скандинавские воспоминания) // Дни. 1923. 5 авг.
- Троцкий И.* Андрей Белый // Дни. 1924. 17 февр.
- Троцкий И.* Певец пролетариата // Дни. 1924. 11 мая.
- Троцкий И.* Северный энтузиаст // Дни. 1924. 1 янв.
- Т-ский Вл.* Леонид Андреев. Дневник Сатаны // Русская книга. 1921. № 3. С. 21.
- Тукалевский В.* На гранях революции (заметки о русской литературе) // Новости литературы. 1922. Кн. 2. С. 89–97.
- Унгермайер Ф.* Анри Барбюс (его жизнь и творчество) // Голос России. 1921. 13 июля.
- Ф. И. А.* Амфитеатров. Без сердца // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 21–22.

- Ф. И. А. Новиков-Прибой. Море зовет. М., 1923 // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 21.
- Ф. И. Александр Попов. Ужас // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 22.
- Ф. И. Е. В. Выставкина. Амазонка. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 17.
- Ф. И. И. Коноплин. Бескrestные могилы // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 22.
- Фалуди И. Запад и новейшая русская литература // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 30. С. 7–8.
- Федоров И. И. С. Шмелев. Неупиваемая чаша // Русская книга. 1921. № 3. С. 19–20.
- Федоров М. Н. Г. Чернышевский в Астрахани // Руль. 1928. 1 дек.
- Филиппов А. Евг. Замятин. Островитяне. Пг.; Берлин, 1922 // Новости литературы. 1922. Кн. 1.
- Филиппов А. Новое и новые в немецкой литературе // Грани. 1922. Кн. 1. С. 199–210.
- Фишер В. К сорокалетию со дня смерти Тургенева (22 августа 1883 – 1923) // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 312–321.
- Фишер В. Сенсация Адама Мицкевича // Руль. 1929. 21 июля.
- Флоровский Г. В. [Рец. на кн.: Пушкин – Достоевский: Сб. Дома литераторов. Пб., 1921] // Русская мысль. Прага; Берлин, 1922. Кн. V. С. 221–223.
- Франк С. Дневник Блока // Руль. 1929. 1 марта [От 25 мая 1917 до 3 июля 1921].
- Франк С. Памяти Ю. И. Айхенвальда // Руль. 1929. 17 дек.
- Франк С. Письма Рильке // Руль. 1929. 6 нояб.
- Франк С. Райнер Мария Рилье и Россия (Памяти Ю. И. Айхенвальда) // Руль. 1920. 9 янв.
- Франк С. Рыцарь духа // Руль. 1928. 19 дек. [Айхенвальд].
- Франк С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // С. Л. Франк. Живое знание. Берлин, 1923. С. 199–249.
- Х. Вл. Пяст. Ограда // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 23–24.
- Хирьяков А. Н. С. Лесков // Руль. 1925. 8 марта.
- Хирьяков А. Неприятие мира // Руль. 1931. 18 февр. [Н. С. Лесков].
- Хирьяков А. Толстой в жизни // Руль. 1928. 9 сент.
- Ходасевич В. М. А. Бекетова. Александр Блок // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 20–21.
- Ходасевич В. Приезд Пущина в поэзии Пушкина // Дни. 1924. 8 июня.
- Ходасевич Вл. Об Анненском // Эпопея. 1922. № 3. С. 34–56.
- Ходасевич Вл. Поэтическое хозяйство Пушкина // Беседа. 1923. № 2. С. 164–216; № 3. С. 183–248; 1924. № 5. С. 218–245; 1925. № 6. С. 272–299.
- Хосинто Бенавенте // Беседа. 1923. № 1. С. 394–400.
- Цветаева М. И. Световой ливень. Поэзия вечной мужественности // Эпопея. 1922. № 3. С. 10–33.
- Цетлин М. «Деревня» Бунина // Голос России. 1921. 21 авг.

- Чарский Е.* Петрарка (поэт-гуманист). Берлин, 1923.
- Чарский Евг.* Братья Гонкуры (1822–1922) // Руль. 1922. 20 июля.
- Чацкий Л.* Андрей Белый. Петербург. Ч. I и II. 1922; Андрей Белый. Глоссология. 1922 // Сподохи. 1922. № 12. С. 55.
- Чацкий Л.* Вс. Иванов. «Цветные ветра» // Сподохи. 1922. № 13. С. 30–31.
- Чацкий Л.* О современной английской литературе // Сподохи. 1922. № 12. С. 35–37. [Конрад, Уайльд, Доусон, Девис, Беннет].
- Чернов В.* Мысли о Максиме Горьком // Голос России. 1922. 29 сент.
- Чернов В.* Пророк синдикалистского романтизма (Жорж Сорель) // Голос России. 1922. 6 сент. № 1051.
- Чернов В.* Эолова арфа революции // Голос России. 1922. 18 апр.
- Черный А.* Рец.: З. Гиппиус. Стихи. Дневник 1911–1921 // Новости литературы. 1922. Кн. 1.
- Чириков Е.* Каронин и Короленко // Сподохи. 1922. № 8. С. 20–27.
- Ч-ский Е.* Среди итальянских книг (романы Микеле Сапонаро) // Дни. 1924. 21 сент.
- Ч-ский Е.* Эпоха пепла (Из настроений в современной итальянской литературе) // Дни. 1924. 2 марта.
- Чуковский К.* Некрасов и декабристы // Руль. 1925. 21 нояб.
- Чуковский К.* Некрасов и мы (анкета) // Руль. 1922. 7 янв.
- Шварц М.* Андрей Белый о грядущей России // Голос России. 1921. 2 дек.
- Шварц М.* Памяти Ф. М. Достоевского 30. X. 1821–30. X. 1921. Достоевский как мыслитель (К столетию со дня рождения) // Голос России. 1921. 12 сент.
- Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше. Берлин, 1923.
- Шестов Л.* Собр соч. Т. 3 Достоевский и Ницше. Берлин, 1922. 157 с.
- Шкловский В.* К теории комического // Эпопея. 1922. № 3. С. 57–67.
- Шкловский В.* Литераторы и литература в Петербурге // Голос России. 1922. 31 мая [О «Доме искусств» и «Доме литераторов»].
- Шкляр Е.* Марина Цветаева. Царь Девица // Накануне. 1922. 9 дек.
- Штейнберг А. З.* Система свободы Достоевского. Берлин, 1923.
- Штессингер Ф.* Дух новейшей немецкой литературы // Голос России. 1922. 18 июня [Гауптман, Штернхейм, Г. Манн, К. Эйснер].
- Штрассер Н.* О немецкой литературе // Жизнь. 1920. № 4. С. 9–14.
- Шубаков Н. У Л. Н. Толстого в 1908 г.* (Воспоминания) // Руль. 1928. 9 сент.
- ъ. Н. М. Минский.* Из мрака к свету. Берлин; Москва; Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 23–24.
- Эверлинг С. Н.* Из бесед с Л. Н. Толстым (апрель 1901 г.) // Сподохи. 1923. № 15/16. С. 3–4.
- Элленс Ф.* Современное положение французской литературы в Бельгии // Беседа. 1923. № 1. С. 362–373.

- Эльзевир*. Ненужная книга (Георгий Гребенщиков «Чураевы») // Накануне. Лит. прилож. 1922. № 8. С. 10.
- Элькин Б.* Памяти Ю. И. Айхенвальда // Последние новости. 1928. 22 дек.
- Энгельгардт Б.* Из неизданной повести В. М. Гаршина // Руль. 1922. 23 авг.
- Эрг*. Алексей Ремизов. Кукха. Розановы письма // Накануне. Лит. неделя. 1924. 23 марта. С. 7.
- Эренбург И.* Au-dessus de la mêlée // Русская книга. 1921. № 7/8.
- Эренбург И.* Александр Кусиков. «Искадар-Намэ». «Ась Баррак» // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 24.
- Эренбург И.* Борис Пастернак. Сестра моя жизнь. М., 1922 // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 10–12.
- Эренбург И.* Марина Цветаева. Разлука. Стихи. Стихи к Блоку // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 17.
- Эренбург И.* Над схваткой // Русская книга. 1921. № 7/8.
- Эренбург И.* Новая проза // Новая русская книга. 1922. № 9. С. 1–3.
- Эренбург И.* О некоторых признаках расцвета российской поэзии // Русская книга. 1921. № 9. С. 1–5.
- Эренбург И.* Осип Мандельштам. Tristi // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 19.
- Эренбург И.* С. Есенин «Пугачев» // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 15–16.
- Эренбург И.* Сергей Есенин. Трерядница. Исповедь хулигана // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 17–18.
- Ю. А. А. П.* Чехов с 6-ю иллюстрациями // Руль. 1928. 17 окт.
- Ю. А. А. Ренников.* За тридевять земель // Руль. 1926. 4 авг.
- Ю. А. Георгий Гребенщиков.* Чураевы. Спуск в долину // Руль. 1925. 17 мая.
- Ю. А. Н. Брешко-Брешковский.* Белые и красные. Роман // Руль. 1926. 2 июня.
- Ю. О. Георгий Иванов.* Лампада // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 11–12.
- Ю. О. Дельвиг.* Неизданные стихотворения. Под ред. М. Гофмана. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 7–8.
- Ю. О. Ю. Верховский.* Солнце в заточении. Петроград, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 5. С. 7.
- Юбилей Е. Н. Чирикова* // Руль. 1927. 16 янв.
- Яблоновский А.* О г-не Горьком // Руль. 1922. 13 авг.
- Яблоновский С.* Без Чацкого // Руль. 1929. 13 февр.
- Яблоновский С.* О Валерии Брюсове // Руль. 1924. 17 окт.
- Яблоновский С.* О Чехонте и о Чехове // Руль. 1929. 14 июля.
- Якобсон Р.* О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Вл. Маяковского. Берлин, 1931. С. 8–34.
- Якобсон С. О.* Письма Ив. Серг. Аксакова к В. Ф. Пуцыковичу // На чужой стороне. 1924. № 5. С. 129–157

I. КРИТИКА РУССКОГО БЕРЛИНА: ИСТОЧНИКИ

- Яковлев Н. М. Ю. Лермонтов. Избр. соч. в одном томе (1814–1841). Вступ. ст. А. Блока // Русская книга. 1921. № 3. С. 20–21.
- Яковлев Н. Русский Парнас // Русская книга. 1921. № 6. С. 15–16.
- Яценко А. А. Дроздов Подарок Богу // Русская книга. 1921. № 9. С. 8–9.
- Яценко А. Бор. Пильняк. Былье. Рассказы. Кн. Первая // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 5–6.
- Яценко А. В. Крымов. Богомолы вкоробочке // Русская книга. 1921. № 5. С. 14.
- Яценко А. Возвращение Герцена // Голос России. 1920. 3 июля [Издание собрания сочинений в Берлине в связи с 50-летием со дня смерти].
- Яценко А. Горький о русском народе // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 6–8.
- Яценко А. И. Соколов-Микитов. Кузовок. Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 9.
- Яценко А. Илья Эрэнбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 4–6.
- Яценко А. Литература за пять истекших лет // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 1–7.
- Яценко А. Толстой и русская революция // Русский эмигрант. 1920. № 5. С. 4–6.
- Яценко А. П. Муратов. Эгерия. Берлин, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 15–16.
- Яценко А. С. Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга. 1921. № 1. С. 2–7.
- Яценко А. С. Русская поэзия за последние три года // Русская книга. 1921. № 3. С. 1–17.

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Foster L. A. Nabokov in Russian Emigré Criticism // A Book of Things About Vladimir Nabokov. C. Proffer, ed. Ann Arbor, 1974.
- Wellek R. A History of modern criticism. New Haven, 1965.
- Академические школы в русском литературоведении. М., 1975.
- Алексеев А. А. Литературно-критическая поэтика Ю. И. Айхенвальда. «Силуэты русских писателей»: Дисс. канд. филол. наук. 10 янв. 2000.
- Алексеев А. А. Русские писатели и их «силуэты» // Genus roetatum. Коломна, 1995. С. 52–58.
- Алексеев А. А. Ю. И. Айхенвальд о Максиме Горьком, писателе и человеке // Творчество Максима Горького в социо-культурном контексте эпохи: Горьковские чтения 2004 г. Материалы международной конференции. Н. Новгород, 2006. С. 312–316.
- Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья: Книги 1917–1940: Материалы к библиографии. Отв. ред. Муратова К. Д. – СПб., 1993. 202 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алимова Н.В.* «Слово о словах» Ю. Айхенвальда // Филологические этюды. Саратов, 1998. Вып. 1. С. 85–89.
- Амфитеатров А.* Литература в изгнании: Публичная лекция, прочитанная в Миланском филологическом обществе. Белград, 1929. 57 с.
- Анастасьев Н.* Присутствие критика // Мирский Д. П. Статьи о литературе. М., 1987. С. 3–19.
- Андреев Л. Г.* Импрессионизм, М., 1980.
- Андреев Ник.* Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (опыт постановки темы) // Русская литература в эмиграции. Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 15–38.
- Баранов В. И., Бочаров А. Г., Суровцева Ю. И.* Литературно-художественная критика. М., 1982.
- Басинский П. В., Федякин С. Р.* Русская литература конца XIX – начала XX века и первая эмиграция. М., 1998.
- Белова Т. Н.* Художественный мир Гоголя сквозь призму постмодернистской критики Набокова // Литература XX в.: Итоги и перспективы изучения. М., 2008. С. 63–72.
- Бем А.* Статьи о литературе. Сост. И. Сурач и С. Бочарова. Прим. И. Сурач // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 77–108.
- Бердяев Н. А.* Русская литература XIX века и ее пророчества // Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 63–77.
- Биргер Л. А., Леденёв А. В.* «Страсти по Набокову»: творчество В. Сирин в эмигрантской критике // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920–1930-х годов. М., 2006, Ч. 2. С. 111–123.
- Больдт Ф., Сегал Д., Флейшман Л.* Проблемы изучения литературы русской эмиграции первой трети XX века // Slavica Hierosolymitana. Vol. III (1978). С. 78–88.
- Бондарчук М.* Истоки философской символики в трудах Дм. Чижевского пражского периода // Сб. докладов международной конференции «Русская, украинская, белорусская эмиграция в Чехословакии». Прага, 1995. Т. 1.
- Бочаров А. Г.* Жанры литературно-художественной критики. М., 1982.
- Булгаков В.* Словарь русских зарубежных писателей. Под ред. Г. Ваничкова. Introduction by R. Kneeeley. N.-Y., 1993. 241 P.
- Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я.* Стилистика газетных жанров. М., 1978.
- Вейдле В.* Традиционное и новое в русской литературе двадцатого века // Русская литература в эмиграции. Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 7–14.
- Владислав Ходасевич о Пушкине (Из архива И. И. Ивичи-Бернштейна).* Вступ. ст. «Пролетарской культуры нет... и быть не может». Публ., подгот. текста и коммент. С. Богатыревой // Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 74–118.

- Возникновение русской науки о литературе. М., 1975.
- Воронова Т. П.* Раиса Блох – русская поэтесса и историк западного средневековья (из переписки с О. А. Добиаш-Рождественской) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Л., 1989. С. 54–85.
- Воропаев В.* Гоголь в литературе Русского зарубежья. Библиография // Гоголевские студии. Нежин, 1999. Вып. 4.
- Голубков М. М.* История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М., 2008.
- Горбунова А. И.* Становление и развитие литературной критики «русского Парижа» 1920–1930-х годов: (Обзор литературы и основных источников) // Актуальные проблемы изучения литературы и культуры на современном этапе. Саранск, 2002. С. 96–103.
- Гроссман Л. П.* Жанры литературной критики // М., 1925. Т. 2.
- Гуляев Н. А.* Литературные направления и методы в русской и зарубежной литературе XVII–XIX веков. М., 1983. 144 с.
- Дарк О.* Загадка Сирина: Ранний Набоков в критике «первой волны» русской эмиграции // Вопросы литературы. М., 1990. № 3. С. 243–257.
- Добренко Е. А.* Цветущая простота: о советской литературной критике революционной эпохи // Критика 1917–1932 годов / Сост., вступ. статья, преамбулы и примеч. Е. А. Добренко. М., 2003. С. 3–12.
- Евтихиева А. С.* Гоголь в критике Русского зарубежья: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1999.)
- Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Л., 1980.
- Жирмунский В. М.* Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии // Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур. Л., 1981. С. 106–294.
- Иванова Е. В.* Литературная критика начала XX века в газетах и журналах // Критика начала XX века / Сост., вступ. ст., преамбулы и прим. Е. В. Ивановой. М., 2002. С. 3–28.
- Иваск Ю.* Поэзия старой эмиграции // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Полторацкого Н. П. Питтсбург, 1972.
- Ильин Вл.* Литературоведение и критика до и после революции // Русская литература в эмиграции. Под ред. Полторацкого. 1972. С. 243–254.
- История русской литературной критики Под ред В. В. Прозорова. М., 2002
- История русской литературы XX века (20-50-е годы): Литературный процесс. Под ред. А. П. Авраменко и др. М., 2006. 776 с.
- Казаркин А. П.* Русская литературная критика. Томск, 2004.
- Каманина Е. В.* Эмигрантская пресса о романе Леонида Андреева «Дневник Сатаны» // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. Под ред. Михайловой М. В. и др. М., 2000. Вып. 1. С. 128–137.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кедрова И.* Марина Цветаева – рецензент поэтической книги («Световой ливень» и «Поэт-альпинист») // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. СПб., 2000. С. 106–114.
- Кожин В.* Критика как компонент литературы // Современная литературная критика: Вопросы теории и методологии. М., 1977. С. 159–170.
- Корецкая И. В.* Импрессионизм в поэтике и эстетике символизма // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX века. М., 1975. С. 211.
- Коростелев О. А.* Пафос свободы. Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920–1970) // Критика русского зарубежья. В 2 ч. // Сост., предисл., преамбулы, примеч. О. А. Коростылев, Н. Г. Мельников. М., 2002. С. 3–35.
- Крейд В.* Леонид Ржевский – литературовед и критик // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1995. Т. 27. С. 255–266.
- Критика 1917–1932 годов / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Е. А. Добренко. М., 2003. 459 с.
- Критика начала XX века / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Е. В. Ивановой. М., 2002. 425 с.
- Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., предисл., преамбулы, примеч. О. А. Коростылев, Н. Г. Мельников. М., 2002. 471 С.
- Критика русского постсимволизма / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. О. А. Лекманова. М., 2002. 379 с.
- Крупчанов Л. М.* История русской литературной критики XIX в. М., 2005. 383 с.
- Крупчанов Л. М.* Культурно-историческая школа в русском литературоведении. М., 1983.
- Крылов В. Н.* Эволюция заглавий в русской литературной критике XVIII–XX вв. // Русская и сопоставительная филология. Казань, 2006. С. 320–325.
- Кудрова И.* Марина Цветаева – рецензент поэтической книги («Световой ливень» и «Поэт-альпинист») // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. СПб., 2000. С. 106–114.
- Кулешов В. И.* История русской литературной критики XVIII – начала XX веков. М., 1991.
- Лавров В. А.* «Духовный озорник»: К портрету князя Д. П. Мирского, критика и историка литературы // Русская литература. СПб., 1994. № 4. С. 134–141.
- Лаппо-Данилевский К. Ю.* Глеб Струве – историк литературы // Русская литература. Л., 1990. № 1. С. 99–107.
- Лекманов О. А.* Акмеисты и футуристы как литературные критики // Критика русского постсимволизма / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. О. А. Лекманова. М., 2002. С. 3–11.
- Леонид Андреев – критик. Вступ. Ст., сост., подготовка текста и коммент. В. Чувакова и А. Руднева // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 248–280.

- Ливак Л.* Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // *Диаспора: Новые материалы.* СПб., 2002. Вып. 4. С. 391–456.
- Литературная энциклопедия.* М., 1929, 1934.
- Луниц Л. Н.* Les Frères Serapion. Paris, 2001.
- Малевиц О. М.* А. Л. Бем об «эмигрантской» и «советской» литературе // *Факты и версии: Историко-культурологический альманах. Исслед. и матер.* Кн. 3: Русское зарубежье: Политика, экономика, культура. Гл. ред. и сост. В. Ю. Жуков. СПб, 2002. С. 109–118.
- Марина Цветаева* в критике современников. В 2 ч. Сост., подгот. текста, предисл. и комм. Мнухина Л. А., Толкачевой Е. В. М., 2003. Ч. 1: Родство и чуждость (1910–1940 гг.). 656 с.
- Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых общественных деятелей. В 4 т. М., 1956–1960.
- Матусевич И.* Затаенная пламенность: Памяти Ю. Айхенвальда // *Современные записки.* 1929. Кн. XXXIX.
- Маяковский* в критике русского зарубежья. Публ. Терехиной В. Н., Зименкова А. П. // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология.* М., 1992. № 4. С. 66–76.
- Михайлов О. Н.* Литература русского зарубежья М., 1995. 432 с.
- Моисеев Д. А.* Н. В. Гоголь как писатель-христианин в оценке Русского зарубежья // *Духовный мир.* Сергиев Посад, 1996. Вып. 3. С. 11–37.
- Морыганов Ф. Ю.* Принцип «сжатия» в «Силуэтах русских писателей» Ю. И. Айхенвальда // *Творчество и литературный процесс. Слово в художественной литературе, стиль, дискурс.* Иваново, 1999. С. 5–14.
- Мурзина И. Я.* Критик как читатель // *Литературное обозрение.* 1996. № 3. С. 72–74.
- Мурзина И. Я.* Творчество Ю. И. Айхенвальда в дооктябрьский период. Особенности мировоззрения и литературной критики: Дисс. ... канд. филол. наук. 10. 01. 96.
- Муромский В. П.* Из наблюдений над особенностями развития литературно-критических жанров // *Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика.* СПб., 2000. С. 121–128.
- Немзер А.* Маскульт эпохи модерна // *Сегодня.* 1994. 21 сент.
- Николаев Д. Д.* Творчество А. Блока в оценке эмигрантской критики: (Издания группы «Мир и труд») // *Шахматовский вестник. Солнечногорск,* 1997. Вып. 7. С. 119–133.
- Николаева К. С.* Константин Бальмонт в восприятии писателей русского зарубежья // *Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века.* Иваново, 1996. Вып. 2. С. 46–52.
- Николюкин А. Н.* Новые тенденции в исследовании зарубежной литературы «первой волны» // *Теория и практика общественно-научной информации.* М., 1995. Вып. 10. С. 92–106.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Николюкин А. Н.* О русской литературе: Теория и история. М., 2003.
Одна или две русских литературы? Женева. 1981. 254 с.
- Осоргин М.* Литературные размышления. Вступл., публ. и прим. О. Ласунского // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 278–310.
- Паламарчук П.* Иван Ильин – критик // Московский вестник, М., 1990. № 1. С. 246–255.
- Первая эмиграция о Маяковском Вступ. ст., публ. и коммент. Селезнева Л. А., Терехиной В. Н // Литературное обозрение. М., 1992. № 3/4. С. 33–45.
- Перельмутер В.* Несколькo слов о Ходасевиче-критике // Октябрь. М., 1988. № 6. С. 201–202.
- Перхин В.* Русская литературная критика 1930-х: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997.
- Перхин В. В.* О единстве русской литературной критики (1917–1937): По материалам наследия Д. П. Святополк-Мирского // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2: Ист., языковед., литературовед. СПб., 1994. Вып. 3. С. 57–64.
- Пильский П.* Критик-индивидуалист. Памяти Ю. Айхенвальда // Сегодня. 1928. 18 дек.
- Писатели современной эпохи. М., 1928.
- Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. М., 1928.
- Плетнев Р.* Русское литературоведение в эмиграции // Русская литература в эмиграции. Под ред. Полторацкого. 1972. С. 255–270.
- Полторацкий Н.* Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И. А. Ильина // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 271–287.
- Полторацкий Н. П.* И. А. Ильин и полемика вокруг его идеи о сопротивлении злу силой // Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. Берлин, 1925. С. 223–279.
- Попов В. В.* М. Осоргин – рецензент (Своеобразие отзывов о прозе И. Г. Эренбурга) // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. СПб., 2000. С. 114–120.
- Пресняков О. А.* А. Потехня и русское литературоведение конца XIX – начала XX века. Саратов, 1978.
- Ржевский Л.* Художественная проза «новой» эмиграции // Русская литература в эмиграции. Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 83–94.
- Риплинг М.* Литературная критика Ю. И. Айхенвальда периода эмиграции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 17 С. (Библиография: с. 17.)
- Русов Н. Н.* Критика это – я (силуэт Ю. Айхенвальда) // Накануне. Лит. прилож. № 19. 1922. 24 сент. С. 6–7.
- Русская литература в эмиграции. Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. 408. с.

- Русская литература конца XIX – начала XX века (1908–1917). М., 1972.
- Русская литературная критика начала XX века: Современный взгляд: Сб. обзоров. М., 1991.
- Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в. М., 1982.
- Селезнев Л. А., Терехина В. Н.* Первая эмиграция о Маяковском // Литературное обозрение. 1992. № 3–4.
- Сергеев О. В.* А. М. Ремизов в зарубежной критике // Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов. М., 1991. Вып. 1. С. 100–120.
- Симкина С. К.* Жанры русской периодики и мастерство критиков, публицистов и очеркистов XIX в. советской критической литературе (Материалы к библиографии) // Русская журналистика XVIII–XIX вв. (Из истории жанров). Л., 1969. С. 132–167.
- Скотникова Г. В. И. А.* Ильин как литературно-философский критик // Наука и культура русского зарубежья. СПб., 1997. С. 93–100.
- Современная литературная критика: вопросы теории и методологии. М., 1977.
- Соколов А. Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991.
- Степанов Т. М.* Борис Зайцев в литературоведении и критике // Филологические вести. Майкоп, 2002. № 4. С. 34–40.
- Струве Г.* Русская литература в изгнании. М., 1996. Биографический словарь. С. 263–415.
- Сурат И., Бочаров С.* Альфред Людвигович Бем // Вопросы литературы. М., 1991. № 6. С. 67–76.
- Таркова И. В.* Набоков в зеркале критики // Проблемы развития русской литературы XX в.: Матер. регион. научн.-практ. конф. Хабаровск, 1996. С. 50–52.
- Творческие методы и литературные направления. М., 1987.
- Терехина В. Н.* Творчество Маяковского в критике русского зарубежья 1920–1930. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993. 146 с.
- Терехина В. Н., Зименков А. П.* Маяковский в критике русского зарубежья // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1992. № 4. С. 65.
- Тихомиров В. В.* Русская литературная критика середины XIX века: проблемы критического метода. Новгород, 1997.
- Тихомирова Е. В.* Творчество М. Цветаевой в критике русского зарубежья: Эпизод с «Благонамеренным» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1993. С. 189–198.
- Ткаченко О. С.* Владислав Ходасевич о природе поэзии и «женских» стихах // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века. Тверь, 2002. С. 88–97.
- Троицкая Л. И.* Критерии оценки русских поэтов XIX века в критике Ю. И. Айхенвальда // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания. Саратов, 1996. Ч. 1. С. 68–70.

- Тэн И. Философия искусства. М., 1996.
 Уальд О. Критик как художник // Писатели Англии о литературе. М. С. 151–153.
 Чупринин С. Русская литература сегодня: Большой путеводитель. М., 2007. 575 с.
 Эйдинова В. Стиль писателя и литературная критика. Красноярск, 1983.
 Эткин Е. Русская поэзия XX века как единый процесс // Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 189–211.

III. РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in honor of Olga Raevsky Hughes a. R. P. Hughes. Stanford, 2006. 564 P.
 Barret H. Clark The Happy Exile. In: Barret H. Clark. Intimate Portraits. New York, 1951. P. 3–26.
 Ent-grenzen / За пределами: Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века. Frankfurt a. M., 2006. [Рец.: Новое литературное обозрение. М., 2007. № 86. С. 389–394].
 L'emigration russe. Revues et recueils. 1920–1980. Index général des articles. Paris, 1988.
 Literary exile in the Twentieth Century: An Analysis and Biographical Dictionary / Ed. by M. Toker. New York, Westport, 1994.
 Ossorgine-Bakounine T. L'emigration russ en Europe. Catalogue collectif des périodiques russes. 1855–1940. Paris, 1976.
 Pfanner H. Kulturelle Wechselbeziehung im Exil – Exile across Cultures. Bonn, 1986.
 Russische Emigration im 20. Jahrhundert: Literatur – Sprach – Kultur / Hrsg. von Göbler F. München, 2005. 412 S.
 Salkind E. Die junge russische Literatur in der Emigration // Osteuropa. 1930/31. № 6. S. 575–590.
 Арсеньев Н. Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. In Einzeldarstellungen von N. von Arseniew. Mainz, 1929. 410 S.
 Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 188.
 Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга русского зарубежья. СПб., 2001.
 Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. 3 апр.
 «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. Сост., вступ ст. и коммент.: Филин М. Д. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. 495 с.
 Вайнберг И. «Все будет оценено – не может быть иначе» // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. С. 178–182.
 Дельвин С. Б. Становление и развитие культуры русского зарубежья. Автореф. дисс. М., 1991. 20 с.

- Дякина А. А. М. Ю. Лермонтов в культуре Серебряного века и русского зарубежья. Елец, 2008. 76 с.
- Европа в зеркале русской эмиграции. (Первая волна. 1918–1940). *Europa orientalis*. XXII. 2003. 2. 397 P.
- Жирков Г. В. Культура и журналистика Русского зарубежья 20–40-х гг. // *Зарубежная Россия 1917–1939 гг.* СПб., 2000. С. 246–248.
- Жирков Г. В. Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920–1940-е годы). М., 1998. 208 с.
- Заветы Пушкина: из наследия первой эмиграции. М., 1998.
- Зеньковский В. Русские писатели и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955.
- Ивкина А. П. Критико-библиографические журналы русского зарубежья 1920-х гг. («Новости литературы» и «Литература и жизнь»): Опыт обзора // Историко-библиографические исследования. СПб., 1996. Вып. 6. С. 139–147.
- Ивкина А. П. Русское зарубежье в библиографическом отражении // Библиография. М., 1995. № 3. С. 127–138.
- Ильина О. Н. О личных библиотеках русского зарубежья и некоторых аспектах их изучения // Берега. СПб., 2007. Вып. 8. С. 40–50.
- Казак В. Два русла единой культуры. Русская литература XX века на Востоке и Западе // Объект исследования – искусство: По страницам «культурологических записок». М., 2006. С. 360–369.
- Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья: 1918–1939. Мюнхен, 2002.
- Кознова Н. Н. Судьбы русской литературы в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны // Экология культуры и языка: проблемы и перспективы. Архангельск, 2006. С. 245–249.
- Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... М., 1990.
- Кузина Г. А. Значение «Дней русской культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 46–57.
- Кузнецов И. П., Подспорина В. В. Русское зарубежье в диссертационных исследованиях // Берега. СПб., 2006. Вып. 6. С. 56–60 (Летопись авторефератов РКП за 2004 г.)
- Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник, М., 2006.
- Макаров Д. В. И. С. Шмелев в критике русского зарубежья (Христианский контекст) // Литература и культура в контексте христианства. Ульяновск, 1999. С. 73–77.
- Малевиц О. Три жизни и три любви Марка Слонима // Евреи в культуре русского зарубежья: Ст., публ., мемуары и эссе. Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. Т. 3. С. 73–100.
- Набоков В. Мы и они (История русской эмиграции) // Руль. 1920. 2 дек.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Николаев Д. Д.* Журнал «Русская книга» (1921 год): Идеологическая платформа и литературная критика // Литературное зарубежье: Национальная литература – две или одна? М., 2002. Вып. 2. Отв. ред. Барабаш Ю. Я. С. 63–137.
- Пархоменко Т. А.* Культурная жизнь русской эмиграции в первые послевоенные годы (1917–1925) // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 25–45.
- Печатное дело русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии / Сост. Коростелев О. А // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2003. Вып. 5. С. 661–715.
- Пискунов В.* Пушкин и русское зарубежье // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 98–140.
- Постников С.* Литература эмигрантского сепаратизма // Современные записки. № 64.
- Примочкина Н. Н.* Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003.
- Публицистика русского зарубежья (1920–1945): Сб. статей. М., 1988.
- Раев М.* Россия за рубежом: Культурная история русской эмиграции 1919–1939. Нью-Йорк, 1990.
- Ревакина А. А.* Периодические издания русского зарубежья и литературная критика в исследовании Г. П. Струве «Русская литература в изгнании» // Общественные науки в России. Реф. журн. Сер. 7: Литературоведение. М., 1992. № 5/6. С. 41–63.
- Россия в изгнании. РЖ ИНИОН. Тематический выпуск. Сер. 7. 1992. № 5–6.
- Русская книга за границей. Берлин; М., 1924. 35 с.
- Русские эмигранты о Достоевском. Вступ. ст., подгот. текста и прим. С. В. Белова, СПб., 1994. 429 с.
- Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен. М., 2003.
- Русское зарубежье о Сергее Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. В 2 т. Сост., вступ. ст., комм., именной указатель Н. Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 1 – 327 с. Т. 2 – 204 с.
- Слоним М.* Немецкая история русской эмиграции // Дни. 1927. 2 нояб.
- Сохряков Ю. И.* И. А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик. М., 2004.
- Статьи о литературе и культуре в газете «Последние новости» (Париж, 1932–1933). Сост. Симбирцева Н. Ю., Петрова Т. Г // Литературоведческий журнал. М., 2007. № 18–21.
- Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов. Сост., предисл. и комм.: М. Ф. Филин. М., 1998. 544 с.
- Фетисенко О. Л.* Первые отклики на смерть А. Блока в прессе Русского зарубежья // Зарубежная Россия 1917–1945. СПб., 2004. С. 271–277.
- Филин М. Д.* Зарубежная Россия и Пушкин. М., 2004.
- Фоминых Т. Н.* Берлинская редакция романа А. Н. Толстого «Хождение по му-

- кам» в критике русского зарубежья // Словесность и современность. Материалы научной конференции. В 3 ч. Пермь, 2000. Ч. 1. С. 88–95.
- Ходасевич В.* Статьи о советской литературе. Публикация М. Долинского и И. Шайтанова // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 173–215.
- Цетлин М. О.* О современной эмигрантской поэзии // Современные записки. № 58.
- Чагин А.* Расколота лира: Россия и зарубежье. М., 1998.
- Чагин А. И.* Два крыла русской поэзии. Статья первая и вторая // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 2. С. 87–101; № 3. С. 90–105.
- Чагин А. И.* Литература в изгнании: Спор поколений // Литературное зарубежье: Национальная литература – две или одна? М., 2002. Вып. 2. Отв. ред. Барабаш Ю. Я. С. 216–224.
- Чехов и русская эмиграция. Публ. и вступ. заметка Васильевой М. А // Литературное обозрение. 1994. № 11/12. С. 15–34.
- Шубникова-Гусева Н.* «Волшебная странность» (Русское зарубежье о Есенине) // Литературная учеба. М., 1992. № 5/6. С. 167–171.

IV. РАБОТЫ О РУССКОМ БЕРЛИНЕ 20-х гг. XX ВЕКА

- Andreesen W.* Berlin und die russische Literature der zwanziger Jahre // Staatsbibliothek preussischer Kulturbesitz. Mitteilungen. 15. Berlin, 1993. S. 12–35.
- Angel E.* Emigranten-Kabarett // Das Kulturblatt. 1922. № 12. S. 539.
- Basler Fr.* Die Deutsch-Russische Schule in Berlin 1931–1945. Geschichte und Auftrag. Berlin, 1983.
- Batalin R. G.* Peterburg am Wittenbergplatz / Detmold, 1931.
- Bauer Gerch.* Die mitgeschleppte und die ausgedachte Heimat der Exilierten // Pfanner H. Kulturelle Wechselbeziehung im Exil – Exile across Cultures. Bonn, 1986. S. 25–34.
- Belyj A.* Im Reich der Schatten. Berlin, 1921 bis 1923. Frankfurt a. M., 1987.
- Bérard E.* Il'ja Erenburgs Berliner Zeit (1921–23) // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Hrsg. von Karl Schlögel. Berlin, 1995. S. 323–332.
- Berlin Wilmersdorf. Die Jahre 1920–1945. Hrsg. von Udo Christoffel. Berlin, 1985.
- Beyer T. R.* Andrej Belyjs Russland in Berlin // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Hrsg. von Karl Schlögel. Berlin, 1995. S. 311–322.
- Beyer T. R.* Marina Cvetaeva und Andrej Belyj: Rasluka i posle rasluki. In: Wiener Slavistischer Almanach. 1995. № 35. S. 97–132.
- Beyer T. R.* Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. Berlin, 1987. 245 S.
- Bie O.* Von russischer Kunst // Die Kunst für alle. Berlin, 1922/1923. S. 40.

- Böhmig M.* Das «Emigranten» – Theater in Berlin im Spiegel der zeitgenössischen Theaterkritik. Berichte und Rezensijnen aus Berliner Tageszeitungen // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Hrsg. von Karl Schlögel. Berlin, 1995. S. 343–356.
- Burchard A.* Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920–1941. Institutionen des literarischen Lebens in Exil. München, 2001.
- Burchard A., Dawidowisch L.* Das russische Berlin. Hrsg. von der Ausländerbeauftragten des Senats. Wiesbaden, 1989.
- Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941. Hrsg. von Karl Schlögel, K. Kucher, B. Suchy und Gr. Thum. Berlin, 1999. 671 S.
- Dodenhoeft B.* «Lasst mich nach Russland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a. M., 1993. 338 S.
- Drahn E.* Russische Emigration. Eine kulturstatistische Studie // Zeitschrift für die gesamte Staatwissenschaft. 1930. S. 124–130.
- Drews P.* Russische Schriftsteller am Scheideweg. Berlin 1921–1923 // Anzeiger für slavische Philologie. 12. 1981. S. 119.
- Elias R.* Die Gesellschaft der Freunde des neuen Russland. Köln, 1985.
- Europa orientalis. Studi e Ricerche sui Paesi e la Culture dell'est Europeo. 1995. XIV. № 2. (Russi a Berlino).
- Färber O.* Die russische Emigranten und wir // Allgemeine Rundschau. 8 anp. 22. № 19. S. 162.
- Fülöp G.J., Miller R.* Die Russische Theater. Sein Wesen und seine Geschichte mit besonderer Berücksichtigung der Revolutionsperiode. Zürich; Leipzig; Wien, 1927.
- Gabo N.* Ein russischer Konstruktivist in Berlin 1922–1932. Hrsg. Von Jörn Merkert. Berlin, 1989.
- Garetto E.* Intrecci Berlinesi: Della corrispondenza di Nina Petrovskaja con V. F. Chodasevič e M. Gork'ij // Europa orientalis. 1995. XIV. № 2. S. 112–150.
- Hatlie M.R.* Die Zeitung als Zentrum der Emigrations-Öffentlichkeit: Das Beispiel der Zeitung Rul' // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Hrsg. von K. Schlögel. Berlin, 1995. S. 153–162.
- Hübner F. Zur zeitgenössischen deutschsprachigen Rezeption der späten russischen und frühen sowjetischen Literatur // Wiss. Zeitschrift der Friedrich-Schiller- Univ. ges. u. sprachwiss. K., Jena, 1989. Jg. 38. H. 1. S. 119–121.
- Kasack W.* Die russische Schriftsteller-Emigration im 20. Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte, den Autoren und ihren Werken. München, 1996.
- Klein A.* Georg Lukacs in Berlin. Berlin; Weimar, 1990.
- L.* Русский Берлин // Руль. 1928. 13 авг.
- Laqueur W.* Der Schoss ist fruchtbar noch. Der militante Nationalismus der russischen Rechten. München, 1993.
- Laqueur W.* Russia and Germany. London, 1965.

- Lersch E.* Die auswärtige Kulturpolitik der Sowjetunion in ihren Auswirkungen auf Deutschland 1921–1929. Frankfurt a. M., 1979. 451 S.
- Liessner-Blomberg E.* Romantisches Café // Elena L.-Blomberg, oder die Geschichte vom Blauen Vogel/ Hrsg. vjn G. Wolf. Berlin, 1978. S. 58–64.
- Literarisches Leben in Berlin 1917–1933. Hrsg. von Wruck Peter. Berlin (Ost), 1987.
- Meyer-Graefe J.* Die Russen in Berlin // Ganymed. 1922. № 4. S. 297.
- Mierau F.* Die Rezeption der sowjetischen Literatur in Deutschland in den Jahren 1920–1924 // Zeitschrift für Slawistik. 1958. H. 3. S. 620–638.
- Mirowa-Florin E.* Gorkij als Zeitschriften redaktuer in den Jahren 1923 bis 1925 // Wiss. Zs. der Humboldt-Univ. (GSR). XVI (1967). H. 5. S. 743–747.
- Monlis V.* Die russische republikanische tageszeitung «Dni» // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg // Hrsg. von Schlögel K. Berlin, 1995. S. 439–446.
- Monty J.* Russische Bühnenkunst in Deutschland // Das deutsche Buch. Sonderheft «Russland». Leipzig, 1923. S. 19.
- Platone R.* Gorkijs «Beseda» und ihre Mitarbeiter // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg // Hrsg. von Schlögel K. Berlin, 1995. S. 333–342.
- Rejtlat A.* Julij Ajchenvald in Berlin // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Berlin, 1995.
- Rimscha H.* von Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917–1921. 1924.
- Rimscha H.* Von Russland jenseits der Grenzen 1921–1926. Jena, 1927.
- Rosenberg W.* Die russische Presse im Exil (1918–1928) // Verband der russischen Journalisten und Schriftsteller in Deutschland. Zur Ausstellung «Pressa» in Köln. Berlin, 1928.
- Rosenfeld G.* Sowjetrussland und Deutschland 1917–1922. Berlin, 1960.
- Rosenfeld G.* Sowjetrussland und Deutschland. 1922–1933. Berlin, 1984. 512 S.
- Russen in Berlin 1918–1933. Eine Kulturelle Begegnung. Hrsg. von Mierau F. Berlin, 1988. 611 S.
- Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg // Hrsg. von Schlögel K. Berlin, 1995. 505 S.
- Scandura C.* Das russische Berlin 1921–1923. Die Zeitschriften A. S. Jaščenko «Russkaja Kniga» und «Novaja russkaja Kniga» // Zeitschrift für Slawistik. 1988. № 33. S. 515–522.
- Scandura C.* Das Russische Berlin 1921–1924. Die Verlage // Zeitschrift für Slawistik. 1987. № 5. S. 754–762.
- Schlögel K.* Berlin, Ostbahnhof Europas. Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, 1998.
- Schlögel K.* Berlin: «Stiefmutter unter den russischen Städten» // Der Grosse Exodus:

- Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Hrsg. von K. Schlögel. München, 1994. S. 234–259.
- Schwarz Chr.* Die Rolle der sowjetischen Beletristik im deutschen Verlagschaffen 1917–1933. Phil. Diss. Berlin, 1966.
- Scrittori russi a Berlino, Napoli, 1994. [Антология литературных текстов и статьи из «Беседы», «Граней», «Медного всадника», воспоминания. П. Гуля, З. Арбатова, И. Эренбурга].
- Urban T.* «Berlin – die Stiefmutter den russischen Städte». Die russische Schriftstellerkolonie in Berlin // Berlin in Geschichte und Gegenwart. Jahrbuch des Landesarchivs. Berlin, 1997. S. 55–73.
- Verret G.* Maxim Gor'kij et Alexis Tolstoj à la croisée des chemins (1921–1923) // Revue des études slaves. 1957. № 34. P. 144–150.
- Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Heidelberg, 1993.
- Volkman H.-E.* Die Russische Emigranten in Deutschland, 1919–1929. Würzburg, 1966.
- Weise K.* Von der Emigrantenschule zur nationalsozialistischen deutschen Ostschule. Zur Geschichte der russischen Emigranten-Gymnasien und der deutsch-russischen Schulen in Berlin 1920–1945. Berlin, 1985.
- Williams R. C.* «Changing Landmarks» in Russian Berlin, 1923–1924 // Slavic Review. 1968. № 27 (Dec.). P. 581–593.
- Williams R. C.* Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany. 1881–1941. Cornell, 1972. 404 P.
- Winckler L.* Autor, Markt, Publikum. Zur Geschichte der Literaturproduction in Deutschland. Berlin, 1988.
- Zimmer Dieter E.* Nabokov's Berlin. Berlin, 2001.
- А. А. Гер.* Лекция Ю. И. Айхенвальда «Рейн и Сена» // Руль. 1922. 7 дек.
- Андреев В.* Возвращение в жизнь // Звезда. М., 1969. № 5. С. 85–129; № 6. С. 94–147.
- Ан-ов Р.* Русское искусство в Берлине // Дни. 1924. 15 июня.
- Арбатов З.* Ноллендорфплатцафе (Литературная мозаика) // Грани. 1959. № 41. С. 106–122.
- Арбатов З. Ю.* Предрождественский Берлин // Руль. 1925. 23 дек.
- Бал русской прессы // Руль. 1922. 21 нояб.
- Бейер Т.* Русский Берлин. Экспатриация? Изгнание? Эмиграция? // Диапазон. М., 1993. № 1. С. 64–67.
- Берар Е.* Бурная жизнь Ильи Эренбурга. М., 2009. 273 с.
- Бор. Ор.* Германский Красный Крест и эмиграция // Руль. 1923. 15 дек.
- Былов Н.* Три года в берлинском торгпредстве // Руль. 1926. 10 нояб.
- В клубе писателей // Руль. 1923. 29 дек.

- В союзе русских журналистов и литераторов // Руль. 1923. 21 марта.
- Вайнсберг И. И.* Почему журнал «Беседа» не пошел в Россию (По архивным материалам) // РЖ ИНИОН. Сер. 7. 1995. № 4. С. 28–63.
- Варламов А.* «Накануне» Михаила Булгакова // Коростель. М., 2007. № 4. С. 166–181.
- Венгерова З.* Праздник русского искусства. Спектакли Московского художественного театра // Накануне. № 146. 1922. 29 сент.
- Высылка русских из Германии // Руль. 1924. 22 янв.
- Ганфман М. Ю.* Айхенвальд // Сегодня. Рига. 1928. 18 дек.
- Гессен В. Ю.* Российские эмигрантские литературные общества в Чехословакии и Германии // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. СПб, 2000. С. 258–262.
- Голубева О. Д.* Горький и издательство З. И. Гржебина // Голубева О. Д. Горький – издатель. М., 1968. С. 116–122.
- Гольденвейзер А. А.* Рец.: Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Руль. 1923. 25 нояб.
- Горный С.* «Железный талант» (из силуэтов театрального Берлина) // Руль. 1930. 1 июля.
- Горный С.* Силуэты Берлина (Рудольф Фостер) // Руль. 1930. 22 июня.
- Горный С.* Смех Берлина // Руль. 1930. 25 марта.
- Гофман М. Л.* Праздник русской культуры // Руль. 1925. 9 июня [Петр и Пушкин].
- Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. В 3 т. М., 2001. Т. 1: Россия в Германии. 560 с.
- День русской культуры в Берлине // Руль. 1926. 11 июня.
- День русской культуры в Дрездене // Руль. 1925. 13 июня.
- Динерштайн Е.* Крах берлинского издательства Гржебин // Europa orientalis. 1995. XIV. № 2. S. 91–109.
- Е. К.* Трагедия современной культуры в немецком и русском освещении // Руль. 1924. 12 февр.
- Е. К.-н.* Памяти Петра Великого // Руль. 1925. 25 июня.
- Еваленко А. М.* Книжный склад. Берлин. Каталог книжного склада. Б. г. 16 с.
- Емельянов Ю. Н.* «Русский Берлин» (Издательские центры в 20–30-х гг.) // Культурное наследие российской эмиграции. М., 1994. Кн. 4. С. 50–56.
- Зайцев Б. К.* Далекое. М. 511 с.
- И. Г.* Русские сезоны в Берлине // Новое время. Белград. 1922. 10 авг. С. 2.
- Каннак Е.* Берлинский «Кружок поэтов» (1928–1933) // Русский альманах. Изд. 3. Шаховская, Р. Герра, Е. Терновски. Париж, 1981. С. 363–366.
- Карпенко С.* «Руль»: зеркало кадетского Берлина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1998. № 212. С. 251–267.
- Катаева А. Г.* Горький и русское издательское дело в Германии в начале 1920-х гг. // Новый исторический вестник, 2000. № 2. С. 5–18.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Катаева А. Г.* Русская издательская деятельность в Германии 1920-х гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук // РГГУ: Ист.-арх. ин-т. М., 2000. 22 с.
- Каталог издательства З. И. Гржебина. Петроград; Берлин, 1921.
- Каталог книг и нот центрального книжного склада «Образование в Берлине» // Берлин, 1922. 117 с.
- Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г. (Союз русских издателей и книгопродавцев в Германии). Берлин [1924]. 210 с.
- Кизеветтер А. Ю. И. Айхенвальд* // Руль. 1929. 9 янв.
- К-н Е.* В литературном клубе // Руль. 1924. 11 марта.
- Коб Е.* Берлин // Голос России. 1921. 16 янв.
- Колязин В.* Гастроли русских театров 20–30-х годов в Берлине. С Востока на Запад, от Таирова к Мейерхольду // Берлин – Москва / Berlin – Moskau, 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино / Научн. ред. Антонова И. А. (Москва), Меркерт Й. (Берлин). М.; Берлин; Мюнхен, 1996. С. 173–178.
- Коробова Т.* Литературная современность в оценке Ю. И. Айхенвальда (конец 1900-х гг.) // Русская филология. Тарту, 2005. № 16. С. 70–76.
- Кудрявцева В. Ю.* Деятельность Дома искусств в Берлине (1921–1923) // Культурное наследие российской эмиграции. М., 1994. Кн. 2. С. 446–449.
- Ларский И.* В эмигрантском Берлине // Последние новости. 1923. 26 нояб.
- Левин С. И.* Положение русских эмигрантов в Германии // Руль. 1922. 2 авг.
- Левитан И.* Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе. Нью-Йорк, 1968. Кн. 2.
- Лери (В. Клопотовский).* «От двуглавого орла к красному знамени» // Руль. 1921. 20 февр.
- Летний лагерь для русских детей г. Берлина // Руль. 1923. 4 мая.
- Лидин В. Л.* Повести о многих днях. Берлин, 1923.
- Лоренцо.* Индустриализация духа искусств // Голос России. 1922. 30 мая.
- Лукаш И. Ю. И. Айхенвальд (некролог)* // Возрождение. 1928. 20 дек.
- Лурье В.* Берлинские воспоминания // Русская мысль. 1956. 25 окт.
- Лурье В.* В Грюнвальде // Русская мысль. 1957. 14 дек.
- Лысенко А. В.* Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922. М., 2000. 366 с.
- Лясковский А.* 100-летие Александровской колонии // Руль. 1926. 11 сент.
- Лясковский А.* Русские памятники старины // Руль. 1926. 9 июля.
- М. Р.* Русские лагеря в Германии в 1922 году // Руль. 1923. 12 янв.
- Маковский С.* Буря искусства // Руль. 1921. 22 апр.
- Мираву Ф.* «Обезьяний совет» и «Цвофирзон». Алексей Ремизов в Берлине (1921–1923) // Берлин – Москва / Berlin – Moskau, 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино / На-

- учн. ред. Антонова И. А. (Москва), Меркерт Й. (Берлин). М.; Берлин; Мюнхен, 1996. С. 179–186.
- Мирова-Флорин Э.* Максим Горький в Германии // Горьковские чтения. М., 1968. Вып. 10. С. 400–417.
- Мирук Н. В.* Издательская деятельность И. В. Гессена в Берлине // Российское зарубежье. Итоги и перспективы: Тез. докл. и сообщ. научн. конф. 17 нояб. 1997 / РГГУ; Отв. ред. С. В. Карпенко. М., 1997. С. 45–46.
- Олегина И. Н.* Историческая периодика «русского Берлина» // Русские в Германии (1914–1933). Сб. научн. ст. СПб., 1995. С. 53.
- Оречкин Б.* Защита русских беженцев // Руль. 1923. 24 марта; 1923. 1 апр.
- Орловский С.* Жизнь Вестник мира и труда // Голос России. 1920. 30 мая.
- Осоргин М.* Встречи. 1. Андрей Белый // Последние новости. 1934. 25 янв.
- Осоргин М.* Встречи. 2. Белый в Берлине // Последние новости. 1934. 16 янв.
- Открытие русского народного университета в Берлине // Руль. 1923. 15 нояб.; 1923. 21 нояб.; 1923. 25 нояб.
- Офросимов Ю.* Театр Фельстоны. Берлин, 1926.
- Панков К. И.* Роль берлинской газеты «Дни» в деле консолидации литературных сил Русского Зарубежья. 1922–1925 гг. // Культурная миссия российского зарубежья. История и современность. М., 1999. С. 154–160.
- Пастернак Евг., Пастернак Е.* Райнер Мария Рильке, Марина Цветаева и Борис Пастернак. Письма 1926 г. // Берлин – Москва / Berlin – Moskau, 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино / Научн. ред. Антонова И. А. (Москва), Меркерт Й. (Берлин). М.; Берлин; Мюнхен, 1996. С. 163–166.
- Перхин В. В. А. Н. Толстой в русском Берлине* (по материалам допроса Г. Д. Венуса в 1938 г.) // Русская литература. 2000. № 1. С. 179–190.
- Письма Максима Горького к В. Ф. Ходасевичу // Новый журнал. 1952. Кн. XXX. С. 195 [О журнале «Беседа»].
- Реброва И. В.* «Русский Берлин» в зеркале литературной критики эмигрантской газеты «Руль» (начала 20-х гг. XX столетия) // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен. М., 2003. Ч. 2. С. 107–113.
- Резниченко А.* Русский Берлин как реальность и метафора (Международная научн. конференция «Русский Берлин 1920–1945 гг.». Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Москва, 16–18 декабря 2002 г.) // Новое литературное обозрение. 2003. № 16. С. 425.
- Рейтблат А. И.* «Подколотный эстет» с «мягкой душой и твердыми правилами»: Ю. Айхенвальд на родине и в эмиграции // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1.
- Русская книга за границей. Берлин; М., 1924. 35 с.
- Русская литература в эмиграции. Под ред. Полторацкого. Питтсбург, 1972. 408 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Русские в Германии. Юрид. справка. Сост. Рабинович И. М. Берлин, 1921. 167 с.
- Русский Берлин 1918–1941. Издание к выставке «Русский Берлин 1918–1941» в государственном историческом музее 13–27 мая 2002 г. М., 2002.
- Русский Берлин 1920–1945. М., 2006.
- Русский Берлин. Сост., предисл. и персоналии Сорокиной В. В. М., 2003. 368 с.
- Русский научный институт (к открытию осеннего семестра) // Дни. 1923. 2 сент.
- Русский научный институт // Руль. 1923. 28 янв.; 1923. 11 февр.
- Русский научный институт в Берлине // Руль. 1925. 16 июня; 1925. 21 июня.
- Русский научный институт в Берлине: 1924–1925 акад. год. Берлин, 1925. 16 с.
- Русский научный институт в Берлине: 1-й летний семестр. Берлин, 1923.
- Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов / РАН ИНИОН; Редкол.: Николоюкин А. Н. (научн. руководитель) и др. – М.: ИНИОН, 1993. Вып. 3. 183 с.
- С. Я. Открытие Русского Университета в Берлине // Дни. 1923. 17 нояб.
- С. Я. Русский эмигрант в Берлине // Дни. 1926. 3 янв.
- Саакянц А. Встреча поэтов. А. Белый и М. Цветаева // Белый А. Проблемы творчества, М., 1988. С. 367–385.
- Северянин И. Маяковский в Берлине // Литературная газета. 1987. 13 мая.
- Сегал С. Русская жизнь в Берлине // Русский иллюстрированный мир. Вена, 1923. № 1. С. 3–4.
- Сирин В. Путеводитель по Берлину // Руль. 1925. 24 дек.
- Современная немецкая мысль: Сб. статей. Пер с нем. (Под ред В. Л. Коссовского). Дрезден, 1921. 203 с.
- Союз литераторов и журналистов. Хроника событий в газете «Руль» // Руль. 1923, 1924.
- Станкевич В. Россия и Германия. Берлин, 1922. 123 с.
- Старожил. Русская драма на берлинской сцене // Голос России. 1919. 2 дек.; 21 дек.
- Старцева А. В. «Русский Берлин» в 1921–1923 // Культурная миссия русского зарубежья. История и современность. М., 1994. С. 78–83.
- Стенун Ф. А. Германия // Современные записки. Кн. XLII.
- Струве Г. Из моих воспоминаний об одном русском литературном кружке в Берлине // Три юбилея Андрея Седых. Альманах под ред. Л. Ржевского. Нью-Йорк, 1982. С. 189–194.
- Т. В Лит.-Худож. Кружке // Руль. 1925. 19 июня.
- Тангейзер. Берлин на траве // Новое время. Белград. 1923. 16 сент.
- Т-в В. Е. Выставка русской книги // Руль. 1923. 3 мая.
- Тэффи. Берлин // Возрождение. 1928. 4 нояб. С. 2.
- Филипп Август. На страже сокровищ (Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Изд. «Слово», Берлин.) // Дни. 1923. 10 июня.

- Филиппов К.* Русская Германия // Руль. 1931. 16 янв.
- Финкельдей Б.* Под знаком квадрата. Конструктивисты в Берлине // Берлин – Москва / Berlin – Moskau, 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино / Научн. ред. Антонова И. А. (Москва), Меркерт Й. (Берлин). М.; Берлин; Мюнхен, 1996. С. 157–162.
- Финогенов В. Ф.* Русская эмиграция в начале 1920-х гг. и Советская Россия // Русские в Германии (1914–1933). Сб. научн. ст. СПб., 1995. С. 39–40.
- Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском университете. Paris, YMCA-PRESS, Сор. 1983. Vol. 1: 1921–1923. 422 с.
- Хенце Ш.* Русская эмиграция в Германии 1918–1941 // Отечественная история. 1995. № 6. С. 209–211.
- Хроника литературной жизни русского зарубежья. Германия (1920–1923) // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 8. С. 308–342.*
- Хроника литературной жизни русского зарубежья. Германия (1924–1925) // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 9. С. 320–337.*
- Хроника литературной жизни русского зарубежья. Германия (1926–1927) // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 10. С. 342–350.*
- Чернова И.* «Русский Берлин»: Новые материалы // Вопросы литературы. М., 1990. № 8. С. 247–254.
- Черчилов Р. Е. Ф. А. Степун и культурная жизнь русской эмиграции в Берлине // Культура и личность. СПб., 2006. С. 158–170.*
- Чистова Б. Е.* Берлинские поездки и встречи Маяковского // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 1957. Т. 6. № 1.
- Шерман С.* Записки Русского института. Кн. 3. 1925 // Руль. 1925. 21 окт.
- Шкловский В.* Зоо, или письма не о любви // Жили-были. М., 1966. С. 165–256.
- Шлегель К.* Русская эмиграция в Германии 1918–1941 // Россия и современный мир. 1995. № 1.
- Элькин Б. Ю. И. Айхенвальд (некролог) // Последние новости. 1928. 22 дек.*
- ЭРВЭ.* Народные университеты в Берлине // Руль. 1930. 25 апр.
- Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга первая и вторая. М., 1961.
- Юниверг Л. И.* Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 69. С. 122–133.

Персоналии

АДАМОВИЧ Георгий Викторович (псевд.: Сизиф, Ю. Суцев; 1892–1972), поэт, критик; член петроградского «Цеха поэтов». Эмигрировал в 1922; с 1923 жил во Франции. В 1920–1930-е был ведущим критиком парижских газет и журналов «Встречи» (соредактор), «Последние новости» (с 1928 по 1940), «Звено», «Иллюстрированная Россия». Сотрудничал в «Благонамеренном», «Новом доме», «Новом корабле», «Новоселье», «Сатириконе», «Современных записках», «Числах». Во время войны поступил добровольцем во французскую армию. В 1945–1948 регулярно помещал рецензии и обзоры в «Русских новостях», в 1946 участвовал в «Русском сборнике», в дальнейшем печатался в «Русской мысли», а также в мюнхенских и нью-йоркских изданиях («Воздушные пути», «Мосты», «Новый журнал», «Опыты», «Старые — молодым»). За годы эмиграции выпустил два сборника стихов: «На Западе» (Париж, 1939) и «Единство» (Париж, 1967). Наиболее значительные из своих критических и мемуарных эссе объединил в книгах «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955) и «Комментарии» (Нью-Йорк, 1967).

АЙХЕНВАЛЬД Юлий Исаевич (псевд.: Борис Каменецкий, Б. К., Ю. А.; 1872–1928), критик, литературовед. В 1922 был выслан из РСФСР. Жил в Берлине, вел литературно-критический отдел газеты «Руль», печатался в рижском «Сегодня», в «Балтийском альманахе», «Сполохах», «Стругах». Составитель антологии зарубежной поэзии «Якорь». Преподавал в Русском научном институте. Читал курс «Философские направления в русской литературе» в «Религиозно-философской академии» в Берлине. Погиб под колесами берлинского трамвая.

Алданов Марк Александрович (наст. фамилия Ландау; 1886–1957), прозаик, драматург, публицист, критик. В эмиграции с 1919. Был соредктором ежемесячника «Грядущая Россия», выходившего в Париже в начале 1920; позднее сотрудничал в «Современных записках», «Русских записках» и др. В годы войны, переехав из Франции в США, вместе с М.О.Цетлиным основал «Новый журнал». Среди главных произведений — историческая тетралогия «Мыслитель» («Девятое термидора», «Чертов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров», 1921–1927), романы «Ключ» (1928–1929), «Истоки» (1950).

АЛЕКСЕЕВ (наст. фамилия Чарноцкий) Глеб Васильевич (1892–1938), прозаик, критик. В 1919, заболев тифом, покинул Россию на английском корабле, отплывавшем из Новороссийска. Жил в Берлине до 1923. Товарищ председателя литературного содружества «Веретено». Сотрудничал с журналами «Новая русская книга», «Сплохи», «Жар-птица», «Театр и жизнь». В 1923 заведовал редакцией «Издательства писателей в Берлине». 7 ноября 1923 вернулся на родину. В 1938 был арестован и проходил по одному делу с Пильняком, с которым находился в близких дружеских отношениях, и Артемом Веселым. Готовившееся пятитомное собрание его сочинений было закрыто. Автор сборника рассказов «Живая тупь» (1922), книг «Мертвый бег» (1923), «Бабы посиделки» (1923), «Сказки» (1923), «Шуба» (1926), романов «Тени стоящего впереди» (1928), «Роза ветров» (1930–1933), пьес «Макинтош» (1929–1930), «Удар в степь» (1931), «Утро на Онеге» (1934).

АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович (1862–1938), прозаик, журналист, фельетонист. Провел несколько лет в сибирской ссылке за политический фельетон «Господа Обмановы». В Ялте начал печатать роман «Гесперидовы сады». Почетный член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии и Югославии. В 1922 уехал в Италию. Опубликовал в Берлине драматическое произведение «Василий Буслаев» (1922), роман «Жар-Цвет» (1922), повесть «Побег Лизы Басовой» (1922), сб. рассказов «Мечта» (1922), «Восьмидесятники. На заре» (1923), роман «Сестры» (1923), роман «Без сердца» (1923), очерки красного Петрограда «Горестные заметы» (1923), сборник рассказов «Одержимая Русь» (1929). Написаны также статьи-

предисловия к итальянским изданиям произведений Гоголя, Шмелева, Мережковского, Вас. Немировича-Данченко и других русских авторов. Статья «Пути и судьбы русского юмора» опубликована в качестве введения к итальянскому сборнику «За самоваром» (Intorno al samovar). Участник альманахов «Москва» и «Грани».

АМФИТЕАТРОВ-КАДАШЕВ Владимир Александрович (1888–1942, Италия), (1888–1942), публицист, критик, прозаик, поэт, переводчик; сын А. В. Амфитеатрова. Печатался с 1906. Был редактором газеты «Южный курьер» в Ялте, членом литературного объединения «Далиборка» в Праге. В Берлине редактировал альманах «Кубок» (1923), опубликовал сборники рассказов «Зум-Зум» (1923) и «Франчик с хвостом» (1923). Сотрудничал в журнале «Младорусь», газете «Возрождение», «Новое слово». Некролог см.: Новое слово. 1942. 28 марта.

АНИЧКОВ Евгений Васильевич (1866–1937), историк литературы, фольклорист, критик, прозаик; автор сборников статей «Литературные образы и мнения» (СПб., 1904), «Предтечи и современники на Западе и у нас» (СПб., 1910), «Новая русская поэзия» (Берлин, 1923), трудов «Язычество и Древняя Русь» (СПб., 1914), «Христианство и Древняя Русь» (Прага, 1924), «Западные литературы и славянство» (т. 1–2; Прага, 1926). Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В 1901 принимал участие в организации русской Высшей школы общественных наук в Париже. В 1900-е сотрудничал в околосоциалистских изданиях. В 1914 пошел добровольцем в ополчение, позже служил военным цензором; в 1917 был отправлен с русским отрядом во Францию, а затем на Салоникский фронт; закончил войну лейтенантом французской армии. В 1920-е печатался в эмигрантских изданиях («Грядущая Россия», «Новости литературы», «Сполохи»). В 1920 стал профессором Белградского университета, в 1926 — университета в Скопье. Автор вступительной статьи к Собранию сочинений А. Куприна (Берлин, 1921), Участник сборника «Православие и культура» (Берлин, 1922).

АННЕНКОВ Юрий Павлович (псевд.: Б. Темиряев; журнальная графика под псевд. Шарый; 1889–1974), график, живописец, театральный

художник, критик, прозаик, мемуарист. В 1911–1912 учился в Париже у М. Дени и Ф. Валлотона. В 1913–1917 рисовал для петербургских журналов «Сатирикон», «Солнце России» и др. В 1916–1923 выполнил серию портретов деятелей русской культуры. Много работал как художник книги, в 1918 оформил «Двенадцать» А. А. Блока для издательства «Алконост». С 1919 выступал в периодике со статьями о театре, в 1923 опубликовал первую повесть. Выехал из СССР в 1924, поселился в Париже. В 1920–1930-е регулярно печатался в «Современных записках», провел ряд персональных выставок в парижских галереях, в качестве сценографа сотрудничал с известными русскими и французскими труппами. В 1930-е увлекся кинематографом, создал декорации и костюмы к нескольким десяткам фильмов, с 1945 по 1955 возглавлял «Синдикат техников французской кинематографии»; в 1950-е получил премию «Оскар». В 1965–1966 выпустил два тома мемуаров — «Дневник моих встреч. Цикл трагедий».

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт, драматург, критик, переводчик, педагог. В 1879 окончил Петербургский университет по словесному разряду историко-филологического факультета со степенью кандидата и правом преподавать древние языки и до конца жизни служил по ведомству Министерства народного просвещения. В 1890-е выступал со статьями о Гоголе, Лермонтове, Гончарове, Майкове. В 1906 выпустил сборник литературно-критических статей «Книга отражений». В 1909 входил в число ведущих сотрудников литературно-художественного журнала «Аполлон» (стихи, статья «О современном лиризме»).

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Василий Гаврилович (1868–1948), магистр богословия, бывший член Учредительного собрания, заместитель председателя Общества русской общественной библиотеки и совета Русского заграничного архива в Праге. Опубликовал книгу «Катерина Бреншковская» (Прага; Ужгород), статьи «Современная деревня в художественной литературе», «От Гаршина до Ремарка» и др. В 1934 получил премию на литературном конкурсе Союза русских писателей в Югославии за рассказ «Сестры-березы». Сотрудничал в журналах «Воля России», «Живая мысль», газете «Дни» (Берлин, затем Париж).

АРЦЫБАШЕВ Михаил Петрович (1878–1927), прозаик, драматург; автор романа «Санин» (журнальная публикация — 1907; три отдельных издания — 1908). До революции выпустил два десяти томных собрания сочинений. Эмигрировал летом 1923, жил в Варшаве, принял польское гражданство. Редактировал газету «За свободу!», издал «Записки писателя».

АШУКИН Николай Сергеевич (1890–1972), прозаик, критик. Составитель «Библиографии Блока», автор сборника стихов «Шкатулка с музыкой», романа «Колокол в тупике», состоял в переписке с А. Куסיковым.

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, эссеист, критик, переводчик; один из зачинателей русского символизма. С 1902 подолгу жил за границей, в основном в Париже (в том числе в 1906–1913 на положении политического эмигранта). Революцию встретил в Москве, откуда в 1920 сумел выехать в зарубежную командировку. В 1921 окончательно поселился во Франции. Печатался в газетах «Возрождение», «Голос России», «Дни», «За свободу», «Последние новости», «Россия и славянство», «Руль», «Сегодня», журналах «Воля России», «Годы», «Жар-птица», «Иллюстрированная Россия», «Окно», «Перезвоны», «Своими путями», «Современные записки», «Сполохи», в ряде сборников и альманахов. В 1920–1930-е выпустил более двух десятков своих книг (стихи, поэмы о России, автобиографическая проза, очерки, переводы). В Берлине издал «Сонеты солнца, неба и луны» (1921) и «Зовы древности» (1923). Умер в старческом доме в Нуази-ле-Гран.

БАРАЦ Герман Маркович (1838–1922), киевский присяжный поверенный, исследователь по истории права, автор ряда работ об источниках русского права. Жил в Киеве.

БАХРАХ Александр Васильевич (псевд.: Кириллов Кир., 1902–1987), критик, журналист, мемуарист. В эмиграции с 1920 (Варшава, Париж, с 1922 Берлин, с 1923 Париж). Печатался в «Возрождении», «Воле России», «Днях», «Современных записках», «Числах». В 1939 поступил добровольцем во французскую армию. В 1940–1944 жил у И. А. Бунина, о котором впоследствии написал воспоминания. После войны сотрудничал в просоветской газете «Русские ново-

сти»; в 1950–1960-е работал в Мюнхене на радио «Свобода». Умер в Париже.

Белый Андрей (наст. фамилия, имя и отчество Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934), поэт, прозаик, философ, теоретик символизма. В 1899–1903 учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, в 1904–1906 посещал лекции на историко-филологическом факультете, автор романов «Серебряный голубь» (1910), «Петербург» (1913–1914). Октябрьскую революцию приветствовал как «святое безумие» в поэме «Христос воскрес» (1918). В 1921 выехал из России по личным делам, а также с целью издания своих книг и для организации в Берлине отделения «Вольфила». Редактировал журнал «Эпопея», вместе с Ходасевичем и Горьким — «Беседу». В Берлине опубликовал и переиздал «Первое свидание» (1921), «Стихи о России» (1922), «После разлуки» («Берлинский песенник», 1922), «Возврат» (1922), «Записки чудака» (2 т.; 1922), «Глоссолалию» (1922), «Петербург» (1922), «Сирин ученого варварства» (по поводу книги Г.Иванова «Родное и вселенское», 1922), «На перевале» (1923).

Бем Альфред Людвигович (1886–1945?), литературовед, критик, переводчик, педагог. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, с 1910 работал в Рукописном отделе Императорской Академии наук. С началом гражданской войны переехал в Киев, в 1920 эмигрировал. Жил в Белграде, Варшаве, с 1922 в Праге. В пражский период преподавал в Карловом университете и в Русском педагогическом институте имени Я. А. Коменского, вел семинар по изучению Ф. М. Достоевского при Русском свободном университете. Был организатором и руководителем объединения «Скит поэтов» (позднее «Скит»). Помимо четырех сборников «Скита» (1933–1937), редактировал «Вестник русского педагогического бюро» (1927–1931), издания Крестьянской партии (членом которой состоял до 1930), три тома исследований «О Достоевском» (1929, 1933, 1936). Сотрудничал в журналах «Русская школа за рубежом», «Свободная Россия», «Современные записки», «Slavia»; в 1930-е публиковал критические статьи под общим заглавием «Письма о литературе» в газетах «Руль», «Молва», «Меч». Выпустил книги «Тайна личности Достоевского» (1928), «У истоков творчества Досто-

евского» (1936), «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Берлин, 1938) и др. Арестован в Праге органами НКВД 16 мая 1945, расстрелян во дворе тюрьмы Панкрац (по иной версии — вывезен в советский концлагерь).

БЕРБЕРОВА Нина Николаевна (псевд.: Ивелич, 1901–1993), прозаик, поэт, критик, мемуарист; третья жена В. Ф. Ходасевича. В эмиграции с 1922 (Германия, Италия, с 1925 Франция, с 1950 США). В Берлине печаталась в журналах «Беседа», «Жар-птица», «Сполохи». Опубликовала в Берлине переводы книги Р. Роллана «Махатма Ганди» (1924), а также роман «Повелительница» (1932) и биографии П. И. Чайковского (1936) и А. П. Бородина (1938). В парижский период сотрудничала в «Возрождении», «Звене», «Новом доме» (соредактор № 1–2), «Новом корабле», «Русской мысли» (с 1947), «Сатириконе», «Современных записках», «Числах» и др.; отдельными изданиями выпустила романы «Последние и первые» (1931), «Без заката» (1938), Позднее принимала близкое участие в мюнхенских «Мостах» (член редколлегии), нью-йоркских «Опытах» и «Новом журнале».

БЕРЕЖАНСКИЙ Николай Григорьевич (†1935, Рига), бывший секретарь «Нашей старины», редактор журналов «Москва» и «Русская женщина», в 1918 сотрудничал в петроградском «Новом вечернем часе». Эвакуировался в Псков, редактировал «Мою газету», в 1919 редактировал «Рижское слово», после закрытия его начал издавать газету «Народ», которую тоже закрыли. С 1921 сотрудник «Сегодня», «Последних новостей», «Перезвонов», «Русского Эхо», «Слова», читает лекции по истории журналистики в русском народном университете. Автор очерков о старом русском быте, статьи «Латышская литература» (Новости литературы. 1922. № 2). В России им была составлена книга «Сказки Псковского края», в которой по поручению Академии наук и русского географического общества в 1911–1914 собрано более 400 сказок.

Бирюков Павел Иванович (1860–1931), один из ближайших друзей и автор 4-томной биографии Л. Н. Толстого, деятель книгоиздательства «Посредник» и первый хранитель Толстовского музея в Москве (1911–1916). Выпустил книги «Л. Н. Толстой, его жизнь и мировое значение» (Нью-Йорк, 1920), «Л. Н. Толстой — биография» (3 тома;

Берлин, 1923), «Л. Толстой и Восток» (сборник материалов на немецком языке в издательстве «Ротапфель»), «Отец и дочь» (переписка Л. Н. Толстого с его дочерью Марией Львовной; издано там же).

БРЕШКОВСКАЯ Екатерина Константиновна (настоящая фамилия Брешко-Брешковская; 1844–1934), политический деятель. С 1870-х активно участвовала в народническом движении, с конца 1890-х играла видную роль в формировании эсеровских организаций. С 1874 по 1916 неоднократно подвергалась арестам, отбывала наказание в тюрьме, на каторге и в ссылке. В 1917 была членом редколлегии газеты «Воля народа», работала у А. Ф. Керенского в качестве неофициального консультанта. К большевистской революции отнеслась резко отрицательно. В начале 1919 эмигрировала. Жила в США, Франции, Германии, с 1924 — в Чехословакии. Сотрудничала в газете Керенского «Дни». Оставила воспоминания.

БРОДСКИЙ Николай Леонтьевич (1881–1951), литературовед, критик, педагог, редактор.

БУЛГАКОВ Валентин Федорович (1886–1966), толстовец. В 1906 окончил Московский университет. В 1920–1921 участвует в издании религиозно-философского журнала «Истинная свобода». В 1921 член Всероссийского комитета помощи голодающим. Выслан из РСФСР в 1923, жил в Праге. В 1925 — председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1926 стал соредктором «сборника русских писателей в Чехословакии» «Ковчег»; автор «Словаря русских зарубежных писателей». Совместно с Н. А. Еленевым работал над подготовкой словаря русских художников-эмигрантов (издание осуществлено не было). В 1941 как советский гражданин был арестован гестапо. В 1948 вернулся на родину и стал хранителем Дома-музея Л. Н. Толстого.

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич (1891–1940), прозаик, драматург. Учился на медицинском факультете Киевского университета (1911–1916), работал врачом на русско-австрийском фронте и в Смоленской губ. В 1919 во Владикавказе опубликовал первые литературные опыты, с 1921 жил в Москве. В начале 1920-х сотрудничал с берлинской газетой «Накануне», куда регулярно

отправлял фельетоны о московской жизни и рецензии на книги современных прозаиков.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), прозаик, поэт, переводчик; лауреат Нобелевской премии 1933. Дебютировал в печати в 1887, с начала 1900-х участвовал в сборниках «Знания», в 1915 выпустил в издательстве А. Ф. Маркса Полное собрание сочинений в 6 томах. В 1918 уехал из Москвы в Одессу, в январе 1920 отплыл в Константинополь. В дальнейшем жил в Париже и на юге Франции. В 1925–1927 сотрудничал в «Возрождении» (полемические заметки, статьи, дневниковый цикл «Окаянные дни»). Печатался в «Благонамеренном», «Жар-птице», «Звене», «Окне», «Отечестве», «Русской мысли», «Современных записках». Среди книг, написанных в зарубежье, — «Роза Иерихона» (1924), «Митина любовь» (1925), «Солнечный удар» (1927), «Грамматика любви» (1929), «Жизнь Арсеньева» (ч. 1–2; 1930 и 1939), «Освобождение Толстого» (1937), «Темные аллеи» (1943), «Воспоминания» (1950).

Быков П. В., журналист, сотрудник «Нивы».

Василевский Илья Маркович (псевд.: Не-Буква; 1882/1883–1938), журналист, публицист, литературный критик. Выехал из России в 1920, жил в Париже и Берлине, печатался в «Последних новостях», затем примкнул к сменовеховскому движению, опубликовал в «Накануне» ряд антиэмигрантских фельетонов. В 1923 вернулся в СССР. Служил в Лениздате, сотрудничал в советской периодике. Впоследствии был арестован и расстрелян.

Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979), критик, эссеист, историк искусства, поэт, прозаик, мемуарист. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Эмигрировал в 1924, жил в Париже. В 1920–1930-е регулярно публиковал статьи и рецензии во «Встречах», «Звене», «Иллюстрированной России», «Новом граде», «Пути», «Русских записках», «Современных записках», «Числах». Участвовал в деятельности общества «Круг», в 1925–1952 преподавал в Богословском институте св. Сергия (с 1932 профессор). В послевоенный период печатался в «Русской мысли», «Новом журнале» и «Опытах», а также в альманахах и сборниках «Воздушные пути», «Мосты», «Содру-

жество» (стихи), «Старые — молодым». Выпустил книги «Поэзия Ходасевича» (Париж, 1928), «Умирание искусства» (Париж, 1937), «Вечерний день» (Нью-Йорк, 1952), «Задача России» (Нью-Йорк, 1954), «Безымянная страна» (Париж, 1968), «О поэтах и поэзии» (Париж, 1973). Единственный сборник стихов — «На память о себе» (Париж, 1979) — издан посмертно.

ВЕНГЕРОВА Зинаида Афанасьевна (1867–1941), критик, литературовед. В 1921–1923 жила в Берлине в семье переводчика Луизы Флакс. О своем участии в литературной жизни русского Берлина в октябре 1921 писала: «Я здесь уже в таком водовороте событий, точно не выезжала из Петербурга старого времени». В берлинский период сотрудничала с издательствами «Аргонавты» и «Скифы», а также с советским издательством «Всемирная литература», редактировала газету «Голос России».

ВЕТЛУГИН А. (наст. имя, отчество и фамилия Владимир Ильич Рындзюн; 1897 — после 1946), писатель, журналист. В 1921–1922 был постоянным сотрудником газеты «Накануне». Автор книги «Записки мерзавца, моменты жизни Юрия Быстрицкого», посвященной С. Есенину и А. Кусикову (Берлин, 1922). Считал, что имажинизм был глубоко органичен Есенину, и высоко ценил его поэму «Пугачев». Глубокие расхождения В. и Есенина по отношению к жизненным ценностям, родине, революции, искусству очевидны в воспоминаниях о Есенине, где нет реального Есенина, есть лишь В., излагающий внешне «эффектно» те многочисленные легенды о поэте, автором которых в большинстве случаев был сам Есенин. Характерно, что в то время, о котором пишет В., он не был знаком с Есениным. Сопровождал С. Есенина и А. Дункан в поездке по США. Остался в эмиграции. В 1923–1925 был редактором нью-йоркской газеты «Русский голос».

Волковьский Николай Моисеевич (1880–1940), журналист, бывший сотрудник «Нового времени». Один из организаторов петроградского Дома литераторов (1918–1922). Член правления Союза писателей в Петрограде в 1920. В ноябре 1922 выслан из России, поселился в Берлине. С марта 1923 берлинский корреспондент рижской газеты «Сегодня». Член берлинского Союза писателей и журналистов.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Борис Петрович (1877–1954; по другим данным год смерти — 1953), философ. С 1914 доцент, с 1917 профессор Московского университета. В 1922 выслан из РСФСР. В 1925–1940 входил в число ближайших сотрудников парижского религиозно-философского журнала «Путь». Преподавал в Богословском институте св. Сергия (читал курс нравственного богословия). Важнейшие труды эмигрантского периода: «Этика преображенного эроса», «Кризис индустриальной культуры», «Вечное в русской философии».

ГАЛИЧ Леонид Евгеньевич (наст. фамилия Габрилович; 1878–1953), публицист, литературный и театральный критик, поэт, мемуарист. В 1899 окончил физико-математический факультет Петербургского университета. С 1909 приват-доцент кафедры философии Петербургского университета. Эмигрировал в 1918, жил в Берлине, с 1921 — в Париже. Член Русского философского общества. В 1930-е переехал в США. Печатался в «Новом журнале», «Перезвонах», газетах «Новое русское слово», «Общее дело», «Последние новости», «Руль».

ГЕССЕН Иосиф Владимирович (1866–1943), деятель Конституционно-демократической партии, адвокат, издатель, публицист, мемуарист. В 1906–1917 — соредaktor петербургской газеты «Речь». После революции эмигрировал, жил в Берлине. Был одним из основателей и редактором ежедневной кадетской газеты «Руль» (1920–1931), редактировал исторические сборники «Архив русской революции» (1921–1937).

ГИППИУС Зинаида Николаевна (критические статьи и публицистику подписывала также псевд. Антон Крайний; 1869–1945), поэт, прозаик, критик, мемуарист; жена Д. С. Мережковского. В 1906–1908 постоянно жила в Париже. В эмиграции с зимы 1919–1920 (Варшава, затем с 1921 Париж). Была организатором литературных «воскресений» и кружка «Зеленая лампа». В 1920–1930-е сотрудничала в газетах «Возрождение» и «Общее дело», журналах «Встречи», «Новый дом», «Новый корабль», «Окно», «Отечество», «Русская мысль», «Современные записки», «Числа». В 1939 вместе с Мережковским редактировала сборник «Литературный смотр». Выпустила два тома мемуарных очерков «Живые лица» (Прага, 1925), книги поэзии «Стихи. Дневник

1911–1921» (Берлин, 1922) и «Сияния» (Париж, 1939). После смерти Мережковского работала над воспоминаниями о нем.

ГОЛЛЕРБАХ Эрих Федорович (1895–1942), художественный и литературный критик, искусствовед. В начале 1920-х, живя в Петрограде, активно сотрудничал в берлинской эмигрантской периодике. Публиковал статьи по вопросам искусства и литературы в «Новом мире», а также в «Летописи дома литераторов». Начав печататься в 1915, за 20 лет литературной деятельности создал более 30 книг по искусству, писал и на историко-литературные темы — «Город муз» (1927) и «Алексей Николаевич Толстой» (1927). В 1918 научный сотрудник Царскосельской художественно-исторической комиссии, в 1919–1921 работал в отделе по охране памятников искусства и старины, в 1921–1924 научный сотрудник Государственного Русского музея; в последние годы заведовал художественной частью Госиздата в Ленинграде, возглавляя Ленинградское общество библиофилов, был научным сотрудником музея Академии художеств, председателем комитета выставки «Работа Ленинградского общества художников-графиков», действительным членом Всероссийского союза писателей, Общества поощрения художеств, Русского общества друзей книги. В 1921 основал кружок по изучению творчества В.В.Розанова, с которым был дружен. В 1920–1921 читал лекции в петербургском «Пролеткульте» совместно с Вл. Пястом, бр. Гидони и С.Ф.Ольденбургом, учредил «Общество по изучению западной культуры».

ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР А.А., сын Александра Борисовича Гольденвейзера (1875–1961), пианиста и композитора, профессора Московской консерватории.

ГОРНЫЙ Сергей (наст. имя и фамилия Александр Авдеевич Оцуп; 1882–1948), прозаик, поэт, критик, мемуарист; старший брат поэтов Н.А.Оцупа и Г.А.Раевского. По образованию горный инженер. В 1919 примкнул к Белому движению. В 1920 после тяжелого ранения и махновского плена был эвакуирован на Кипр, с 1922 жил в Берлине, с начала 1930-х в Париже, позднее в Мадриде. В эмиграции выпустил несколько книг рассказов и лирических этюдов (среди них «Янтарный Кипр», «Санкт-Петербург», «Ранней весной»), сотрудничал в журналах «Жар-птица», «Ил-

люстрированная Россия», «Сполохи», «Числа», в газетах «Возрождение» и «Сегодня».

ГОФМАН Модест Людвигович (1887–1959), историк литературы, пушкинист, критик, поэт, мемуарист. С 1922 жил в Париже (с 1926 на положении эмигранта). Печатался в «Возрождении», «Последних новостях», «Современных записках».

ГРИФ, автор сборника стихов «На путях огни» (Берлин, 1924).

ГРУЗДЕВ Илья Александрович (1892–1960), критик, литературовед. Окончил филологический факультет Петербургского университета в 1918, с 1914 печатал рецензии, критические статьи, фельетоны. Член сообщества «Серапионовы братья» (носил прозвище «Брат-настоятель»), публиковался в журналах «Узел», «Завтра», «Книга и революция». Известен как биограф и исследователь творчества Горького, а также как текстологический редактор его произведений (этой работе способствовали его знакомство и многолетняя переписка с писателем).

ГУЛЬ Роман Борисович (1896–1986), прозаик, публицист, критик. В годы гражданской войны сражался в рядах Белой армии, участвовал в Ледяном походе. В эмиграции жил в Германии, затем в США. В начале 1920-х входил в число постоянных сотрудников берлинских «Сполохов», «Времени», «Новой русской книги» (статьи, рецензии). С 1956 по 1986 был главным редактором «Нового журнала», печатался в «Новом русском слове».

ГУРВИЧ-ГЛУХОВСКИЙ (Gurvitch) Георгий Давидович (1894–1965), социолог-позитивист, правовед, философ. Учился в Петербурге у Л. И. Петражицкого, работал в Юрьевском (Тартуском) университете. С 1921 жил в Берлине, затем в Париже. В 1920–1930-е сотрудничал в «Современных записках», преподавал социологию и философию права на юридическом факультете Сорбонны, опубликовал книгу «Юридическая практика и плюралистская философия права» («L'Experience juridique et philosophie pluraliste de droit». Paris, 1935). Годы войны провел в США. В 1948 стал профессором Сорбонны, окончательно интегрировавшись во французскую научную среду. В дальнейшем в изданиях русского зарубежья не печатался.

ДАМАНСКАЯ Августа Филипповна (псевд.: А. Вершинина, Арсений Мерич, Арс. Мерич, Мерич, А. Филиппов, подп. также А. Д-ская), прозаик, критик. С февраля 1923 — член правления Профессионального союза русских переводчиков в Германии.

ДИОНЕО (наст. имя, отчество и фамилия Исаак Владимирович / Вульфович Шкловский; 1865–1935), писатель, журналист, литературный критик, переводчик, этнограф, мемуарист. В молодости провел 6 лет в ссылке в Средне-Колымске, обвиненный в нелегальной политической деятельности. В течение 26 лет был постоянным сотрудником газеты «Русские ведомости». С 1896 жил в Англии в качестве лондонского корреспондента этой газеты и журнала «Русское богатство». Член Союза иностранной прессы в Лондоне, член лондонского Комитета освобождения России в 1919–1923. С 1920 член парижского Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Член Англо-русского литературного общества Лондонского Королевского университета, член-корреспондент Института славяноведения, сотрудник пражского Русского заграничного исторического архива, лондонского Русского комитета «Освобождение». Выпустил сборники этюдов «Кровавые зори» (Париж, 1920), «Англия» (Париж, 1920), а также книги «Пустой устой» и «Пестрая книга», роман «Когда Боги ушли» и сборник журналистских статей «По чужим краям». В Берлине печатался в 1923. Сотрудничал с журналами «Современные записки», «Грядущая Россия», «На чужой стороне», «Вольная Сибирь», газетами «Дни» и «Последние новости». Выступал в английской периодике.

Дроздов Александр Михайлович (подп. тж. А. Д., А. Др., Ал. Др., -въ; 1896–1963), прозаик, критик. Сотрудничал в «Вестнике Европы», «Современных записках», «Новой русской книге». Редактор журнала «Сполохи» (Берлин), участник альманаха «Грани». В Берлине опубликовал «Подарок богу» (1921), «Распятие» (1921), «Счастье в заплатах» (1921), «Чертополох» (1921), «Девственница» (1922), сборники рассказов «Езуитушка» (1922), «Антонов огонь» (1923), «Тупая борода» (1924). Автобиографию см: Новая русская книга. 1922. № 3. С. 41–42.

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933), писатель, публицист. Родился в семье священника, Будучи студентом медицинского

факультета Московского университета (1872–1878), примкнул к революционным народникам, стал одним из руководителей московского студенческого движения. Служил земским врачом. За распространение нелегальной литературы был отправлен в ссылку на 3 года. По возвращении вел культурно-просветительскую и литературную деятельность, был врачом в Нижнем Новгороде (1887–1896). С конца 1890-х член редакции журнала «Русское богатство». После Октябрьской революции жил в Москве, работал в амбулатории Кремлевской больницы (1922–1928). Опубликовал «Воспоминания» о писателях и публицистах, содержащие литературные портреты Горького, Чехова, Толстого, Г. Успенского, Анненского, Короленко и др.

Журавская Зинаида Николаевна (наст. фамилия Португалова-Журавская; 1870–1937), журналистка и переводчица, бывший сотрудник «Русской мысли», «Мира Божьего». Некоторое время жила в Панчеве (Югославия), играя ради заработка в оркестре. Перевела и опубликовала за рубежом роман Р. Тагора «Дом и мир», П. Истрати «Репейник Барадана», фламандские легенды Ш. де Костера (Берлин, «Грани»).

Забезинский Григорий Борисович (псевд.: Борский / Барский; ? – 1967), поэт, переводчик. В начале 1920-х в Берлине опубликовал переводы книг Г. фон Гофмансталя «Смерть Тициана» и «Из новой немецкой лирики», П. Луиса «Песни Билитис» (под псевд. Г. Борский). Автор воспоминаний о С. Клычкове.

Завадский Сергей Владиславович (1871–1935), бывший профессор Александровского лицея в Петрограде, сенатор. Профессор Русского юридического факультета в Праге, преподаватель русского языка и литературы в Чешском коммерческом институте. Председатель Комитета по улучшению быта русских писателей, председатель (1923–1924) и почетный член Союза русских писателей и журналистов, руководитель Кружка ревнителей русского языка при Русском свободном университете в Праге. Подготовил к изданию курс гражданского права (общая часть права личности, обязательственные, вещные и наследственные права), монографию «Суд и гражданская свобода в России до большевиков и при большевиках» (для сборника на английском языке о прошлой и новой России), исследования об устоях

правосудия (основные начала судоустройства) и словарь неправильностей русской речи. Опубликовал «Жизнь и дело Т. Г. Масарика» (Прага, 1925), «Заветы Пушкина» (в сборнике «Зодчие русской культуры», Прага, 1926). Редактировал (совместно с В. Ф. Булгаковым и М. И. Цветаевой) литературный сборник «Ковчег», а также перевод Калинникова на русский язык книги К. Чапека «R. U. R.» (Прага, 1925). В Берлине опубликовал рассказ «Нина» (1925). Некролог: *Бем А. Мастер слова. Памяти С. В. Завадского* // *Новь*. 1935. Кн. 8.

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), политический деятель, публицист, прозаик, мемуарист; член ЦК партии эсеров. В 1919 входил в Уфимскую директорию. После захвата власти в Омске А. В. Колчаком выслан в Китай. В 1919 поселился в Париже. Был членом редакционной коллегии пражской газеты «Воля России» (1920–1921), сотрудничал в «Новом журнале», «Новом русском слове», «Новоселье», «Современных записках».

Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988), искусствовед, литературовед, коллекционер, один из редакторов «Литературного наследства» (1931).

Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954), критик, журналист, прозаик, драматург. Окончил Императорский Александровский лицей. Состоял секретарем редакции журнала «Аполлон», до революции выпустил сборник рассказов и написал несколько пьес, шедших на русской сцене. С 1906 — шахматный маэстро. За рубежом опубликовал книгу «Русский театр начала XX века» (Прага, 1924), ряд статей по литературе в журнале «Воля России» («Творческий путь А. Ахматовой», «О современной поэзии», «Парижские поэты» и др.), а также несколько работ о шахматах. В газете «Последние новости» писал для литературно-критического, театрального и шахматного отделов. Сотрудничал в журналах «Воля России», «Театр и искусство», «Новая русская книга», газетах «Дни», «Сегодня».

Иванов Георгий Владимирович (1894–1958), поэт, прозаик, критик, мемуарист; член петербургского «Цеха поэтов». В эмиграции с 1922 (Берлин, с 1923 Париж). В 1927 был избран председателем кружка «Зеленая лампа». В довоенный период сотрудничал

в «Благонамеренном», «Встречах», «Звене», «Иллюстрированной России», «Новом доме», «Сатириконе», «Современных записках», «Числах». С 1955 жил в доме для престарелых близ Ниццы.

ИВАНОВ Федор Владимирович (1892–1923), журналист. Автор сборника статей о новой поэзии «Красный Парнас» (Берлин, 1922). Участник альманаха «Струги». Сотрудник журнала «Новая русская книга», газеты «Голос России». Автор сборника рассказов «Мужицкая Русь». См.: «Накануне». 1923. 19 марта.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК Разумник Васильевич (настоящая фамилия Иванов; 1878–1946), критик. Перед Второй мировой войной жил в Царском (тогда Детском) Селе. В 1941, когда немцы оккупировали пригороды Ленинграда, собрался бежать в Литву (разрешение на выезд получали фольксдойче и все, кто имел родственников в Прибалтике), однако вместо этого был отправлен с семьей в Германию в лагерь для переселенцев. Незадолго до конца войны все же приехал в Литву, но при подходе советских войск был вынужден вернуться в Германию. Умер в Мюнхене летом 1946 от инсульта.

ИРЕЦКИЙ Виктор Яковлевич (наст. фамилия Гликман; 1882–1923), беллетрист. Состоял студентом политехникума в Киеве, университета и Археологического института в Петрограде. Печатается с 1906. В 1910 получил Гоголевскую премию Общества любителей русской словесности. Бывший сотрудник «Речи» и «Вестника Европы». Участник альманаха «Пчелье» и «Калифорнийского альбома», сотрудник журнала «Русское эхо». В 1921 выехал из Петрограда, где читал доклады в Доме литераторов, в Берлин для издания своих произведений: трагикомедии «Мышеловка» (шла на русской сцене в Берлине), «Похитителей огня», «Коварство и любовь». «Наследники», «Холодный угол», «Пленник», «Прибежище».

КАДАШЕВ В., см. Амфитеатров-Кадашев В. А.

КАМЕНСКИЙ Анатолий Павлович (1876–1941), поэт, беллетрист, драматург. Опубликовал пьесы «Леда», «Черная месса», повесть «Студенческая любовь», сборники рассказов «Мой гарем», «Жизнь во сне» (Берлин, 1923).

КАРСАВИН Лев Платонович (1882–1952), историк, философ; брат Т. П. Карсавиной. Преподавал в Историко-филологическом ин-те, в Петербургском ун-те и на Высших женских курсах; в 1916 защитил докторскую диссертацию. В августе 1922 арестован, в ноябре выслан из РСФСР. В эмиграции жил в Германии, с 1926 во Франции (Кламар). Был одним из идеологов евразийства, сотрудничал в ежегоднике евразийцев «Версты» (1926–1928); печатался также в берлинских библиографических изданиях («Новая русская книга», «Русская книга за границей») и в парижском религиозно-философском журнале «Путь». В 1928 переехал в Литву, где занял должность профессора по кафедре всеобщей истории в Каунасском университете. В 1949 арестован в Вильнюсе органами НКВД. Умер от туберкулеза в лагерной больнице в Абези.

КИЗЕВЕТТЕР Александр Александрович (1866–1933), историк, публицист, критик; член ЦК партии кадетов. В 1903–1911 приват-доцент Московского университета. Выслан из РСФСР в 1922. В эмиграции жил в Праге, преподавал в Русском университете. Печатался в берлинской газете «Руль», рижской «Сегодня», в пражском журнале «Своими путями», белградском «Русском архиве», парижских «Современных записках».

Кириллов Кир., см. Бахрах А. В.

КОНДРАТЬЕВ Александр Алексеевич (1876–1967), поэт, беллетрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в канцелярии Государственной Думы. До революции — сотрудник «толстых» журналов, автор романа и двух сборников стихов. За рубежом опубликовал демонологический роман «На берегах Ярыни» (Берлин, 1930), сборник стихов на мифологические темы «Славянские боги» (Ровно, 1936), ряд рассказов и литературно-критических статей. Печатался в сборниках «Антология русской поэзии в Польше» и «Священная лира», в журналах «Русская мысль», «Числа», газетах «За свободу!», «Свобода», «Наша жизнь», «Молва», «Меч», «Русское слово» и др.

КОТЛЯРЕВСКИЙ Нестор Александрович (1863–1925), историк литературы, критик, публицист. Член Академии наук, директор Пушкинского дома при Академии, почетный председатель Дома литераторов

в Петрограде. Провел несколько лет в Берлине и Софии. Опубликовал в Берлине две книги.

КРЕЧЕТОВ Сергей Алексеевич (наст. фамилия Соколов; 1879–1936), поэт, издатель. Бывший присяжный поверенный и гласный Московского губернского земства. Участник мировой и гражданской войн. Печатался с 1903. Основатель книгоиздательства «Гриф», редактор журналов «Золотое руно» и «Перевал», автор ряда сборников стихотворений, вышедших до революции. За рубежом руководил издательством «Медный всадник», печатался в газете «Общее дело». Опубликовал в Берлине сборники стихов «Летучий Голландец», «С железом в руках, с крестом в сердце», «Железный перстень», статью о Л. Андрееве.

КРЫМОВ Владимир Пименович (1878–1968), беллетрист и очеркист, бывший сотрудник «Нового времени», «Вечернего времени», газет «Южные края» и «Русское слово». Редактор-издатель журнала «Столица и усадьба». С 1917 находился в кругосветном путешествии, направляя корреспонденции в американские и японские газеты. С 1921 жил в Лондоне и в Берлине, был занят планом создания в Берлине еженедельного журнала политики, литературы, науки и искусства «Русский обзор». Сотрудничал в «Голосе России», опубликовал в Берлине книги «Богомолы в коробочке» (1921), «Странные рассказы» (1922), «Город-сфинкс» (1922), «Радость бытия» (1923), «Детство Аристархова» (1924), «Бог и деньги» (1926), «Монте-Карло» (1927), «Люди в паутине» (1930), «Барбадосы и каракасы» (1932), «Хорошо жили в Петербурге» (1933), «Дьяволенок под столом» (1933), «Сидорово учение» (1933), «Обрывки мысли» (1938).

КУСИКОВ Александр Борисович (наст. фамилия Кусикянц; 1896–1970), поэт-имажинист, автор сборника «Октябрьские поэмы» (Берлин, 1922). При поддержке А. В. Луначарского в 1921 поехал в Берлин работать в редакции газеты «Накануне». С 1925 жил в Париже, в начале 1930-х отошел от литературы.

ЛАНДАУ Григорий Адольфович (1877–1941), философ, публицист, критик; по образованию юрист. Эмигрировал в 1920 через Финляндию, с 1921 жил в Берлине, с 1938 в Риге. Был постоянным сотрудником газеты «Руль», печатался в «Борьбе за Россию», «Возрож-

дении», «Сегодня», «Числах». В 1941 арестован в Латвии органами НКВД, погиб в заключении.

Лапшин Иван Иванович (1870–1952, Прага), философ, историк, литературовед, психолог, музыковед, профессор философии Петербургского университета (1913–1922). Писал на немецком, французском и чешском языках. С 1920 член Всероссийского союза писателей, в ноябре 1922 был арестован, а затем выслан в Берлин. В январе 1923 переехал в Прагу. Участник литературно-музыкального объединения «Збраславские пятницы» (1923–1925). Профессор Русского юридического факультета, Русского народного (свободного) университета и Карлова университета. Сотрудник Русского научного института, Русского научно-исследовательского объединения, Русского исторического общества в Праге. Член пражского Союза русских писателей и журналистов, председатель Русского философского общества в Праге.

Левинсон Андрей Яковлевич (1887–1933), театральный, художественный и литературный критик, историк балета, переводчик. В 1913 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. До революции печатался в петербургской периодике («Аполлон», «Речь», «Современный мир», «Театр»), с 1918 работал в издательстве «Всемирная литература». С 1920 профессор истории нового балета в Петроградском институте истории искусств. В конце апреля 1921 командирован в Берлин. С 1921 в Париже, член парижского Союза русских писателей и журналистов. Преподавал на русском отделении Сорбонны. Сотрудничал в «Жар-птице», «Русской мысли», «Последних новостях», «Современных записках» (в кн. 9 поместил мемуарный очерк о Н.С.Гумилеве) и во французском журнале «Данс» («Danse»); с 1922 редактировал театральный отдел еженедельника «Комедия» («Comœdia»). На французском языке вышли книги о Л.С.Баксте (1921), М. Тальони (1929), С.М.Лифаре (1934).

Ликиардопуло Михаил Федорович (1883–1925), переводчик, журналист. Бывший секретарь Московского художественного театра, бывший сотрудник «Утра России», «Речи». Выехал из России в 1917. Был корреспондентом названных газет в Петроградском телеграфном агентстве в Стокгольме, в 1918 поступил на греческую дипломатическую службу и заведовал отделами печати

и пропаганды при греческой миссии в Стокгольме в 1918–1919, в Лондоне в 1919–1920, состоял при греческой делегации на Мирной конференции в Париже. С возвращением на греческий престол Константина в 1920 подал в отставку. Поселился в Лондоне и стал постоянным сотрудником по русским и балканским вопросам газеты «Morning Post».

Лозинский Георгий Леонидович (1889–1942), филолог-романист, критик, переводчик; брат поэта и переводчика М. Л. Лозинского. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. После революции эмигрировал, был постоянным сотрудником парижских «Последних новостей» и «Звена».

Лукаш Иван Созонтович (псевд.: Иван Оредеж, Ив. Сазонов, В., И. Л., Л.; 1892–1940), прозаик. Печатался с 1910. В 1916 окончил юридический факультет Петроградского университета. В 1918 примкнул к Белой армии, сотрудничал в газетах белого Юга. В ноябре 1920 эмигрировал из Одессы через Константинополь. Жил в Софии, с 1922 в Берлине. Участник литературно-художественного объединения «Веретено», Член берлинского Союза русских писателей и журналистов. В 1925 переехал в Ригу. Редактировал рижское «Слово», затем в Париже печатался в газетах «Возрождение» и «Свободная речь», в журналах «Жар-птица», «Иллюстрированная Россия», «Русская мысль», «Сполохи». Среди наиболее известных произведений — повесть «Граф Калиостро» (1925), роман «Вьюга» (1936). Член парижского Союза русских писателей и журналистов.

Лундберг Евгений Германович (1887–1956), критик, историк литературы, журналист. Закончил Высшую школу социальных наук в Париже, учился в Женевском и Йенском университетах. В 1920–1924 жил в Берлине, где организовал левонародническое издательство «Скифы», берлинский отдел Госиздата и Гостехиздата. Автор книг «Рассказы» (1909), «Мои скитанья» (1909), «Мережковский и его новое христианство» (1914), «От вечного к переходящему» (1923), «Записки писателя» (1922).

Лунц Лев Натанович (1901–1924) — писатель, публицист. Один из участников группы «Серрапионовы братья» (с 1922).

ЛУРЬЕ Вера Иосифовна (псевд.: В., В. Л.; 1901–1998), поэт, критик, мемуарист; писала также на немецком языке. Участница петроградского литературного кружка «Звучащая раковина». В 1921 приняла латвийское гражданство и через Ригу эмигрировала в Берлин. Печаталась в «Голосе России», «Днях», «Сполохах», была членом берлинского Союза русских писателей и журналистов. В 1938 арестована нацистами, вскоре освобождена, приняла немецкое гражданство и осталась жить в Берлине.

ЛЬВОВ Лоллий Иванович (псевд.: Лол. Ив., Lollius; 1888–1970), поэт, прозаик, журналист, литературный и художественный критик. В 1915 окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1920 эмигрировал в Париж, где сотрудничал в газете «Возрождение». Печатался в журналах «Жар-птица» и «Русская мысль». Член редакционного комитета газеты «Россия и славянство» (1928–1934). В годы Второй мировой войны выступал в пронацистских изданиях, посещал Россию в качестве переводчика. С 1945 жил в Мюнхене, с 1950-х сотрудник русской службы радиостанции «Свобода» и Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене.

ЛЮТЕР Артур Ф., бывший профессор Московских высших женских курсов, в эмиграции жил в Лейпциге. Известен как неутомимый посредник между русской и немецкой литературой, переводчик Лескова, Радищева. В начале 1920-х редактировал книги, вышедшие в издательстве «Bibliographisches Institut» в Лейпциге из серии «Meyer Klassikerausgaben». Первый том — пять шедевров русской драмы. Перевел Грибоедова, Островского, Писемского («Горькая судьбина»), Чехова («Дядя Ваня»).

ЛЯСКОВСКИЙ Алексей Иванович (1883–?), историк литературы, журналист. В эмиграции выпустил книгу «Ф. М. Достоевский: тюрьма, эшафот, каторга, ссылка» (Берлин, 1938), печатался в историко-литературных сборниках «На чужой стороне» («Культурная работа Герцена в Вятке» и др.).

ЛЯЦКИЙ Евгений Александрович (1868–1942), этнограф, фольклорист, историк литературы, поэт. В 1889 окончил минскую гимназию, в 1893 — историко-филологический факультет Московского университета. В конце 1880-х начал печататься как поэт. Первые

научные труды появились в конце 1890-х и представляли собой исследования белорусской этнографии и фольклора. Как критик литературы выступал со статьями о Горьком, Чехове, Вересаеве, Андрееве. Находясь в родственных связях с А. Н. Пыпиным, стал одним из наследников его архива, благодаря чему опубликовал переписку Н. Г. Чернышевского с родными, несколько статей о писателе и а также трехтомное собрание писем Белинского (1914). После 1917 эмигрировал и обосновался в Праге, где стал профессором Карлова университета, позднее был избран почетным доктором Белградского университета. Опубликовал работы «Гончаров. Жизнь, личность, творчество» (Стокгольм, 1920), «Поэзия ищущих и чувствительных. Александр Блок» (Прага, 1922), «“Воскресение” Л. Н. Толстого как художественный памятник» (в сб.: *Der russische Gedanken*. Бонн, 1929; на нем. яз.), «Слово о полку Игореве» (Прага, 1934). В 1937 — председатель Пушкинского юбилейного комитета в Праге. Руководитель издательства «Северные огни» в Стокгольме и «Пламя» в Праге, а также сотрудник итальянских, шведских, французских, финских журналов и газет.

МАКОВСКИЙ Сергей Константинович (1877–1962), поэт, художественный и литературный критик, издатель, мемуарист; сын живописца К. Е. Маковского. Основатель и редактор петербургского ежемесячника «Аполлон», соредaktor журнала «Старые годы». С 1920 жил в Праге. В 1924 один из организаторов литературного кружка «Далиборка». Член пражского Союза русских писателей и журналистов. В 1925 соучредитель художественного общества «Икона». С 1926 в Париже. В 1926–1932 заведовал отделом литературы и искусства газеты «Возрождение». В 1949–1959 возглавлял редколлегию издательства «Рифма». Помимо книг по искусству, выпустил восемь сборников своих стихотворений и два тома мемуарно-критических очерков — «Современники» (1955) и «На Парнасе „Серебряного века“» (1962).

МЕЛЬГУНОВ Сергей Петрович (1879/1880–1956), политический деятель, историк, публицист, мемуарист, издатель; член ЦК партии трудящихся. В эмиграции с 1922 (Германия, Франция). Издавал историко-литературные сборники «На чужой стороне» и журнал «Голос минувшего на чужой стороне» (совместно с В. А. Мякотиным и Т. И. Полнером), входил в редколлегию «Борьбы

за Россию», печатался в парижской и берлинской периодике. В 1949–1954 редактировал журнал «Возрождение». В 1952 был избран председателем Координационного центра антибольшевистской борьбы.

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (1865–1941), прозаик, поэт, драматург, философ, публицист, критик; муж З.Н. Гиппиус. В 1900-е подолгу жил во Франции. В эмиграции с зимы 1919–1920 (Варшава, Висбаден, затем Париж). Был соредктором газеты «Свобода», еженедельника «Меч», сборника «Литературный смотр». Сотрудничал в «Возрождении», «Звене», «Новом доме», «Новом корабле», «Русских записках», «Современных записках», «Числах». Организатор литературно-философского общества «Зеленая лампа». В годы Второй мировой войны печатался в профашистском «Парижском вестнике».

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), политический деятель, историк, публицист; с 1907 председатель Конституционно-демократической партии. Депутат 3-й и 4-й Государственной Думы. В 1906–1917 соредактор газеты «Речь». В 1917 министр иностранных дел Временного правительства. В эмиграции с 1920. Был редактором «Последних новостей» (в 1921–1940) и «Русских записок» (в 1939), соредктором «Звена».

Мориа Андре (наст. имя и фамилия Эмиль Эрцог; 1885–1967), французский писатель, член французской Академии (1938). Родился в семье промышленников, в молодости работал администратором на текстильной фабрике родителей. Участник Первой мировой войны; в годы Второй мировой войны пошел в действующую армию добровольцем. Автор романов из жизни высшего буржуазного общества, литературно-критических эссе, книг по истории, воспоминаний. Всемирную известность ему принесли биографические романы о писателях.

Набоков Владимир Владимирович (до 1940 печатался под псевд. Василий Шишков, В. Сирин; 1899–1977), прозаик, поэт, критик; сын В.Д. Набокова. В 1919 поступил в Кембриджский университет, где изучал русскую и французскую литературы, в 1922 закончил курс с отличием и уехал в Берлин, где жил до конца 1937, затем перебрался в Париж. В 1921–1931 регулярно печатал

стихи, статьи, эссе, рецензии в «Руле». В Берлине в 1923 опубликовал книги стихов «Горный путь» и «Гроздь» (издательство «Грани»), затем в издательстве «Слово» романы «Машенька» (1926), «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (1930), книгу «Возвращение Чорба. Рассказы и стихи» (1930). С 1930 все его романы сначала появлялись в «Современных записках», а потом отдельным изданием. В Берлине выступал и как драматург; автор опубликованных в 1923–1924 в «Руле» и других изданиях пьес «Смерть», «Дедушка», «Скитальцы», «Полюс», драматического монолога «Агасфер». В 1927 в «Руле» был напечатан первый акт пьесы «Человек из СССР». Также в Берлине увидели свет переводы произведений Р. Роллана, Р. Брука, П. Ронсара, П. Верлена, А. Теннисона, Ш. Бодлера, У. Шекспира, А. Мюссе, И. Гете, Л. Кэрролла и др. Участвовал в литературных альманахах «Грани» (поэтическая драма «Скитальцы», эссе «Руперт Брук») и «Медный всадник» (стихи), печатался в «Жар-птице» (стихи, поэма «Крым»), «Последних новостях» (стихи, рассказы, стихотворные переводы), «России и славянстве» (стихи), «Русской мысли» (стихи), «Русском эхе» (проза), «Русских записках» (рассказы, пьесы). В 1940 переехал в США, последние годы жизни провел в Швейцарии.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), энтомолог, политический деятель, юрист, публицист, член ЦК партии кадетов, депутат 1-й Государственной Думы; отец В. В. Набокова. В 1918–1919 министр юстиции Крымского правительства. Весной 1919 эмигрировал (Константинополь, Лондон, Париж, с сентября 1920 Берлин). Стал одним из основателей газеты «Руль». Погиб в Берлине 28 марта 1922 в зале Филармонии во время покушения монархистов на П. Н. Милюкова, которого заслонил своим телом. Похоронен в Тегеле близ Берлина.

Новик Иван Алексеевич (наст. фамилия Новиков; 1877–1959), литератор, критик. В 1900 окончил Московский сельскохозяйственный ин-т, в 1904–1910 увлекался символизмом и мистикой, член правления Всероссийского союза поэтов в Москве, автор повести «Миф». В 1930-е обращается к исторической тематике. Автор стихотворных переводов «Слова о полку Игореве» (1938) и «Задонщины», романов «Из жизни духа», «Золотые кресты», «Дом Орембовских», «Пушкин в изгнании». Друг Б. Зайцева,

прототип Алексея Петровича Христофорова из повести «Голубая звезда» (1918).

ОРЕЧКИН Борис Семенович (наст. имя И. Грязнов), бывший сотрудник «Биржевых ведомостей», в 1918 печатался в киевских газетах «Утро» и «Вечер», в 1919–1920 эвакуировался в Берлин, редактор «Русского эмигранта» и сотрудник «Руля».

ОСИПОВ Николай Евграфович (1877–1934), врач, бывший доцент психиатрии на Высших женских курсах в Москве. Доцент Пражского университета. Опубликовал детские воспоминания Л. Толстого, материалы к теории З. Фрейда (Вена, 1923; на нем. яз.), «О душевных страданиях Л. Толстого» (Вена, 1924; на нем. яз.), «Двойник. Петербургская поэма Ф. М. Достоевского. Заметки психиатра» (в сб.: О Достоевском. 1929), «Толстой и медицина» (в сб.: *Der russische Gedanken*. Бонн, 1929; на нем. яз.), «Новые пути в изучении Достоевского» (*Slawische Rundschau*. 1930).

ОСОРГИН Михаил Андреевич (наст. фамилия Ильин; 1878–1942), прозаик, публицист. Окончил юридический факультет Московского университета. Занимался адвокатурой. Принимал участие в деятельности партии эсеров в 1911, а в 1914 объявил себя масоном. В 1906–1916 работал корреспондентом «Русского слова» в Италии. Печатался с 1885. После Февральской революции состоял председателем Всероссийского союза журналистов и товарищем председателя Союза русских писателей в Москве. В Берлине провел один год — 1922, в 1923 переехал в Париж. Заведовал литературным отделом в «Днях», печатался в «Голосе минувшего», «Последних новостях», «Современных записках» и др. В Берлине опубликована повесть «Из маленького домика» (1922). Во время оккупации уехал в «свободную зону» (г. Шабри); печатался в «Новом русском слове».

ОФРОСИМОВ Юрий Викторович (псевд.: Георгий Росимов; 1894–1967), поэт, детский писатель, литературный и театральный критик. В эмиграции сотрудничал в «Новой русской книге», «Руле», «Русской книге за границей» (статьи, рецензии, хроника под собственной фамилией), «Сполохах» (стихи за подписью Г. Росимов). В 1920-е выпустил в Берлине 15 книг для детей (1922–1924), а также «Стихи об утерянном» (1921) и сборник фельетонов «Театр» (1926).

Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958), поэт, прозаик, критик, мемуарист, биограф Н. С. Гумилева. Был членом петроградского «Цеха поэтов». В 1922 уехал в Берлин. Печатался в берлинских и парижских литературных изданиях: «Беседа», «Встречи», «Жар-птица», «Звено», «Новый дом», «Современные записки», «Эпопея». С 1930 редактор и постоянный автор журнала «Числа». Во время Второй мировой войны был заключен в концлагерь, откуда бежал и принял участие в движении итальянского Сопротивления.

Павленко Петр Андреевич (1899–1951), прозаик. После революции учился в Бакинском политехническом институте, там же в Баку начал печататься. В мае 1920 вступил добровольцем в Красную армию и был принят в партию. В конце 1921 демобилизован по состоянию здоровья и перешел на работу в Закавказский партийный краевой комиссариат. После войны работал в редакциях газет «Красный воин», «Заря Востока» (Тифлис). В 1924–1927 служил в советском торговом представительстве в Турции, побывал в Греции, Италии, Франции. Первый рассказ «Лорд Байрон» написал в 1928 вместе с Б. Пильняком. В Москве работал в журнале «Красная новь», сблизился с литературной группой «Перевал».

Первухин Михаил Константинович (1870–1928), беллетрист. С середины 1900-х жил за границей (Германия, затем Италия). После 1917 сотрудничал в эмигрантской периодике («Эпоха», «Общее дело», «Сегодня», «Жар-птица»). Опубликовал в Берлине книги «Обломки», «Пугачев-победитель» и др.

ПЕТРОВСКАЯ Нина Ивановна (по мужу Соколова; псевд.: Н. Останин; 1879–1928), прозаик, критик, переводчик. В «Огненном ангеле» В. Я. Брюсов вывел ее под именем Ренаты. Уехала из России в 1911, жила в Италии, с 1923 в Берлине, позже в Париже.

Поляков-Литовцев Соломон Львович (наст. фамилия Поляков, печатался также под псевд. С. Литовцев, С. Л.; 1875–1945), журналист, публицист, прозаик, поэт, драматург, переводчик, мемуарист. Кроме русского писал на идиш. В 1910-е поселился в Париже. В начале 1920-х жил в Берлине. С августа 1921 по начало 1922 сотрудничал в газете «Голос России», в 1923 вернулся в Париж.

Член парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1940-е жил в Нью-Йорке.

ПОРТУГЕЙС Семен Осипович (псевд.: В.И.Талин, Ст. Иванович, Ст., Ст.И.; 1880–1944), журналист, публицист, мемуарист; меньшевик. В 1917 сотрудник редакции петроградской газеты «День». В 1918–1920 сотрудник ряда печатных органов на юге России. В 1920 из Одессы нелегально эмигрировал в Кишинев, оттуда переехал в 1912 в Берлин. В 1922–1925 возглавлял меньшевистскую группу «Заря». Член берлинского Союза русских писателей и журналистов. С середины 1920-х жил в Париже. Член парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1940 переехал в Нью-Йорк.

ПОТЕМКИН Петр Петрович (1886–1926), поэт, драматург, прозаик, переводчик, критик. Эмигрировал в 1920 (Кишинев, Прага, с 1924 Париж). Печатался в «Воле России», «Последних новостях», «Руле», выпустил два поэтических сборника.

РОЛЛАН Ромен (1866–1944), французский писатель и общественный деятель, музыковед. Учился в лицее Людовика Великого в Париже, затем поступил в Эколь Нормаль. В студенческие годы увлекся русской литературой, романами Л.Толстого, Достоевского, Тургенева. В 1887 написал Л.Толстому письмо, в котором выражал свою любовь к великому писателю, но оспаривал его взгляды на искусство. После окончания Эколь Нормаль в 1889 уехал в Италию, где много занимался музыкой. Его кумирами стали Бах, Моцарт, Бетховен и Вагнер. В поисках воплощения своего идеала обратился к написанию биографического цикла «Героические жизни», включившего в себя и книгу «Жизнь Толстого» (1911). В 1920-е, живя постоянно в Швейцарии, посещал Вену, Прагу, Берлин. Несмотря на ходившие до европейцев факты террора и репрессий в России, неизменно поддерживал в своих выступлениях советское государство. Переписывался с А.Луначарским. В 1917 состоялось заочное знакомство писателя с М.Горьким, повлиявшее на его мировоззрение.

РОЗАНОВ Василий Васильевич (1856–1919), религиозный мыслитель, критик, писатель, эссеист, публицист. Детские годы провел

в Костроме, Симбирске, Нижнем Новгороде. Окончил со степенью кандидата историко-филологический факультет Московского университета (1878–1882), стал учителем истории и географии Брянской уездной прогимназии. В 1903 переехал в Петербург и занял должность чиновника особых поручений государственного контроля в Департаменте железнодорожной отчетности. В мае 1899 оставил службу и по приглашению А. С. Суворина стал постоянным сотрудником газеты «Новое время», где проработал до ее закрытия в 1917. Видную роль в становлении общественного положения мыслителя сыграли его связи с представителями нового искусства и литературы: его приглашают в журналы «Мир искусства», «Новый путь», «Весы», «Золотое руно», альманах «Северные цветы». Он является соучредителем Религиозно-философских собраний (1901–1903). Всегда считал русскую классическую литературу золотым достоянием всей культуры и цивилизации, но с развитием политической ситуации в России после 1910 стал упрекать ее в том, что она способствовала развалу устоев русской государственности, церкви и народного быта.

Русов Николай Николаевич, прозаик. Автор романа «Первый цвет» (ранее арестованный цензурой за изображение быта подмосковных женских монастырей) и «Любопытство» (1916), сборника статей и философской тетралогии «Credo quia absurdum». В начале 1920-х читал лекции в просветительских учреждениях Красной армии, одновременно работал над составлением «Словаря русских мыслителей». В 1918 руководил газетой «Вертоград» с Розановым и Айхенвальдом, читал лекции об анархизме и на религиозно-философские темы.

Рюмлиг-Некрасова Елизавета Алексеевна (по первому мужу Фохт; 1849–1935), сводная сестра Н. А. Некрасова (намного моложе поэта). После смерти родителей жила в доме брата; оставила воспоминания.

Савельев А., литературный критик, печатался в газете «Руль».

Садовский Борис Александрович (псевд.: Садовский, 1881–1952), прозаик, поэт, критик. Сын нижегородского историка А. Я. Садовского. Окончил историко-филологический факультет Московского

университета (1906), выступал в нижегородской печати. Сотрудничал в журналах «Весы», «Русская мысль», «Северные записки», «Аполлон», газетах «Речь», «Русская молва». Примыкал к символизму, но следовал традиции А. Пушкина и Фета. Известен как автор книги стихов «Самовар» (1914), историко-литературных и историко-фантастических новелл, сборников критических статей «Русская камена» (1910) и «Озимь» (1915). Умер в Москве после долгой болезни.

Сало Ж., см. Эренбург И.

Салтыков Александр Александрович (1865–?), автор сборников стихов «Оды и гимны», «Новые песни» (Мюнхен).

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (часть публикаций появлялась за подписью Д. С. Мирский; 1890–1939), литературовед, критик; один из идеологов евразийства. Сын министра просвещения. В годы гражданской войны участвовал в Белом движении. В эмиграции жил главным образом в Лондоне. Был соредактором евразийского ежегодника «Версты», печатался в еженедельнике «Евразия». Сотрудничал также в «Благонамеренном», «Звене», «Современных записках». Свой капитальный труд по истории русской литературы с древнейших времен по 1925 год выпустил на английском языке в двух книгах: «A History of Russian Literature From the Earliest Times to the Death of Dostoevsky» (London, 1927), «Contemporary Russian Literature. 1881–1925» (London, 1926). В 1931 вступил в английскую коммунистическую партию, в 1932 вернулся в СССР. В 1937 арестован; умер в лагере под Магаданом.

Слоним Марк Львович (псевд.: Борис Аратов, М. Шварц, Б. А., Б. Ар., М. Сл., С.; 1894–1976), литературовед, критик, публицист, переводчик; член партии эсеров, племянник Ю. И. Айхенвальда. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, в апреле–августе 1918 редактировал киевскую газету «Народное дело», затем эмигрировал в Италию, где учился в Институте высших наук (Флоренция, 1919). С 1920 был членом парижского Административного центра ВДО (Внепартийное демократическое объединение). В конце 1920 переехал в Прагу, работал в пражском Земгоре. В 1922–1932 был

соредактором и одним из основных авторов пражской «Воли России». Редактировал также журналы «Новости литературы» (Берлин, 1922) и «Двухнедельник литературы и искусства», «Новую газету» (Париж, 1931), печатался в нью-йоркском «Новоселье», белградском «Русском альманахе», парижских «Последних новостях» и «Современных записках». В 1928 организовал в Париже литературный кружок «Кочевье». Выпустил книги «Портреты советских писателей» (Париж, 1933), «Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present» (New York, 1953), «Soviet Russian Literature: Writers and Problems. 1917–1977» (New York, 1977). Был замешан в деле «Оборонческого движения», арестовывался французской полицией как сочувствующий коммунистам. После войны стал лидером просоветской группы «утвержденцев», преподавал русскую литературу в университетах США, жил в Женеве и Ницце.

СПЕКТОРСКИЙ Евгений Васильевич, профессор Киевского университета, философ права, оставил в Киеве в издательстве «Голос» рукопись книги «Три морали». В 1922 профессор Белградского университета, читал курс лекций на сербском языке «История общественных учений, начиная с 16-го века».

СТАРЫЙ ХРОНИКЕР, см. Лундберг Е.

СТЕПАНОВ Иван Владимирович (1890–1933), публицист, юрист. Участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920-х жил в Брюсселе, возглавлял брюссельскую группу евразийцев. Один из основателей парижского журнала «Утверждения» (1931–1932). Покончил с собой в Брюсселе в ночь на 1 января 1934.

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, публицист, историк, философ. В 1890-е теоретик легального марксизма, в 1901–1905 политический эмигрант; в дальнейшем — видный деятель Конституционно-демократической партии, депутат 2-й Государственной Думы, редактор ежемесячника «Русская мысль» (с 1907). В 1909 выступил в «Вехах» со статьей «Интеллигенция и революция», в 1918 стал инициатором сборника «Из глубины». В период гражданской войны участвовал в работе Особого совещания при генерале А. И. Деникине, был членом правительства генерала П. Н. Врангеля. Из России уехал в 1920. В 1921 во-

зобновил в Софии издание «Русской мысли» (позднее журнал печатался в Праге, Праге — Берлине и в Париже). В 1925–1927 редактировал выходившую в Париже ежедневную газету «Возрождение». В 1927 основал и возглавил еженедельник «Россия» (с декабря 1928 — «Россия и славянство»).

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), журналист, публицист. Из духовной среды, начал печататься в 1858, редактор-издатель петербургской газеты «Новое время».

Сувчинский Петр Петрович (1892–1985), музыковед, музыкальный и литературный критик, публицист, педагог, издатель, один из зачинателей евразийского движения; первым браком был женат на дочери А. И. Гучкова, вторым — на дочери Л. П. Карсавина. Эмигрировал в 1920, жил в Софии, с 1921 в Берлине, с 1925 в Клармаре под Парижем. Возглавлял издательство «Евразия», входил в редколлегию журнала «Версты» и газеты «Евразия». Помимо евразийских изданий печатался в журналах «Вещь», «Путь», «Эпопея». Позже стал сотрудничать во франкоязычной периодике, принял французское гражданство.

Сумский Соломон Гитманович (наст. фамилия Каплун, в печати также Каплун-Сумский; 1891–1940), журналист, социал-демократ (меньшевик). В 1910-е репортер «Киевской мысли». В начале 1920-х владелец берлинского издательства «Эпоха», соредатор журнала «Бюллетени Дома искусств». В дальнейшем жил в Париже, сотрудничал в «Последних новостях».

Талин В. И., см. Португейс С. О.

Татаринов Владимир Евгеньевич (псевд.: В. Е. Т., В. Т., Т.; 1892–1961), литературный и художественный критик, журналист, прозаик. Участник Первой мировой войны. С конца 1919 возглавлял телеграфный отдел Крымского пресс-бюро. В ноябре 1920 из Севастополя эмигрировал в Константинополь. Вскоре через Вену перебрался в Берлин. Был членом берлинского Союза писателей и журналистов, участником литературно-художественного объединения «Веретено» (1922), сотрудником редакции «Руля». В начале 1930-х поселился в Париже. Член парижского Союза русских писателей и журналистов. Сотрудничал в газетах

«Возрождение», «Сегодня». С 1945 печатался в просоветских «Русских новостях».

Толстой Алексей Николаевич (1982–1945), прозаик, драматург. Потомок одного из первых российских графов П. А. Толстого, бывшего также предком А. К. Толстого и Л. Н. Толстого, сын писательницы А. Л. Тургеневой-Толстой, во втором браке муж художницы С. И. Дымшиц-Толстой (1907–1914), в третьем — Н. В. Крандиевской. По окончании Самарского реального училища (1901) поступил в петербургский Технологический институт. Приняв стихийное участие в студенческих волнениях (1905), был вынужден в течение года продолжать образование в Дрездене. Институт в Петербурге закончил без защиты диплома в 1907. В 1908 в Париже общался с русскими художниками Л. С. Бакстом, М. А. Волошиным. В июле 1918 с семьей выехал из голодной Москвы в литературное турне на Украину. Сотрудничал в Осваге. Пережив зиму в занятой союзническими войсками Одессе, эвакуировался на Принцевы острова. Два года прожил в Париже, был соредктором журнала «Грядущая Россия». В 1921 переехал в Берлин. Член берлинского Союза русских писателей и журналистов. С февраля 1922 редактировал литературный отдел издательства «Русское творчество». В 1922–1923 член правления берлинского Дома искусств. С апреля 1922 по июль 1923 соредaktor «Литературного приложения» к газете «Накануне». Редактор альманаха «Молодая Россия» (1923). Участник кружка «Академия прозы». В августе 1923 вернулся в Москву. За время пребывания в Берлине опубликовал, в частности, комедию «Любовь — книга золотая» (1920), роман «Сестры» (1921), повести «Детство Никиты» (1920–1922), «Аэлита» (1923), рассказ «Граф Калиостро» («Лунная сырость»; 1921).

Тукалевский Владимир Николаевич (1881–1936), историк литературы, библиограф. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, был одним из редакторов сборника «Толстовский ежегодник» (1913). Позднее заведовал Славянской библиотекой в Праге, был помощником редактора газеты «Огни». Среди работ — «Библиография в (советской) России» (Прага, 1931; на франц. яз), биография Лермонтова для собрания его сочинений (Берлин, издательство «Слово») и ряд литературных обзоров в журналах «Воля России»,

«Новости литературы», «Новая русская книга», а также в чешских и немецких научных изданиях. В 1935 Академия наук СССР опубликовала его работу, подготовленную еще в 1915: «Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны» (часть 1: 1741–1761). Некролог см.: Ежегодник Славянского института. Прага, 1936.

ФЕДОРОВ Михаил Михайлович, эмигрант. О нем см.: *Костиков*, член Строительного Комитета по возведению православной церкви на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Филиппов А., см. Даманская А. Ф.

ФИШЕР Владимир Михайлович (1885–1941), литературовед, переводчик, публицист, мемуарист. В 1920 эмигрировал в Польшу, жил в Пултуске близ Варшавы. Член варшавского Союза русских писателей и журналистов. Печатался в берлинском «Руле», сотрудничал также в польской периодике. В годы Второй мировой войны арестован, погиб в концлагере.

ФИШЕР Георгий Васильевич (1893–1979), религиозный деятель, богослов, историк; священник. Окончил историко-филологическое отделение Новороссийского университета в Одессе. В январе 1920 эмигрировал в Болгарию. В Софии принял участие в выработке идейной платформы евразийского движения, опубликовал три статьи в первом сборнике евразийцев «Исход к Востоку»; отошел от движения в 1923. С 1922 жил в Праге, получил аспирантскую стипендию в Русском университете, в 1923 защитил диссертацию на тему «Историческая философия Герцена»; вскоре был рукоположен. С 1921 по 1923 регулярно печатался в «Русской мысли». В 1926 переехал в Париж, чтобы преподавать патрологию в Богословском институте св. Сергия. Сотрудничал в журнале Н. А. Бердяева «Путь». Сблизился с лидерами Русского христианского студенческого движения, поддерживал связи с англиканской церковью, с середины 1930-х периодически читал курсы лекций в Оксфорде. В 1937 издал свой главный труд — книгу «Пути русского богословия». В начале войны находился в Швейцарии, затем провел несколько лет в Белграде, в 1945 перебрался в Прагу, откуда вернулся в Париж. В 1948 стал профессором, а позднее деканом Богословской семинарии

имени св. Владимира в Нью-Йорке (до 1955). Работал в Колумбийском, Гарвардском и Принстонском университетах, активно участвовал в экуменическом движении.

ФРАНК Семен Людвигович (1877–1950), философ, публицист, психолог, экономист, литературовед. Преподавал в Петербургском, Саратовском и Московском университетах. В 1922 был выслан из РСФСР. В 1923 стал профессором, в 1931 ректором Русского научного института в Берлине; читал лекции в Берлинском университете. Вместе с Н. А. Бердяевым организовал в Берлине религиозно-философский институт «Академия духовного возрождения». Печатался в журналах «Путь», «Русская мысль». С 1937 жил во Франции, с 1945 в Англии.

ХИРЬЯКОВ Александр Модестович (1863–1940), журналист, беллетрист. Бывший сотрудник В. Г. Черткова в редакции издательства «Посредник». Председатель Союза русских писателей и журналистов в Варшаве. Опубликовал в газете «За свободу!» воспоминания о Л. Толстом, Лескове, Мережковском. Получил первую премию на литературном конкурсе Союза русских писателей и журналистов в Югославии за рассказ «Медведь» (1934), а также третью премию на конкурсе за сочинение слов для гимна русских скаутов. Участник сборника «Антология русской поэзии в Польше». Сотрудник журналов «Зарница», «Сеятель», «Борьба за Россию», газет «Руль», «Молва».

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт, прозаик, критик и историк литературы, переводчик. Родился в семье художника. Его отец происходил из польских дворян, мать — из еврейской семьи. Окончив 3-ю классическую гимназию в 1904, поступил на юридический факультет Московского университета, но вскоре перешел на историко-филологический; курс не закончил по обстоятельствам личной жизни. С 1905 публиковал стихи и критико-библиографические статьи в альманахах и журналах символистов («Гриф», «Золотое руно», «Перевал» и др.). Потрясения революции побудили Х. к поиску корней в русской классической литературе. Наибольшее влияние на него оказали Пушкин, Державин, Тютчев, И. Анненский. В конце 1920 Х. переехал в Петроград, а с 1922 жил за границей, сначала в Берлине, где сотрудничал в журнале «Беседа» М. Горького. С 1923 по 1925

побывал в Праге, Сорренто, Мариенбаде, Венеции, Риме, Турине, Париже, Лондоне, Белфасте. С апреля 1925 жил в Париже. За 17 лет эмиграции был сотрудником многих периодических изданий («Возрождения», «Современных записок», «Воли России» и др.). Постепенно все меньше писал стихов и все более становился критиком. За это время напечатано свыше 400 статей и рецензий, более 80 из них о Пушкине. В 1939 X. составил из газетных и журнальных статей, написанных за последние 15 лет, книгу воспоминаний «Некрополь» (Брюссель, 1939). Там он поместил 9 портретов писателей, которых знал близко (В. Брюсова, А. Белого, М. Горького и др.).

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна (1892–1941), поэт, эссеист. Уехав в мае 1922 в Берлин, затем живя в Чехии и Франции, не только нуждалась материально (не имея даже возможности поселиться в Праге или Париже и ютись по пригородам), но и раздражала значительную часть эмигрантов неуживчивостью своего характера и своим сочувствием большевикам, в котором ее подозревали. Принимала «ближайшее участие» в издании парижского ежегодника «Версты», входила в состав редакции сборника эмигрантской литературы «Ковчег» (Прага, 1926). Печаталась в журналах «Благонамеренный», «Воля России», «Встречи», «Окно», «Русская мысль», «Своими путями», «Современные записки», «Сполохи». В 1939 возвратилась в СССР вслед за мужем С. Я. Эфроном. Покончила с собой в Елабуге.

Цетлин Михаил Осипович (стихи печатал под псевд. Амари; 1882–1945), прозаик, поэт, критик, переводчик, издатель. Родился в богатой семье чайных предпринимателей (на протяжении жизни никогда не испытывал серьезных материальных трудностей). Окончил московскую гимназию Ф. И. Креймана. Из-за болезни (костный туберкулез) в университет не поступал, но получил хорошее домашнее образование, владел основными европейскими языками. Участвовал в революции 1905–1907; член партии эсеров. В 1906 преследовался как член редакционной комиссии книжного издательства «Молодая Россия». Вынужден был эмигрировать во Францию. В Париже публиковал стихи, наполненные любовными мотивами. До 1917 жил во Франции и Швейцарии, печатаясь в российских журналах «Русская мысль», «Новый журнал для всех», «Современный мир», «Вестник Евро-

пы», «Заветы». Узнав о Февральской революции, возвратился с женой на родину, но Октябрьскую революцию не принял и вместе с семьей А. Н. Толстого уехал в Одессу, а оттуда в Париж. В Париже семья открыла литературно-политический салон. Супруги стремились помогать бедствующим эмигрантам (особенно велика их роль в судьбе И. А. Бунина). На «вечерах» собирались не только писатели (А. И. Куприн, В. Ф. Ходасевич, Н. Н. Берберова, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Н. А. Тэффи, Б. К. Зайцев, М. А. Алданов, В. В. Набоков, Р. М. Рильке), но и политические деятели, публицисты (П. Н. Милоков, А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фондаминский, М. В. Вишняк, В. В. Руднев, В. М. Зензинов, Ф. А. Степун). В 1923 Ц. вместе с женой М. С. Цетлиной выпускал «трехмесячник литературы» «Окно», где публиковал беллетристику, стихи и мемуары эмигрантов. Бывал на «воскресеньях» у Мережковского и Гиппиус, участвовал в заседаниях «Зеленой лампы». Был редактором поэтического отдела и постоянным автором «Современных записок», сотрудничал в газете «Последние новости», в журналах «Грядущая Россия» и «Новый дом». В 1942 с М. А. Алдановым основал в Нью-Йорке «Новый журнал». В 1953 посмертно опубликована его книга «Пятеро и другие».

ЧАРСКИЙ Евгений Николаевич (псевд.: Ч-ский Е., 1864–1932), прозаик, драматург, публицист, мемуарист. В эмиграции с 1920 (Константинополь, София, Прага). Сотрудничал в журналах «Борьба за Россию», «Жар-птица», «Русская мысль», «Современные записки», «Сполохи», в газетах «Возрождение» и «Общее дело»; автор книги «Медальоны Ренессанса. Петрарка» (Берлин, 1923).

Чацкий Леонид, автор сборника стихов «Ладья» (Берлин, 1922) и повести «Фантазия лорда Генри» (Берлин, 1922).

ЧЕРНОВ Виктор Михайлович (1873–1952), политический деятель, публицист. В 1920 в связи с решением эсеров перевести издательство партийной литературы за границу покинул Россию. Основал и до октября 1921 редактировал партийный журнал «Революционная Россия» в Ревеле, а потом в Берлине.

ЧЕРНЫЙ Саша (наст. имя и фамилия Александр Михайлович Гликберг; с 1920-х подписывался также А. Черный, Сам по себе, Мечта-

тель; 1880–1932), поэт, прозаик, фельетонист. До 10 лет учился дома; после того как был крещен, поступил в гимназию, но в 1895 вслед за старшим братом бежал в Петербург и был отчислен из гимназии за несдачу экзамена по алгебре. С осени 1900 по 1902 служил в учебной команде 20-го Галицкого полка рядовым из вольноопределяющихся, с 1902 по 1905 работал на Новоселицкой таможене. С 1904 печатался в житомирской газете «Волынский вестник». В 1905 переехал в Петербург, начал сотрудничать в оппозиционных сатирических журналах «Зритель», «Альманах», «Журнал», «Маски», «Леший». В 1907 вместе с женой уехал в Германию, где провел около года, общаясь с немецкими и русскими философами, писателями, учеными. Вернувшись в Петербург, стал одним из поэтических лидеров журнала «Сатирикон», печатая в 1908–1911 циклы сатир «Всемирным духом», «Невольная дань». В марте 1920 с женой уехал в Ковно, а оттуда в Берлин. Сотрудничал в газетах «Руль», «Сегодня», журналах «Сполохи», «Воля России». Заведовал литературным отделом журнала «Жар-птица», редактировал литературный альманах «Грани» (Берлин, 1922–1923). В 1923 в Берлине на средства автора была издана книга «Жажда», повествующая о трудном и горестном пути «под чужим солнцем». В Париже издавал сборник для детей «Молодая Россия» (1927), альманах для юношества «Русская земля» (1928, совместно с В. В. Зеньковским). Регулярно печатался в газете «Последние новости», сотрудничал в возобновленном «Сатириконе», «Зеленой палочке», «Златоцвете», «Иллюстрированной России».

Ч-ский Е., см. Чарский Е. Н.

Чуковский Корней Иванович (наст. имя, отчество и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969), поэт, переводчик, журналист, критик, историк литературы. Детские годы прошли в Одессе. Автор статей и книг о самых знаменитых его литературных современниках: «От Чехова до наших дней» (1908), «Леонид Андреев большой и маленький» (1908), «Книга о современных писателях» (1914), «Футуристы» (1922), «Александр Блок как человек и поэт» (1924), «Две души Максима Горького» (1924). Ему принадлежат труды о Н. Некрасове, Л. Толстом, А. Чехове, Н. Успенском, А. Панаевой.

ШВАРЦ М., см. Слоним М. Л.

ШЕСТОВ Лев Исаакович (наст. фамилия Шварцман; 1866–1938), философ. Выслан из РСФСР в 1922. Жил в Париже, принимал «ближайшее участие» в издании ежегодника «Версты», печатался в журналах «Окно», «Русские записки», «Современные записки», «Числа» (отрывок из книги «Добро зело»).

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), прозаик, литературовед, критик. Родился в семье учителя математики. После окончания гимназии три года учился на филологическом факультете Петербургского университета, параллельно занимаясь скульптурой в художественной школе Л. Шервуда. Первая публикация в журнале «Весна» относится к 1908. Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом 4-й степени, позднее в рядах Красной армии служил помощником начальника подрывного отряда. В 1922 в связи с разгромом партии эсеров эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию, где написал книгу, отразившую жизнь русских в Берлине, — «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923). В 1920-е деятельно участвовал в филологических и литературных объединениях: ОПОЯЗ, «Серапионовы братья», ЛЕФ. Сотрудничал в газете «Жизнь искусства», журнале «Петербург». В начале 1920-х избран профессором Российского института истории искусств. Автор многочисленных исследований по литературе: «О теории прозы» (1925), «Удачи и поражения Максима Горького» (1926), «О Маяковском» (1940), «Лев Толстой» (1963). В течение всей жизни работал над теорией прозы («О теории прозы», 1925, 1983).

Штейнберг Арон Захарович (1891–1975), литературовед. Окончил Гейдельбергский университет в 1919. Был одним из организаторов петроградской Вольфилы. Вместе с М. М. Бахтиным занимался в семинаре по Достоевскому. В 1923 эмигрировал в Берлин. Автор книги «Система свободы Достоевского» (Берлин, 1923) и «Достоевский в Лондоне» («Парабола»), а также статьи «Достоевский и еврейство» (Версты. 1927. Кн. 2). В 1934 поселился в Лондоне. С 1941 возглавлял культурный отдел Всемирного еврейского конгресса. В годы Второй мировой войны стал одним из организаторов исследовательского центра по проблемам геноцида, репараций и лиц без гражданства.

ЭЛЛЕНС (Гелленс) Франц (наст имя и фамилия Фредерик ван Эрманжан; 1881–1972), бельгийский писатель. Сын врача, окончил юридический факультет Гентского университета, работал адвокатом, потом поселился во Франции. Автор романов, критических статей по литературе и искусству. Переводил стихи Есенина, Маяковского, дружил с Горьким. Испытывал сильное влияние Ш. де Нерваля и Достоевского.

ЭНГЕЛЬГАРДТ Борис Михайлович (1887–1942), литературовед. В 1909–1911 изучал филологию в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах. В 1916 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Основные работы посвящены разработке философской методологии литературоведения: «Формальный метод в истории литературы» (1927), «А. Н. Веселовский» (1924). Переводчик и популяризатор зарубежной классики. Погиб во время блокады Ленинграда.

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (псевд.: Ж. Сало, Поль Жослен, И. Э.; 1891–1967), прозаик, поэт, журналист, переводчик, мемуарист. С 1895 жил в Москве. Не окончил гимназию. В 1906–1907 участвовал в революционном движении. В январе 1908 арестован, летом выпущен до суда, в декабре уехал в Париж, жил там более восьми лет, встречался с Лениным, Л. Каменевым, но вскоре отошел от политической деятельности. Стал «свободным художником», посещал поэтические кафе «Клозери де лила», «Ротонда» в Париже, познакомился с будущими знаменитыми художниками и поэтами: Пикассо, Шагалом, Аполлинером. В 1910 в Париже выпустил первую поэтическую книгу «Стихи». Побывал в Италии, Германии, Швейцарии, Голландии. В годы Первой мировой войны стал корреспондентом русских газет «Утро России», «Биржевые ведомости» на Западном фронте. В 1918–1919 жил в Киеве, сотрудничал в местной периодике. В начале весны 1921 получил разрешение выехать за границу в командировку, цель которой — написание романа. После долгой остановки в Риге приехал в Париж, откуда был выслан в Бельгию. В 1922 прибыл в Берлин, где стал соредактором берлинского журнала «Вещь», печатался в «Новой русской книге» и в «Накануне». Там же опубликовал роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922). В 1924 после недолгого пребывания в Москве отправился в Париж, где про-

жил до 1940, сохраняя советское гражданство. Во время войны эвакуировался в Москву вместе с советским посольством.

Яблоновский Александр Александрович (собств. Снадзский; 1870–1934), журналист, окончил юридический факультет Петербургского университета. Занимался адвокатурой. В Москве работал в «Русском слове». Автобиографическая повесть «Гимназические годы» переиздана в Берлине в 1922, рассказ «Филька» — в 1923. Эмигрировал в 1919 (на английском корабле из Новороссийска в Александрию, затем в Берлин и Париж). Сотрудничал в «Возрождении», «Последних новостях», в Берлине в «Руле», «Днях», «Голосе России». С 1922 окончательно переехал в Париж, в 1928 избран председателем Совета объединения зарубежного Союза русских писателей и журналистов в Белграде.

Яблоновский Сергей Викторович (наст. фамилия Потресов; 1870–1929), журналист, театральный критик. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1901 работал в газете «Русское слово», сотрудничал в журнале «Рампа и жизнь». Писал статьи по вопросам драматургии, актерского искусства, русской театральной критики. Автор книги «О театре» (М., 1909), статей о М. С. Щепкине, П. А. Стрепетовой, В. Ф. Комиссаржевской, М. Н. Ермоловой, И. М. Москвине. Руководитель литературных «вторников» Московского художественного театра. В 1917 эмигрировал, в 1920 преподавал русский язык и был председателем педагогического совета русской гимназии в Тель-Эль-Кебуре. Затем переехал в Берлин. Позднее преподавал русский язык и литературу в русской и французской школах в Париже. Сотрудничал в журналах «Иллюстрированная Россия», «На чужой стороне», «Общее дело», газетах «Руль», «Наша речь».

Якобсон Роман Осипович (1896–1982), языковед, литературовед. Учился в гимназии при Лазаревском институте Восточных языков (1906–1914). В 1914 поступил на славянское отделение историко-филологического факультета Московского университета, усвоил принципы школы Ф. Ф. Fortunatova. Исследовал соотношение между звуками и значением на примере французского поэта С. Малларме. В 1915 возглавил Московский лингвистический кружок, в заседаниях которого принимали участие

Маяковский, Пастернак, Мандельштам. В том же году получил Буслаевскую премию в Московском университете, принял активное участие в деятельности ОПОЯЗа. В 1921 выехал в Прагу в составе постпредства РСФСР и не вернулся. В 1923 в Берлине издал книги «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским», «Славянская филология в России за годы войны и революции» (совместно с П. Богатыревым). Участник Пражского лингвистического кружка (1926). После оккупации Чехословакии работал в Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции, в 1941 прибыл в Нью-Йорк. В 1946–1949 профессор славянских языков и литературы и общей лингвистики в Колумбийском университете.

Яценко Александр Семенович (1877–1934), издатель, библиограф, правовед. В 1896, окончив гимназию в Ставрополе, поступил на математический факультет Московского университета, в 1896 перевелся на юридический факультет, который окончил в 1900. В 1909–1913 профессор Юрьевского университета, в 1913 в Москве защитил диссертацию, входил в группу литераторов и филологов, группировавшихся вокруг журнала «Народоправство»; был профессором Пермского университета. В 1919 в составе делегации прибыл в Германию для обсуждения дополнений к Брестскому договору и отказался вернуться на родину. Печатал литературно-библиографические статьи в журналах «Жизнь» и «Русский эмигрант». В 1921 в Берлине начал издавать библиографический журнал «Русская книга» (1921–1923). Принимал активное участие в деятельности берлинского Дома искусств. Готовил к изданию русско-немецкие словари. С 1924 профессор Каунасского университета, где получил должность зав. кафедрой международного права. В начале 1930-х вернулся в Берлин.

Научное издание

Сорокина Вера Владимировна
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РУССКОГО БЕРЛИНА
20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Издание осуществлено за счет средств
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета

Е. Г. Домогацкая
edit@philol.msu.ru

Оригинал-макет и обложка:
Ю. Н. Симоненко

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.1997
Подписано в печать 20.02.2010. Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5
Тираж 500 экз. Заказ №

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета
125 009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.